А. В. Павлова
Н. Д. Светозарова

ТРУДНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ

РУССКО-НЕМЕЦКОГО И НЕМЕЦКО-РУССКОГО

ПЕРЕВОДА

Anthology
PUBLISHERS
Санкт-Петербург

ББК 81.2Нем-7
П12

Рецензенты:

Доктор филологических наук *М. Д. Воейкова*
(Институт лингвистических исследований РАН)

Кандидат филологических наук *Н. С. Бабенко*
(Институт языкознания РАН)

Кандидат филологических наук *Г. В. Снежинская*
(Санкт-Петербургский университет)

Павлова А.В., Светозарова Н.Д.

П12 Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода : справочник. – СПб. : Антология, 2012. – 480 с.

ISBN 978-5-94962-201-8

Настоящая книга представляет собой справочное издание по трудностям перевода с русского на немецкий и с немецкого на русский.

Цель пособия – облегчить работу переводчиков и помочь изучающим иностранный язык углубить свои знания и более успешно справляться с задачами письменной и устной коммуникации, избегать досадных «германизмов» или, наоборот, «русицизмов». Помимо этого, оно поможет профессиональному или непрофессиональному переводчику расширить число вариантов перевода по сравнению с традиционными словарями.

Основными источниками служили живые диалоги, речевые ошибки иностранцев, пресса и телевидение, художественная литература, наиболее популярные словари, этнолингвистические и культурологические справочники, а также учебные пособия по переводу и учебная литература, снабженная комментариями.

ББК 81.2Нем-7

ISBN 978-5-94962-201-8

Памяти
Валерия Павловича Беркова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идея справочника

Идея настоящего справочника зарождалась и оформлялась по мере наблюдения за речевыми ошибками и трудностями, с которыми каждодневно сталкиваются живущие в Германии иностранцы и практикующие переводчики в ситуациях, когда они переводят на неродной язык. Первый толчок к составлению этого справочника дал, сам о том не подозревая, выходец из России, живший в Германии лет пятнадцать практически вне русской языковой среды. Оказавшись в ситуации, вынудившей его заговорить по-русски, он произносил такие фразы, как: *Год был турбулентный; Не будь таким пенетрантным; Почаще улыбайся: тогда у тебя такое энгельское личико; Супруги официально сепарировались; Спрей застывает на стене тонким фильмом; Я человек кулантный.*

Уже эти примеры демонстрируют необходимость уточнить понятие «ложные друзья переводчика». Обычно так называют случаи типа *академик – Akademiker, фильм – Film.* Однако нам хотелось бы расширить круг «ложных друзей» – например, включить в эту категорию слова, которые, будучи заимствованы из другого языка и сохраняя в своей структуре признаки заимствования, заставляют человека, не очень хорошо владеющего языком перевода, предполагать, что в нем имеется такое же или очень похожее слово *(kulant, penetrant),* тогда как в языке перевода эти слова имеют совсем другие соответствия *(любезный, назойливый)*. Ниже мы покажем, что понятие «ложные друзья» может быть расширено и далее, за счет еще нескольких групп слов (см. 3.11).

Постепенно объем интересующих нас примеров и категорий трудностей перевода увеличился, и мы решили со-

здать справочник, охватывающий различные случаи, представляющие по тем или иным причинам затруднения при переводе с одного языка на другой (главным образом, с родного на иностранный). Двуязычных словарей, которые бы позволяли безошибочно осуществлять перевод на неродной язык (так называемых словарей активного типа), не существует, да и возможны ли такие словари, вопрос спорный (см. главу 1). Эту книгу можно рассматривать как дополнение к двуязычным словарям, практическим пособиям по переводу и к учебникам немецкого или русского языка для иностранцев.

Для кого создавался справочник

Справочник предназначен для всех, кому приходится иметь дело с переводом с немецкого на русский и с русского на немецкий. Эта книга задумывалась как поддержка и помощь как профессиональным (в первую очередь начинающим) переводчикам письменных и устных текстов при переводе на неродной язык, так и непрофессиональным переводчикам при переводе в обоих направлениях – на родной или на неродной язык – в тех случаях, когда в языке перевода нет прямого эквивалента для исходного понятия или когда слово или словосочетание в исходном языке может сослужить дурную службу, уводя в сторону от правильного перевода. В этот справочник мы включили и некоторые грамматические трудности перевода: хотя авторы грамматических пособий для иностранцев обычно обращают внимание своих читателей на расхождения между языками и дают советы по переводу тех или иных грамматических конструкций, существует еще множество тонкостей, на которых обычно не заостряется внимание – в частности, из соображений объема. По отношению к грамматикам русского как иностранного или немецкого как иностранного советы, которые содержит настоящий справочник, можно расценивать как дополнительные.

Для простоты мы будем называть нашего читателя переводчиком, не делая различия между профессионалом и человеком, которому приходится выступать переводчиком в каких-либо ситуациях. Для опытного профессионала некоторые сведения в этой книге покажутся избыточными или

тривиальными, но кое-какие немецко-русские и русско-немецкие параллели и его, по всей вероятности, заинтересуют. Для начинающего же переводчика или для непрофессионала здесь собраны советы, которые он вряд ли отыщет в систематизированном виде в каких-либо иных справочных пособиях. Эта книга предполагает, однако, определенный уровень владения иностранным языком, она не может быть использована на начальном этапе знакомства с немецким или с русским. Мы исходим, например, из того, что наш читатель понимает бесперспективность поморфемного перевода и не станет переводить существительное *Ursprung* как **первичный прыжок*, глагол *aufgeben* как **надавать,* а прилагательное *смехотворный* как **lachschöpferisch*. Хотя среди описываемых здесь категорий трудностей перевода и имеется, в числе прочих, категория «ложная подсказка по внутренней форме», слова подобного типа в ней не приводятся: предполагается, что начальные навыки перевода читателями уже освоены.

Мы надеемся, что эта книга пригодится как немцам, переводящим на русский язык, прежде всего, славистам, так и русским, переводящим на немецкий – германистам в России и живущим в Германии русским иммигрантам и немецким переселенцам. Обычно перевод, в особенности письменный профессиональный перевод художественных и специальных текстов, выполняется носителями языка на родной язык: немцы переводят на немецкий язык, русские на русский. Однако русским иммигрантам в самых разных жизненных ситуациях постоянно приходится переводить устные и письменные тексты на немецкий язык, а немцам-славистам, как правило, не удается избежать перевода на русский – это касается как профессиональных переводчиков, так и студентов, и преподавателей.

Своеобразие этой книги заключается в том, что авторам в силу жизненных обстоятельств была уготована редкая удача достаточно глубоко вникнуть в проблемы двустороннего перевода, чтобы иметь возможность передать свой переводческий опыт как немцам, так и русским.

Эта книга, хотя и содержит некоторые теоретические положения, ориентирована в первую очередь на практику. Первые две главы посвящены проблемам двуязычной лексикографии и аспектам переводоведения (на материале русского и немецкого языков в их сопоставлении); в третью главу вклю-

чены разделы, которые отражают ту или иную трудность практической деятельности переводчика – как с русского на немецкий, так и с немецкого на русский. В большинство разделов включены краткие словники, иллюстрирующие соответствующую трудность перевода. Там, где двуязычные словари позволяют достаточно глубоко проникнуть в суть вопроса, мы ограничиваемся лишь немногими примерами (например, в разделах, посвященных идиоматике или «ложным друзьям переводчика»). Там же, где специальных словарей по интересующей нас теме нет, мы даем более подробный список примеров.

Мы не ставили перед собой цель обучения искусству художественного перевода, его приемам и методам. Здесь вообще не обсуждается перевод связных текстов, его особенности, поиск стилистических соответствий, теории эквивалентности, проблематика прагматической и коммуникативной (ситуативной) эквивалентности, а также полноты, адекватности, точности перевода. Об этом написано много учебных и теоретических работ по переводу, часть из которых можно найти в сносках на страницах этой книги. Основная цель авторов – указать на грозящие переводчику «подводные камни» и снабдить читателя несколькими полезными советами, как избежать некоторых переводческих ловушек, но не на материале конкретных текстов, а на обобщенно-абстрактных примерах. Эти примеры не выдуманы, а взяты «из жизни»: заимствованы из журнальных и газетных статей, художественных произведений (главным образом, современных), из реальных диалогов. Однако почти все они лишены контекста и сокращены (упрощены), поэтому их источники указываются лишь в редких случаях. В центре внимания – слово, словосочетание и короткое предложение (как разновидность словосочетания), а также некоторые грамматические конструкции. Можно было бы говорить о том, что здесь рассматриваются чисто языковые трудности перевода, если бы язык не было принято ограничивать словарем и грамматикой. Свободные словосочетания и фразы – это, по строгому определению принятой в лингвистике дихотомии языка и речи, уже речь, следовательно, как только мы переходим на уровень соединения лексем, мы покидаем языковой уровень. Но в то же время мы еще не попадаем на текстово-ситуативный уровень, а оказываемся где-то посередине между языковой системой

и собственно живой речью (текстами). Текстовая прагматика нередко заставляет принимать переводческие решения, не вытекающие из собственно языковой стороны анализируемого объекта: например, по каким-либо неязыковым причинам переводчик может выпустить что-либо из переводимого текста (скажем, из соображений цензуры), заменить имя собственное местоимением, перевести просторечно-разговорное или бранное выражение книжным. Такие случаи, диктуемые факторами, внешними по отношению к лингвистическим аспектам, в этой работе не рассматриваются вовсе. В то же время в нее входят разделы, посвященные культурной специфике перевода, частотности того или иного словосочетания, узусу – и в этом смысле она содержит не только узколингвистические, но и прагматические рекомендации.

Общая теория перевода – наука сравнительно молодая, она начала интенсивно развиваться с конца шестидесятых – начала семидесятых годов прошлого столетия. В ее центре – понятие «эквивалентность»; разные авторы предлагают, как правило, свои теории эквивалентности. Различные теории эквивалентности отчасти расширяют, отчасти отвергают друг друга. Зародившись в рамках прикладной лингвистики, теория перевода от лингвистики довольно быстро отошла и переместилась в некоторое промежуточное пространство между лингвистикой и культурологией. В лингвистике ее более всего заинтересовала теория текста, и некоторые современные теории эквивалентности исходят из прагматики текста, из текстовых жанров. Авторы утверждают (доказывая это на примерах), что одно и то же предложение нередко переводится по-разному в зависимости от назначения текста и от его жанра. Не умаляя достоинств этой позиции и не выражая сомнения в ее аргументированности, заметим, что она не отменяет и не заменяет чисто лингвистической (языковой) стороны перевода: он прежде всего должен быть грамотным. Существуют соответствия, с одной стороны, между лексическими и грамматическими конструкциями исходного языка и языка перевода, с другой – требования, предъявляемые нормой языка перевода. Эти соответствия – базовые, они проявляются вне текстового уровня. Прагматика (ситуативная, коммуникативная задача перевода) и жанр текста могут заставить переводчика изменить что-либо в этих соответствиях: «подогнать» перевод под тип

текста, который будет понятен и близок адресату — например, за счет отказа от архаизмов или от некоторых формулировок, не принятых в данную эпоху или в данной социальной группе. Однако, прежде всего, для переводческой деятельности требуется лингвистическая база*. Ей-то и посвящена эта книга.

Несколько слов о переводе как деятельности

Помимо того, что перевод — это главный путь к взаимопониманию между людьми разных наций и средство знакомства с культурой других народов и стран, у этой деятельности есть дополнительные качества, на которых здесь хочется коротко остановиться.

Занятия переводом напоминают пение в хоре: прислушиваясь к другим, сравнивая, встраиваясь в общее звучание, человек учится не считать себя ни лучше, ни хуже остальных, никого не заглушать, но и не прятаться за чужие спины. Глубоко изучив иностранный язык, отвыкаешь считать свой собственный уникальным и понимаешь, что для выражения одной и той же мысли существуют самые различные способы, что оценки «лучше-хуже», «богаче-беднее», «красивый» или «некрасивый», «великий» или «убогий» для языков бессмысленны и что оценочность к языкам вообще не применима. Что не наступает момента, когда можно сказать «я знаю этот язык в совершенстве» — ни один язык нельзя знать в совершенстве. Что одно и то же явление можно зафиксировать в различных языках с разных сторон, один и тот же объект можно расчленить, раздробить с помощью словарных обозначений на более детальные составляющие или, наоборот, укрупнить, слить его стороны в родовое по отношению к ним понятие. Перевод позволяет посмотреть на известные вещи по-новому и обнаружить в них черты, о наличии которых человек доселе не догадывался. Глубокое знание других языков рассеивает иллюзии о собственной исключительности и отучает от национализма. В этом отношении переводу как деятельности присуща неоценимая воспитательная функция.

---

* Аналогичная точка зрения отстаивается в книге: *Albrecht, Jörn*. Übersetzung und Linguistik. Tübingen, 2005.

Перевод расширяет горизонты, вынуждает углубляться в литературу, музыку, поэзию, географию, этнографию, естественные и точные науки, выяснять, когда жили исторические личности и в чем заключаются их заслуги или преступления перед человечеством. Занятия переводом неизбежно приводят к расширению социальных контактов, помогают находить общий язык с людьми, способствуют развитию организаторских навыков. Перевод учит дотошности, добросовестности, дисциплине, приучает к усидчивости и концентрации внимания. Перевод способствует умению мыслить логически, отделять главное от второстепенного. Перевод развивает память, внутренний слух и чувство языка. Востребованность творческого потенциала переводчика художественных текстов, творческие удачи и находки дарят ему иногда ощущение настоящего счастья.

Сознательно-переводной метод в преподавании иностранного языка

Во все времена преподаватели иностранных языков искали методы более эффективного преподавания и облегчения учащимся механической зубрежки вплоть до полного ее изгнания из дидактического процесса. В итоге этих поисков старые, традиционные методы – сознательного подхода к языку, изучения грамматики, использования переводного метода – отбрасывались, снова брались на вооружение и снова отбрасывались. Они замещались коммуникативным методом, методом изучения языка по речевым моделям, методом изучения языка по картинкам, аудиометодом и многими другими, призванными заменить сознательный подход к изучаемому материалу бессознательно-подражательным. Основным аргументом сторонников бессознательных методик во все времена являлся ребенок, усваивающий язык еще до того, как в нем развивается способность к сознательному анализу. Именно в раннем возрасте усваиваются языки и в ситуациях, предполагающих полное двуязычие или многоязычие.

Коммуникативно-бессознательный метод обучения приносит положительные результаты и тогда, когда ребенок уже вышел из возраста бессознательного усвоения языка. Как правило, чем моложе человек, тем легче обучить его по бес-

сознательно-коммуникативной методике. Эта методика эффективно используется в школе, однако большую роль в ее успешном применении играет не только возраст, но и количество часов иностранного языка в неделю, поскольку она требует постоянного повторения. Вообще в настоящее время установилось некоторое динамическое равновесие между коммуникативными и сознательно-переводными методами, поскольку психологи и дидактики выяснили, что усвоение языка – процесс сугубо индивидуальный, и одним учащимся больше помогает аудиометод, другим речевые модели и визуальные ассоциации, а третьим удается выучить язык при помощи учебника грамматики и занятий переводом. Кроме того, психологами установлено, что научить какой-либо деятельности можно только через эту же деятельность: чтению – через чтение, письму – через письмо, говорению – через говорение. Нельзя научиться говорить, только читая. Сочетание всех этих методик в разной их комбинаторике в зависимости от возраста учащихся, от их способностей, от количества часов занятий иностранным языком в неделю, а также не в последнюю очередь от взглядов преподавателя на методику – отмечает современное состояние преподавания иностранных языков, как в школе, так и в вузах и на языковых курсах.

Таким образом, переводу повезло: он не был изгнан из методики преподавания языков, хотя его сильно потеснили и ограничили другие методы и дисциплины. Наблюдения над речевыми ошибками русских в немецком языке и немцев в русском свидетельствуют о том, что сторонники коммуникативных методов ошибаются, полагая, что, исключая перевод из преподавания, они тем самым исключают его из сознания учащихся. Речевые модели, идиомы, цельные коммуникативные формулы в речевых ситуациях – приветствие, извинение, прощание, поздравление, пожелания здоровья, расспросы о семье или профессии и им подобные – это совершенно необходимые элементы изучения языка. Но и когда учащиеся получают доступ к этим моделям, минуя стадию перевода – например, в ситуации, когда у преподавателя и учащихся нет общего языка – этап мысленного перевода новых речевых формул на родной язык и сравнения с имеющимися в нем аналогами неизбежен, даже если эта стадия скрыта от преподавателя и не осознается самими учащимися. На ней не нужно заострять внимание и останавливаться.

Если сосредоточиться при ходьбе на движении правой ноги, а после нее левой, да еще подключить сюда сопровождающие ходьбу движения рук и внимательно следить за их очередностью, правильностью положения конечностей, размахом, расположением пяток и пальцев, то можно совсем разучиться ходить. Однако иллюзией было бы считать, что все эти движения могут быть выполнены взрослым человеком, вовсе не умеющим ходить, только по аналогии, то есть неосознанно, автоматически и притом корректно. Водить автомобиль тоже нельзя научиться только подражанием: этап освоения педалей тормоза и сцепления и осознанного переключения скоростей неизбежен. Чем раньше он перейдет в стадию автоматизма и чем раньше человек забудет свои страхи, тем выше успех операции по обучению. Успех обеспечивается не только и не столько талантом преподавателя и его методикой, сколько мотивацией и желанием ученика овладеть изучаемым предметом, его способностями, усидчивостью, прилежанием, оптимизмом и умением учиться, а также не в последнюю очередь количеством часов, отпущенных для тренировки. Главная задача преподавателя иностранного языка – избавить человека от страха пользоваться инструментарием чужого языка. Еще лучше было бы с самого начала не допустить, чтобы этот страх в отношении к иностранному языку вообще появился. Для этого имеются специальные эффективные методики: игра, рассказывание историй и сказок, театральные действа, споры и дискуссии на актуальные темы, волнующие не только преподавателя, но и учащихся. Подобная деятельность переключает внимание изучающих язык с того, как сказать, на то, что сказать, и избавляет их от страха сказать что-либо неправильно и показаться смешными. Но эти методики не исключают перевод как неизбежный элемент усвоения чужого языка, он присутствует в сознании по крайней мере в момент сравнения с родным и активизации при говорении на чужом языке. Игровые методики лишь подавляют его, затушевывают, перемещают его на задний план.

Ошибки, которые мы делаем, разговаривая на неродном языке, даже хорошо им владея, – это ошибки перевода. То, что принято называть русицизмами или германизмами, не что иное, как безуспешные попытки буквально передать на другой язык слова и их взаимосвязи в родном языке – а это и есть перевод. Ошибки возникают тогда, когда не усвоена

та или иная коммуникативная модель или когда человек даже не догадывается о ее существовании. Тогда он начинает переводить пословно или даже поморфемно, что чревато ошибками. Количество ошибок возрастает, если человек переутомлен, расстроен, рассеян. В такие минуты переводческая деятельность сознания активизируется, родной язык более заметно выступает из тени сознания и громче заявляет о себе. Скрытый уровень деятельности сознания становится явным. От преподавателя требуется внушить учащемуся мысль, что никакие словосочетания или фразы не переводятся буквально или пословно, что язык изучается целыми блоками, и отдельные слова, хоть и требуют заучивания, в изолированной роли никогда не выступают. В принципе, минимальной единицей заучивания слов должно было бы быть словосочетание. Исключение составляют разве что существительные, если они не являются частью устойчивых словосочетаний, а выступают в предложении в относительно независимой позиции. Учить же глаголы, прилагательные или предлоги изолированно, вне словосочетаний – занятие, заранее обреченное на неудачу.

Следовательно, перевод как переключение кодов – это не только профессиональная деятельность и не только один из видов аудиторных или домашних работ тех, кто изучает иностранный язык. Перевод – это постоянно сопутствующая нам во всех ситуациях использования иностранного языка деятельность, в которой участвует родной язык, как бы хорошо мы ни владели иностранным. Исключение составляет лишь полное двуязычие, при котором переключения кодов во внутренней речи, по-видимому, не происходит или происходит лишь отчасти.

В заключение к предисловию авторы хотели бы выразить глубокую признательность людям, помогавшим им в работе над этой книгой: В.М. Павлову, Е. Людке, Н. Фонтанье, М.В. Безродному, И.А. Васильеву, М.Г. Арсеньевой, Д.В. Тураеву, Л.Э. Найдич, Ш. Аншюц, а также рецензентам: М.Д. Воейковой, Н.С. Бабенко, Г.В. Снежинской.

Глава 1

Некоторые принципиальные проблемы перевода и их отражение в двуязычных словарях

1.1 МОДЕЛЬ СЛОВАРЯ ДЛЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Насколько известно, в настоящее время нет единого словаря, покрывающего все разнообразие трудностей перевода. Имеются общеязыковые немецко-русские и русско-немецкие двуязычные словари, словари ложных друзей переводчика, лингвострановедческие словари, отраслевые (терминологические) словари, словари разговорной лексики, аббревиатур, жаргонизмов. Однако проблемы, с которыми человек сталкивается при переводе, особенно при переводе на неродной язык, словарями решаются лишь отчасти, а во многих случаях не решаются вовсе.

В этой книге мы не дублируем немецко-русские или русско-немецкие словари[1], а освещаем только те случаи, которые обычно в двуязычных словарях и грамматиках не описываются.

1.1.1 Проблемы, возникающие у переводчика при использовании двуязычных словарей

Главным переводческим инструментом является двуязычный или многоязычный словарь. Принято подразделять все двуязычные словари на такие, которые рассчитаны на перевод с иностранного языка на родной (по-русски их называют пассивными словарями, по-немецки Herübersetzungswörterbücher, или passive Wörterbücher), и такие, которые предназначены

для людей, переводящих с родного языка на иностранный (активные словари, Hinübersetzungswörterbücher, aktive Wörterbücher). Немецкий лексикограф Франц-Йозеф Хаусман, занимающийся, в частности, проблематикой двуязычных словарей, отмечает, что подавляющее большинство словарей относится к категории пассивных, помогающих переводить на родной язык и рассчитанных на языковую компетенцию носителей языка. Последняя позволяет переводчику восполнять те или иные словарные пробелы. „Herübersetzende Wörterbücher sind deshalb hochgradig leistungsfähig und selbst kleine und schlechte Wörterbücher können dank der Hilfe durch Kontext und muttersprachliche Kompetenz des Benutzers durchaus hilfreich sein. Anders bei den hinübersetzenden Wörterbüchern, bei denen dem Benutzer die Kompetenz in der Zielsprache fehlt. Das Gesetz der textlichen Unendlichkeit der Äquivalenz wirkt sich hier auf die Richtigkeit und Zuverlässigkeit der mit dem hinübersetzenden Wörterbuch gefundenen Äquivalenzlösung verheerend aus. In der Praxis werden die Funktionsunterschiede zweisprachiger Wörterbücher meist ignoriert“[2].

Пассивное назначение словарей специально в предисловиях к ним не оговаривается, а в предисловии к РНС, например, в качестве адресатов данного словаря указываются русские, а не немцы, то есть косвенным образом содержится ссылка на то, что это словарь активного типа, хотя и оговаривается, что его использование ограничивается «текстами средней степени сложности». Эксперимент показывает, однако, что с помощью РНС нельзя правильно перевести на немецкий даже такие простые короткие фразы, как *На улице слышится плач. – Draußen weint jemand; Я ненавижу этим заниматься. – Ich hasse diese Beschäftigung; Diese Beschäftigung ist mir verhasst*. Переводчик не сумеет перевести эти предложения по той простой причине, что в двуязычных словарях принята традиция сохранять частеречную принадлежность оригинала: для леммы *плач* РНС предлагает переводы *Weinen, Klage,* а для леммы *заниматься* только глагольный перевод *sich beschäftigen*. Данные же примеры требуют перевода иными частями речи, нежели те, что включены в исходный текст.

Хаусман констатирует: двуязычные словари в их традиционном исполнении являют собой пассивное подспорье при переводе на родной язык. Однако этот итог не отражает замысла авторов словарей, составляющих их, несомненно, как для пассивного, так и для активного применения. Что же мешает им стать активным инструментом в переводческой деятельности?

Рассмотрим традиционные двуязычные словари с позиции их активного использования: немецко-русский немцами, а русско-немецкий русскими.

Одна из основных проблем, с которой сталкивается человек в процессе изучения языка и перевода на изучаемый язык с помощью словаря, заключается в том, что часто невозможно выбрать из списка слов, предлагаемых переводным словарем в качестве синонимов для перевода, единственно подходящее. Например, для прилагательного *веселый* РНС предлагает список синонимов: *lustig, fröhlich, heiter, amüsiert, amüsant, witzig*. Можно ли любое из этих слов заменить любым другим в любом контексте? Если нет, то почему? Какое скорее можно заменить каким, а какое можно использовать только в специфическом контексте и только в определенных словосочетаниях? Словарь ответов на эти вопросы не дает. Глагол *чистить* (а также *почистить, вычистить, очистить, расчистить*) переводится набором глаголов *putzen, reinigen, säubern, bürsten, aufräumen, pellen, schälen*. Который из этих вариантов выбрать, когда хочешь перевести фразы *Брюки в химчистке плохо почистили* или *Надо расчистить дорожку от снега?* Можно ли одинаково перевести слово *чистить* в сочетаниях *чистить ботинки, чистить картошку, чистить ковер, чистить пальто?* Глагол *verraten* переводится как *выдавать, предавать*. Но *sich verraten* – только *выдавать себя,* а не *предавать себя*. Из словаря этих сведений не извлечь. Прилагательное *женский* будет переводиться в зависимости от сочетаний с ним как *weiblich, Damen-, Frauen-* или *Mädchen-: женский монастырь – Frauenkloster; женский пол – weibliches Geschlecht; женская гимназия – Mädchengymnasium; магазин женской одежды – Damenkonfektion*. Можно утверждать, что любая сочетаемость влияет на перевод, а для немецкого, в силу особенно-

стей его словосложения, речь идет в том числе и о сочетаемости на морфемном уровне: *Bienenschwarm – пчелиный рой; Fischschwarm – косяк рыбы; Vogelschwarm – птичий клин, птичья стая.* Встречаются почти курьезные случаи, которые требуют от переводчика специального запоминания и особого внимания: так, словосочетания *gute drei Jahre, gute zehn Minuten, gute fünf Stunden* переводятся на русский дословно: *добрых три года, добрых десять минут, добрых пять часов,* – а в сочетаниях *gut ein Jahr, gut eine Stunde* слово *gut* как *добрый* не переводится, можно сказать только *целый год, уже год как* и *целый час, битый час, уже час как.*

Разумеется, составителям словарей известна эта проблема – проблема ориентации среди синонимов и сочетаемости – и в подробном, полном словаре автор старается по возможности облегчить переводчику его задачу, приводя большое количество примеров. Однако возможности словаря ограничены. Так, в НРС в словарной статье к слову *Glück* приводится огромное количество идиоматических и устойчивых словосочетаний, призванных предотвратить возможные ошибки при переводе и покрыть колоссально широкое поле встречаемости этого слова, где оно означает то *счастье,* то *везение,* то *удачу,* то *счастливый случай.* Мы найдем здесь и расхожее немецкое выражение *er hat Glück – ему везет.* Но в предложении *Er hatte Glück, ihre Bekanntschaft zu machen* та же идиома будет переводиться на русский не как *ему повезло,* а как *ему посчастливилось с ней познакомиться.* Этого переводчик из НРС не узнает. Словосочетание *nicht mehr* НРС предлагает переводить как *больше не, более не, уже не* – и это верно для огромного количества случаев употребления этого словосочетания в конкретных контекстах. Но фразу *Er drang nicht mehr in ihn* лучше перевести не при помощи *больше не* или *более не,* а используя словосочетание *не стал: Он не стал допытываться.* А фразу *Das Rauchen ist nicht mehr gesellschaftsfähig* стоило бы перевести как *Курение в обществе нынче не принято,* то есть опять-таки не прибегая к тем способам, которые предлагает НРС. Эти рассуждения никоим образом не должны восприниматься как критика превосходного и высокопрофессионального словаря. Просто даже самый подробный двуязычный словарь не в

состоянии отразить все потенциальные сочетания, и уповать на него как на панацею при переводе нельзя. Это хорошо известно профессиональным переводчикам и не так хорошо известно учащимся – школьникам, студентам, слушателям курсов, зачастую верующим во всесильность двуязычного словаря, подобно тому, как верят катехизису или своду законов.

Неясно, как словарь должен помочь человеку переводить конструкции, которые в принципе могут быть заполнены почти любыми словами. Если кому-либо исполнилось сорок один, пятьдесят один и т. д. год, то русские скажут о таком человеке *ему перевалило за сорок, за пятьдесят* (при этом не говорят *ему перевалило за двадцать* или *за тридцать,* поскольку люди до сорока по традиции считаются молодыми, то есть людьми, которым лет еще немного, а в значении глагола *перевалило* присутствует сема «много»), немцы же говорят в таких ситуациях *er ist in die Vierziger, in die Fünfziger gekommen* (а также и *in die Zwanziger, in die Dreißiger*) – есть ли у словаря возможность отразить эти расхождения? Если да, то как их следует отражать? Предлагая на наименование каждого из чисел, от двадцати до девяноста, подобные варианты? Если какому-нибудь человеку пятьдесят пять, шестьдесят пять или около того, немцы говорят о таком человеке *Mittfünfziger, Mittsechziger.* Эту информацию можно отобразить в немецко-русском словаре – предположим, если наряду со словами давать в словарных статьях распространенные морфемы. Можно представить себе словарную статью *Mitt-* и примеры к ней. Но что делать с переводом обозначений соответствующего возраста с русского на немецкий? На какую лемму предлагать словарную статью? Другой пример. Немцы говорят *Es gibt Lehrer und Lehrer; Es gibt Länder und Länder; Es gibt ...* – в тех ситуациях, когда русские скажут *Учителя разные бывают; Страны разные бывают; ... разные бывают.* На месте многоточия может стоять практически любое существительное во множественном числе, допускающее мыслительную операцию сравнения своих референтов. Немецкое слово *andere(-r, -s)* переводится на русский язык, как известно, словами *другой, иной.* Но выражение *etw. nach dem anderen (ein Schlag nach dem anderen, ein Artikel*

nach dem anderen) можно перевести как тем способом, который выводим из рекомендаций словаря, то есть *один ... за другим (один удар за другим, одна статья за другой),* так и повтором: *удар за ударом, статья за статьей.* Поскольку последняя конструкция может быть заполнена почти любым содержанием, то отразить ее как способ перевода в словаре практически невозможно – непонятно, в какой словарной статье подобный способ перевода можно было бы поместить. *Eine ganz normale Familie* можно перевести не только как *Совершенно нормальная, обычная, стандартная семья* (а именно так мы переведем эту фразу, если будем опираться на словарную статью *normal* в НРС), но и как *Семья как семья,* а фразу *Eine ganz normale Stadt,* соответственно, как *Город как город.* Двуязычный словарь, во всяком случае в его традиционном исполнении, не в состоянии предоставить пользователю информацию о переводческих средствах такого рода, это под силу только теоретическому пособию[3]. Идиоматика, по традиции, если и представлена (в большом хорошем словаре), то главным образом только лексическая. В двуязычных словарях едва ли можно обнаружить примеры синтаксической идиоматики, то есть синтаксические сращения, открытые для заполнения позиций различной лексикой, например, *Нечего тут ... (разглагольствовать, рассиживаться, жаловаться); ... так ... (На озеро так на озеро; Кутить так кутить; Надо так надо); Что бы Вам не ... (зайти к нам в гости, позвонить, написать в газету ...).* Подобные синтаксические формулы не представлены обычно ни в исходном материале, ни в переводном.

Иногда норма языка перевода не допускает употребления одного слова без уточнения, в то время как в исходном языке уточнение не требуется. Вот, например, заголовок немецкой статьи: *Auf welchem Spielfeld darf der Staat mitmischen?* Перевод на русский язык обязательно должен включать вербальное расширение по сравнению с немецким оригиналом: *В каких вопросах государство имеет право вмешаться* – и далее в зависимости от содержания статьи – *в частные дела земель, в частную жизнь граждан, в экономику?* (список вариантов теоретически не ограничен). Даже самый подробный словарь не в состоянии заполнить этот

список возможных дополнений, поскольку они целиком определяются конкретным контекстом. Словарь в лучшем случае лишь укажет на то, что переводчик в принципе может столкнуться с подобной ситуацией.

Редки в словарных статьях в качестве предлагаемого перевода и разговорные формулы: например, глагол *dazwischenreden* переводится НРС только как *вмешиваться в разговор,* в то время как можно сказать и *вставлять реплики кстати и некстати, вставлять реплики к месту и не к месту, встревать в разговор, перебивать*[4].

Недостаточно подробна система стилистических помет. НРС переводит *Köchin* как *кухарка, повариха,* не давая никаких дополнительных комментариев к этим словам, как если бы они являлись взаимозаменяемыми. Конечно, *У нас в столовой отличная кухарка* сказать нельзя, но это известно русскому человеку – а откуда это должен знать немец, которому требуется перевести слово *Köchin* на русский язык? Следовало бы снабдить слово *кухарка* пометами *устар.* или *пренебр.*, а также *шутл.*: например, *Ich bin keine gute Köchin. – Из меня та еще кухарка.*

Нередко слова употребляются в не соответствующих их переводным значениям синтаксических функциях. Например, *akut*, согласно НРС – *острый, неотложный, насущный, первоочередной, животрепещущий, безотлагательный* в роли прилагательного и *остро* – в роли наречия. Но в предложении *Die Banken stehen akut vor der Pleite („Der Spiegel“)* слово *akut* нельзя перевести ни одним из указанных способов, потому что это слово, хоть и является здесь наречием, что само по себе вполне соответствует информации, найденной нами в словаре, выступает обстоятельством образа действия при глаголе *stehen – стоять,* что не согласуется с синтаксической ролью наречия *остро* в русском языке. Переводчику придется выходить из положения таким образом, что он или элиминирует это слово, предположив, что ситуация говорит сама за себя и слово *akut* ничего не добавляет к ее трагизму: *Банки стоят на грани разорения* – или изменит синтаксис, по возможности сохранив лексическое наполнение: *Банки стоят перед острой проблемой грозящего им разорения.* Опираясь на НРС, нельзя перевести и такую, каза-

лось бы, простую и короткую фразу, как *Sie wirkte verzweifelt.* Согласно НРС, *verzweifelt – отчаявшийся, в отчаянии.* Но предложение **Она производила впечатление в отчаянии* не отвечает нормам русского языка, а перевод **Она производила впечатление отчаявшейся,* хотя формально правильный, подозрительно напоминает германизм. Придется выходить из положения, меняя синтаксис: *Казалось, она совсем отчаялась; Лицо ее выражало отчаяние; На ее лице было написано отчаяние.* Словарь не учитывает всех возможных сочетаний и синтаксических ролей переводимых слов. Но он и не может их учесть.

Словари стремятся по возможности сохранить при переводе морфологические свойства оригинала: существительное переводить существительным же, прилагательное прилагательным, глагол глаголом. Эта тенденция нередко оказывается препятствием для успешного использования словаря при переводе, причем не только на неродной, но даже на родной язык – для человека, не очень твердо уверенного в собственном знании иностранного языка. Так, существительное *Durchblick* НРС переводит как *понимание.* Однако в конкретных примерах это немецкое слово используется в словосочетаниях, перевод которых при помощи существительного оказывается несостоятельным: *Er besitzt einen Durchblick in verworrensten Lagen. – Он смотрит в корень даже в самых запутанных ситуациях; Sicher kennen auch Sie Situationen, in denen Ihnen der Durchblick abhanden gekommen ist. – Вам, несомненно, знакомы ситуации, когда Вам изменяет способность прозревать суть вещей; Sie waren es, der hier Durchblick hatte. – Только Вы видели, что к чему; Вы были (как раз) тем человеком, кто прозревал суть дела.* Эти и множество других примеров с немецким существительным *Durchblick* демонстрируют бесперспективность стремления во что бы то ни стало сохранять морфологические свойства слова в языке оригинала при переводе: по сути дела, употребление существительного *Durchblick* в контексте приводит к выводу, что его следует переводить не существительным, а глагольными группами *ориентироваться в ситуации, прозревать суть вещей, глядеть в корень.* Этого может не знать не только немец, переводящий слово

Durchblick на русский язык, но и русский, не слишком свободно владеющий немецким и уповающий на помощь немецко-русского словаря. Прилагательное *christlich,* согласно НРС, – *христианский.* Но при этом по-русски нельзя сказать *христианские студенты,* и немецкое словосочетание *christliche Studenten* необходимо было бы перевести на русский как *студенты-христиане.* Носители русского языка это знают, носители немецкого, изучающие русский, могут этого и не знать, а использование словаря способно спровоцировать ошибку при переводе. РНС предлагает переводить глагол *вести себя* как *sich benehmen, sich verhalten.* Это правильно, но уже при уточнении – как именно вести себя – появляются иные возможности: *вести себя недопустимым образом – auffallen, вести себя тихо – stillhalten, вести себя хорошо – brav sein.* Только такие расширенные до уровня словосочетания возможности позволили бы эффективно использовать словарь при переводе на иностранный язык.

Некоторые слова вовсе не переводятся. Например, русское существительное *образ* в словосочетаниях, где оно выступает как обстоятельство образа действия в комбинации с *самый* (что-либо делается *самым ... образом*) обычно не переводится: *самым жалким образом – kläglichst; самым подлым образом – gemein, schnöde, skrupellos; самым постыдным образом – schmählichst.* Такого рода указаний в традиционных двуязычных словарях нет.

Не в достаточной степени отражается в двуязычных словарях и уровень перевода служебных морфем, например, приставок или суффиксов. Так, немецкие глаголы с приставкой *herum-* часто переводятся на русский язык глаголами с приставкой *раз-/рас-* или словосочетаниями со словами *весь, всякий, всякий-разный, разный, везде, на всех углах, беспорядочно: herumerzählen – рассказывать на всех углах; herumklicken – беспорядочно нажимать на разные клавиши (или кнопки); herumkommandieren – раскомандоваться; herumliegen – разлеживаться; herumnörgeln – разворчаться; herumreisen – путешествовать по разным странам, по всему свету; herumsitzen – рассиживаться.* Если объяснить принцип перевода приставки *herum-,* то можно существенным образом улучшить качество перевода, в том числе для таких

слов, которых нет в словаре, потому что они образуются с продуктивными приставками типа *herum-* ситуативно: *herumentdecken – открывать всякое-разное; herumkochen – всякого наготовить, настряпать всякого-разного; herumübersetzen – переводить все подряд.* Слова по продуктивным словообразовательным моделям создаются носителями языка в самых разных жизненных ситуациях, и словарь мог бы оказать переводчику немалую услугу, если бы более подробно освещал морфологический, а не только лексический уровень. НРС содержит некоторые рекомендации по переводу *herum-* («круговое движение» или «движение в разные стороны») – но их явно недостаточно. Что касается РНС, то в нем морфологический уровень и вовсе отсутствует.

Иногда словарь приводит в качестве леммы глагольную форму и не содержит указания на причастные формы – ни в отдельной словарной статье, ни хотя бы внутри глагольной. Но глагол порой так расходится с образованным от него причастием по семантике, что отсутствие в словаре причастных форм можно рассматривать только как пробел. Так, *обезоруживать – entwaffnen,* а *обезоруживающий* (например, аргументы, улыбка, искренность) – чаще не *entwaffnend,* а *einnehmend, gewinnend. Кричать – schreien, rufen, brüllen,* а *кричащий – auffällig, bunt, kunterbunt.* Как мы видим, переводы глагола и образованного от него причастия ничего общего друг с другом не имеют. РНС причастных форм практически не содержит, поэтому перевод, сделанный человеком, который недостаточно хорошо владеет немецким, заранее обречен на ошибку.

Словарь не предупреждает обычно о расхождении между образованием множественного числа: например, в русском языке слова *информация* или *картошка* множественного числа не образуют, а в немецком образуют и даже употребляются во множественном чаще, чем в единственном.

В немецком языке можно образовать форму женского рода от названий почти всех профессий и социальных ролей: *Kämpferin, Testerin, Politikerin, Präsidentin.* Русский язык свободы подобных образований не допускает; названий профессий и обозначений каких-либо социальных или полити-

ческих ролей в женском роде в этом языке считанные единицы, причем некоторые из них стилистически окрашены как разговорные или сниженно-пренебрежительные: *бухгалтерша, врачиха, докторша, парикмахерша*. О женщинах говорят: *она геолог, депутат, кандидат, канцлер, космонавт, министр, строитель, терапевт*. Следовательно, все эти слова требуют двойного перевода с русского языка на немецкий: *геолог – Geologe, Geologin; министр – Minister, Ministerin*. Это условие русско-немецкими словарями не соблюдается. Нет и обратной перспективы: в НРС приводится лишь небольшое количество наименований женских профессий *(Ärztin, Friseurin, Köchin, Sängerin, Schneiderin)*, но в подавляющем большинстве случаев обозначения женских ролей в обществе в нем отсутствуют, поэтому немец, недостаточно владеющий русским языком, иногда пытается изобретать несуществующую форму женского рода в русском, переводя такие слова, как *Forscherin, Ingenieurin, Psychologin*.

Из-за того, что двуязычный словарь не в состоянии перечислить все в принципе возможные морфологические формы слова – например, однокоренные слова с различными суффиксами или приставками, – переводчик остается в неведении относительно многих стилистических вариантов, которые могли бы разнообразить и украсить перевод, а иногда и приблизить его по стилистике к оригиналу. Так, переводчик отрезан от возможностей перевести *der Alte* не только как *старик*, но и как *старичок, старикан, старикашка, дед, дедок, дедуня, дедуля*.

Некоторые глаголы, выражающие эмоции, в определенных контекстах употребляются как средства вербальной формулировки этих эмоций. Но двуязычные словари этого употребления как будто не замечают. Например, глагол *bedauern*, согласно НРС – *жалеть, сожалеть*. А вот отрывок из текста с этим глаголом: *Der Minister verwies in seiner Rede auf einige gravierende Fehler seitens Stadtverwaltung. Er bedauerte, dass ein Kompromiss nicht gelungen ist*. Глагол *bedauerte* означает здесь не столько эмоцию сожаления, сколько выражение этой эмоции в вербальной форме (министр высказывает в своей речи сожаление – при этом не имеет значения, испытывает ли он его в действительности или нет). Помощь НРС

при переводе приходится отвергнуть. Глагол *bedauerte* требуется перевести здесь или как *(он) выразил сожаление, что ...,* или как *(он) посетовал, что ...*

Переводчик не может не сделать ошибку, если будет полагаться на НРС при переводе, например, такого пассажа: *Wir fahren bald aufs Land. Warum wohnen Sie nicht bei uns, solange wir weg sind?* Следуя указаниям словаря, этот отрывок следует перевести как *Мы скоро уедем на дачу. Почему Вы не живете* (или *не проживаете*) *у нас, пока нас нет?* В действительности вторая фраза должна переводиться как *Почему (бы) Вам не пожить у нас, пока нас нет?* НРС не предлагает для перевода глагола *wohnen* варианта *пожить,* и этот пробел может привести не просто к стилистическому сбою, а к фактологической ошибке. Глагол *herrschen* переводится в НРС как *царить (например, о тишине).* В таком случае отрывок текста *Es fiel ein Schuss. Dann herrschte Stille* требовалось бы перевести как *Раздался выстрел. *Потом царила тишина.* На самом же деле перевод должен содержать глагол совершенного вида с приставкой, обозначающей зачин: *Потом воцарилась тишина.* С другой стороны, можно ли требовать от самого подробного словаря перечня всех возможных морфологических вариантов однокоренных слов? Объем словаря вырос бы из-за этого в несколько раз, и словарь стал бы неудобным в обращении.

Один из серьезнейших недостатков двуязычных словарей для немцев, изучающих русский язык, – пренебрежение к глагольным видам. Даже для людей, превосходно владеющих русским, проблематика русского грамматического вида глагола (Aspekt) – одна из наиболее сложных. И дело не только в том, что немцы делают грамматические ошибки. Дело еще и в том, что иные глагольные виды важны как для дифференциации действий законченных и незаконченных, так и для смыслоразличения. Так, немецкий глагол *verdursten* означает и *умереть от жажды,* и *умирать от жажды.* Разница между видами одного глагола в русском языке не только и даже не столько грамматическая, сколько фактическая: одно дело – человек действительно умер, а другое – умирал от жажды, но остался жив. НРС предлагает для *verdursten* два варианта перевода: *1. умирать от жажды*

2. изнывать от жажды. Если из текста ясно, что речь идет не об изнывающих людях, а о погибших, и если воспользоваться предлагаемым НРС переводом в первом значении, то есть применить на практике лишь несовершенный вид глагола, то смысл фразы окажется полностью искажен: *Fünfhundert Menschen verdursteten. – Пятьсот человек умирали от жажды.* Для контекста, в котором речь идет о гибели пятисот человек, этот перевод будет не грамматически, а фактологически неверным.

Двуязычные словари редко дают справки культурологического или прагматического характера. НРС, например, подробно перечисляет различные возможности перевода многозначного и чрезвычайно распространенного в немецкой речи глагола *kommen*. Если переводить предложение *Signal kommt* полагаясь на рекомендации НРС, то следовало бы сказать *Сигнал последует; Сигнал поступит.* Однако если речь идет о надписи на кнопке регулируемого пешеходами светофора, то в российской традиции аналогичная надпись гласит *Ждите сигнала,* и потому в подобной речевой ситуации переводить *Signal kommt* следует именно таким образом, – несмотря на то, что в немецком предложении нет глагола *warten – ждать.* Глагол *лечь* переводится РНС как *sich legen, sich hinlegen.* Если же в условиях обстрела кто-то кричит *Ложись!* – призывая кого-то другого броситься на землю или на пол, то *sich legen, sich hinlegen* к такой ситуации не подойдут. По-немецки прозвучит команда *Runter!* Но из двуязычного словаря этой информации не почерпнуть. *Поздравлять,* согласно РНС, – *gratulieren, beglückwünschen.* В ситуации с днем рождения или с получением приза на конкурсе или на соревнованиях эти немецкие глаголы, действительно, годятся. Но с Рождеством или Пасхой немцы вообще не поздравляют, они только желают друг другу *Frohe Weihnachten, Frohe Ostern*. Русские, не знающие об этом, часто попадают впросак, формулируя свои поздравления с этими праздниками как **Ich gratuliere dir zu Weihnachten*. Глагол *ругать* переводится РНС как *schimpfen, schelten, tadeln,* и это совершенно корректно. Но немец не поймет, что значит обращенная к нему просьба *Ты меня завтра ругай с восьми до двенадцати,* если он не знает, что у

слова *ругать* есть еще специфическое, связанное с суеверием, значение *j-m die Daumen drücken, j-m Hals- und Beinbruch wünschen.*

Выражение *toter Winkel,* хотя и переводится на русский язык как *мертвый угол,* по частотности значительно превосходит русский эквивалент, поскольку это выражение в первую очередь связано с правилами вождения автомобиля, а в России лексика вокруг темы автовождения хотя и распространилась в последние приблизительно пятнадцать лет, охватив широкие слои населения, все же по употребительности и степени проникновения в бытовой язык не достигла еще уровня Германии[5]. Это выражение употребляется, например, как метафора в предложении *Ihre Kandidatur ist im toten Winkel entstanden („Der Spiegel")* и предназначено здесь для того, чтобы подчеркнуть непопулярность личности женщины-кандидата среди населения. Перевод этой метафоры с помощью выражения *в мертвом углу* вряд ли удачен: есть основания предполагать, что русский читатель не поймет, о чем идет речь, и не оценит метафоры. Перед нами пример расхождения в культурах, отражающегося не на уровне лексиконов, а по частотности, то есть расхождения чисто прагматического порядка. Некоторые заимствованные из других языков слова имеются и в немецком, и в русском, но опять-таки степень их распространенности различна. Например, прилагательное *didaktisch* допустимо переводить на русский язык как *дидактический,* но значительно чаще в конкретных текстах и словосочетаниях это прилагательное следует переводить как *методический, педагогический* или *преподавательский* – такова традиция. Но поскольку двуязычные словари не содержат ничего, кроме переводов, то сведения о частотности и вытекающей из них степени доступности, ясности и привычности того или иного перевода из них не почерпнуть.

Иногда для перевода требуется изменить форму предложения по цели высказывания: побудительное превратить в вопросительное, вопросительное в повествовательное. Например, простейшее предложение *Вспомни, как ты не любила раньше мед,* побудительное по форме, требует перевода на немецкий язык в виде вопроса *Weißt du noch, dass du keinen*

Honig früher mochtest? Подобных чисто прагматических рекомендаций двуязычный словарь не предлагает. По тем же причинам не получает освещения различная семантика инфинитива в роли императива: в немецком инфинитив как выражение повелительного наклонения стилистически нейтрален *(Bitte den Brief signieren und im Laufe einer Woche zurücksenden.),* в русском же в бытовом и официальном языке неопределенная форма глагола в роли повелительного наклонения воспринимается как резкий приказ, со словом *пожалуйста* согласно речевой норме не соединимый *(Подписать письмо и отослать)* и допустимый разве что в армии. В бюрократическом языке допустима формула: *Просьба подписать и отослать письмо.*

Рамки двуязычного словаря, по крайней мере, в его традиционном исполнении, препятствуют и тому, чтобы показать различия в значениях тех или иных лексем в зависимости от их акцентной позиции во фразе. Так, глаголы *поторопиться* и *поспешить* обладают выраженным негативно-оценочным значением, если стоят под фразовым ударением, ср.: *Она поспешила/поторопилась подать на развод*[6] означает «Она быстро, скоро, поспешно подала на развод», в то время как *Она поспешила/поторопилась подать на развод* означает «Напрасно она подала на развод, не надо было этого делать» (оценка, внешняя модальность). Словосочетание *смотреть не на что* означает «нет ничего, на что стоило бы смотреть», а словосочетание *смотреть не на что* означает «некрасивый, непривлекательный», например, как эстетическая негативная оценка картины, одежды, внешности человека. *Петя переживает кризис* означает «у Пети кризис», а *Петя переживает кризис* означает, что какой-либо кризис, например, семейный, является для Пети тяжелым душевным испытанием. В паре предложений *Мы немного попели. / Мы немного попели* – первое означает «мы пели», а второе – «мы пели недолго, песен мы исполнили мало (а ожидалось, что будем петь много)». Поскольку для некоторых лексем в зависимости от ударной или безударной позиции различаются их значения (что отражается на смысле всего предложения в целом), то и перевод для них различен. Тема взаимосвязи лексического значения и акцентной по-

зиции слова во фразе или в словосочетании могла бы, несомненно, обогатить и уточнить переводы в двуязычных словарях, однако эта тема ждет еще своей разработки[7].

Рамки двуязычного словаря не дают также возможности приводить примеры недопустимой – согласно языковой норме – сочетаемости. Например, *вспышка* (в переносном смысле) переводится в РНС как *Ausbruch*. Это верно, пока речь идет о вспышке чего-либо негативного – холеры, гнева, ярости: *Choleraausbruch, Zornausbruch, Wutausbruch*. Но по-русски можно сказать и *внезапная вспышка нежности, вспышка раскаяния, вспышка стыда*. В переводе этих словосочетаний слово *Ausbruch* участвовать не должно. Удержать переводчика от употребления слова *Ausbruch* при переводе подобных словосочетаний можно, лишь включив их в словарь в виде примеров со словом *Anflug: Anflug der Reue, Anflug von Scham, Anflug der Zärtlichkeit*. Но достаточно ли этой информации для перевода очередного словосочетания, которое не будет содержаться в словаре? В принципе, словарь, чтобы обеспечить правильный перевод всех теоретически возможных словосочетаний, должен был бы включать в свою статью комментарий: *Ausbruch – в сочетании с обозначениями негативно окрашенных явлений, Anflug – с обозначениями нейтрально или положительно окрашенных явлений*. Реально ли ожидать от словарей комментариев подобного типа?

Слово *Besuch* означает *визит, посещение*. Но словосочетание *einen Besuch abstatten* можно перевести только как *нанести визит*, но нельзя – **нанести посещение*. Конечно, подробный словарь, такой, как НРС, включает пример *einen Besuch abstatten* и перевод к нему. Но должен ли еще более подробный словарь предупреждать, что другой вариант перевода недопустим? Как объяснить человеку, недостаточно свободно владеющему русским языком, что, хотя первая часть немецких сложных слов *Massen-* переводится и как *массовый*, и как *повальный*, эти русские синонимы несопоставимы в аспекте их сочетаемости? Если для *массовый* список примеров можно наращивать до бесконечности, то *повальный* сочетается с очень ограниченным числом слов – *интерес, увлечение, обыски, аресты* и, возможно, еще четырь-

мя-пятью другими. По приводимым в словаре словосочетаниям читатель не может догадаться, открыт ли список возможной сочетаемости для данной лексемы или он исчерпывается двумя-тремя приводимыми примерами. Можно представить себе словарь, перечисляющий после положительных примеров на перевод *Massen-* отрицательные, снабженные «звездочкой»: **повальный пошив, *повальный спорт.* Однако ясно, что этот список будет бесконечно длинным, и, если представить себе подобные списки недопустимых примеров как норму для словарных статей, то двуязычный словарь разрастется до такого объема, что им невозможно будет пользоваться. Отрицательные примеры обладают, несомненно, большой дидактической и информативной ценностью, но их перечень в пределах даже самого подробного двуязычного словаря неосуществим. Нельзя перечислить, что с чем не сочетается и какие фразы нормой языка отвергаются. В этом, несомненно, одна из наиболее уязвимых позиций словарного пособия. С другой стороны, ни одно теоретическое пособие по переводу не способно заменить словарь по охвату материала, поэтому основным инструментом переводчика по-прежнему может служить только словарь.

Некоторые предлагаемые двуязычными словарями переводы являются лишь частью действительных соответствий. Например, немецкое слово *klinisch* означает не только *клинический,* как утверждает НРС, но и *чистый, сверкающий чистотой, как в больнице: Das Hotel wirkte menschenleer und klinisch. – Гостиница казалась безлюдной и сверкала девственной чистотой.* Перевод *клинический* будет в таком контексте попросту неверным. Существительное *Botschaft* – не только *весть, известие, послание,* но и *идея, (основная) мысль: Ich habe die Botschaft verstanden. – Я понял твою мысль* (в ситуации диалога, когда один собеседник хочет в чем-либо убедить другого). Если перевести это предложение как *Я понял послание* или *Я понял известие,* то это будет искажением действительности, потому что никакого послания или известия никто не получал. Глагол *verschwinden* сопоставлен в НРС эквивалентам *исчезать, скрыться,* но он нередко используется в немецких текстах в перфекте с наречием продолжи-

тельного состояния *immer noch*: *Ist dein Hund immer noch verschwunden?* Опираясь на помощь НРС, это предложение можно перевести только нарушив норму русского языка. Правильным переводом было бы предложение *Твоя собака до сих пор не нашлась?* Существительное *Gegenzug* переводится в НРС как *встречное движение, встречный поезд, контрмера*. Однако в немецких текстах выражение *im Gegenzug* (чрезвычайно частотное) должно переводиться как *за это, в ответ на это, в качестве ответной услуги, в порядке ответной меры*: *Russland hat der Ukraine einen Rabatt für Gaslieferungen gewährt; im Gegenzug darf die russische Flotte länger im Schwarzen Meer kreuzen.* Это выражение с помощью словаря попросту не перевести[8].

Приведенные критические рассуждения ориентированы главным образом на интересы лиц, которым приходится пользоваться словарями для перевода на неродной язык. Большинство этих источников ошибок при переводе с иностранного языка на родной элиминируются сами собой благодаря владению родным языком. Однако и при пассивном использовании словарей изучающие иностранный язык делают ошибки. Утверждая, что даже маленькие и плохие двуязычные словари способны оказать большую помощь при переводе на родной язык благодаря языковой компетенции переводчика, Хаусман прав лишь отчасти[9]. Во-первых, степень уверенности переводчика и его свободы в обращении с переводимым материалом зависит не только от знаний родного языка, но и от уровня владения иностранным языком, с которого он переводит. Если бы НРС был надежным помощником для пассивного перевода, то пользующиеся им русские не делали бы ошибок при переводе на родной язык. К сожалению, ошибки присутствуют – в первую очередь по причине неуверенности в собственных знаниях немецкого как иностранного. Чем хуже человек знает иностранный язык, тем больше он полагается на словарь. Если словарь предлагает в качестве перевода определенное существительное, пользователь, не уверенный в своих знаниях иностранного языка, будет стараться «втиснуть» в свой перевод на родной язык именно это существительное, даже если для хорошего перевода требуется переделать синтаксическую

структуру предложения таким образом, что в новом варианте предлагаемому словарем существительному вовсе не нашлось бы места, а перевод осуществлялся бы глаголом или прилагательным. Есть слова, которые при переводе на родной язык стоило бы попросту опустить. Возможности словаря по отображению подобных случаев сильно ограничены.

Далее, бывает, что слово или устойчивое выражение просто нельзя перевести однозначно, настолько его значение «открыто». Так, *es hat ihn erwischt* может означать *он простудился, он влюбился, его ранило, его сцапали, он прогорел, он разорился, ему пришлось несладко*. А выражение *j-d hat es auf j-n abgesehen* может означать *кто-либо положил глаз на кого-либо, метит на чье-либо место, кто-либо кого-либо преследует, хочет убить, хочет сожрать, хочет обидеть, метит в кого-либо, мстит кому-либо* – и здесь список возможных значений еще не заканчивается. Перевод определяется лишь конкретным контекстом. Можно ли ожидать от словаря перечисления всех потенциальных возможностей? Даже самый подробный словарь ограничится несколькими примерами, далеко не всегда позволяющими переводчику перенести приобретенные благодаря словарю знания на новый контекст.

Наконец, словарь не в состоянии передать пользователю знания грамматики, разве что через конкретные примеры. Поэтому ошибки перевода на родной язык связаны еще и с нетвердым знанием грамматики иностранного, и словарь здесь, по всей видимости, бессилен[10].

Таким образом, недостатки двуязычных словарей вызваны, с одной стороны, некоторыми лексикографическими традициями, которые при желании можно было бы изменить, с другой – принципиальной невозможностью удовлетворения определенных потребностей переводчика в форме двуязычного словаря. Эти недостатки сильнее проявляются в двуязычных словарях, если рассматривать их как инструменты для активного перевода, однако и пассивный перевод, то есть перевод на родной язык, выявляет словарные пробелы – в первую очередь, вызванные чисто объективными особенностями лексикографического жанра.

1.1.2 Симметрия двуязычных словарей

Сопоставительный анализ двуязычных словарей выявляет некоторые существенные пробелы в словарных статьях, вызванные асимметрией словарей, если рассматривать их как части одного целого (немецко-русский и русско-немецкий словари как отражение двусторонней поддержки переводческой деятельности)[11]. Асимметрия, о которой идет речь, обусловлена лексикографической традицией, которую вкратце можно сформулировать так: «прямолинейная опора на основное слово», где «слово» – или фонетически оформленное единство, отделяемое от других подобных единиц на письме пробелами, или фразеологическая единица, у которой хотя бы один элемент (хотя бы одно слово) выступает в значении, не свойственном ему в прочих словосочетаниях. Под «основным» имеется в виду ведущее слово в семантической иерархии, выстраиваемой по оси «нейтральный – маркированный» (так, в паре *забыть – запамятовать* основным словом является *забыть*), а также (для глаголов и причастий) по оси «название действия как такового – дополнительные семы, связанные с фазами или способами действия» *(работать – заработать – недоработать – наработаться – переработать)*. В НРС можно найти переводы *забыть* (а не *запамятовать*) для *vergessen, работать* (а не *поработать* или *наработаться*) для *arbeiten.*

Существует еще ось «положительный – отрицательный». Отрицание, выраженное отдельно оформленным служебным словом *(не, нет, ни),* столь же маргинально для лексикографической практики, как стилистическая маркированность или сема зачина либо неполноты действия. Оно не вписывается в прямолинейный подход, который мы называем здесь «опора на основное слово». Так, РНС предлагает перевод для *ответить,* но мы не найдем в нем перевода для *не ответить,* хотя вовсе не обязательно, чтобы немецкий располагал только аналогом русской пары: *ответить – antworten / не ответить – nicht antworten*. Переводчику полезно было бы знать, что имеется еще возможность сказать *sich ausschweigen, stumm bleiben, die Antwort blieb aus*. Но этих вариантов он в РНС не найдет.

Итак, словари опираются только на «основное слово», то есть на положительную форму в ущерб отрицательной, на стилистически немаркированную в ущерб маркированной и на общее название действия или состояния в ущерб выраженным фазовым и аспектным значениям.

В итоге такого подхода возникают следующие конкретные проблемы для перевода:

а) Основные и дополнительные элементы значения (семы)

Lachen означает не только *смеяться*, как утверждает НРС, но и *засмеяться,* и *посмеяться; springen* – и *прыгнуть,* и *подпрыгнуть; lieben* означает не только *любить,* но и *полюбить,* и *возлюбить.* Эпизод из жизни: молодая девушка, никогда не читавшая Шекспира, отправляется с матерью на оперу „Othello" и читает в программке: *„she loved me for the pains I have suffered"*[12]. «Мама! – восклицает девушка, – Тут написано, что она любила его за его страдания?» – «Она его за муки полюбила», – почти механически исправляет ее мать.

Еще пример: предложение *Er trug einen ungebügelten Anzug* можно перевести как *На нем был неглаженый костюм,* а можно как *Он носил неглаженый костюм.* Различаются переводы тем, что в первом случае действие отражено как одномоментное (в описываемый момент на ком-то был мятый костюм), а во втором действие имеет неопределенную продолжительность (некто всегда, по лени, по привычке или из принципа, носил мятый костюм). Если полагаться на НРС, то возможен только второй способ перевода, т. к. *tragen* переводится как *носить.* Меж тем высока вероятность, что именно первый способ перевода – единственно правильный в определенном контексте.

Следует заметить, что двуязычные словари непоследовательны: так, для *schweigen* НРС указывает большое число вариантов: *schweigen* – это и *молчать,* и *замолчать,* и *промолчать,* и *помолчать,* и *умолкнуть;* но вот уже *reden,* согласно НРС – *говорить, беседовать,* в то время как это в действительности еще и *поговорить,* и *заговорить,* и *побеседовать*[13]. (Разумеется, речь здесь идет не о тех случаях, когда в немецком для глагола с семой начинательности имеется соответствие в виде отдельного же глагола, скажем, с приставкой: *schlafen – спать, einschlafen – заснуть.*) Мы не найдем в НРС

также слов *грубоватый (rau); премилый, премиленький (nett, hübsch); распрекрасный (wunderbar, wunderschön, herrlich); слабенький (schwach: schwache Stimme, schwache Leistungen); сладенький (süß); тишайший (still, mäuschenstill)*. В РНС нет таких немецких глаголов, как *hergeben* – в качестве перевода к глаголу *дать; herüberschauen* – как перевод к глаголу *посмотреть; mitgeben* – как перевод для *дать с собой* (в РНС нет словосочетания *дать с собой* в качестве исходной словарной статьи для перевода); *mitnehmen* – для *взять с собой* (в РНС нет словосочетания *взять с собой*); *zurückbekommen* – для выражения *получить назад* (в РНС нет словосочетаний *получить назад, получить обратно* в качестве исходных словосочетаний для перевода).

б) Лексема как словарная единица и как элемент свободного словосочетания

В НРС бесполезно искать глагол *наработаться,* хотя у него есть точный перевод: *zu viel/zu lange gearbeitet haben.* То же касается глаголов *наслушаться – mehr als genug gehört haben; насидеться – länger als nötig gesessen haben; наговориться – lange genug geredet haben*. Приведенных переводов нет в словарных статьях НРС к *hören, sitzen, reden* по той простой причине, что соответствующие исходные выражения сами по себе не являются словарными единицами для двуязычной лексикографии. Это не слова. А исходным материалом словарей являются именно слова, причем «основные слова» при описанном выше прямолинейном подходе. Перевод глагола *überbetonen* на русский язык трудностей не представляет, хотя в русском нет непосредственного эквивалента этого глагола на уровне языка и для перевода потребуется свободная синтагматика: *слишком, чрезмерно, назойливо подчеркивать, выделять.* Но этот глагол был бы уместен при переводе с русского на немецкий такой, например, фразы: *Фрейд вынужден чрезмерно подчеркивать значение сексуальности для психики, потому что в его время она попросту игнорировалась. – Freud musste die Bedeutung der Sexualität für die Psyche überbetonen, da sie zu seiner Zeit schier ignoriert wurde.* Переводчик не обнаружит глагол *überbetonen* в РНС: в словарных статьях к *подчеркивать, выделять* или *слишком* этот перевод не приводится.

в) Слово и фразеологическая единица

Двуязычные словари, насколько возможно, включают фразеологию, но в одностороннем порядке. Так, в РНС имеется перевод для выражения *бабушка надвое сказала – das steht noch nicht fest, das werden wir noch sehen*[14]. В немецком нет фразеологического соответствия. Ни к *feststehen,* ни к *wissen* мы не сумеем найти в НРС перевода *бабушка надвое сказала*. Словосочетание *das steht nicht fest* не является единицей лексикона и не выступает для НРС в качестве леммы. Тем самым, переводчик лишен возможности узнать подходящую русскую идиому.

г) Частотные и маргинальные переводы

В РНС мы не найдем глагола *holen* для перевода таких слов, как *поживиться, перепасть* или *делать*. Действительно, на первый взгляд, *holen* здесь ни при чем. Но сочетания *hier ist nichts mehr zu holen, dabei ist nichts zu holen* переводятся как *здесь нечем больше поживиться, здесь нам больше ничего не перепадет* или попросту *здесь (нам) нечего больше делать;* НРС содержит и примеры подобного рода, и перевод; в РНС все эти языковые средства отсутствуют. Нет в РНС и *отказаться – abwählen (Er hat in der elften Klasse Chemie und Gesellschaftskunde abgewählt); скрыть – unterschlagen; собраться – sich einfinden; сомневаться, усомниться – anzweifeln; стащить – mitgehen lassen*. Глаголы *schimpfen* или *beschimpfen* означают не только (как утверждает НРС) *бранить, ругать, обругать, поносить, оскорблять,* но еще и *обзывать* – однако в НРС этого варианта перевода нет. Можно привести небольшую наглядную таблицу, в которой сопоставляются некоторые данные из НРС и РНС:

РНС	НРС
ввысь – in die Höhe, nach oben, empor	**empor** – вверх, кверху
кряжистый – stämmig, untersetzt, dick	**untersetzt** – коренастый, приземистый
нерасторопный – ungewandt, schwerfällig	**schwerfällig** – неповоротливый, неуклюжий, громоздкий, грузный

НРС	РНС
routiniert – опытный, бывалый **bewandert** – много видавший, бывалый	**бывалый** – erfahren, bewandert
altersschwach – дряхлый **gebrechlich** – дряхлый **senil** – дряхлый	**дряхлый** – altersschwach, gebrechlich
heulen – завывать **jaulen** – завывать	**завывать** – heulen
schlaksig – неуклюжий, неловкий, долговязый **hochgeschossen** – долговязый **ungeschickt** – неловкий, неумелый, нерасторопный	**долговязый** – hochgeschossen **неловкий** – ungeschickt, linkisch **нерасторопный** – ungewandt, schwerfällig
Begebenheit – событие **Ereignis** – событие **Erlebnis** – событие	**событие** – Ereignis, Begebenheit
raunen – шептать **flüstern** – шептать	**шептать** – flüstern

Эти и множество других примеров показывают, что двуязычные словари перечисляют только наиболее частотные и простые (очевидные) переводы. Как только в переводе с немецкого на русский нам встречается не слишком употребительное слово (например, *бывалый, ввысь, нерасторопный, raunen, schlaksig*) – можно быть уверенным, что в том двуязычном словаре, в котором это слово ожидалось бы в разделе эквивалентов, его, скорее всего, не обнаружится.

С другой стороны, принцип частотности в двуязычных словарях тоже не выдерживается: некоторые слова переводятся как раз наименее частотными вариантами. Это касается в первую очередь перевода интернационализмов, созвучных в исходном языке и языке перевода. Здесь возникает прямо противоположная ситуация: двуязычный словарь нередко предлагает самый простой, «лежащий на

поверхности», но вовсе не самый частотный вариант перевода. Например, прилагательное *адекватный* можно перевести на немецкий и как *adäquat,* и как *entsprechend,* и как *angemessen,* причем второй и третий варианты значительно частотнее, чем первый. Слово *adäquat* в немецких текстах малоупотребительно[15]. Однако в РНС мы находим для русского прилагательного только этот вариант перевода. Для носителя русского языка он наиболее простой. Но в реальности его следовало бы рассматривать как периферийный. Еще более рискованная для переводчика ситуация наблюдается с прилагательным *моральный*. РНС предлагает в качестве эквивалентов *moralisch, sittlich*. Но переводы таких привычных для русских словосочетаний, как *физически и морально, в моральном отношении, морально подавленный, морально готовиться, моральная поддержка, морально опускаться, моральная усталость, морально устаревший,* не содержат ни слова *moralisch,* ни слова *sittlich*. Чаще всего *моральный* переводится как *seelisch* или *psychisch (physisch und psychisch, psychisch deprimiert, psychisch angeschlagen, seelisch angeschlagen, sich psychisch vorbereiten, psychische Unterstützung),* а часто вообще не переводится *(herunterkommen, verfallen, veraltet sein, nicht mehr aktuell sein, den Anforderungen des modernen Marktes nicht mehr entsprechen)*. В данной ситуации словарь уводит переводчика в сторону от корректного перевода. Опираясь на словарь, большую часть предложений с русским прилагательным *моральный* переводить просто-напросто нельзя: немецкий адресат такой перевод не поймет. Переводческие проблемы могут возникнуть и по причине незнания эмоционально-оценочных коннотаций: например, НРС придерживается мнения, что слово *asiatisch* переводится на русский язык как *азиатский,* забывая указать, что соответствующее прилагательное для немцев нейтрально, а для русских стилистически маркировано и использовать его в качестве перевода таких словосочетаний, как *asiatische Unternehmen, asiatische Traditionen, mein asiatischer Kollege* не стоило бы, т. к. в переводах будет ощущаться сема пренебрежения или осуждения, которая немецким оригиналам не соответствует. Перевести эти

словосочетания следовало бы с применением родительного падежа существительного *Азия: предприятия (стран) Азии, традиции народов Азии, мой коллега из Азии.* При этом словосочетания *азиатские страны, азиатская кухня, азиатские рецепты* воспринимаются русскими как стилистически нейтральные. Такие сведения большой двуязычный словарь, претендующий на то, чтобы являться помощью переводчику при переводе на неродной язык, должен был бы содержать.

д) Стилистически маркированные эквиваленты

Глагол высокого, книжного стиля *обретать,* согласно РНС – *1. finden 2. annehmen,* то есть он переводится стилистически нейтральными глаголами; но в НРС ни для *finden,* ни для *annehmen* перевод *обретать* не предлагается. Просторечный глагол *запамятовать* в РНС – *vergessen* (нейтральный стиль), но в НРС *vergessen* – не *запамятовать,* а только *забывать.* Разговорное наречие *невдомек* в роли сказуемого *(кому-л. что-л. невдомек)*, согласно РНС, переводится как *etw. fällt j-m nicht ein, etw. kommt j-m nicht in den Sinn.* Но НРС ни в словарной статье к слову *Sinn*, ни в словарной статье к *einfallen* соответствия *невдомек* не упоминает. Разговорный глагол *сдаваться (мне сдается, что ...)* – в РНС переводится как *vorkommen (es kommt mir vor ...),* но в НРС *vorkommen* – не *сдаваться,* а только *казаться.* Мы видим, что стилистически маркированные слова в качестве возможных переводов стилистически нейтральных слов в двуязычных словарях не приводятся. Немецкое существительное *Siechtum* – высокого стиля, слегка устаревшее – переводится в НРС как *хворь,* то есть сравнительно близким по стилю эквивалентом. Однако РНС в качестве эквивалента существительного *хворь* слово *Siechtum* не упоминает. Таких примеров можно привести множество. Исключения составляют слова-интернационализмы, которые, наоборот, приводятся в качестве переводов даже тогда, когда они полными эквивалентами из-за их стилистических расхождений с оригиналом как раз не являются; при этом альтернативные переводы не указываются (см. выше пример со словом *asiatisch – азиатский*).

е) Грамматически выраженное отрицание

Поскольку отрицание не принято учитывать в исходной статье (словари, правда, здесь непоследовательны; это напоминает не принципиальный подход, а скорее забывчивость), то вне РНС остаются, например, соответствия *ablehnen – не утвердить* или *не подписать; ausbleiben – не состояться; untersagen – не разрешить; unterschlagen – не показать (например, кому-либо предназначавшиеся ему письма)* или *не передать (например, предназначавшуюся для кого-либо информацию); verfehlen* для *не достичь, не попасть в цель, не застать; verweigern – не согласиться* и многие другие. А НРС не дает, в свою очередь, переводов *запретить* для *nicht gestatten, игнорировать* для *nicht berücksichtigen, отклонить* для *nicht genehmigen, открещиваться* для *nicht anerkennen*. Лемм с грамматически выраженным отрицанием (которое пишется со словом не слитно, а раздельно) в двуязычных словарях нет, а примеров, содержащих отрицание, крайне мало.

В результате этого краткого анализа напрашивается малоутешительный вывод: двуязычные словари в том виде, в каком они существуют, хотя и являются подспорьем для людей, не владеющих иностранным языком в совершенстве, не способны показать человеку, которому требуется помощь словаря, всю палитру языка перевода – не только из-за ограниченности объема, но и из-за прямолинейного однозначного подхода к лемматизации и примерам. Приходится признать, что по-настоящему хороший, яркий, стилистически разнообразный перевод возможен не столько благодаря опоре на словарь, сколько благодаря свободному владению языком, когда словарь уже практически не нужен или требуется в исключительных случаях. Тем самым словари частично обесцениваются, а этого эффекта можно было бы избежать, если давать в части перевода более богатую морфологию (словообразовательные дериваты), не забывать о грамматических отрицаниях в словарных статьях, о непрямых, стилистически маркированных не-вполне-эквивалентах, о фазовости и способах действия, об интенсивности признаков, а также если учитывать в исходном материале не только классические языковые образования, но и свободные рече-

вые конструкции в том случае, когда последним в языке перевода соответствуют устойчивые языковые выражения *(steht noch nicht fest – бабушка надвое сказала)*. Двуязычные словари должны составлять единое целое – как комплексное подспорье при переводе с языка А на язык Б и обратно.

1.1.3 Каким мог бы быть двусторонний двуязычный словарь активного типа

Итак, ключевым вопросом о принципах построения словаря активного типа является вопрос о том, как наиболее эффективно помочь человеку использовать лексемы в целях речепорождения, согласующегося с нормами иностранного языка, а применительно к переводу – в целях грамматически и лексически корректного перевода на иностранный язык.

Еще Л.В. Щерба писал: «Правильно составленные словарь и грамматика должны исчерпывать знание данного языка. Мы, конечно, далеки от этого идеала; но я полагаю, что достоинство словаря и грамматики должно измеряться возможностью при их посредстве составлять любые правильные фразы во всех случаях жизни и вполне понимать все говоримое на данном языке»[16]. В книге «Языковая картина мира и системная лексикография» описывается такое построение словаря, которое включало бы полную лексикографическую информацию о свойствах лексем – их сочетаемости, грамматических особенностях, например, их поведении при грамматическом отрицании, при изменении грамматического времени, лица и других грамматических категорий. Словарь, построенный по принципу интегральности, «превращает лексикографическое описание каждой лексемы в самостоятельную научную задачу»[17]. Иначе говоря, предлагается создать словарь такой степени подробности и такого охвата индивидуальных грамматических правил для конкретных лексем, чтобы появилась возможность осуществить идею Л.В. Щербы: позволить человеку заговорить грамотно, опираясь только на словарь. Такой подход к словарному описанию назван Ю.Д. Апресяном и группой его соавторов «системной лексикографией».

Идеи создания полного словаря активного типа занимают и других авторов. Так, В.В. Морковкин и А.В. Морковкина предлагают следующее решение: «В значении слова *шуба* могут быть выделены такие семы: «предмет», «одежда», «верхняя [одежда]», «меховая [одежда]» и ряд других. Сема «предмет» обладает предельно высокой системной и близкой к нулю функциональной значимостью. Сема «меховая [одежда]» характеризуется предельно высокой функциональной и близкой к нулю системной значимостью. Между этими крайними по статусу семами располагаются все прочие. Пока слово *шуба* не включено в речевой отрезок (словосочетание, предложение), все семы его значения находятся в расслабленном состоянии функционального безразличия. Включение рассматриваемого слова в речевой отрезок приводит к установлению семантической связи с партнером (партнерами) по соответствующему контексту, что, в соответствии с одним из указанных выше положений, ведет к актуализации в его лексическом значении одной или нескольких сем. При этом актуализированные семы приходят в рабочее состояние функциональной напряженности (ср. состояние строительной балки, лежащей на складе, и состояние этой же балки под нагрузкой в составе соответствующего сооружения). В словосочетании *испачкать шубу* глагол актуализирует в лексическом значении слова *шуба* только сему «предмет». В словосочетании *надеть шубу* глагол актуализирует в лексическом значении слова *шуба* сему «одежда», что <...> немедленно возбуждает и вышестоящую сему «предмет». В словосочетании *надеть лисью шубу* прилагательное *лисья* актуализирует в лексическом значении слова *шуба* сему «меховая [одежда]» и тем самым возбуждает всю семную совокупность, составляющую лексическое значение слова *шуба*.

После приведенного рассуждения в нашем распоряжении есть все необходимое, чтобы сформулировать правила, наполняющие реальным содержанием утверждения типа *Некто знает слово N* и *Некто понимает слово N*. В частности, утверждение о том, что некто знает слово N, соответствует действительности, если этот некто в состоянии построить такую совокупность правильных в семантическом отношении словосочетаний с этим словом, которая обеспе-

чивает актуализацию всех составляющих его лексическое значение сем или, иначе говоря, если он в состоянии включить слово в речевые отрезки, отражающие его собственную сочетаемость. Утверждение о том, что некто понимает слово N, соответствует действительности, если этот некто в состоянии построить правильное в семантическом отношении словосочетание или предложение, в котором среди актуализированных по требованию партнера сем есть хотя бы одна, которая в пространстве между наиболее значимой и наименее значимой семами располагается ближе к первой, чем ко второй»[18].

Такой подход представляется рациональным, пока речь идет об одноязычных толковых словарях. Но можно ли применить его к словарям двуязычным или словарям для изучения иностранного языка? Л.В. Щерба высказывает мысль о целесообразности создания «толковых иностранных словарей на родном языке учащихся, где, конечно, могли бы фигурировать и переводы слов во всех тех случаях, когда это упрощает толкование и нисколько не вредит полному познанию настоящей природы иностранного слова»[19].

Попробуем соединить подход Морковкиных с идеей Щербы. Представим себе гипотетически, что в словарной статье к лемме *Pelzmantel* немецко-русского словаря для немцев, изучающих русский язык, предлагается подробный семный разбор этого слова по-немецки, аналогичный тому, который предлагают Морковкин и Морковкина. Насколько он обеспечит правильную сочетаемость его русского эквивалента *шуба* с другими словами для немца, осуществляющего перевод *Pelzmantel* на русский язык? Если в семный анализ слова *Pelzmantel* включить „Stoff“, „Reißbarkeit“, немец переведет фразу *Der Pelzmantel ist kaputt* на русский язык корректно, то есть *Шуба порвалась* (а не **Шуба сломалась*). Но немецкая фраза *Der Pelzmantel ist kaputt* может означать и *Шуба испорчена* (например, если на шубе появилось пятно или если ее попортила моль). Как подсказать носителю немецкого языка такой перевод с помощью семного анализа? Осуществляя семный анализ исходного слова, мы должны заранее предвидеть все возможные сочетания и все потенциальные ошибки в его переводе. Кроме того, изучающему

русский язык немцу необходимо учитывать не только семный анализ слова *Pelzmantel,* но и семный анализ слова *kaputt,* который каким-то образом должен дать ему ключ к тому, что в русском языке для перевода этого слова требуется использовать различные глаголы в зависимости от физических свойств соответствующего предмета и от вида повреждения. Если исходить из значения слова *kaputt* в немецком языке, то оно содержит фактически лишь одну сему – «быть непригодным». Так же точно в семном анализе глагола *lassen* (в сочетаниях с инфинитивом другого глагола) по сути дела можно отыскать лишь одну-единственную сему: «побуждать кого-либо к выполнению какого-либо действия». В русском же языке эта сема может быть выражена примерно тридцатью различными глаголами в зависимости от контекста и от значения инфинитива (*просить, велеть, предлагать, заставлять, отдавать, отправлять, посылать, давать, позволять* и многими другими). Прилагательное *leer* может быть представлено в семном анализе как „bezogen auf einen Gegenstand“, „bezogen auf einen Innenraum“, „nicht befüllt“ и т. п., но поможет ли это перевести словосочетание *leerer Wagen* как *порожний вагон,* в отличие от словосочетания *leerer Raum – пустое помещение, пустое пространство,* а *leer stehen – пустовать* (а не **стоять пустым*)? Без примеров перевода это представляется нереальным. Приходится признать, что семный анализ, даже исключительно детальный, для задач перевода недостаточен, хотя и очень полезен.

В последнее время в Германии в различных издательствах появилось несколько словарей „Deutsch als Fremdsprache“[20]. Это немецкие одноязычные словари, содержащие подробные сведения о значениях слов, об их сочетаемости, примеры свободных словосочетаний, идиоматику, краткие грамматические справки. Особенность этих словарей в том, что все дефиниции, комментарии и примеры содержат только те слова, которые объясняются в других местах в том же словаре. Многие из подобных словарей включают также идеографические разделы, то есть совмещают свойства толковых, грамматических словарей и словарей в картинках. Эти словари, вне всякого сомнения, очень полезны: и как источник сведений об иностранном языке вообще, и как справоч-

ник по специфическим реалиям страны, и как помощь в деле активного употребления тех или иных слов и словосочетаний. Проблема состоит лишь в том, что и они не помогают носителю русского языка различить, например, когда слово *женский* переводится на немецкий язык как *weiblich,* когда как *Mädchen-,* когда как *Damen-* и когда как *Frauen-*. Словарь начинает оказывать помощь в тот момент, когда человек уже обладает догадкой и может проверить ее по словарю. Но и тут его часто ждет разочарование: так, в словаре Wahrig „Deutsch als Fremdsprache" он не найдет слов *Frauenkloster, Damenschmuck, Damenuhr, Mädchenschule* и многих других, так что даже если он и предполагает, что *женский монастырь – Frauenkloster,* а не **weibliches Kloster,* он не имеет возможность удостовериться в правильности своей догадки.

Если совместить все преимущества словаря, который бы содержал подробный семный анализ слов, и словаря типа Deutsch als Fremdsprache, то можно было бы представить себе следующую модель: словарь для успешного перевода на иностранный язык состоит из двух частей, в нашем случае немецкой и русской. Обе части словаря содержат доскональный семный и грамматический анализ лексем. Например, немецкая часть словаря сообщает, что прилагательное *kaputt* обладает такими-то и такими-то грамматическими свойствами (например, не образует степеней сравнения, образует с глаголом *sein* именное сказуемое), в прямом своем значении характеризуется семой „nicht mehr brauchbar" и сочетается с самым широким спектром существительных. А в русской части причастия и прилагательные *сломанный, испорченный, негодный, разбитый, вышедший из строя, порвавшийся, разладившийся* и проч. снабжаются, помимо сем «предмет» или «отношение», «стекло», «дерево» и аналогичных, основной семой «негодный», коррелирующей с семой „nicht mehr brauchbar" и позволяющей таким образом сопоставить все эти слова немецкому прилагательному *kaputt.* Этим способом достигается соединение слов, которые могут в принципе служить переводами на русский, с исходным словом немецкого языка, причем сразу становится ясно, с какими именно словами эти переводы сочетаются в русском языке (*порваться* – с наименованиями тканей, *треснуть* – с

обозначениями предметов из дерева, стекла, камня, пластмассы, а *разладиться* – с наименованиями отношений или коммуникаций). Это решение имеет преимущество по сравнению с традиционным немецко-русским, даже очень подробным, словарем, в том отношении, что подробный словарь, даже если бы включал множество примеров *(kaputtes Bett – сломанная кровать, kaputte Strumpfhose – порванные колготки, kaputte Vase – разбитая* или *треснувшая ваза),* не мог бы дать переводчику ключ на все случаи жизни, то есть не мог бы подсказать, как именно переводить встретившееся ему в тексте словосочетание – например, *kaputte Pflanzen,* – если его не окажется среди перечисленных примеров.

К сожалению, и этот подход не поможет правильно переводить слово *женский* на немецкий язык: даже если *Damen-, Frauen-, weiblich, Mädchen-* и *женский* снабдить одной и той же семой или, точнее, семами, указывающими друг на друга (например, «относящийся к женщине» в русской части словаря и „bezogen auf eine Frau“ в немецкой), все равно переводчику будет неясно, какое из предлагаемых средств немецкого языка выбрать для перевода словосочетания *женская прическа,* если его не найдется в словаре в качестве готового примера. Отличие случаев типа *женский* от случаев типа *kaputt* в том, что в употреблении немецких переводов слова *женский* отсутствует предсказуемость, они распределяются согласно традиции, а не согласно семантике и логике.

Аналогичным образом даже самый подробный семный анализ не позволяет предугадать, что в русском и немецком языках для некоторых слов с, казалось бы, полностью совпадающими семами и одинаковыми грамматическими характеристиками может в существенной степени различаться их сочетаемость. Так, сочетаемость слов *männlich – мужской, weiblich – женский* в двух языках не совпадают. По-немецки можно сказать, например, *ein männlicher Verwandter, eine weibliche Verwandte,* а в русском **мужской родственник, *женская родственница* сказать нельзя, можно только просто *родственник* или *родственница* (по формам слов уже видно, кто какого пола). На первый взгляд, различие в сочетаемости обусловлено морфологией: в немецком *Verwandte(-r)* – это субстантивированное прилагательное, которое может иметь

как форму женского, так и форму мужского рода. Определения *männlich* или *weiblich* при таком существительном помогают уточнить, о каком именно родственнике идет речь. В русском языке морфологические формы существительных *родственник, родственница* благодаря суффиксам говорят сами за себя и уточнений не требуют. Но если обратиться к другим примерам, то первоначальное объяснение придется отбросить: по-немецки можно сказать и *männliche Bekannte, weibliche Bekannte,* а по-русски **мужские знакомые, *женские знакомые* сказать точно так же недопустимо, как и **мужской родственник, *женская родственница,* хотя *знакомый* – это как раз субстантивированное прилагательное. Значит, дело скорее в традиции. На уровне семного и даже грамматического анализа подобное различие в сочетаемости между немецким и русским языком описать невозможно.

Слово *unternehmungslustig* означает, согласно НРС, *предприимчивый, инициативный.* Но *unternehmungslustig* может характеризовать не только человека и его практическую деятельность, но и его речь, то есть по-немецки можно сказать *j-d sagte etw. unternehmungslustig*. А по-русски ни *предприимчиво,* ни *инициативно* сказать что бы то ни было нельзя. Семный анализ не помогает проиллюстрировать подобные различия или предупредить о них пользователя. Расхождения в сочетаемости могут быть обусловлены не только семантикой и грамматикой, но и традицией.

Поэтому вопрос об идеальном словаре, который позволил бы составлять грамотные предложения на иностранном языке, по-прежнему остается нерешенным.

Если же оставаться в рамках традиционных двуязычных словарей и вести речь лишь об их усовершенствовании, то и здесь можно было бы достичь некоторых полезных для облегчения задач активного перевода новшеств, если традицию несколько реформировать. Так, трудность перевода из-за незнания того, какой из предлагаемых переводных синонимов с какими словами может употребляться, довольно легко устранить не только примерами, но и с помощью кратких пояснений в скобках: leer – *порожний (о вагонах, грузовиках, тачках, таре), пустой (о помещениях, зданиях, пространствах; перен. о глазах, взгляде, диалогах);* leer stehen –

пустовать. Веселый – amüsant (über Theaterstücke, Bücher, Geschichten, Personen, Gesellschaft – d. h. über alles, was einen amüsiert), fröhlich (über die Stimmung eines Lebewesens), heiter (über die Stimmung eines Menschen oder sein Verhalten), lustig (über alles, was einen amüsiert oder über den Charakter eines Lebewesens), vergnügt (über die Reaktion auf eine Erscheinung oder j-s Worte). Непременно требуется и несколько примеров, в том числе отрицательных *(что-либо не весело, не слишком весело),* а также пример на употребление слова *весело* в переносном неодобрительном значении: *Ну ничего себе! Весело! – Na so was!*

Различие между переводами слова *gut* в сочетаниях с обозначениями времени – *добрый, битый, целый* и *уже ... как* – тоже можно пояснить с помощью короткого комментария: с какими именно существительными сочетается каждый из синонимов.

Открытые синтаксические конструкции вроде *семья как семья, учитель как учитель; так я тебе и ... (побежал, поверил, расстарался); ладно бы еще ... (извинился, был умен, был богат); (невеста, жених, платье) ... хоть куда* или *Es gibt Lehrer und Lehrer; Es gibt Mütter und Mütter; Er kommt und kommt nicht; Er hört und hört nicht auf* можно предлагать и в русско-немецком, и в немецко-русском словарях в качестве исходных или переводных – важно, чтобы они так или иначе нашли место в словарях, для того чтобы переводчики знали об их существовании. В исходной части можно представить их себе в рамках примеров к словарным статьям *как, тебе, так, куда, nicht, es gibt* – то есть к словарным статьям, представляющим собой неизменные элементы этих синтаксических образований. А в переводной части – например, на лемму *дозваться (Его не дозовешься. – Er kommt und kommt nicht), упорствовать (Он продолжает упорствовать. – Er hört und hört nicht auf);* на лемму *normal (Eine ganz normale Familie. – Семья как семья; Ein ganz normales Haus. – Дом как дом);* на *разный (Учителя разные бывают. – Es gibt Lehrer und Lehrer; Матери разные бывают. – Es gibt Mütter und Mütter)* – то есть в тех разделах словаря, к которым эти синтаксические группы подходят в качестве переводов по смыслу в зависимости от своего лексического наполнения.

Некоторые слова переводятся с помощью морфем и наоборот. Например, немецкий глагол *pflegen* в конструкциях *etw. zu tun pflegen* иногда можно переводить с помощью русского суффикса *-ива-/-ыва-: Er pflegte zu sagen ... . – Он говаривал ... ; Er pflegte uns zu besuchen. – Он захаживал; Er pflegte Karten zu spielen. – Он поигрывал в картишки*. Этот суффикс придает переводу разговорную окраску, поэтому он уместен не в любом тексте, но, в принципе, он достаточно точно передает значение немецкого глагола в рамках данной конструкции. Русскую приставку *за-* в значении начинательности действия – *заговорил, запел, засуетился* – можно иногда переводить немецкими глаголами *anfangen* (или его вариантом высокого стиля *anheben*) или *werden: Er fing an zu singen; Er fing an zu sprechen; Er hob an zu sprechen; Er wurde rührig*. Подобные переводы в двуязычных словарях практически не отражаются, хотя в принципе морфемный уровень словарю вполне доступен и отразить некоторые обобщенные значения морфем несложно. Правда, в этой области требуется большая осторожность, потому что уже глагол *замолчал* переводится без использования *anfangen,* в отличие от его антонимов *заговорил* или *запел*. А иногда имеется специальное устойчивое выражение для передачи зачина того или иного действия: например, *заплакал – brach in Tränen aus; захохотал – brach in Lachen aus*. От составителей словарей в статьях, посвященных значениям морфем, требовались бы специальные комментарии и дополнительные примеры, предостерегающие от генерализации рекомендуемых способов переводов.

Вполне несложно было бы включать в словари сведения о различии множественного и единственного числа (например, *Informationen – информация, Kartoffeln – картошка, Schere – ножницы*), о несовпадении между формами мужского и женского рода *(Kanzlerin – канцлер, Informatikerin – информатик)*. Некоторые справки такого рода и сейчас уже приводятся в словарях, но непоследовательно: *Ärztin – (женщина-) врач, Polizistin – женщина-полицейский, Professorin – профессор (женщина)* – в НРС есть, а *Biologin, Reporterin, technische Zeichnerin* – нет.

Легко представить себе отражение словарем и разнообразия видовых и фазовых форм русских глаголов *(liegen — лежать, полежать, полеживать; sich hinlegen — лечь, прилечь, залечь, улечься),* а также слов с различными суффиксами: *бабушка, баба, бабка, бабуся, бабуля* как переводы *Oma* (разумеется, стилистически маркированные варианты следует снабжать специальными пометами).

Вообще ничто не препятствует тому, чтобы систему стилистических помет разработать более детально и чтобы леммы и переводы снабжать стилистическими пометами более последовательно. Помимо традиционно принятых помет, указывающих на слова бранные, пренебрежительные, грубые, фамильярные, ласкательные, шутливые, среди оценочной лексики можно было бы специально отмечать слова снисходительные, благожелательные, сочувственные: например, в ряду *наивный, прекраснодушный, беспомощный, неопытный, несмышленый* последнее слово явно выделяется в сторону благожелательной или сочувственной оценки. Немецкое выражение *es war nur ein Angebot meinerseits* можно перевести как *это было только предложение* — со стилистической окраской нейтрально-спокойной или примирительной, можно как *я только хотел как лучше,* то есть в разговорном стиле и явно в миролюбиво-уступительном тоне, а можно как *была бы честь предложена* — в стилистике книжной лексики и одновременно с обидой или с гонором, вызывающе. Подобная дифференциация стилей для словаря активного типа совершенно необходима. Стилистические ошибки могут повлечь за собой более серьезные последствия, чем грамматические или лексические, поскольку стиль непосредственно связан с психологией восприятия и с культурными традициями; невольное нарушение стилистики может быть воспринято как серьезная обида.

Ничто не мешает и тому, чтобы двуязычные словари включали информацию о частотности или употребительности того или иного слова в языке перевода, особенно в сфере заимствований из других языков, имеющих место как в немецком, так и в русском. Случаи типа *didaktisch — дидактический* можно комментировать в разделе перевода с помощью указаний типа «неупотребительный», «употребляемый

реже по сравнению с» *методический, педагогический, преподавательский* – и далее предлагать примеры для прояснения ситуации. Это было бы исключительно полезно для переводчика, особенно если учесть такие широко распространенные слова, как существительное *Problem* в немецком по сравнению с его переводом *проблема* в русском. Зная данное соответствие, носитель немецкого языка естественно стремится употреблять слово *проблема* в русской речи везде, где он сказал бы *Problem* по-немецки, не утруждая себя поисками других переводов, в то время как слово *проблема* в русском по частотности во много раз уступает частотности слова *Problem* в немецком, что известно носителям русского языка, но вовсе не обязательно ясно носителям немецкого. В ситуациях, в которых немцы употребляют слово *Problem,* русские чаще скажут *затруднение, загвоздка, забота, беда, неприятность, незадача, трудность, головная боль, заморочки, неурядицы. Ich habe Probleme mit meinen Augen. – У меня плохо с глазами; Er hat Probleme mit seiner Frau. – У него нелады с женой* – все эти и многие другие способы перевода стоило бы продемонстрировать носителям немецкого языка на конкретных примерах, для того чтобы облегчить им задачу грамотного перевода на русский язык.

Если составлять список рекомендаций по реформированию традиционных двуязычных словарей, то одно из важных мест в этом списке заняло бы предложение изменить подход к частеречным соответствиям между оригиналом и переводом. В противном случае картина перевода оказывается часто не только неполной, но и искаженной. Например, прилагательное *lebensmüde* НРС переводит как *уставший от жизни, разочарованный*. Значит, вопрос *Bist du lebensmüde?* полагалось бы переводить как *Ты уставший от жизни? Ты разочарован?* – в то время как он означает *Тебе что, жить надоело?* или *Тебе жизнь не мила?* Существительное *правота* переводится в РНС как *Richtigkeit (правильность), Berichtigung (обоснованность), Schuldlosigkeit (невиновность),* а затем следует один пример: *доказывать свою правоту – sich rechtfertigen (оправдываться), seinen Standpunkt begründen (отстаивать свою точку зрения)*. При всем том остается невыясненным, как же сказать по-немецки: *убедиться в чьей-либо правоте, убедиться в*

собственной правоте; да и *доказывать кому-либо свою правоту* вовсе не означает *оправдываться,* а означает обычно *пытаться убедить кого-либо.* В немецком языке нет существительного, которое соответствовало бы русскому *правота,* и неясно, для чего подыскивать близкие ему по смыслу существительные, если ни одно из них не является эквивалентом русского. Если бы словари не старались передать существительное непременно существительным же, глагол глаголом, прилагательное прилагательным, то в словарной статье *правота* можно было бы не приводить немецкие существительные, которые не являются переводами русского, а сразу приступить к примерам, в которых бы фигурировали немецкие выражения *recht haben* или *j-m recht geben: настаивать на своей правоте – recht haben wollen; убедить кого-либо в своей правоте – j-n davon überzeugen, dass man recht hat; убедить кого-либо в чьей-либо правоте – j-n davon überzeugen, j-m recht zu geben; убедиться в собственной правоте – sich vergewissern, dass man recht hatte; убедиться в чьей-либо правоте – j-m recht geben.* Оценочное существительное *Halsabschneider,* которое немцы часто используют для характеристики человека, пытающегося содрать с кого-либо непомерную цену, можно, конечно, переводить согласно НРС существительными *лихоимец, ростовщик* (добавим еще от себя варианты *кровопийца, кровосос, мздоимец, рвач, хапуга*), однако чаще русские используют в соответствующих диалогах не существительные для обозначения человека, пытающегося обобрать ближнего, а глагольные конструкции или обозначение ситуации как таковой. Где немец скажет о ком-либо: *Ein richtiger Halsabschneider!* – русский, вероятнее всего, скажет *Натуральная обдираловка! Он же пытается тебя обобрать!* – не используя специального существительного для обозначения обманщика. Немцу, переводящему *Halsabschneider* на русский язык, можно подсказать такие варианты, приведя несколько примеров; переводы же *ростовщик* и *лихоимец* следовало бы пометить как устаревшие, в современном языке неупотребительные.

Асимметрию двуязычных словарей, если рассматривать их как части одного целого, можно было бы свести к минимуму, если опираться не только на принадлежность исходного слова или словосочетания к языку-источнику, но и на

принадлежность переводного слова или словосочетания к лексикону перевода, то есть если применять лексемно-центрический подход одновременно не только по отношению к исходному языку, но и по отношению к языку перевода. Традиционные словари пользуются речевыми средствами (описание, свободная синтагматика) для представления перевода там, где для переводимой лексемы нет языкового эквивалента. Вообразим модель словаря, в котором будет использоваться речевой подход и в тех случаях, когда, наоборот, языковая единица в переводе есть, а ее словарного же эквивалента в исходном языке нет: тогда в разделе лемм мы встретим такие выражения, как *полный радостного ожидания чего-либо – etw. herbeisehnen, (einer Sache) entgegenfiebern; предполагать, что кто-либо способен на какой-либо постыдный, бесчестный поступок – j-m etw. unterstellen; чего-либо ожидаемого (например, реакции, приглашения) не последовало – ausbleiben*. Как раз потому, что языки не обнаруживают между собой симметрии, двуязычные словари могли бы отражать асимметрию между языками только таким образом: приводя лексемы не только в качестве лемм «слева» от словарной статьи, но и «справа», в качестве перевода, даже если для этой цели «справа», в разделе лемм, пришлось бы поместить некоторое на первый взгляд аморфное сочетание слов.

Такой подход означает, что языковая принадлежность должна учитываться не только в исходном, но и в переводном материале: в леммы отчасти включались бы не элементы языка, а свободно комбинируемые словосочетания и фразы – ради того, чтобы в переводной части могли найти место уже элементы языка (например, идиома в языке перевода, но свободное словосочетание в исходном языке). Можно поступить и менее радикально, включая свободные словосочетания не в леммы, а в примеры. В больших словарях и сейчас уже имеются примеры, представленные свободными словосочетаниями, но их очень мало, и по этой причине огромный словарный массив языка перевода в словаре не отражается. Лемма или пример – в конце концов, решение этого вопроса не имеет столь уже принципиального значения; главное, чтобы в разделе перевода нашли место те лек-

семы, которые пропадают, если не включать в исходную часть словаря не-лексемы[21]. Таким образом можно было бы познакомить русского переводчика, например, с глаголом *sich vertippen* как переводом свободного словосочетания *сделать опечатку,* с существительным *Gernegroß,* которое является переводом словосочетания *человек, страдающий манией величия,* а переводчика-немца с прилагательным *промозглый* как переводом словосочетания *kalt und feucht* или с глаголом *угореть – durch Kohlenmonoxidvergiftung ums Leben kommen.*

Активный словарь не может опираться только на основные слова в синонимических рядах. Если предлагать в качестве переводов целый ряд синонимов, в том числе стилистически окрашенных как устаревшие, просторечные, пренебрежительные, бранные, ласкательные и т. п., а также идиоматические выражения, то для *vergessen* переводом будет не только *забыть*, но и *запамятовать* – разумеется, с соответствующей стилистической пометой, – а для *zurückschlagen* не только *отбить,* но и *дать сдачи.*

В современных условиях технические компьютерные средства при составлении словарей позволяют уследить за тем, чтобы те или иные слова не исчезали из поля зрения составителей. Приведем несколько конкретных примеров. НРС предлагает для глагола *prahlen* два перевода: *хвастаться, хвалиться.* Благодаря тому, что в нашей модели словаря русско-немецкая и немецко-русская части составлены одними и теми же авторами на компьютере, у нас есть возможность отыскать в русско-немецкой части все слова и выражения, которые переводятся глаголом *prahlen* и перенести их в немецко-русский раздел словаря в качестве переводов для немецкого глагола. Получим следующий список: *хвастаться, хвастать разг., хвалиться, набивать себе цену идиом., разглагольствовать, бравировать, кичиться, бахвалиться разг., похваляться книж., козырять разг.* Глаголу *belehren* в НРС сопоставлены четыре перевода *(поучать, учить, наставлять, давать сведения)* и три-четыре примера, из которых выявляются дополнительные контекстуально зависимые значения. Благодаря тому, что у нас словарь двусторонний, из русской части в немецкую «перетекает» значительно большее число переводов и можно выделить дополнительные значения: *1. читать*

нотации, поучать, учить, выговаривать, воспитывать, отчитывать, указывать, поправлять, направлять, исправлять, делать замечания, советовать, давать советы, вразумлять книж., наставлять на путь истинный идиом., книж.: Sie sollen keine Kunden belehren. *– Нечего читать клиентам нотации, нечего клиентам давать указания, нечего клиентам замечания делать;* Ich lasse mich gern belehren, aber ich meine … . *– Пусть меня исправят, но я полагаю, что … ;* Ich lasse mich belehren, wenn ich das brauche. *– Я позволяю давать себе советы, если мне это требуется;* Er belehrt niemanden. *– 1) Он не поучает. 2) Он никогда не делает никому замечаний;* belehrend *– назидательный, наставительный:* belehrend reden *– вещать, воспитывать, поучать, говорить назидательно, наставительно;* Russische klassische Literatur ist sehr belehrend. *– Русская классическая литература очень назидательна; Русская литература воспитывает, поучает;* So ein Grünschnabel wie du soll mich nicht belehren. *– Молод ты еще меня учить; Зелен ты еще мне советы давать. 2. напоминать:* Der Schmerz belehrte ihn, dass mit seiner Wunde nicht zu scherzen war. *– Боль напомнила ему, что его рана весьма серьезна. 3. объяснять, научить:* j-d hat mich eines Besseren belehrt *– кто-либо объяснил мне, что все совсем не так; кто-либо научил меня, что почем, что к чему.*

Такой подход имеет и уязвимые стороны. Из-за различия в стиле, в эмоциональных коннотациях многие переводы можно считать таковыми лишь условно (см. 3.1.1.6 Лексемы без прямого эквивалента). Например, глагол *повадиться* стилистически вовсе не эквивалентен выражениям *etw. zu tun pflegen, sich zur Gewohnheit machen, in den Genuss kommen:* у *повадиться* иное поле семантических коннотаций по сравнению со всеми перечисленными немецкими вариантами. Но других способов перевести это слово на немецкий язык нет. Иначе приходится признать, что оно вовсе не может быть переведено, а это абсурд, поскольку в реальных условиях в том или ином тексте оно все равно как-то переведено будет. Поэтому, снабжая слово *повадиться* соответствующими стилистическими пометами (слово устаревшее, содержит сему осуждения), мы вынуждены приводить к нему эти переводы, каковые на деле являются лишь под-

меной отсутствующего эквивалента. А как поступать с глаголом *pflegen* в немецко-русской части словаря? *Pflegen – повадиться?* На первый взгляд предложить подобный перевод представляется нелепостью. Но с другой стороны, в художественном переводе для определенной стилистики, определенной эпохи и определенного контекста – да, *etw. zu tun pflegen* можно было бы перевести и как *повадиться*. Конечно, для этого требуется большой переводческий опыт, чувство языка и стиля. Наша задача – предложить переводчику такую возможность, приводя *повадиться* как (исключительно редкий) вариант перевода к *pflegen* наряду с другими, более популярными и очевидными (и снабдив этот вариант примером). Однако как переводчику находить подобные переводы, если он не знает, где и на какое ключевое слово исходного языка его искать в словаре? Например, в русском нет эквивалента глагола *zumuten*. Перевод описательный или ситуативный: *считать кого-либо способным к чему-либо дурному, особенному, великому, непосильному*. Например: *Man mutete ihm die große Zukunft zu*. – *Ему прочили великое будущее; So eine Leistung konnten wir dir nicht zumuten*. – *Мы (и) не думали, что ты способен на такие свершения; Wir beide stammen aus Scheidungsfamilien und wollen es unserer Tochter nicht zumuten*. – *Мы оба происходим из разведенных семей и не желаем такой судьбы для нашей дочери*. Каким образом дать знать переводчику с русского на немецкий о существовании глагола *zumuten,* если он не имеет своей устойчивой ячейки в виде леммы в русско-немецком словаре? На какое ключевое слово его предлагать? *Способный? Прочить? Желать?* Придет ли в голову переводчику искать этот вариант перевода с русского на немецкий, если ему требуется перевести фразу *Ему прочили великое будущее?* Скорее всего, он переведет ее как *Man hat ihm eine große Zukunft prophezeit*. И все же есть надежда, что, заглянув в словарь на глагол *прочить* и обнаружив наряду с эквивалентными переводами *prophezeien, voraussagen, verkünden* глагол *zumuten,* не являющийся эквивалентом *прочить,* но снабженный соответствующим примером, переводчик нет-нет да и воспользуется и такой не вполне традиционной возможностью расширить арсенал своих переводческих средств.

Как именно представлять в словарях свободные словосочетания в исходном языке – вопрос скорее технический и решаемый в рамках договоренности. Например, можно давать их на каждое из знаменательных слов, участвующих в словосочетании, или выбрать только одно из них в качестве подходящей леммы, а для остальных в роли лемм предлагать вместо словарной статьи соответствующую ссылку.

Крайний случай – когда слово вовсе не переводится, например, русское *грешный* или немецкое слово *denkbar* в некоторых контекстах: *где уж мне, грешному – wie soll ich; die Wahrscheinlichkeit ist denkbar gering – вероятность невелика*. В такой ситуации, разумеется, в русско-немецкой части словаря не найдется словарной статьи, где *denkbar* могло бы фигурировать в качестве перевода; то же касается *грешный* в немецкой-русской части: эти слова некуда «пристроить», они переводят «нулевые леммы». Исходное слово попросту отсутствует. Словарь здесь бессилен. Возможности словаря развернуть перед переводчиком полный набор частотных, менее частотных, редких, специфических средств для перевода, увы, ограничены.

Стремление к выравниванию русско-немецкой и немецко-русской части единого словаря должно ограничиваться рамками разумного и целесообразного. Асимметрия между ними, несомненно, останется, и это нормальное положение дел. Иная симметричность может оказаться бессмысленной: так, для немцев *Neudeutsch* – актуальное понятие, для русских нет. Можно, конечно, было бы включить в русский словник выражение *смешение немецкого с английским* или слово *новонемецкий* с пометой *шутл.* для того, чтобы дать при них *Neudeutsch* в качестве перевода, но вряд ли это кому-либо требуется. Трудно представить себе ситуацию, в которой подобный перевод с русского на немецкий был бы актуален. Русский эквивалент слова *Schnapszahl,* означающего в немецком языке число, состоящее из двух одинаковых цифр (например, 22 или 33), в русско-немецкой части словаря никто искать не станет: для русских такие числа не представляют интереса как номинативные единицы вовсе, и вероятность, что подобное явление встретится в какомлибо русском тексте, равна нулю.

Однако вопрос, стоит ли какое-либо понятие, для которого отсутствует эквивалент в исходном языке, предлагать в качестве леммы или примера (снабжая его, возможно, соответствующей условной пометой), необходимо в каждом конкретном случае решать заново. Например, в русском языке нет эквивалента для немецкого слова *freipressen*. Выражение *требовать чьего-либо освобождения путем шантажа, например, путем взятия заложников* является свободным словосочетанием. Его можно предложить в качестве примера на словарные статьи *требовать, освобождение* или *шантаж* в первую очередь для того, чтобы пользователь узнал немецкое слово *freipressen*, являющееся его переводом. Различие между свободным словосочетанием *требовать чьего-либо освобождения путем шантажа, например, путем взятия заложников* и словосочетанием *число, состоящее из двух одинаковых цифр*, с прагматической точки зрения, состоит в том, что первое из них русские употребляют в речи, поскольку стоящее за ним явление действительности входит в сферу практической необходимости, в то время как словосочетание *число, состоящее из двух одинаковых цифр* в речи русских вряд ли когда-либо может быть упомянуто.

Ясный случай необходимой словарной асимметрии, обусловленной объективными условиями, представляют обозначения специфических реалий: вряд ли возникнет необходимость искать в русско-немецком словаре словарную статью *песочный торт в виде башни сложной формы*, которая переводилась бы названием сугубо немецкой реалии *Baumkuchen*. Перевод наименований специфических реалий обычно процесс сугубо однонаправленный: он осуществляется из языка, в котором бытует данное обозначение, на язык народа, в практике которого эта реалия отсутствует. В.П. Берков указывает в этой же связи, что выражение *С легким паром!* не войдет ни в один иноязычно-русский словарь, потому что только в России принято приветствовать человека, побывавшего в бане, специальным приветствием[22].

Включение в те или иные словарные статьи двуязычных словарей свободных словосочетаний в качестве исходных примеров для перевода – в надежде, что пользователю придет в голову их прочитать и таким образом с ними познако-

миться – превращает в словарь из справочника, которым человек целенаправленно пользуется при острой необходимости, в книгу для чтения – по крайней мере, отчасти. Это ослабляет его позиции как справочника для быстрого нахождения необходимой информации, но одновременно обогащает его содержательно и увеличивает меру доверия к нему. Составитель подобного словаря должен был бы, по возможности, указать на эти обстоятельства в предисловии. Если внимательно присмотреться к нынешним двуязычным словарям, то уже и они не вполне выдерживают принцип алфавитности и чисто справочной литературой не являются, поскольку в разделе примеров в них нередко приводятся свободно комбинируемые, по крайней мере формально не идиоматичные словосочетания.

В словарных статьях для глаголов следовало бы помнить об отрицаниях, потому что грамматическое отрицание в исходном языке нередко вынуждает прибегать при переводе не к эквиваленту положительного слова с отрицательной частицей, а совсем к другой лексической единице: *доверять – vertrauen, не доверять – misstrauen; простить – verzeihen, не простить – nachtragen, grollen.* Разумеется, глаголы с отрицаниями в качестве исходного словарного материала имеет смысл предлагать только при наличии подобных расхождений между переводами положительного и отрицательного модуса.

К сожалению, нельзя рассчитывать на то, что словарь, даже после выравнивания его немецко-русской и русско-немецкой частей описанным способом, способен исчерпать все варианты контекстной сочетаемости и выявить полный арсенал потенциальных переводов, решив за переводчика все его переводческие задачи, в особенности в сфере активного речепорождения. Многие проблемы активного перевода и в этой модели остаются нерешенными. Однако представляется, что стремление к выравниванию немецко-русской и русско-немецкой частей словаря и некоторые дополнительные предложенные в этом разделе изменения лексикографической традиции обогатили бы арсенал переводческих средств и до определенной степени облегчили деятельность переводчика.

1.2 КОММЕНТАРИЙ К ГЛАВЕ 1

[1] Ниже, говоря о НРС (немецко-русском словаре), мы будем иметь в виду Большой немецко-русский словарь в трех томах под редакцией О.И. Москальской, а говоря о РНС (русско-немецком словаре) – словарь М.Я. Цвиллинга. Словарь Москальской – наиболее полный и подробный из всех немецко-русских словарей (180 тысяч лексических единиц). Словарь Цвиллинга относительно нов и его словник насчитывает около 150 тысяч единиц. Производилась сверка и с другими словарями, приводимыми в списке использованной справочной литературы, однако специально в тексте настоящего справочника это не оговаривается. Иногда будут встречаться ссылки на русские или немецкие толковые словари, каждый раз с указанием на автора или редактора. Вышедший в свет в 2010 году «Новый большой немецко-русский словарь в трех томах» под редакцией Д.О. Добровольского (М., 2010), к сожалению, не мог быть учтен при написании данной книги.

[2] *Hausmann, Franz-Joseph.* Lexikographie. In: Christoph Schwarze, Dieter Wunderlich (Hg.) Handbuch der Lexikologie. Königstein/Ts. 1985. S. 377–378.

[3] О той же проблеме пишет В.П. Берков в своем учебном пособии «Двуязычная лексикография». Он называет грамматические конструкции, допускающие различные лексические подстановки, «ничьей землей» и сетует, что лексикографы ими пренебрегают, рассчитывая, что подобные конструкции – дело грамматистов, в то время как последние уверены, что подобная тематика находятся в компетенции словаря (*Берков В.П.* Двуязычная лексикография. 2-е изд. М., 2004. С. 115).

[4] По поводу синонимии В.П. Берков предупреждает начинающих коллег-лексикографов: «Не оглушай пользователя длинным рядом синонимов (как он без твоей помощи определит, какой ему нужен?)» (см. *Берков В.П.* Там же. С. 234). С одной стороны, это верно: нужно щадить пользователя. С другой, даже если предложить пользователю всего три синонима, он и в этой ситуации может не разобраться, который ему требуется. Наконец, если вести речь именно об активном словаре для переводчиков, то синонимические ряды, наоборот, необходимо по возможности расширять, предлагая на выбор самые разнообразные средства перевода, в частности, идиоматику, выражения разговорного или книжного стиля. Одновременно активный словарь должен давать рекомендации по правильному использованию синонимов; этого можно достичь пояснениями и обилием примеров. В противном случае словарь останется пассивным, то есть будет служить лишь для перевода на родной язык.

[5] В данном пассаже и во всех последующих рассуждениях о частотности авторы не приводят точных цифр, поскольку специальными подсчетами не занимались и не ставили перед собой этой задачи; их представления о частотности того или иного выражения основаны только на наблюдениях и на собственном опыте.

[6] Здесь и далее слово, стоящее под фразовым ударением, подчеркнуто.

[7] Различное толкование значений многозначных слов в зависимости от их акцентной позиции не отражается, к сожалению, и одноязычными толковыми словарями. См. на эту тему работы: *Павлова А.В.* Интерпретация акцентной структуры высказывания при восприятии письменной речи // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований Российской академии наук. Т. III. Ч. 3. СПб, 2007. С. 65–117; *Павлова А.В.* Понимание смысла предложения в связи с местом фразового ударения при восприятии письменной речи / / Вопросы психолингвистики. №. 9. М., 2009. С. 70–90. «Повезло» лишь частицам (так называемым дискурсивным словам). Просодическим характеристикам дискурсивных слов посвящена статья И.М. Кобозевой и Л.М. Захарова «Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка» (*Кобозева И.М., Захаров Л.М.* Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка // Труды межд. конф. «Диалог 2005» «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». М., 2004.). Правда, последовательно указание на ударность дается пока только в новом «Словаре русских частиц» (*Шимчук Э., Щур М.* Словарь русских частиц. Berliner slavistische Arbeiten. Bd. 9. Frankfurt (M.), 1999). В нем «в случае, если частица в определенном значении находится под фразовым акцентом, это отмечается особо (сведения об обязательности/возможности фразового акцента даются за знаком ® наряду с другой необходимой информацией о синтактике частицы). Обязательный фразовый акцент в иллюстративных примерах отмечается знаком «, возможный – («)» (Кобозева И.М., Захаров Л.М. 2004. С. 294).

[8] Ближе всего к правильной трактовке вариант *контрмера,* однако он может быть употреблен только в контекстах, вызывающих негативные ассоциации, и не может использоваться в текстах, где речь идет о взаимных услугах.

[9] *Hausmann, Franz-Joseph.* Lexikographie. In: Christoph Schwarze, Dieter Wunderlich (Hg.) Handbuch der Lexikologie. Königstein/ Ts. 1985. S. 377.

[10] Мы намеренно ограничиваем этот анализ формальной стороной, не углубляясь в такие темы, как перевод названий специфических для конкретных стран реалий, имен собственных, ставших нарицательными, архаизмов, советизмов, жаргонизмов, иностранных слов, идиом, специальной терминологии и некоторых других чисто содержательных аспектов, которые обычно представлены в двуязычных словарях в объеме, недостаточном для качественного перевода. Эти содержательные недостатки традиционных двуязычных словарей отчасти восполняются специальными словарями, например, лингвострановедческими – для разъяснения тех или иных специфических реалий, словарями разговорной лексики, молодежной лексики, фразеологическими, отраслевыми словарями. К сожалению, эти словари, как правило, не в состоянии покрыть переводческие потребности – не только из-за ограниченности своего объема, но и из-за того, что они довольно быстро устаревают, в особенности специальные словари по профессиональным и научным дисциплинам. Фразеологические словари часто содержат устаревшие или экзотические идиомы, незнакомые даже носителям языка и в живой речи не встречающиеся.

[11] Речь идет именно о симметрии или асимметрии словарей, а не о симметрии или асимметрии языков. Асимметрия языков для авторов данной книги несомненная данность. Асимметрия словарей – имманентное свойство традиционных двуязычных словарей, отражающее не столько языковые факты, сколько лексикографические традиции. Изменив отчасти эти традиции, можно было бы сократить разрыв между параллельными двуязычными словарями и облегчить переводчику его работу.

[12] В немецком переводе: *Sie liebte mich, weil ich Gefahr bestand; Ich liebte sie um ihres Mitleids willen.* (Переводчик – W.H. v. Baudissin, 1832 год).

[13] См. на эту тему также *Petkov, Pavel*. Zielsprachliche Wörter ohne lexikographische Chance in zweisprachigen Wörterbüchern. Am Beispiel von Wortbildungsmodellen und Wortfeldern. In: Kontrastive Lexikologie und zweisprachige Lexikographie. Hildesheim, 2005. S. 57–71; *Девкин В.Д.* Немецкая лексикография. М., 2005. С. 125–126.

[14] *Gladrow W.* (Hg.) Russisch im Spiegel des Deutschen. Eine Einführung in den russisch-deutschen und deutsch-russischen Sprachvergleich. Frankfurt (M.), 1998. S. 290.

[15] Для сравнения: слово *adäquat* встречается в корпусе немецкой литературы, собранной в портале проекта Гутенберг (http://

gutenberg.spiegel.de/index.php), 56 раз, в то время как *angemessen* – более тысячи.

[16] *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 25–26.

[17] Языковая картина мира и системная лексикография. Под ред. Ю.Д. Апресяна. М., 2006. С. 47.

[18] *Морковкин В.В., Морковкина А.В.* Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М., 1997. С. 104–105.

[19] *Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии. В кн.: *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. М., 1974. С. 297.

[20] Например, PONS Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Stuttgart, 2006; *Wahrig-Burfeind, Renate*. Wahrig Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Berlin, 2008; Duden. Wörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Mannheim, 2003.

[21] К аналогичным выводам приходит болгарский лингвист Павел Петков, см. *Petkov, P.* Zielsprachliche Wörter ohne lexikographische Chance in zweisprachigen Wörterbüchern. Am Beispiel von Wortbildungsmodellen und Wortfeldern. *Germanistische Linguistik*, Nr. 179, 2005. In: Kontrastive Lexikologie und zweisprachige Lexikographie. Hildesheim, Zürich, New York. S. 57–70. Он предлагает расширить раздел лемм (des Vorbereichs) свободными словосочетаниями, в том случае, если в разделе перевода (im Nachbereich) словосочетание будет переведено одной лексемой. Петков выступает, таким образом, за изменение понятия «лемма» путем перенесения лексемного принципа с исходного языка на язык перевода. Как решить эту задачу чисто технически, то есть какое из свободно комбинируемых слов считать ведущим для алфавитного порядка – вопрос, решаемый в рамках договоренности с пользователем.

[22] *Берков В.П.* Двуязычная лексикография. 2-е изд. М., 2004. С. 23.

Глава 2

Изолированное слово и слово в контексте

2.1 ЕДИНИЦА ПЕРЕВОДА

Несмотря на то, что настоящее пособие представляет собой прежде всего практический справочник, а не книгу по теории перевода, нам придется хотя бы вкратце обратиться к понятию «единица перевода».

Не вдаваясь в историю происхождения и теоретических подходов к понятию «единица перевода» как минимальной единицы, подлежащей переводу[23], заметим только, что ведущийся в работах по теории перевода спор о том, представляет ли слово, морфема, словосочетание, предложение или связный текст «единицу перевода», напоминает притчу о слепцах, ощупавших слона, а затем поведавших, что он собой представляет: толстый канат, столб или стену. Единицей перевода может быть и слово, и словосочетание, и предложение, и абзац, и текст.

Обычно у каждого многозначного слова имеется какое-либо одно основное значение, не требующее контекста[24]. Никто из людей, владеющих иностранным языком, не испытывает затруднения при ответе на вопрос «Что означает такое-то слово?» или «Как переводится такое-то слово?» – если только они не сталкиваются со случаем явной лакуны, то есть отсутствием переводного эквивалента. Обычно все же ответом на вопрос, как по-немецки *новый,* будет слово *neu, старый – alt, смеяться – lachen, denken – думать, стол – Tisch*. Но *стол заказов* уже не *Tisch,* и *паспортный стол* – тоже не *Tisch*. Отменяет ли тот факт, что *стол заказов* – не *Tisch,* принципиальную возможность перевести слово *Tisch*

на русский язык вне контекста? Нет, не отменяет. Слово *Mund* переводится НРС как *рот* или как *уста* с пометой *устар.* или *поэт.* Но в словосочетании *j-n auf den Mund küssen* это слово следует переводить как *губы,* а не как *рот* (*поцеловать кого-либо в губы;* перевод *поцеловать кого-либо в уста* допустим, но лишь для текстов соответствующей эпохи или стиля). Слово *fehlen,* согласно НРС, означает *1. недоставать, не хватать 2. отсутствовать 3. жаловаться.* Однако в предложении *Er fehlte bei keiner Ausstellung* оно не переводится ни одним из приведенных в словаре способов, а все предложение следовало бы переводить как *Он не пропускал ни одной выставки.* Словосочетание *обращать внимание* переводится, согласно РНС, как *achten, beachten, Aufmerksamkeit schenken.* Но вопрос *Ты обратила внимание, как он на меня смотрел?* стоило бы перевести как *Hast du gemerkt, wie er mich ansah?*, а призыв *Обратите внимание, на мне сегодня новая блузочка!* нужно было бы перевести как *Guckt mal, ich habe eine neune Bluse an!*

Можно ли все эти примеры рассматривать как доказательство того, что предлагаемые словарем переводы неверны, потому что они недостоверны и неполны? Словарь не может привести все мыслимые контексты с одним словом, в которых в полном объеме проявятся его многозначность и все возможности его перевода; словарь дает лишь некоторое направление. Приводимые в нем переводы на уровне слов — основные, наиболее частотные и вероятные, в наименьшей степени зависящие от контекста. Специфические контексты и словосочетания заставляют искать другие варианты. Разумеется, жаль, что помощь словаря ограничена и что использование предлагаемых им вариантов в определенных ситуациях чревато ошибками, в особенности при переводе с родного языка на иностранный, но возможности лексикографии не беспредельны.

Спор о том, что является единицей перевода, — это спор о том, можно ли определить значение слова вне контекста, в минимальном контексте или лишь в рамках текста. На самом деле — и то, и другое, и третье. Если бы перевод на уровне лексемы был невозможен, то нельзя было бы учить язык с помощью зубрежки. Слово *Haar* означает *волосы,* даже не-

смотря на то обстоятельство, что простейшее словосочетание *Haare waschen* должно переводиться на русский язык не как *мыть волосы,* а как *мыть голову.* В большинстве конкретных употреблений это слово все-таки переводится как *волосы,* и, если изобразить *Haare* в виде простого рисунка, то русская подпись под рисунком будет именно *волосы,* а не *голова.* Для усвоения многозначного слова необходимо выучить все его значения с их переводами — разумеется, в том минимальном контексте, в котором проявляется то или иное значение в отличие от всех прочих. Обычно таковым является словосочетание. Употребление слова в идиомах диктует необходимость заучивать идиомы как отдельные единицы перевода, в том числе представленные целыми предложениями (например, пословицы). То, что некоторые значения двуязычными словарями упускаются, или то, что в определенных контекстах слово приходится переводить совсем иным способом либо вовсе не переводить, не отменяет необходимости запоминать его вне текстового употребления, потому что лексический состав языка обычно усваивается не на уровне связных текстов. Слова учат с тем минимальным контекстом, который необходим, чтобы выявить их конкретное значение. Иногда этим минимальным контекстом является и неидиоматичное (в традиционном смысле слова) предложение, например: *С чего он это взял? — Woher will er das wissen?* В данном случае пример (предложение) приходится запоминать целиком, потому что только в этом специфическом окружении выявляется нестандартное значение глагола *взять* как *wissen wollen.* В подобных примерах мы имеем дело с синтаксической идиоматикой, с фразами-формулами: значение фразы складывается не только из ее лексических составляющих, но и из порядка слов в сочетании с вопросительностью. В некоторых случаях и предложение не является минимальным контекстом для выявления значения слова, а таковым может выступать только короткий текст (два-три предложения) или речевая ситуация в целом. Например, фраза *Я хотел кое-что уточнить* может быть переведена как *Ich wollte noch einiges (genauer) nachfragen,* или *nachschlagen,* или *nachschauen* — в зависимости от конкретной ситуации (уточнить, переспросив со-

беседника, или уточнить, заглянув в справочник или иной источник информации). Фразу *Ihn hat's erwischt* в зависимости от контекста можно перевести как: *Ему пришлось несладко; Его сцапали; Он прогорел; Болезнь его настигла; Он влюбился* и некоторыми другими способами.

Что касается перевода художественного или публицистического текста, то он может быть полноценным только в рамках исторического, социального, культурного контекста, в который включен данный текст. Некоторые отрезки текста вне понимания содержания текста в целом вовсе не перевести. Например, слово *заведение* в предложении *Здешнее заведение совсем новое, три недели как открылось, и работа еще в самом начале (Б. Акунин)* переводчик Андреас Третнер (Andreas Tretner) переводит как *Institut*. Двуязычный словарь (НРС) предлагает вариант *Anstalt*. Однако слово *Anstalt* для перевода не годится: оно многозначно, и переносное его значение – психиатрическая лечебница – как теневая или потенциальная ассоциация нежелательно. В тексте речь идет о школе-интернате для одаренных детей-сирот. Переводчик выбирает вариант *Institut* как уважительное наименование учреждения в устах его руководительницы и основательницы леди Эстер. Это решение проистекает из знания содержания текста. Вторая часть той же фразы – *работа еще в самом начале* – для немецкого синтаксиса неприемлема, переводчик вынужден синтаксис изменить и ввести в предложение иное подлежащее – обозначение того, кому предстоит совершить работу. Третнер выбирает вариант *wir stehen mit unserer Arbeit noch am Anfang*. Сделать подлежащим местоимение *wir* позволяет ему опять-таки только знание текста в целом: леди Эстер причисляет себя к тем, кто активно участвует в работе. Уже этот пример иллюстрирует необходимость понимания содержания всего текста для корректного перевода отдельных его частей.

Для сохранения композиционного и смыслового равновесия в переводе текста – в первую очередь, художественного или публицистического текста – переводчику необходимо понимать замысел, композицию, ощущать ритм, звукопись, образность; для выбора слов и синтаксических конструкций ему требуется знать историческую эпоху, осо-

бенности, привычки, пристрастия автора, видеть скрытые намеки, аллюзии, игру слов, учитывать особенности характеров героев (например, при переводе диалогов). Занятие художественным переводом требует от переводчика колоссальной подготовительной работы, а также вкуса, чувства меры, хорошего образования, высокой концентрации внимания, уважения к чужому тексту и некоторых других качеств и действий, которые обычно не связывают с представлением о единице перевода. Единицей перевода художественного текста является как самый текст, так и его внеязыковой контекст.

После этих рассуждений становится понятно, почему мы считаем дискуссию о том, что представляет собой единица перевода, праздной, по крайней мере, в рамках справочного пособия для переводчиков. В нем мы предлагаем в качестве примеров те минимальные единицы, в рамках которых лексемы проявляют свои значения.

2.2 СЛУЧАЙНОСТИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПЕРЕВОДНЫХ СООТВЕТСТВИЙ

По мере проникновения в лексические и грамматические пласты другого языка приходит понимание, что родной язык не служит эталоном при членении, осознании и наименовании объектов и явлений действительности. Так, пословный перевод лексемы *летучая мышь* как **fliegende Maus* – это не столько пример невладения языком перевода, сколько сигнал, что человеку может быть невдомек, что другой язык – это не обязательно калька с родного. Совпадение (в данном случае чисто гипотетическое) между лексемами *летучая мышь* и *fliegende Maus* по форме и содержанию составляющих эти словосочетания слов должно было бы восприниматься человеком, изучающим иностранный язык, как случайность, а не как нечто само собой разумеющееся. По мере изучения иностранного языка исчезает уверенность, что можно перевести *Nilpferd* как *лошадь Нила* или *нильская лошадь* или предположить, что слово *лопух* в переносном значении («бестолковый человек», «олух», «простак») долж-

но быть представлено в немецком точным эквивалентом – *Klette.* Если бы такое совпадение имело место, то оно было бы чистой случайностью. Так, случайно то обстоятельство, что слово *Klette (лопух, репей)* в переносном значении переводится на русский язык тоже словом *репей* («приставучий, назойливый человек»: *Пристал как репей. – Er klebt an mir wie eine Klette.*), а не названием какого-нибудь другого растения со сходными свойствами. И вовсе не следует ожидать, что русская пара *находить/находчивый* (*находчивый* – не «тот, кто что-либо находит», а «тот, кто быстро находит остроумный ответ или решение трудной проблемы»), имеет в немецком параллель в виде пары *finden/findig*. Подобные совпадения содержания и формы в двух языках – случайность. К другой паре родственных слов с их непростыми семантическими взаимоотношениями параллели в языке перевода может не оказаться. Так, *иезуитский, иезуитство* в русском языке приобрело переносное значение резко отрицательного свойства: «утонченно-жестокий, бесчеловечный (софизм), утонченно-жестокое обращение с кем-либо (не в физическом, а в моральном отношении)», а в немецком такого переносного значения не возникло, здесь *jesuitisch* означает только все то, что связано с орденом иезуитов. *Недалекий* в русском языке обнаруживает переносное значение *неумный, ограниченный (человек),* а в немецком подобного переносного значения у его эквивалента нет: *unweit* означает только *находящийся неподалеку.*

Под случайностью совпадения здесь и далее следует понимать не конкретный пример, который может быть как раз исторически объясним как неслучайный (например, влияние одного языка на другой или влияние третьего языка как на немецкий, так и на русский), а явление, характерное для всей языковой системы в целом. Даже если имеются конкретные заимствования, пересечения, кальки, они для развития языков случайны. Прежде чем переводить словосочетание *недалекий человек* на немецкий, стоит задуматься, имеем ли мы основания считать, что в немецком *unweit* обрело аналогичное переносное значение. И ответ всегда должен быть один: нет, не имеем (даже если есть конкретные опровержения такой позиции в других случаях). Как только

мы осознаем, что не имеем никаких оснований механически переносить представления о развитии многозначности с одного языка на другой, мы сделаем первый шаг к правильному переводу. В качестве второго шага имеет смысл заглянуть в словарь.

Поморфемный перевод одного слова или пословный перевод словосочетания нередко может увенчаться успехом. Например, зная, что приставка *aus-* часто соответствует русским приставкам *из-* или *вы-,* и зная значение корня *-gehen,* можно перевести слово *ausgehen* как *исходить* или *выходить,* и оба перевода будут правильными. Зная, что суффикс *-los* чаще всего соответствует русской приставке *без-/бес-,* можно перевести *fruchtlos* как *бесплодный* и *furchtlos* как *бесстрашный,* и это будут корректные переводы. Сложное слово *Karriereleiter* переводится пословно (по частям) как *карьерная лестница,* и выясняется, что такое словосочетание действительно есть в русском лексиконе.

Однако переводческий опыт показывает, что таких «попаданий» меньше, чем хотелось бы, и что вероятность ошибок при поморфемном или пословном переводе чрезвычайно высока. Все-таки большая часть лексических единиц переводится не по отдельным составляющим. Например, русский суффикс *-тель* часто указывает на деятеля, представителя профессии *(учи-тель, води-тель, обвини-тель).* Но вот слово *краси-тель* обозначает неодушевленный предмет *(Farbstoff),* а человек, который красит какие-либо материалы, именуется *красильщик (Färber).* Немецкое слово *Kassensturz,* казалось бы, прозрачное по своему составу и поддающееся пословному переводу как *кассовый крах, крушение финансов,* означает на самом деле *сведение дневного баланса, ревизия кассы.*

Даже эти немногочисленные примеры показывают, что перевод слов по частям чреват ошибками. Поэтому уже на ранних этапах изучения иностранного языка необходимо взять себе за правило не прибегать к поморфемному или пословному переводу, выучив прежде всего значения служебных морфем и некоторых корней, а стараться заучивать слова или устойчивые выражения целиком. Иногда, правда, и самый опытный переводчик оказывается в положении но-

вичка, то есть человека, вынуждаемого обстоятельствами докапываться до значения слова или выражения «по кирпичикам» – если, скажем, ни один из имеющихся в распоряжении словарей не дает ключа к переводу или если по каким-то причинам словаря нет под рукой. Однако переводчик отдает себе при этом отчет, что вероятность ошибки выше вероятности «попадания».

При любой степени владения языком необходимой предпосылкой для перевода является убежденность в том, что родной язык – это только один из многих языков мира, что совпадения на морфологическом уровне типа *усовершенствовать – vervollkommnen* – это приятные и неожиданные случайности, а не выражение закономерности, что слово *лапоть* в значении «простак» или «бесхарактерный человек», скорее всего, каким-либо образом может быть переведено на немецкий даже при том, что исходное значение того же слова отражает специфическую реалию русского крестьянского быта.

2.3 ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА НА УРОВНЕ СЛОВАРЯ И НА УРОВНЕ ТЕКСТА

Трудности подстерегают профессионального и непрофессионального переводчика на каждом шагу. Множество слов и выражений приходится переводить описательно, например, обозначения реалий *(невозвращенец, былина, Hauptschule, Wohnberechtigungsschein)*. Иные слова и выражения при переводе опускаются. Так, в немецком языке значительно чаще, чем в русском, используются модальные глаголы. Перевод предложений с модальными глаголами во многих случаях представляет собой эллипсис по сравнению с оригиналом: *Soll ich ihn anrufen? – Мне ему позвонить?* Или: *Kannst du bitte meine Tasse mitnehmen? – Прихвати, пожалуйста, мою чашку.* Наоборот, определенные слова и выражения необходимо при переводе добавлять. Например, русский язык допускает безглагольные конструкции, в немецком же безглагольных предложений практически не бывает. Русское *Чего тебе?* необходимо переводить, домысли-

вая глагол: *Was willst du?* или: *Как Вам моя жена? – Wie gefällt Ihnen meine Frau?*

Иногда одно слово приходится при переводе расщеплять на группу (словосочетание), например, *витийствовать – blumig reden, hochtrabend reden; veruntreuen – не вернуть долг.* И наоборот, словосочетание переводится одним словом: *делать вид – tun, sich stellen*. Часто существительное невозможно перевести существительным же (например, существительное *взяточник* переводится такими прилагательными, как *korrupt, käuflich, bestechlich,* а соответствующего существительного в немецком нет), а глагол – глаголом *(как водится – wie immer, wie sonst).*

Бывает, что слово в прямом значении обладает эквивалентом в другом языке, а переносное значение того же слова ничего общего не имеет с переносными значениями его эквивалента в языке перевода. Например, *настольная лампа – Tischlampe,* но вот *настольная книга* – не **Tischbuch,* а *Lieblingsbuch, das meist gelesene Buch*.

Каждый, кто имел дело с переводом, знает случаи, когда в языке перевода не отыскать слова или выражения, стилистически соответствующего исходному. Так, *чадо* можно перевести только как *Kind, Sprössling;* стилистические же особенности слова *чадо* (шутливый оттенок или архаичность) остаются при переводе неучтенными, пропадают самым досадным образом. *Er tickt anders als ich* можно перевести как *Он иначе устроен,* однако при этом в переводе теряется стоящий за *ticken* образ часового механизма.

Порой слово в одном и том же значении переводится поразному в зависимости от того, употребляется ли оно в восклицании или в вопросе, в сочетании с первым лицом или с третьим, в грамматически положительном контексте или грамматически отрицательном. *Halt den Mund!* означает *Закрой рот! Заткнись!* А выражение *Ich hielt den Mund* означает *Я промолчал;* предложение же **Я закрыл рот* представляется ненормативным. Если же это вопрос: *Kannst du den Mund halten?* – то его можно понять двояко: либо как *Ты можешь помолчать?* либо как *Ты умеешь держать язык за зубами?* Тот же вопрос о третьем лице: *Kann er den Mund halten?* означает, скорее всего, только *Он умеет держать язык за зубами?*

Буквальный перевод часто порождает германизмы или русицизмы. Например, словосочетание *царский подарок* теоретически можно перевести как *Zarengeschenk,* и адресат поймет, какой смысл вкладывается в это слово, однако немцы так не говорят, и по переводу слушателю или читателю будет ясно, что перед ним русицизм. Немцы в аналогичной ситуации скажут *ein fürstliches Geschenk, ein großzügiges Geschenk*. Аналогичная ситуация возможна в другом направлении: буквальный перевод с немецкого на русский нередко порождает германизмы. Например, *Ты должен позвонить ему назад* как буквальный перевод фразы *Du sollst ihn zurückrufen* – довольно распространенная ошибка в речи русских, давно живущих в Германии.

Иногда слово или словосочетание имеет прямой эквивалент, но он неупотребителен: переводчика поймут, однако цели такой перевод не достигнет, если она заключается не только в том, чтобы адекватно донести смысл, но и в том, чтобы удачно сформулировать что-либо в соответствии с общепринятой нормой, то есть не только понятно, но и стилистически точно. А.Д. Швейцер приводит пример нескольких попыток перевода знаменитых строк из «Фауста»: *Grau, teurer Freund, ist alle Theorie // und grün des Lebens goldner Baum.* Вот перевод А. Фета: *Теория, мой друг, сера везде, // А древо жизни ярко зеленеет;* вот – Н. Холодковского: *Суха, мой друг, теория везде, // А древо жизни пышно зеленеет;* а вот – Б. Пастернака: *Теория, мой друг, суха, // Но зеленеет жизни древо.* Добавим еще к этому сравнению трех переводов четвертый – перевод В. Брюсова: *Сера, мой друг, теория везде, // Златое древо жизни зеленеет.* Прямое значение прилагательного *grau* как *серый (цвет)* сохраняют в своих переводах Фет и Брюсов. Причем Брюсов единственный, кто передает и золотой цвет дерева жизни, но в его переводе пропадает вербальное выражение противопоставления – видимо, по причинам чисто ритмическим. Швейцер признает переводы Холодковского и Пастернака более удачными, т. к. «противопоставление серого цвета зеленому не воссоздает подразумеваемого в оригинале противопоставления нежизнеспособности расцвету, энергии»[25]. Добавим к этому комментарию, что для русского читателя *сухая теория* – бо-

лее привычный и потому более понятный образ, чем словосочетание *серая теория*. Не случайно именно в этом варианте гетевское двустишие прочно вошло в крылатые слова лексикона русского языка. Любопытно, что переводы Холодковского и Пастернака при цитировании нередко смешиваются, цитата воспроизводится неточно, но словосочетание «теория суха» или «суха теория» сохраняется в любых вариантах, в ней только меняется иногда порядок слов.

При переводе художественной, технической, специальной научной литературы и устных текстов словарь играет роль опоры, но он не может предложить оптимальные решения для любой ситуации и для любого контекста, т. к. не отражает синтагматики, сочетаемости, конкретного речевого потока и не содержит чисто прагматических сведений. Не только профессиональным переводчикам, но и любому носителю языка попадались тексты, переведенные формально грамотно, но звучащие «не по-русски» или «не по-немецки». Хороший переводчик художественного текста на родной язык, придерживаясь не буквы, но духа и подчас пренебрегая формой ради содержания, меняет не только лексическую канву, но и переделывает синтаксис. Степень свободы переводчика по отношению к тексту оригинала отражает его мастерство и языковую культуру. Эта тематика подробно освещена в книге Норы Галь «Слово живое и мертвое», а также в работе Пауля Кусмауля «Понимание и перевод», и интересующихся мы отсылаем к ним[26].

А.В. Смирнов описывает процесс перевода как деятельность по сворачиванию высказывания исходного языка в некоторый промежуточный концентрат, обладающий свойством целостности и смыслом, но не состоящий более из конкретных слов и грамматических форм, и развертывания этого смысла в виде оформленной по правилам языка перевода новой структуры. Переводчик слышит исходное высказывание, понимает его, а затем как бы забывает. После этого, когда исходное высказывание уже не находится в памяти и в поле ясного сознания переводчика, он начинает выстраивать высказывание на языке перевода[27]. Смирнов описывает процесс устного перевода; письменный перевод осуществляется принципиально по той же схеме, с той лишь

разницей, что задача переводчика облегчается постоянной зрительной опорой на текст. Однако именно эта опора таит в себе и опасность поддаться обаянию перевода пословного. При устном переводе у переводчика нет иного выхода, как только, выслушав фразу, абстрагироваться и (отчасти) забыть услышанное, а затем начинать выстраивать высказывание на языке перевода лишь с опорой на смысл исходного высказывания, в том виде, как он сложился в его сознании. При переводе письменном власть синтаксиса и морфологии оказывается значительно сильнее и отвлечься от находящегося перед глазами трудно.

Приведем только несколько примеров «буквального» и рекомендуемого перевода в сопоставлении. *Zwei männliche Kollegen haben mir heute vorgehalten, dass ich Schwarz trage.* Хотя *männlich,* согласно словарям, означает *мужской,* а *Schwarz – черный цвет,* фраза **Двое мужских коллег упрекнули меня сегодня в том, что я ношу черный цвет* звучит для носителя русского языка странно. То же содержание будет вполне удачно передано фразой *Двое (коллег) упрекнули меня, что я сегодня в черном* (в слове *двое* уже содержится указание на представителей мужского пола, поскольку о женщинах скажут *две – женщины, дамы, девушки, коллеги*), а *Schwarz tragen – носить* или *надеть черное,* а не *носить черный цвет.*

Еще пример: *Er hat noch anderes zu tun* – все слова здесь ясны, но, если мы попробуем перевести это предложение, придерживаясь не духа, но буквы, то получим **Он должен еще делать* (или *сделать*) *другое.* Любой русский, прочитав такое предложение, сразу догадается, что написал его иностранец. Тот же смысл, будучи передан действительно по-русски, может быть представлен в виде фраз *У него еще есть дела; У него еще (есть) другие планы; Ему еще есть чем заняться.*

Хотя *geschmeidig – гибкий, ловкий, пластичный,* а *Tier – зверь, животное,* предложение *Er kletterte den Zaun hinunter wie ein geschmeidiges Tier* не следовало бы переводить как *Он слез с забора как гибкое животное,* хотя формально русское предложение совершенно грамотно. Просто – русский так не скажет. А скажет он, скорее всего, в подобной ситуации *Он по-звериному ловко спрыгнул с забора; Он по-звериному изящно/ловко соскочил на землю.*

Sie war hübsch anzusehen звучит по-немецки грамотно, а дословный перевод **Она была хорошенькая (по)смотреть* сформулирован не по-русски; предложение же *На нее было приятно посмотреть* – это неточный перевод, поскольку пропадает причина, почему именно приятно, то есть указание на приятную внешность. Фразу придется переделать, например, так: *Она была такая хорошенькая, что любо-дорого (по)смотреть.* Фразу *Sie machen einen kompetenten Eindruck* нельзя перевести как **Вы производите компетентное впечатление,* потому что впечатление не может быть компетентным, оно может быть только сильным, приятным, неприятным, отталкивающим, то есть атрибутика *впечатления* может двигаться по оси положительности-отрицательности и их интенсивности. Немецкое слово *Eindruck* так же, как и в русском, имеет свои собственные атрибуты на той же семантической оси. Но в данном предложении *kompetent* относится синтаксически к *Eindruck,* а семантически – к *Sie,* и эта конструкция в немецком языке вполне допустима и даже распространена. Семантическая отнесенность не совпадает с синтаксической, так же, как и в предыдущем примере *Sie war hübsch anzusehen*. В русском такая двойная связь запрещена, синтаксическая и семантическая соотнесенность неотделимы друг от друга. Адекватная предложению *Sie machen einen kompetenten Eindruck* фраза по-русски может звучать как *Вы производите впечатление компетентного человека* или *Судя по всему, Вы человек компетентный.*

Согласно НРС, слово *mild* означает *мягкий, добрый, доброжелательный, сострадательный, нестрогий, снисходительный, приятный.* Если использовать один из предложенных вариантов перевода *mild* для передачи смысла предложения *Piraten hatten ihren milden Tag* на русский, то получится **У пиратов был (их) мягкий (снисходительный, сострадательный, доброжелательный) день,* что по-русски звучит неграмотно. Требуется вариант перевода вроде: *Пираты в этот день были настроены миролюбиво.*

Предложение *Er besuchte den kränkelnden Diktator am Krankenbett* нельзя перевести как **Он навестил хворающего диктатора у постели больного.* Хотя в русском и есть выражение *у постели больного,* оно не годится для данного контек-

ста. Здесь *больной* обозначает конкретного больного, тогда как в немецком сложном слове *Kranken-* – это больной как таковой, любой, абстрактный больной. Получается, что, включая выражение *у постели больного* в русское предложение, мы допускаем тавтологию: он навестил больного у постели больного же. Кроме того, нельзя никого навещать у постели вообще. Можно сидеть или посидеть, стоять или постоять, быть или побывать у постели больного, но нельзя никого у постели навещать или посещать. Таким образом, немецкое предложение можно перевести только как *Он навестил больного диктатора* (с потерей информации о том, что тот лежал в постели; в русском языке есть выражение *прикованный к постели,* но оно означает состояние тяжелой хронической болезни, поэтому в данном случае неуместно) или как *Он навестил больного диктатора, которому врачи прописали постельный режим.*

2.4 ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ И ЛАКУНАРНОСТЬ

Поскольку носители национальных языков познают и отражают мир с помощью языковых средств принципиально одинаково, несмотря на национальные особенности лексики и грамматики родного языка, непереводимых лексем или фраз в принципе нет и быть не может. Это не означает, однако, что в языках нет этнокультурной специфики. В каждом языке существует определенное количество грамматических категорий, параллели которым обнаруживаются только в некоторых других языках. Кроме того, в любом национальном языке имеется слой так называемой «безэквивалентной» лексики. Но и она переводима, хотя ее перевод может считаться таковым лишь с определенной степенью приближенности. Например, описание культурных реалий в теории перевода тоже считается одним из видов перевода; его так и называют: описательный перевод. Имеются и другие способы перевода реалий; они описаны практически во всех учебниках по теории перевода. Следует строго различать две ситуации: нет эквивалента и нет перевода[28]. Отсутствие переводных эквивалентов на уровне словарного состава язы-

ка – это распространенное явление, знакомое любому переводчику; примерно с середины прошлого столетия в переводоведении и в контрастивной лингвистике стало принято называть это явление лакунарностью. Перевод же – тот или иной, более или менее удачный – найдется всегда. Как можно передать любую мысль иными, синонимичными, средствами в одном языке, так любую мысль можно передать и средствами другого языка. Под выражениями «отсутствие перевода» или «непереводимость», которые нередко используются в литературе по переводоведению, следует понимать отсутствие переводного эквивалента на уровне лексикона. Синтагматика, свободная сочетаемость, парафразы, описания – все эти переводческие приемы, в конечном итоге, служат тому, что мысль как таковая доносится до собеседника адекватно, хотя фраза и теряет при переводе, возможно, часть яркости, остроумия, эффектов от игры слов и других стилистических приемов. Так или иначе, мы можем быть уверены, что читали Шекспира или Томаса Манна, даже если читали мы на самом деле не оригиналы, а хорошо выполненные профессиональные переводы Шекспира или Томаса Манна.

Перевод стихотворных произведений, как правило, проигрывает по сравнению с оригиналом, т. к. рамки ритма и рифмы в значительной степени ограничивают свободу переводчика, а морфологические и фонетические черты языка перевода иногда так отличаются от соответствующих черт языка оригинала, что иные стилистические приемы, построенные только на них, в языке перевода попросту неосуществимы.

Но иногда, наоборот, содержание и форма мысли от перевода только выигрывают, хотя такое явление встречается реже. Например, в рассказе «Контора» Тургенева есть такое место: «Ну, Лиса Патрикевна, пошла хвостом вилять!.. Я его дождусь, – с сердцем проговорил Павел и ударил рукой по столу. – А, да вот он и жалует, – прибавил он, взглянув в окошко, – легок на помине.» В немецком переводе словосочетание *Лиса Патрикеевна* переведено как *Fuchs (Da wedelt er schon mit dem Schwanz, der Fuchs!)* А идиома *легок на помине* – как *wenn man vom Wolf spricht …* (начало пословицы *Wenn man vom Wolf spricht, ist er nicht weit)*[29].

Перекличка образов лисы и волка — несомненная удача перевода; от нее текст выигрывает и приобретает дополнительную глубину.

Отступлением от тезиса о принципиальной переводимости являются, пожалуй, анекдоты, каламбуры, стихи и шутки, построенные только на игре слов — тут частенько переводимость заканчивается и начинается, действительно, безнадежная непереводимость. Например, немецкое фразеологическое выражение *j-m ein Kuckucksei ins Nest legen* примерно равнозначно русской идиоме *подложить свинью кому-либо.* В следующей фразе обыгрывается образ яйца, из которого вылупляется птенец: *Man hat uns mit der Zwangsfusion von zwei selbstständigen Unternehmen ein Kuckucksei ins Nest gelegt, aus dem jetzt ein veritabler Pleitegeier geschlüpft ist („Der Spiegel“).* Мало того, что из яйца кукушки вылупляется вовсе не кукушонок; слово *Pleitegeier* заключает в себе очередной виток игры, потому что *-geier* означает не «гриф (порода птицы)», а «банкротство». Получается, что в этой фразе двойная игра слов. Следующий перевод теряет оба игровых элемента: *Насильственно объединив две самостоятельные фирмы, нам подложили свинью, которая обернулась натуральным банкротством.* Хотя этот перевод более или менее точный, его никак нельзя назвать удачным — уж очень велики потери по сравнению с оригиналом. Свинья, оборачивающаяся банкротством, — довольно странный образ. Несмотря на то, что слово *свинья* в рамках идиомы означает вовсе не то, что оно означает в роли самостоятельного слова, тем не менее некоторый образ животного за ним сохраняется и может в любой момент активизироваться в сознании благодаря игре слов. Именно эта активизация в данном варианте вызывает ощущение нелепости. Можно представить себе и такой перевод: *Насильственно объединив две самостоятельные фирмы, нам подложили свинью, годную лишь на то, чтобы вылететь на ней в трубу.* Образ летающей свиньи оживляет картину, некоторый игровой элемент благодаря выражению *вылететь в трубу,* то есть «разориться», «обанкротиться», в предложении возникает. Но можно ли такой перевод назвать творческой удачей — дело вкуса.

В рассказе Тургенева «Хорь и Калиныч» есть место, когда гость выясняет, что все дюжие молодцы, собравшиеся на дворе, — сыновья хозяина дома по прозвищу Хорь. Один из сыновей шутит, что все они — *сплошь хорьки.* В немецком переводе — *lauter Iltisjungen*[30]. Поскольку в переводе имя *Хорь* сохранено без изменений *(Chorj),* переводчик вынужден в этом месте дать в сноске комментарий: „Chorj heißt russisch Iltis." Можно было бы, вероятно, вместо такого решения с самого начала перевести *Хорь* как *Iltis,* поскольку в оригинальном тексте это не имя, а прозвище, связанное с отшельническим образом жизни его носителя. Но и в этой ситуации игра слов *Хорь — хорьки* была бы отчасти потеряна, поскольку в русском языке она основана на аффиксации, а в немецком вместо аффикса к *Iltis* добавляется существительное *-jungen,* то есть *детеныши,* и игровой элемент оказывается если и не полностью утрачен, то в значительной мере стерт.

Ситуации такого рода — наиболее мучительные, но и наиболее интересные для переводчика. Для того чтобы справиться с ними, требуются не только знание языка и переводческие навыки, но и творческая активность, изобретательность, вдохновение и чувство юмора. Но как бы переводчик ни вышел из этой ситуации — перед нами окажется либо творческая находка переводчика-изобретателя, сохраняющая прелесть игры, но теряющая лексическую связь с исходным текстом, либо тусклое подобие оригинального текста, потерявшее игровой элемент.

Наглядный пример досадной, но, по-видимому, неизбежной утраты игры слов — перевод названия пьесы Оскара Уайльда „The Importance of Being Earnest" на русский язык: «Как важно быть серьезным». Немецкому названию пьесы „Wie wichtig es ist ernst zu sein"[31] по чисто объективным причинам повезло больше: в английском и в немецком слова *Earnest/Ernst* («серьезный») совпадают по звучанию с мужским именем Эрнст. Главный герой пьесы — якобы Эрнст, а в действительности вовсе не Эрнст, а Джек, человек крайне несерьезный и выдумавший себе имя Эрнст для забавы; при этом его невеста любит его в первую очередь как раз за его благозвучное имя, означающее «серьезный», и ни за что не

согласилась бы выйти замуж за человека с иным именем; открыть ей правду значило бы ее потерять. Таким образом, словесная эквилибристика названия усиливается по ходу пьесы благодаря интриге. Текст буквально сверкает и искрится остроумием Уайльда. В русском же игру слов в названии пьесы передать не удается, и часть авторского замысла, таким образом, оказывается нереализованной, а текст тускнеет[32].

Несколько проще решается проблема языковой игры, если она встречается не в заглавии, а в коротком эпизоде внутри текста, в таком, например, предложении: *Der Barkeeper hieß Kummer, und so sah er auch aus*. Теоретически фамилию бармена можно было бы перевести как *Горемыкин* или как *Бедняжкин* и таким способом обыграть авторскую шутку («как его звали, так он и выглядел, его вид вполне соответствовал его фамилии»). Но русификация фамилии контрастировала бы с другими фамилиями и именами героев того же романа, явно немецкими. Поэтому, видимо, придется сохранить фамилию *Куммер* нетронутой и дать в сноске комментарий: *слово Kummer означает «горе», и этим значением объясняется задуманная автором языковая игра*.

Нелегко придется и при переводе такого диалога: *Und ist der Verkäufer nie wieder aufgetaucht? – Doch. Im See. Er war tot.* Немецкий глагол *auftauchen* означает как *всплывать,* так и *появляться, проявляться, обнаруживаться*. Последний глагол сгодился бы, вероятно, для обеих реплик и позволил хотя бы отчасти передать мрачный юмор: *Продавец с тех пор так и не обнаружился? – Отчего же. В озере. В виде утопленника*. Этот перевод теряет по сравнению с оригиналом в образности, но все-таки позволяет использовать для обеих реплик один и тот же глагол. Однако в конечном итоге в подобном эпизоде каламбур для содержания не очень важен, даже если по-русски его не передать. Исчезновение черного юмора ответной реплики не отразится слишком уж заметно на содержании текста.

Значительно более сложной задачей представляется перевод строк Анны Ахматовой: *Брошена! Придуманное слово // – Разве я цветок или письмо?* Здесь весь смысл двустишия покоится на многозначности страдательного причастия от

глагола *бросить*: «покинуть» и «выбросить». *Бросить* в значении «покинуть кого-либо» – *verlassen*. Но цветы и письма нельзя *verlassen,* их можно только *wegwerfen*. Ахматова обыгрывает многозначность причастия, а параллельной многозначности у его эквивалентов в немецком не наблюдается. Как поступать переводчику в данной ситуации? Ответа на этот вопрос у нас нет. Переводческое решение может быть как результатом творческого озарения, так и итогом упорных многодневных поисков.

Подобные упражнения сродни математическим задачам на смекалку: *Nicht jeder, der aus dem Rahmen fällt, war davor im Bilde; Ich gehe kaputt – gehst du mit? Erst schaffen sie den Waldweg, dann schaffen sie den Wald weg; Wer Glauben schenkt, ist ihn los*[33]; *Не устают люди думать о завтрашнем дне: какое оно будет, завтрашнее дно? (анекдот); Можно быть непонятым при жизни, можно быть при жизни понятым (Л. Семаков); Я за ним в глазок следил, даже в оба (О. Григорьев); И какая меня муза укусила? (Т. Шаов); А зовы здесь тихие (М. Безродный); Патриарх отдал богу душу (заголовок газетной статьи).* Мы предоставляем читателям поупражняться в переводе предложенных примеров.

Понятие лексической лакуны, или безэквивалентной лексики, в литературе по проблемам перевода и переводимости определено нечетко. Лексической лакуной обычно называют отсутствие в лексиконе одного языка эквивалента для лексической единицы другого языка[34]. В определении не указывается, что именно считать эквивалентом. Является ли отсутствие в немецком стилистически эквивалентного перевода для глагола *запамятовать* или для существительного *ланиты* признаком лакунарности? Считать ли наличие одного слова в исходном языке и (формально неидиоматического) словосочетания в качестве его предполагаемого перевода в другом языке условием, удовлетворяющим критерию лакунарности? Представляет ли словосочетание *nicht enden wollend* эквивалентный перевод для *нескончаемый* или в немецком наблюдается в этом месте лакунарность, поскольку в качестве перевода можно подобрать лишь словосочетание, не являющееся формально даже устойчивым элементом лексикона, не говоря уже о полностью отсутствующих в

нем следах идиоматичности? А *делать перерыв* для *pausieren?* Есть ли эквивалентные переводы на немецкий язык для глаголов *бледнеть, вечереть, рябить, темнеть,* если в их переводах участвуют прилагательное или существительное в сочетании с глаголом *werden* («становиться») и переводы представляют собой свободные словосочетания, а не словарные лексемы? В немецком лексиконе имеется слово *stadtbekannt*. Является ли его перевод *известный в городе* единицей русского лексикона? Вероятно, любой лексикограф ответит на этот вопрос отрицательно. Но содержит ли этот отрицательный ответ уверенность в том, что мы как носители русского языка составляем эту группу пословно, а не извлекаем ее из памяти целиком?

Далее, неясно, можно ли причислять к лакунам случаи, когда в языке перевода отсутствует слово, принадлежащее к той же части речи. Некоторые исследователи считают частеречные расхождения между языками свидетельством лакунарности, но единой точки зрения на это явление нет[35]. Например, в немецком языке не существует глагола, который бы соответствовал русскому *першить (в горле),* но есть выражения *einen rauen Hals haben, einen Frosch im Hals haben*. В русском языке нет прилагательного для перевода немецкого *graumeliert,* но имеется предложная группа *с проседью.* Можно рассматривать подобные явления как разновидность лакун, а можно считать, что, если перевод подобрать можно, то частеречные расхождения сами по себе еще не свидетельствуют в пользу лакунарности. В конечном итоге, все упирается в определение эквивалента.

Спорный случай представляют и родо-видовые отношения между лексиконами, когда одному слову в исходном языке соответствует несколько слов в языке перевода, каждое из которых отражает предмет, признак или действие, являющееся референтом переводимого слова, лишь отчасти[36]. Например, немецкому *Schuhe* соответствуют русские существительные *туфли, башмаки, ботинки, босоножки, сандалеты, тапочки*. Но есть в русском языке и родовое по отношению ко всем перечисленным словам понятие *обувь,* которое также является переводом слова *Schuhe*. Русское существительное *костюм* переводится и как *Anzug*, и как

Kostüm, в зависимости от пола того, кто его носит, а также от ситуации (например, театральный, маскарадный костюм, независимо от пола человека, который его носит, – *Kostüm*, как и женская деловая одежда). Родовое понятие в немецком языке отсутствует[37]. Так или иначе, все эти примеры иллюстрируют явление, при котором одно слово в исходном языке распадается на несколько эквивалентов в языке перевода, и эти эквиваленты соотносятся с исходным словом так, как виды или подклассы соотносятся с родом или классом. Гипонимы *туфли, ботинки* и т. д. можно рассматривать лишь как частичные эквиваленты гиперонима *Schuhe*, следовательно, и в данной ситуации наблюдается своего рода лакунарность: для слов на уровне вида имеется перевод только на уровне рода. У глагола *waschen* как обозначения родового понятия для *мыть/стирать* эквивалента в русском языке нет, а есть его частичные эквиваленты, отражающие лишь частные случаи смысла *waschen* в зависимости от того, что именно является объектом, на который направлено действие *мыть/стирать*. Однако правомочна и противоположная точка зрения: перед нами не лакуны, т. к. у каждого из перечисленных здесь слов имеется зафиксированный в двуязычных словарях перевод. Переводчику не приходится мучиться и ломать себе голову, подбирая более или менее подходящее по смыслу словосочетание, как это случается, если язык перевода действительно не предоставляет удобных средств для адекватной передачи смысла: например, для перевода глагола *unterbieten* в русском языке нет эквивалента и переводчику приходится придумывать подходящее словосочетание в зависимости от конкретного контекста: *брать меньшую плату; не достигать какой-либо отметки; предлагать товар по более низким ценам, чем у конкурентов; предлагать что-либо за меньшую цену, на более льготных условиях*. А тот же глагол в газетном заголовке *Koalitionspartner unterbieten sich im Reformeifer* перевести и вовсе затруднительно: *Участники коалиции не спешат с реформами; Участники коалиции не отличаются рвением по части реформирования страны; Участникам коалиции неохота заниматься реформами* – эти или еще какие-либо варианты перевода теряют образ, заключенный в глаголе *sich unterbieten*, – образ людей, соревнующих-

ся в деле недостижения цели, – а именно в его семантике и кроется в первую очередь авторская ирония (глагол *sich unterbieten* содержит аллюзию на свой антоним *sich überbieten,* который означает «лезть из кожи вон», «делать что-либо наперебой», «соревноваться в рвении»). Ситуации очевидного отсутствия эквивалента все-таки нельзя безоговорочно ставить в один ряд со случаями родо-видовых отношений между переводимым словом и его частичными эквивалентами.

Спорный статус в вопросе о лакунарности представляют также случаи, когда и исходное слово, и переводное настолько связаны контекстом, что единого эквивалента и предложить-то невозможно. Так, слово *непроглядный* в русском языке встречается в очень немногочисленных словосочетаниях: *непроглядная ночь, непроглядная тьма, непроглядный туман.* В первых двух словосочетаниях *непроглядный* переводится как *stockdunkel* или *stockfinster,* а в третьем как *dicht*. Можно ли считать *stockdunkel, stockfinster* эквивалентами слова *непроглядный* вне контекста и ставить их на иерархической шкале «уровень слова – уровень словосочетания – уровень предложения» на одну ступеньку выше эквивалента *dicht,* неясно. Скорее всего, у слова *непроглядный* эквиваленты обнаруживаются исключительно на уровне словосочетаний. Представленный в РНС перевод *непроглядный* как *stockfinster* на уровне слова – скорее, дань лексикографической традиции.

Привлекают внимание и слова, для которых в одной словарной статье и на одно значение словарь предлагает множество переводов. Например, глагол *j-n vermissen* переводится целой серией слов и словосочетаний: *скучать по кому-либо; недосчитаться кого-либо; нуждаться в ком-либо; кого-либо недостает, не хватает; хватиться кого-либо; спрашивать о ком-либо; замечать отсутствие кого-либо.* Предложение *Keiner vermisst sie* может быть истолковано как минимум трояко: *1) Никто о ней не спрашивает; 2) Никто ее не разыскивает; Никто ее не хватился; 3) Никто по ней не скучает; Никто не замечает ее отсутствия.* Если одно слово нуждается в столь подробном и многоплановом толковании, то возникает вопрос, есть ли у этого слова эквивалент или все эти толкования – лишь попытки его «нащупать»? Скоп-

ление переводов, подаваемых через запятую в одной словарной статье, вызывает подозрение, не имеем ли мы здесь дело с лакунарностью.

Такое же подозрение возникает и в тех случаях, когда слова явно распадаются при переводе на множество переводных значений, если от уровня слова переходить к уровню словосочетания – подобно тому, как распадается на дольки апельсин. Например, слово *peinlich* переводится НРС несколькими вариантами, разделенными по лексикографической традиции цифрами: *1. мучительный, неприятный, неловкий 2. педантичный 3. уголовный* (последнее значение устарело). Но корпус примеров словосочетаний и коротких фраз показывает, что у *peinlich* практически нет эквивалентов на словарном уровне: каждое словосочетание переводится по-своему: *Alles ist peinlich protokolliert. – Все досконально записано в протокол; Das kam mir peinlich vertraut vor. – Пахнуло чем-то до боли знакомым; Die deutsche Mannschaft ist fast peinlich. – Немецкая команда играет неприлично плохо; Er erzählte eine peinliche Geschichte. – Он поведал историю, воспоминания о которой были для него мучительны; Er war peinlichst genau auf seine Erscheinung bedacht. – Он тщательно следил за своей внешностью; Внешность играла для него исключительно важную роль; Он придавал большое значение своему внешнему виду; Es ist überaus peinlich! – Полный позор! Вот так конфуз!; Ich finde diese Meetings recht peinlich, sie sind so schlecht organisiert! – Эти совещания – сплошное недоразумение, они так плохо организованы! За эти совещания приходится краснеть, до того плохо они организованы!; peinlich berührt – неприятно задетый, задетый за живое; peinliche Entdeckung der Polizei – обнаружение улик, позорное для полиции (из-за неумело, непрофессионально проведенной операции); Über seinen Vater berichtet er Peinliches. – О своем отце он сообщает компрометирующие сведения; Vielleicht ist es ihnen peinlich, dass sie ein behindertes Kind haben. – Может быть, они стесняются того, что ребенок у них инвалид.* Семантическая емкость обеспечивается множеством мельчайших семантических составляющих лексического значения – сем. На словарном уровне можно выделить в лучшем случае несколько сем, общих для исходного языка и языка перевода – «что-

либо неприятное, мучительное, связанное с совестью, «некоторое отступление от этической нормы». Мы встречаемся здесь с крайне аморфным и плохо выделяемым в конгломерате сем лексическим значением слова в исходном языке, и предлагать для такого емкого по семантике слова переводы на лексическом уровне, то есть вне всякого контекста, не вполне корректно: эти переводы плохо помогают в конечном итоге переводить конкретные словосочетания и предложения.

В любом языке имеются лексемы, перевод которых покрывает лишь часть их значений, но не в силу того, что они представляют собой родовое слово по отношению к переводам, а потому, что их значения включают в себя обилие сем, не покрываемое в том же объеме ни одной из единиц перевода. Такие слова затруднительно перевести одним словом с той же легкостью, с какой мы переводим существительные *табурет* или *Nacht*. Немецкое прилагательное (или наречие) *spontan* означает не только *спонтанный,* но и *непроизвольный, внезапный, вдруг, по наитию, без подготовки, без предупреждения, по зову сердца* – и все эти русские лексемы отражают лишь определенную сторону очень емкого значения слова *spontan*. А существительное *Schikane* означает по-русски *придирка, произвол, злоупотребление властью, притеснение, козни, крючкотворство, издевательство, строгость.* Речь при этом идет не о многозначности, а именно о емкости значения: в нем сосредоточено такое множество сторон и оттенков, что к подобным словам трудно подобрать не то что перевод, но даже объяснение, что они означают, внутри исходного языка. Как и в случаях родо-видовых отношений между лексемой языка оригинала и языка перевода, перед нами одновременно перевод и не перевод. Эквивалентность переводов на уровне лексикона явно ущербна, хотя в тексте они способны передать смысл адекватно, поскольку текст, по крайней мере, отчасти, снимает множественность сем: он позволяет одним из них проявиться более отчетливо и заслонить собой другие. Русские слова *бесхитростный, веселый, вздорный, дерзкий, доброта, жеманиться* – примеры такого рода лексем, переводы которых на уровне словаря лишь приближаются в сумме своей к их значению.

Наиболее яркие примеры такого рода семантической емкости, или размытости – лексемы эмоционально окрашенные, в которых присутствуют семы оценки и отношения к чему-либо (такие слова в словарях обычно имеют при себе стилистическую помету – «бранное», «неодобрительное», «пренебрежительное», «ласкательное»), или слова чисто оценочные, в которых оценочные семы настолько важны, что фактически составляют ядро значения: *валенок, замухрышка, занюханный, мура, недотепа, Gesäusel, Heini, Kraftmeier, Modepüppchen.* В связи с этим лексическим пластом «плохо переводимых» слов тоже можно вести речь о лексических лакунах – если признать таковыми ущербные, неполные эквиваленты. Например, прилагательное *unerhört* можно переводить не только как *неслыханный* или *невероятный* (согласно немецко-русскому словарю Москальской), но и приблизительно двадцатью другими способами, в зависимости от словосочетаний и общего стиля текста *(потрясающий, фантастический, ни в какие ворота не лезет, немыслимый, несусветный, верх чего-либо)*. Кроме семы «выражение субъективной оценки чего-либо необычного» в этом слове практически нет значений, оно лишено концептуального наполнения. Для двуязычных словарей такие слова представляют серьезную проблему, и как ее решать, не вполне ясно. Можно, конечно, попробовать заполнить словарную статью огромным количеством примеров, не предлагая переводов на словарном уровне вовсе. Но и это решение не способно предохранить от ошибки, если человек не найдет среди всего этого моря примеров конкретного словосочетания, которое ему требуется.

Бывает и так, что для слова нельзя найти эквивалент на словарном же уровне не в силу емкости его семантики и не потому, что оно представляет собой гипероним по отношению к переводам (вроде *waschen – мыть/стирать*), а лишь в результате условностей, налагаемых языком перевода. Так, для слова *notorisch* перевод диктуется словосочетаниями, и обусловлено разнообразие переводов не столько семантикой существительного, сколько традицией: *notorischer Fremdgänger – неисправимый бабник, вечный бабник; notorischer Personalmangel – постоянная нехватка персона-*

ла; notorischer Schulschwänzer — закоренелый прогульщик; notorischer Spieler — заядлый игрок; notorischer Steuerhinterzieher — злостный неплательщик налогов; notorischer Witz — дежурная шутка, в зубах навязший анекдот. Норма русского языка не допускает словосочетаний **завзятый бабник,* **закоренелый анекдот,* **злостный игрок.* Понятно, что соблюдение нормы — дань условности. Но все же если перевод таких слов, как *notorisch,* всецело предопределяется словом — соседом по словосочетанию, а вне словосочетаний его назвать затруднительно, то не лакуна ли перед нами? Есть ли у этого слова эквивалент или эквиваленты обнаруживаются лишь для словосочетаний?

Есть случаи, когда эквивалентный перевод на словарном уровне имеется вне всякого сомнения, но в текстах этот эквивалент почти не употребляется, а заменяется различными синонимами — и не потому, что он неверен, а лишь потому, что он непривычен, неупотребителен. Например, немцы, оценивая какое-либо явление как негативное, нередко употребляют слово *grotesk* в самых широких контекстах: о каком-либо решении, толковании какого-либо явления, чьем-либо поведении они могут сказать *Das ist grotesk.* В русском языке слово *гротескный* является прямым эквивалентом *grotesk,* но русское соответствие в бытовом языке используется редко, его чаще встретишь в специальных литературоведческих текстах. В повседневной жизни русские скорее скажут *Это уму непостижимо; Это курам на смех; Это выходит за рамки приличия* или еще что-либо, соответствующее ситуации, отклоняющейся от нормы и здравого смысла. Слово *администрация,* хотя и переводится в РНС как *Administration,* значительно чаще в конкретных текстах и словосочетаниях должно переводиться как *Behörde, Amt* — такова традиция. В связи с частотностью употребления, таким образом, снова возникает подозрение, не лакуны ли перед нами: теоретически эквивалентный перевод есть, но практически он используется крайне редко и только в специфических контекстах.

Имеются лексемы, которые в словосочетаниях и фразах не переводятся без добавления еще какого-либо слова или слов. Например, немецкий глагол *abraten* нельзя перевести

глаголом *отсоветовать,* а можно только словосочетанием *отсоветовать что-либо делать (отсоветовать обращаться к кому-либо, писать кому-либо, ехать куда-либо).* Немецкий язык допускает словосочетания *vom Urlaub abraten, vom neuen Wagen abraten* – а в русских переводах требуется добавить инфинитив: *отсоветовать ехать в отпуск* или *брать отпуск, отсоветовать покупать новую машину.* Мы имеем здесь дело с необходимостью восполнять оригинал дополнительной информацией, диктуемой грамматической нормой языка перевода (валентностью глагола). Следовательно, перевод *отсоветовать* – это не эквивалент, а лишь часть эквивалента. Значит, и здесь перед нами своего рода лакуна?

Неясно, как обстоят дела с лакунарностью и при переводе с немецкого на русский многих сложных слов. Это еще одна своего рода *Grauzone*. Слово *Grauzone* удачно иллюстрирует затронутый здесь тезис: оно переводится как *невыясненный вопрос, невыясненное обстоятельство; аспект проблемы, подход к которому пока неясен.* Эквиваленты были всегда, однако они не передавали образности оригинала. И лишь с недавнего времени в русском языке появилось выражение *серая зона*, в котором фиксируется «цветовой» образ. Сложное слово *Möchtegern,* почти прозрачное по своей метафоричности, переводится как *выскочка, хвастун.* Связь с оригиналом через образ человека, который изо всех сил хочет казаться лучше или солиднее, чем он есть на самом деле, в переводах утрачена. Глагол *kleinreden* переводится на русский язык как *преуменьшать, приукрашивать* – однако эти русские глаголы значительно шире по значению, чем немецкий *kleinreden*, и для каждого из них РНС предлагает немецкие эквиваленты, отличные от *kleinreden*. Перед нами переводы, но являются ли они эквивалентами оригинала? Аналогичная ситуация наблюдается для таких сложных слов, как *Mundpropaganda (устный отзыв), Nachwuchskraft (молодой сотрудник, молодой специалист), Rufmord (дискредитация), Weichei (слабак), Zaungast (сторонний наблюдатель)* и множества других; русский перевод для них имеется, но в нем настолько стерта образность исходного слова, что не вполне ясно, можно ли называть его эквивалентным. Весь вопрос опять-таки упирается в то, какие именно свойства

перевода удовлетворяют требованиям, предъявляемым к эквиваленту.

Лакунарность обнаруживается иногда не на уровне начальных словоформ, а в определенном месте грамматической парадигмы. Например, у глагола *победить* есть немецкий эквивалент: *siegen*. Но для предложения *Ich werde siegen* с глаголом в первом лице единственного числа футурума эквивалентный русский перевод не подобрать: в русском языке форма глагола *победить* в первом лице единственного числа будущего времени отсутствует. Можно сказать только: *Я сумею победить; Мне удастся победить; Я одержу верх; Я окажусь победителем*.

У глагола *ernten* (в переносном смысле) имеется точный русский эквивалент *пожинать*, образованный по аналогичному метафорическому принципу от прямого значения, зеркального по отношению к немецкому прямому значению глагола *ernten*. Однако у русского глагола нет формы совершенного вида, поэтому фразу *Mit seinem spektakulären Auftritt erntete er allgemeine Aufmerksamkeit* с помощью глагола *пожинать* не перевести (**Своим необычным выступлением он пожал всеобщее внимание*): предложение требует глагола совершенного вида. Переводчику приходится прибегнуть к трансформации – при наличии абсолютно точного словарного эквивалента: *Своим необычным выступлением он возбудил всеобщее внимание*.

Лакунарность возникает иногда при расхождении между языками в грамматическом числе. Например, слово *Frechheit* переводится НРС как *наглость, дерзость, нахальство, бесцеремонность*. Это эквивалентные переводы для немецкого слова в единственном числе. Но у него есть и множественное: *Frechheiten*. В русском языке из всех четырех возможных эквивалентов множественное число образует только слово *дерзость – дерзости*. Но оно при переводе не всегда уместно. Например, его можно использовать в переводе предложения *Ich muss mir diese Frechheiten nicht länger anhören. – Мне надоело выслушивать эти дерзости;* но уже для предложения *Ich werde mir diese Frechheiten nicht länger mit ansehen* оно для перевода не подходит: дерзости нельзя видеть, созерцать или наблюдать. Скорее всего, придется выходить из

положения с помощью словосочетания *наглые выходки: Я не собираюсь терпеть далее подобные наглые выходки* или *Мне надоело быть свидетелем этих наглых выходок*.

Все эти случаи заставляют рассматривать лакунарность как явление не только объективное, но и субъективное: определение лакунарности в первую очередь зависит от исследователя и его подхода. Как договоримся, так и будем считать. Этот момент – условности, договоренности – с одной стороны, объясняется тем, что в понятие лексического эквивалента можно вкладывать различное содержание, а с другой вызывается чисто объективной трудностью: никто в конечном итоге не знает, какие единицы участвуют в порождении речи и являются ли лексемы в той форме, в какой они отражены в современной лексикографии, действительно теми минимальными «кирпичиками», из которых выстраивается речевой поток.

Вместо термина «слово» в контексте лакунарности стоило бы использовать термин «лексема», который представляет собой синоним лексической единицы. Лексемой может быть и группа слов, обозначающих вкупе одно понятие, которое воспроизводится, то есть извлекается из памяти, а не создается заново в речи[38]. Если в немецком языке исходное слово является результатом словосложения, то русское соответствие чаще всего представлено двумя и более словами, например, *Mutterschutz* – это *декретный отпуск,* а *Erziehungsurlaub* – это *отпуск по уходу за ребенком*[39]. Русский переводный эквивалент является не словом, а словосочетанием, но при этом единой лексемой. Каким бы растянутым и громоздким ни было словосочетание *отпуск по уходу за ребенком,* это лексическая единица русского языка, она закреплена в законодательстве, в сознании носителей языка и воспроизводима в речи. Русское существительное *кипяток* соответствует немецкому словосочетанию *kochendes Wasser,* и последнее, не являясь идиомой, представляет собой свободное словосочетание, если исходить из семантики составляющих его единиц. Это сочетание не обнаруживает семантических смещений относительно семантики тех же единиц вне его. При этом словосочетание *kochendes Wasser* является номинативной единицей немецкого языка, обозначает

определенный объект и воспроизводится в речи целиком, а не создается заново путем синтагматики, аналогично словосочетаниям *книжная полка, настольная лампа, обеденный стол, стенные часы.* Для них есть немецкие эквиваленты в виде сложных слов, так же как для *kochendes Wasser* есть русский эквивалент *кипяток,* не представляющий собой сложного слова. Как эти примеры ни манифестируются – расчлененно в виде словосочетаний, нерасчлененно в виде сложных или простых слов, – все они представляют собой лексемы, то есть единицы словаря[40]. Лакунами же принято называть в первую очередь те случаи, когда перевод является описательным, то есть не представляет собой единицу словаря в языке перевода, или когда семантика предлагаемого перевода значительно изменена по сравнению с семантикой оригинала, что позволяет говорить не о точном переводе, а о паллиативе[41].

Однако часто невозможно решить, имеем ли мы дело с лексемой или сочетанием лексем. Вероятнее всего, цепочки слов вроде *человек, страдающий манией величия* или *человек с высшим образованием* – это свободные словосочетания и на месте немецких *Gernegroß* или *Akademiker* в русском языке лакуны. Словосочетания же *angeflogen kommen (прилетать), angeschwommen kommen (приплывать), подозревать дурное (argwöhnen), произносить банальности (dreschen), умереть от жажды (verdursten),* возможно, хранятся и извлекаются из памяти целиком, а возможно, и нет. А может быть, иногда так, а иногда иначе. Как часто мы договариваемся с кем-либо встретиться или созвониться *в первой половине дня* (а немец ограничился бы в аналогичной ситуации кратким *am Vormittag*). Создаем ли мы довольно громоздкое на первый взгляд словосочетание *в первой половине дня* в каждом речевом акте заново или с легкостью извлекаем его как лексему из памяти, то есть воспроизводим хранящуюся в нашей памяти лексическую единицу? Есть огромное число неясных случаев, колеблющихся между статусом лексемы и статусом синтаксически свободного словосочетания. Пока мы не знаем, как на самом деле осуществляется процесс речепорождения и какими единицами мы в нем оперируем, следует к этой материи подходить с осторожностью – в не-

мецком для обозначения этой осторожности есть удачная лексема *Fingerspitzengefühl*.

Иные выражения или короткие предложения кажутся результатом свободного сочетания слов – до тех пор пока не требуется их перевести. Например, по-русски мы говорим человеку на другом конце телефонного провода *Не вешайте трубку.* Казалось бы, что в этой фразе от лексемы? Но если ее перевести на немецкий, получим *Bleiben Sie dran,* а вовсе не **Hängen Sie den Hörer nicht auf*. Значит, наше ощущение свободы обманчиво. Значит, мы гораздо чаще оперируем в языке готовыми формулами, чем принято предполагать, если не привлекать к анализу перевод и если исходить из традиционных словарей и способа представления в них лексического состава языка.

Еще Шарль Балли писал: «Слово в большинстве своем является единицей иллюзорной, обманчивой, отнюдь не всегда соответствующей единицам мысли»[42]. В последнее время в российской лингвистике появились работы, призывающие рассматривать свободные словосочетания как равноправную часть номинативного состава языка. В этих работах приводится обоснованная аргументация в пользу такого направления[43]. Добавим, что одним из наиболее убедительных и ярких аргументов может служить перевод.

Существует и еще одно обстоятельство, которое ставит под удар любую классификацию лакун. Дело в том, что перевод производится все-таки обычно в рамках текста. Перевод слов, словосочетаний и простейших предложений как неотъемлемая часть дидактики и лексикографии – это лишь необходимая ступень, готовящая изучающего иностранный язык человека к переводу текстов.

Иногда кажется, что у слова лексический эквивалент есть, но это представление существует лишь до тех пор, пока мы не сталкиваемся с конкретными употреблениями этого слова в словосочетаниях и предложениях. Так, слово *mörderisch* переводится НРС как *смертельный, убийственный, смертоносный, опустошительный, умерщвляющий*. Но словосочетание *mörderische Rache* или предложения *Liebe kann mörderisch sein; Diesmal sind die Aliens kompromisslos böse und mörderisch* перевести на русский язык с помощью пред-

лагаемых словарем эквивалентов невозможно. *Mörderische Rache,* вероятно, следовало бы перевести как *кровавая месть,* а предложения, соответственно, как *Любовь бывает опасна для жизни* (или *Любовь иногда заканчивается смертельным исходом*) и *В этот раз инопланетяне не желают идти на компромисс и жаждут крови.* Получается, что словарная эквивалентность ущербна: она имеется лишь для некоторых употреблений слова *mörderisch.* В других ситуациях мы прибегаем в русском переводе к помощи эквивалентов совсем иных немецких слов: *blutig, blutrünstig, lebensgefährlich, tödlich.* Слово *gefährlich* переводится НРС как *опасный,* но предложение *Er lebt gefährlich* нельзя перевести как **Он живет опасно.* Для этого употребления у слова *gefährlich* эквивалента в русском языке нет. Мы переведем это предложение, по всей вероятности, как *Он постоянно рискует,* то есть используем при переводе эквивалент глагола *riskieren* или устойчивого словосочетания *dem Risiko ausgesetzt sein,* а не эквивалент слова *gefährlich.* А вот отрывок с тем же прилагательным из детективного романа: *War sie tot? Die Blutlache um ihre Schläfe sah gefährlich aus.* Здесь тоже перевести *gefährlich* как *опасный* было бы неверным решением. Скорее всего, этот отрывок можно перевести следующим образом: *Неужели она погибла? Лужица крови около ее виска свидетельствовала именно об этом.* НРС предлагает в качестве переводов немецкого слова *der Teil* такие варианты, как *часть, доля, деталь, элемент, сторона.* Однако для перевода предложения *Ihr Körper, jeder Teil desselben, war von anderer, fremder Schönheit* ни один из предлагаемых словарем вариантов для перевода слова *Teil* не годится, так же, как не годится ни один из предлагаемых в том же словаре эквивалентов слова *anderer – другой, иной, отличный, следующий, остальной.* И заметим, что в данном предложении нет идиоматики, то есть все слова употреблены в их собственных значениях, без типичных для фразеологии семантических сдвигов и смещений. Но сказать по-русски **Ее тело, все его части (элементы, детали) обладали другой (иной, отличной), незнакомой (чужой, чуждой) красотой* противоречило бы норме. И данное предложение можно было перевести, предположим, как *Ее тело, вся ее стать источали нездешнюю, не*

встречавшуюся мне доселе красоту (а можно было бы слово *тело* и вовсе исключить или предложить вариант *Весь ее облик был овеян какой-то нездешней красотой* – выбор слов и их сочетаний зависит как от вкуса переводчика, так и от стилистики текста в целом, а также от отражаемой в нем исторической эпохи). Следовательно, и для слова *Teil,* и для слова *anderer* русский язык обнаружил в данной конкретной ситуации лакуны; нам не удалось подобрать для них эквивалентов, а пришлось заниматься поисками иных средств, которые приблизительно отражали бы (с нашей точки зрения) авторскую идею.

Трудности подобного рода преследуют переводчика в его деятельности постоянно: словарная эквивалентность не способна покрыть эквивалентность конкретных употреблений слов в речи. В процессе накопления переводческого опыта становится все очевиднее, что почти любой предлагаемый двуязычными словарями перевод в тех или иных контекстных условиях оказывается неприемлем. На начальных этапах изучения иностранного языка учащиеся бывают еще так не уверены в своих силах, что боятся оторваться от словаря и пытаются – часто за счет смысла, грамматических правил или стиля родного языка – втиснуть в прокрустово ложе предложения подобные варианты. Люди с опытом понимают, что словарь дает лишь направление, предлагает несколько наиболее частотных вариантов, но не способен обеспечить нахождение любого варианта для перевода предложений в текстах.

В принципе, любое слово в тексте может обернуться в языке перевода лакуной. Получается, что о лакунах правомочно говорить только ограничиваясь словарным, лексикографическим уровнем, а последний отражает, как известно, лишь малую толику того, что происходит с реальными словами в реальных текстах.

Это обстоятельство релятивирует понятие словарной эквивалентности и, соответственно, лакунарности: лакуны на уровне словаря и лакуны на уровне речи – это не одно и то же, но эти явления связаны друг с другом столь тесно, что нельзя говорить об одном, не упоминая другого. Лакуны словаря восполняются в речи словарными эквивалентами со-

всем иных слов, но и не-лакуны словаря оборачиваются лакунами в речи и также восполняются с помощью «чужих», «заимствованных» эквивалентов. В этом отношении разрыв между имеющимися и отсутствующими эквивалентами на словарном уровне оказывается не столь большим, каким он представляется, если отвлечься от речевых употреблений.

Эти рассуждения не ставят под вопрос актуальность и важность изучения и классификации межъязыковых лакун — они лишь обращают внимание лингвистов, занимающихся этой тематикой, на ограниченность и известную условность любой классификации случаев отсутствия переводных эквивалентов.

2.5 О ПЕРЕВОДИМОСТИ И НЕПЕРЕВОДИМОСТИ

Поскольку настоящий справочник посвящен, главным образом, лексемам, для которых по тем или иным причинам непросто подобрать перевод, то необходимо остановиться на проблематике переводимости как таковой.

По вопросу о том, способны ли тексты одного языка быть полностью или частично переведены на другой язык, существуют три точки зрения: не могут (абсолютная непереводимость); могут (абсолютная переводимость); могут лишь отчасти (относительная переводимость).

Первой позиции придерживаются приверженцы радикальной версии так называемой гипотезы лингвистической относительности (ГЛО), или неогумбольдтианства. Согласно этой гипотезе, каждый язык творит своеобразную картину мира и народ — носитель этого языка — является ее узником, не способным выйти за ее пределы. Между человеческим сознанием и реальностью существует промежуточная реальность, порождаемая языком (Zwischenwelt — в терминологии Лео Вайсгербера[44]). Непереводимость обусловлена самой природой языка: его назначением служить промежуточной реальностью, уникальной для каждого языкового сообщества (Sprachgemeinschaft). Попытки выйти за границы этого промежуточного мира обречены

на неудачу. Язык непосредственно воплощает в себе «дух народа». Поэтому взаимопонимание между народами – иллюзия.

Если следовать логике ГЛО, то придется признать принципиальное отсутствие билингвизма, принципиальное отсутствие синонимии, принципиальную непереводимость. Возникает явный конфликт между теорией и практическим опытом человечества, которое располагает и образцами мастерски выполненных переводов, и примерами полного билингвизма, и синонимическими рядами в рамках одного языка.

Противоречие между ГЛО и явлением свободного владения двумя и более языками многие сторонники этой теории замалчивают; другие же пытаются разрешить его рассуждениями о раздвоении личности билингвов: при переходе с одного языка на другой их мысли, чувства и поведение меняются. «У билингвов одновременно сосуществуют две языковые картины мира, у специалистов по иностранным языкам вторичная языковая картина мира накладывается на первичную, заданную родным языком», – резюмирует С.Г. Тер-Минасова[45]. «...Изучение иностранного языка (особенно на начальном, достаточно продолжительном этапе, дальше которого, к сожалению, многие изучающие язык не продвигаются), сопровождается своеобразным раздвоением личности»[46]. В качестве доказательства приводятся обычно признания самих билингвов – научных подтверждений раздвоения личности у людей, свободно владеющих несколькими языками, нет.

Гипотеза лингвистической относительности не может признавать и наличие синонимии. Ведь если допустить возможность преобразования одного и того же смысла в разные формальные представления, то потребуется признать наличие смыслового инварианта вне его конкретного языкового воплощения, а это противоречит основной посылке неогумбольдтианства.

Сторонники гипотезы лингвистической относительности утверждают, что эквивалентность перевода – иллюзия: «Социокультурный фактор, то есть те социокультурные структуры, которые лежат в основе структур языковых, окон-

чательно подрывает идею «эквивалентности» слов разных языков, совпадающих по значению, то есть по соотнесенности с эквивалентными предметами и явлениями окружающего мира»[47]. Тезис о принципиальной непереводимости находим и в книге А.О. Иванова, посвященной безэквивалентной лексике: «Ни в отношении формы (плана выражения), ни даже в отношении значения (плана содержания) тексты ИЯ и ПЯ[48] и единицы этих текстов не могут быть тождественны в принципе»[49]. А.В. Корниенко в учебном пособии «Дискурсный анализ» также постулирует глобальную непереводимость: «Давно осознан факт, что значения слов в разных языках не совпадают (даже если они, за неимением лучшего, искусственно ставятся в соответствие друг другу в словарях). Значения слов отражают и передают образ жизни и образ мышления, характерные для языковой общности»[50].

Существует противоположная радикальная точка зрения: все переводимо. Концепция абсолютной переводимости была разработана в первую очередь философами – Декартом, Лейбницем. Эта же концепция отстаивается в Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal (Всеобщей и рациональной грамматике Пор-Рояля) 1660 года. Поскольку человеческие языки, и в первую очередь их грамматики, имеют аналогичный строй и поскольку нет оснований считать, что логические операции протекают в сознании людей по-разному в зависимости от их национального языка, то и выразить любой смысл можно на любом языке. Позиции универсализма языков и полной переводимости придерживаются Н. Хомский, Л. Ельмслев, Э. Кошмидер. Тезис полной переводимости – это, скорее, тезис философский или логический. Вряд ли сторонникам универсалий неясно, что в каждом языке существуют обозначения специфических для культуры соответствующего народа реалий или что слова нередко обладают особыми стилистическими и/или ассоциативными коннотациями, которых нет у их эквивалентов в другом языке и что уже поэтому неправомочно вести речь о полной эквивалентности, если включать в значения слов коннотации. Однако если рассматривать в качестве задач перевода в первую очередь передачу концептуального, денотативного и логического содержания, то переводимо все.

Наконец, есть позиция промежуточная, или умеренная. Она принята в настоящее время в большинстве переводоведческих работ. Ее излагает в своей ставшей уже хрестоматийной книге о переводе „Einführung in die Übersetzungswissenschaft“ Вернер Коллер (Werner Koller). В противовес гипотезе лингвистической относительности с ее представлением о непереводимости, Коллер называет свою позицию концепцией «относительной переводимости» (relative Übersetzbarkeit). Ниже мы приводим его тезисы подробно.

1. Безотносительно теоретизирования существует успешная практика перевода и успех коммуникации посредством перевода. Практика же доказывает, что языки в их отношениях к культурам подвижны и изменчивы. Коммуникативная потребность влечет за собой изменения в употреблении языковых знаков. Перевод – гибкий инструмент в деле реагирования на подобные изменения; кроме того, он может способствовать изменениям в языке, на который осуществляется перевод.
2. Язык – не только средство коммуникации о посторонних вещах, но и средство коммуникации о языке. У любого языка есть метаязыковая функция. Отгороженность отдельных языков друг от друга не абсолютна, границы между ними проницаемы благодаря метаязыковому изложению. Любые сложности, касающиеся трудностей перевода, можно растолковать. Для этого есть примечания, сноски, предисловия, комментарии внутри текстов и т. п.
3. В дихотомии «язык и мышление» Вайсгербер и Уорф преувеличивают роль языка и преуменьшают роль мышления. Э. Леннеберг, например, утверждает, что когнитивные процессы складываются прежде языка и что в этой дихотомии сознание является ведущим элементом, а язык подчиненным[51]. Неогумбольдтианство пренебрегает способностью познавать мир неязыковыми способами. Ни один естественный язык не построен так, как построен язык формальной логики, тем не менее все люди независимо от их родного языка владеют средствами формальной логики и способ-

ны сформулировать логику своих рассуждений на естественном языке. Родной язык связан с культурой и воздействует через нее на оценки, но чисто познавательные процессы от естественного языка не зависят и познавательная способность человека может культурные рамки преодолевать.

4. Естественный язык – вовсе не единое образование, в нем сосуществует множество «языков в языке». В рамках одного языка можно обнаружить множество картин мира. Есть языки различных социальных групп: язык образованных и необразованных, язык элиты и язык бедноты, профессиональные языки и проч.
5. Гипотеза Уорфа и Вайсгербера базируется на едином, гомогенном, статичном, вневременном, внеисторическом абстрактном понятии культуры (Kulturbegriff) и понятии языкового сообщества (Sprachgemeinschaft). Понятия «язык», «культура» и «языковое сообщество» сливаются у них в одно нерасторжимое целое. Но на одном и том же языке говорят в разных культурах. На одном и том же языке говорят в разных странах. И наоборот: один и тот же язык может соединять различные культуры в одной стране. Например, на итальянском говорят в Северной и Южной Италии, а культуры у этих частей страны разные.

   Культурные различия – и в связи с ними проблемы переводимости – можно как недооценить (как недооценивают их те, кто уверен в полной и абсолютной переводимости), так и переоценить. Разумеется, можно рассматривать каждую переводческую трудность как непреодолимый барьер между культурами. Например, объявить, что раз в американском автомобиле двойная система ремней безопасности, а в европейских одинарная, то слово Personenwagen на американский английский непереводимо. Осмыслен ли такой подход? Чему он служит? Какое отношение он имеет к практическому переводу?
6. Тезис о принципиальной непереводимости обычно иллюстрируется отдельными примерами непереводимых слов (unübersetzbare Wörter). Это слова, тесно свя-

> занные с культурной спецификой. И действительно, в других языках для таких слов отыскиваются только частичные эквиваленты (нем. Geist, Gemütlichkeit, англ. gentleman, фр. charme). Но даже эти – самые наинепереводимейшие из всех – слова употребляются не изолированно, а в текстах, и в текстах они приобретают конкретный смысл. Этот смысл можно перевести со значительно меньшими потерями, чем изолированные слова – благодаря контексту. И чем больше мы читаем, изучаем и переводим тексты, тем ближе мы подходим к полной переводимости, достигая все более адекватного перевода. Переводимость всегда относительна – так же, как относительно любое понимание смысла сказанного. Успех перевода – относительный успех. Эта относительность определяется не столько количеством непереводимых слов, сколько относительностью понимания любого текста вообще. Некоторые тексты так ясны и прозрачны, что их переводная природа не играет роли. Например, научные тексты или инструкции по употреблению какой-либо техники, техническая документация – пользователю неважно, перевод перед ним или оригинал, ему важно понять суть дела[52].

Коллер же формулирует «аксиому переводимости» (часто цитируемую в учебниках по переводоведению): *Wenn in jeder Sprache alles, was gemeint werden kann, auch ausdrückbar ist, so muss es prinzipiell möglich sein, das, was in einer Sprache ausgedrückt ist, in jede andere Sprache zu übersetzen (Если все то, что в принципе мыслится, способно быть выражено языковыми средствами какого-либо языка, то должна существовать принципиальная возможность все, что выражено на этом языке, передать средствами другого языка)*[53].

Точка зрения Вернера Коллера на переводимость – наиболее распространенная в современном переводоведении, где принято различать непереводимость и лексическую безэквивалентность. Невозможность перевести однословную лексему однословной же лексемой профессионального переводчика, как правило, не занимает, и в этой ситуации проблема непереводимости перед ним не встает[54]. Переводчик

работает с текстами. Но и в текстах непереводимость – явление редкое; главным образом, оно встречается в поэзии или в сфере игры слов. Отсутствие лексического эквивалента (лакунарность) – это категория словарная. Авторы современных работ по теории перевода придерживаются мнения, что, несмотря на наличие в каждом языке безэквивалентной лексики, переводимы в принципе любые тексты – хотя некоторые потери или, наоборот, обогащение семантики фраз и текстов при переводе неизбежны. «Любой язык в принципе может выразить любое понятие: отсутствие в словарном составе языка специального обозначения для кого-либо понятия в виде слова или устойчивого словосочетания не означает невозможности выразить это понятие средствами данного языка. Хотя в системе языка данный знак отсутствует, его содержание всегда может быть передано в речи в конкретном тексте при помощи целого ряда средств»[55]. Даже те теоретики перевода, которые рассматривают эквивалентность как недостижимый идеал, придерживаются прагматической позиции, разделяя эквивалентность на словарном и на текстовом (функциональном) уровне: «Главным в переводе является значение лексической единицы в данном тексте. Поэтому любая классификация переводческих соответствий должна исходить из принципа функциональной тождественности и должна быть ориентирована на текст, а не на словарь»[56].

Для обозначения случаев, когда безэквивалентные лексемы обретают в переводе «вторую жизнь» – например, когда игра слов одного языка заменяется игрой слов другого языка или когда подыскивается способ передачи стилистических особенностей текста оригинала не вполне точными на словарном, но абсолютно точными на текстовом уровне средствами другого языка, – в переводоведении пользуются термином «адекватность». Переводчики знают, что текст на другом языке можно рассматривать как адекватный исходному даже в тех случаях, когда отдельные лексемы переведены не так, как это предлагает двуязычный словарь, строго придерживающийся принципа лексической эквивалентности. И наоборот: соблюдение лексической эквивалентности еще не всегда означает адекватность. Так, традиция дву-

язычной лексикографии предлагать в виде эквивалентов только словарные соответствия, принадлежащие к той же части речи, что и лексемы исходного языка, для реального перевода является скорее помехой, чем поддержкой. Если следовать этому узко понимаемому принципу лексической эквивалентности, перевод текста не осуществить – он не будет не только адекватным, но даже грамотным.

Выразительный пример «неадекватной эквивалентности» приводит Е.В. Бердникова. В переводе романа «Три товарища» Ремарка на вопрос *Интересно, как бы ты выглядел в цилиндре?* – следует ответ: *Как трубочист*. Немецкое *Schornsteinfeger* – *трубочист* – ассоциируется у немцев с человеком в высоком цилиндре; встретить на улице трубочиста – добрая примета. Для носителей русского языка *трубочист* ассоциируется с сажей, грязью. Поэтому перевод диалога можно рассматривать как формально эквивалентный, но функционально неадекватный замыслу автора[57]. Этот пример удачно иллюстрирует дихотомию формальной и динамической эквивалентности, разработанную в книге по теории перевода Юджина Найды[58]. Формальная эквивалентность ориентирована на исходный язык, динамическая – на язык перевода. Перевод *Schornsteinfeger* как *трубочист* в приведенном тексте формально эквивалентен, но динамическая эквивалентность в нем нарушена. Можно привести и другой пример: немецкое существительное *Bulle* по стилю полностью соответствует русскому *мент*. Но русское слово для перевода немецких текстов не годится: оно ассоциируется не с полицией, а с милицией. Стилистическая эквивалентность пары *мент* – *Bulle* чисто теоретическая, на практике она оказывается нежизнеспособной[59]. Адекватность, или динамическая эквивалентность, таким переводом не достигается. Найда указывает, что практика перевода в современную ему эпоху совершает явно выраженный переход от формальной эквивалентности к динамической, то есть к ориентации на знания и ожидания адресатов перевода.

Для характеристики качества переводного текста иногда используется термин «частичная эквивалентность». Это довольно широко трактуемое понятие позволяет разрешить некоторые конфликты, возникающие при оценке эквива-

лентности перевода. Например, частичная эквивалентность может характеризовать отношение между видом и подвидом объекта *(нога – leg/foot),* перевод идиомы неидиоматическим словосочетанием, стилистические расхождения, несовпадения по объему ассоциативных полей. Частичная эквивалентность в переводе не только допустима, но и неизбежна.

Таким образом, теория перевода, рассматривая дилемму переводимость/непереводимость в ее соотношении с эквивалентностью и адекватностью, решает ее в пользу переводимости, но с оговорками и комментариями, касающимися трудностей перевода и допущения частичной эквивалентности, а также описывает набор приемов по достижению эквивалентности.

Явно противоположной позиции придерживается сравнительно недавно сложившееся в России лингвистическое направление «лингвокультурология», постулирующее, вслед за неогумбольдтианством, следующий тезис: «Язык, мышление и культура взаимосвязаны настолько тесно, что практически составляют единое целое, состоящее из этих трех компонентов, ни один из которых не может функционировать (а следовательно, и существовать) без двух других. Все вместе они соотносятся с реальным миром, противостоят ему, зависят от него, отражают и одновременно формируют его»[60].

Постулаты лингвокультурологии в общих чертах формулируются следующим образом: картины мира, рисуемые разными языками, в чем-то схожи, а в чем-то различны. Различия между языковыми картинами обнаруживают себя в лингвоспецифичных лексемах, заключающих в себе уникальные для культуры и менталитета каждого народа концепты. Исследование лингвоспецифичных лексем позволяет смоделировать по крайней мере существенные фрагменты языковых картин мира и конституирующих их концептов.

Тем самым основная цель лингвокультурологии состоит в поиске концептов, или ключевых идей языковых картин мира, отражающих особенности национальных менталитетов. Существование различных коллективных менталитетов по национальному признаку не подвергается сомнению, и

требуется только найти языковые средства, их репрезентирующие. Этими средствами и являются ключевые идеи языковых картин мира. Для обнаружения ключевых идей привлекается понятие непереводимости: ключевая идея – это слово или выражение, не имеющее эквивалента в другом языке.

Однако поиск безэквивалентных лексем в лингвокультурологии совершается нетривиальными для переводоведения способами, что явно обособляет лингвокультурологический подход от подхода переводческого. Переводимость и непереводимость в рамках лингвокультурологии трактуются иначе, чем в теории перевода, хотя это различие, кажется, нигде явно не формулируется. Как непереводимые рассматриваются некоторые лексемы и отдельные грамматические явления, которые в практике перевода обычно успешно переводятся и для переводчиков особых сложностей не представляют. И наоборот, реальные лакуны – слова, для которых нет эквивалентов на уровне лексикона, – в поле зрения лингвокультурологов попадают редко. С позиций лингвокультурологов реальная (осуществляемая на практике) переводимость некоторых лексем является иллюзорной. Справедливо и обратное соотношение: с позиций практикующих переводчиков непереводимость, иллюстрируемая на примерах слов и конструкций, которыми оперируют лингвокультурологи, также представляется иллюзорной.

Отсутствие переводных эквивалентов в западноевропейских языках (лакунарность) как основной критерий для обнаружения ключевых слов языковой картины мира, менталитета, духа народа, культуры (в лингвокультурологии эти понятия обычно употребляются как синонимы) в работах данного направления хотя и упоминается, но не явно и не последовательно: многие примеры непереводимости тех или иных слов на другие языки не представляются убедительными, а для большинства ключевых слов русской языковой картины мира и вовсе не предпринимается попыток перевода. Казалось бы, ключевые слова должны быть непереводимы, иначе они не были бы ключевыми. Но реальный перевод для поиска и определения ключевых слов – явление для лингвокультурологии явно вторичное. Если перевод каких-либо

ключевых слов хорошо известен (например, *судьба — Schicksal, душа — Seele, Herz*), то авторы лингвокультурологических работ заявляют, что он неадекватен, т. к. не отражает всей полноты коннотаций смысла ключевого слова. А слова, для которых действительно нет эквивалентов (типа *самовар, матрешка*), в набор ключевых не попадают.

Частотность критерием также не является: во-первых, в соответствующих лингвистических работах данные о частотности обычно вовсе не приводятся; во-вторых, вряд ли можно вести речь о частотности устаревших слов вроде *авось, молодечество, приволье, соборность, удальство, ухарство* — а ведь именно они и объявлены лингвокультурологией ключевыми для русской ментальности; в-третьих, критерий частотности неудобен еще и тем, что данные частотности могут показать результаты, не укладывающиеся в описываемую концепцию и даже ей противоречащие. Так, анализ русской идиоматики (не включающий, правда, корпус пословиц) показывает, что наибольшее количество идиом в русском языке составляют словосочетания, включающие в свой состав слово *дело*, которое, однако, в набор ключевых слов, согласно работам о русской языковой картине мира, не входит: это противоречило бы таким ключевым словам, как *авось, наплевать, неохота, удальство* и нарушало бы стройную картину русской ментальности. А в немецких текстах, по данным корпуса немецкого языка, составленного в университете Лейпцига[61], на 6-м месте по частотности среди глаголов (после *sein, werden, haben, können, sollen*) располагается глагол *sagen,* а на 7-м — глагол *geben,* из чего можно было бы сделать выводы об общительности и разговорчивости немцев *(sagen),* а также об их щедрости и широте души *(geben)* — но никто из лингвокультурологов этих выводов не делает, потому что они разошлись бы со стереотипными представлениями о немецкой ментальности.

Вообще критерии определения ключевых слов явно не называются, однако из их перечня можно сделать вывод о том, что ведущим критерием является уже заранее сложившееся представление авторов подобных работ о той или иной (главным образом, русской, т. к. большинство работ посвя-

щено именно этой теме) ментальности, ограниченное стереотипами.

Помимо *авось* в русском языке есть его антоним *наверняка,* наряду с существительным *ухарство* есть глагол *стушеваться,* а к слову *душа* имеется антоним *бездушие,* но *наверняка, стушеваться* и *бездушие* в русскую картину мира, согласно работам, ей посвященным, не входят. Иными словами, лексикон русского языка используется для анализа русской ментальности, но ограничение изучаемых участков лексикона производится согласно уже имеющимся до начала всякого анализа представлениям о его будущих результатах.

В немецком языке есть немало лексем, которые даже в текстах перевести бывает затруднительно, например, *befremdend, denkbar, doch* (как возражение), *herzhaft, sich melden, gespannt sein*. Но лингвокультурология подобные случаи в качестве примеров непереводимости не рассматривает. Она объявляет непереводимыми и ключевыми для немецкого менталитета слова *Angst* и *Ordnung*[62]. Речь в таком контексте идет о непереводимости особого рода, не имеющей отношения к реальной переводческой практике. *Страх* и *порядок* как переводы отвергаются – на том основании, что *Angst* и *Ordnung* объявлены особыми концептами немецкой языковой картины мира.

Благодаря авторитету А. Вежбицкой и ее подробному исследованию концепта *Angst* в немецком языке[63], утверждение, что это слово, как уникальный культурный концепт немецкой языковой картины мира, обозначает нечто специфически-непереводимое, стало уже общим местом. Постулируется, что этим словом обозначается особый вид страха, а именно страх немотивированный, вызываемый не внешними обстоятельствами, а психическим состоянием; скорее, это не страх, а внутренняя тревога. Подходящего перевода для этого слова нет, т. к. психологический термин *плавающая тревога,* наиболее точно его значение передающий, в обиходном русском языке не употребляется[64]. Но если внимательно перечитать хотя бы некоторые примеры из немецкой литературы, в которых слово *Angst* обозначает эмоцию мотивированную, обусловленную реальными обстоя-

тельствами, и где оно абсолютно точно переводится на русский язык без необходимости прибегать к профессиональной терминологии, то в мотивированности подобных утверждений приходится усомниться: *Da hieß es gleich, wenn er kein Geld zum Zahlen habe, müsse er ein Lied zum besten geben. Bella verging fast in Angst; kein Lied wollte ihr einfallen ... (Achim von Arnim). – Ей тут же объявили, что если ей нечем платить, пусть споет песню. Белла чуть не умерла от страха: она не способна была вспомнить ни одной песни; Möglichkeit einer solchen Nähe brachte den unbescholtenen jungen Geistlichen begreiflicherweise in die größte Angst (C.F. Meyer). – Мысль о подобной близости испугала молодого неискушенного священнослужителя; Ein Mann hat immer Angst vor einer Frau, die ihn zu sehr liebt (B. Brecht). – Мужчина всегда боится женщины, которая слишком сильно его любит; Während der Junge aus Angst vor Brandverletzungen wimmerte, gelang es dem Vater, sein Bein zu befreien („Die Zeit“). – Пока мальчик плакал от страха при виде ожогов, отцу удалось освободить его ногу.* Перевод существительного *Angst* во всех этих предложениях тривиален[65].

Лингвисты, склонные к тому, чтобы делать заключения о менталитете народа на основании языковых средств, утверждают, например, что в русском языке встречаются уникальные способы выражения «непрямого, некатегоричного, не мотивированного объективными причинами и равнодушного отказа»: такие, как *лень, неохота* что-либо делать[66]. В действительности вряд ли можно говорить об их уникальности. На немецкий язык оба эти выражения переводятся абсолютно точно: *j-d hat keine Lust, j-d hat keinen Bock,* причем оба выражения высоко частотны. Лень как выражение русской культурной традиции вписывается в известный стереотип, но не соответствует эмпирическим данным. Для одного русского прилагательного *ленивый* в немецком лексиконе имеется как минимум четыре эквивалента: *faul, träge, bequem, gemütlich*[67]. Из этих четырех синонимов два – *bequem* и *gemütlich* – прямых соответствий в русском языке не обнаруживают и перевод к ним приходится подыскивать в зависимости от контекста. Но если уж вести речь о непереводимости в связи с темой лени, то действительно не имеющей

эквивалента является немецкая идиома *den inneren Schweinehund (nicht) überwinden,* в которой образ лени персонифицирован с такой выразительной яркостью, какой в русском лексиконе не обнаруживается. Кроме того, трудно переводимым является глагол *sich lassen* в сочетании с инфинитивом, который позволяет показать происходящее в предельно пассивном ключе, так что степени лени или безучастности субъекта высказывания можно только подивиться: *man lässt sich etwas sagen, mitteilen, informieren*. Даже в кресло человек сам не способен опуститься: *man lässt sich in den Sessel fallen*. Даже развестись люди не могут по своей воле: *sie lassen sich scheiden*. Можно еще вспомнить, что в русских магазинах на дверях вывешена информация о *часах работы,* а в немецких о *часах открытия (Öffnungszeiten):* в русской культуре магазины, прачечные, рестораны *работают,* а в немецкой они всего лишь *geöffnet* – происходит ли там процесс работы, неизвестно. Нет стереотипа, который бы утверждал, что немцы ленивы, – наоборот, имеется стереотип, что они трудолюбивы и добросовестны. Но если непредвзято отнестись к анализу лексики и считать при этом, что она дает ключ к пониманию национальной ментальности носителей соответствующего языка, то придется признать, что немцы крайне ленивы и мера этого свойства с русской ленью не сопоставима, т. к. в немецком языке средств для выражении идеи лени явно больше, чем в русском.

Едва ли не основным источником для постижения народного духа объявляется ныне область идиоматики[68]. «Очевидно, что основную культурную нагрузку несет лексика: слова и словосочетания. Из них складывается языковая картина мира, определяющая восприятие мира носителями данного языка. Особенно наглядно и ярко этот аспект представлен устойчивыми выражениями, фразеологизмами, идиомами, пословицами, поговорками – то есть тем слоем языка, в котором непосредственно сосредоточена народная мудрость или, вернее, результаты культурного опыта народа»[69].

Этот взгляд на идиоматику представляется ошибочным. Во-первых, одна пословица другой противоречит. Во-вто-

рых, большое число пословиц вовсе не национального происхождения. В-третьих, множество пословиц просто никому не известно. Тот факт, что они зафиксированы во фразеологических словарях, еще не означает, что они являются элементами чьего-либо сознания. В-четвертых, даже если идиома не забыта и активно употребляется, ее использование не дает ключа к постижению чьей бы то ни было ментальности – ни коллективной (которой попросту не существует – во всяком случае, ее существование научно не доказано), ни индивидуальной. Говорящий субъект употребляет фразеологические выражения *бог его знает, бог не выдаст свинья не съест, и смех и грех, что греха таить* вовсе не потому, что он глубоко религиозен. В атеистические времена правления советской власти эти идиомы тоже употреблялись, и их употребление не выдавало в употреблявшем верующего, только притворявшегося атеистом. Всё это лексемы русского языка с определенными значениями, не совпадающими со значениями составляющих их элементов, и мы прибегаем к ним в речи тогда, когда нам требуется выразить тот или иной смысл, для передачи которого они годятся. Не исключено, что в культуре древних славян прослеживается иное отношение членов этнического социума к религиозной тематике, но культуре свойственно меняться в зависимости от исторических условий.

Идиоматика со словом *душа* (которое А. Вежбицкая считает ключевым для постижения русской ментальности[70]) разработана в русском языке действительно чрезвычайно широко, но не меньше идиом и со словами *глаз, голова, рука, слово, вид, место*. Какие есть основания считать одно из этих слов «ключевым», а другие нет – кроме одного, а именно предвзятого мнения исследователя, заранее определившего, что *душа* для русских слово, раскрывающее их отношение к жизни, а *глаз* или *вид* нет?

При всем обилии идиоматики со словом *душа*, в русском языке нет эквивалента немецкого фразеологического выражения *sich die Seele aus dem Leib* (*brüllen, husten, lachen, rennen, schreien, singen, weinen* – в сочетании с этой идиомой можно встретить очень большое число глаголов, и она исключительно частотна). По-русски говорят в таких

ситуациях *(делать что-либо) что есть мочи, вовсю, изо всех сил*.

Как подсчитал Е. Зарецкий в своем исследовании, посвященном критике «этнологических мифов», ключевое слово *судьба,* являющееся, по представлению некоторых исследователей, выразителем типично русского фатализма[71], встречается в переводной литературе с английского на русский действительно реже, чем в оригинальной русской литературе, но это соотношение сохраняется до тех пор, пока не учитываются синонимы слова *судьба* и другие способы выражения смысла покорности предначертанию свыше. Если включить в подсчеты синонимы, то соотношение резко меняется и для некоторых словосочетаний и выражений оказывается обратным[72].

В работах неогумбольдтианцев бросается в глаза произвольность трактовок лексических значений и грамматических форм.

Слово *разлука* объявляется специфически русским, непереводимым словом, воплощающим в себе особое, характерное лишь для русских, видение мира: «быть *в разлуке* – значит быть врозь физически, но вместе эмоционально»[73]; его западноевропейские аналоги считаются переводами не *разлуки,* а *расставания:* «слово *Trennung* оказывается не просто неточным эквивалентом русского *разлука,* но в некотором смысле его противоположностью – обозначая вынужденную пространственную соединенность людей, эмоционально друг от друга отдалившихся»[74]. Для утверждающих это, судя по всему, осталось неизвестным, что немецкое слово *Trennung* просто-напросто многозначно и одно из его значений по концептуальному объему полностью равнозначно русскому слову *разлука*: *Edmund, so schmerzlich ihm die Trennung von der Geliebten werden musste, fühlte doch den dringenden Trieb, zu wallfahrten (E.T.A. Hoffmann). – Эдмунд, как ни тяжела ему была мысль о разлуке с любимой, ощущал настоятельную потребность отправиться в странствие; Ich soll mich zurückfinden in den Ton unserer glücklichen Tage, so schrieben Sie mir gestern. Mit Ihnen am selben Orte, dieselbe Luft atmend, würd ich es nie gekonnt haben; aber in dieser Trennung werd ich es können oder es lernen, weil ich es lernen*

muss (Th. Fontane). — Вы писали мне вчера, что мне необходимо вернуться мысленно в наши счастливые дни. Будь я с Вами рядом, дыши я с Вами одним воздухом, это было бы недостижимо, но в разлуке с Вами я сумею проникнуться этим состоянием, я научусь, мне необходимо этому научиться; Aber selbst heute noch empfand der junge Mann, wie schwer ihm doch seinerzeit die Trennung von dem väterlichen und treuen Freunde gefallen war (A. Stern). — Но и сегодня еще молодой человек ощущал, как тяжело далась ему в свое время разлука с верным другом, который по-отечески его любил.

Аналогичным образом обстоит дело с такими словами, как *удаль, тоска,* постоянно упоминаемыми в работах сторонников гипотезы лингвистической относительности и ставших уже хрестоматийными[75]. Непереводимость этих слов принимается за аксиому и даже не обсуждается. Понятно, что слова эти чрезвычайно емки и многогранны по своей семантике, но столь же емки и многогранны их переводы *Waghalsigkeit, Draufgängertum, Sehnsucht, Heimweh.*

Вообще тот факт, что объемы многих словарных значений, и в особенности значений абстрактных лексем, в языке-оригинале и языке-переводе обычно не совпадают, переводчикам и лексикологам хорошо и давно известен, поэтому неясно, почему в работах последних лет стало принято связывать эти несовпадения с национальным характером.

Работы по лингвокультурологии достаточно ясно демонстрируют, что «концепт» — это синоним «стереотипа», то есть понятия, отражающего мнение некоторой части населения о собственной или чужой культуре. Лексемы, выражающие стереотипные представления о менталитете народа, рассматриваются как непереводимые. Все элементы такого подхода произвольны: и концепция переводимости/непереводимости, и способ отыскания ключевых слов, и трактовка коллективного менталитета[76].

Справедливости ради требуется отметить, что время от времени сторонниками неогумбольдтианства предпринимаются попытки произвести непредвзятый анализ тех или иных лексем в их сопоставлении и уже из этого сопоставления делать выводы. Такой подход не вызывал бы возражений, если бы было достоверно известно, что факты лексико-

на действительно могут служить надежным источником для научных выводов о национальной картине мира. Но и это не доказано. Скажем, то обстоятельство, что немцы об определенном отрезке времени говорят *um ein Uhr morgens (в час утра)* или *um zwei Uhr morgens (в два часа утра),* а русские о том же времени говорят *в час ночи* или *в два часа ночи,* можно, с одной стороны, трактовать как доказательство различия в восприятии времени представителями двух упомянутых народов, то есть предлагать объяснение в ключе различий в картине мира, с другой — как сложившуюся в том или ином языке традицию, как узус, к картине мира не имеющий никакого отношения.

Попробуем отвлечься от предвзятого подхода, ограниченного набором заранее заготовленных ключевых слов, и извлечь ту или иную релевантную информацию непосредственно из сравнения двух лексиконов, русского и немецкого.

В работах по лексикологии и по теории перевода нередко указывается, что несовпадения лексических составов языков объясняются различием в исторической практике народов. Если бы это положение последовательно выдерживалось, то поиск различий между лексиконами мог бы служить надежным источником для выводов если не о национальной ментальности, то хотя бы об историческом опыте и практике того или иного народа. Однако и это положение опровергается конкретными примерами. В русском языке есть выражение *экономическое чудо,* а экономического чуда в истории России нет и не было: каждый язык заимствует те или иные лексемы из других языков, в то время как практика соответствующего народа не обязательно включает действия, объекты или события, которые выступают в качестве референтов заимствуемых слов. Наблюдается и противоположное явление: некоторый объект в практике существует, а слова для его обозначения нет. В немецком, скажем, возник глагол *simsen,* означающий «послать СМС-сообщение по мобильному телефону». В русском специального слова для обозначения того же действия не образовалось, хотя соответствующее явление распространено ничуть не менее. По-видимому, словосочетание *по-*

слать СМС является достаточно удобным средством для его наименования.

На наших глазах в языке возникают или из него выпадают слова. Этот процесс происходит постоянно. В одном языке появляется слово, обозначающее, скажем, «отдыхать с палаткой» *(zelten),* а в другом языке такое слово не появляется. При этом представители обоих народов в одинаковой степени пользуются палаткой во время отпуска. Просто носители одного языка тратят чуть меньше физических усилий для выражения соответствующего понятия, а носители другого чуть больше, произнося не одно слово, а два. Тот факт, что в одном языке для обозначения некоторого денотата имеется однословная речевая единица, а в другом словосочетание, не говорит о культуре, практике, мышлении и картине мира этих народов ровным счетом ничего.

В немецком есть глагол *füßeln* – «касаться кого-либо под столом ногой в целях заигрывания». В русском нет аналога, хотя соответствующее явление, вне всякого сомнения, в общественной жизни имеет место. Существует немецкий глагол *anzapfen (das Telefon anzapfen)* – «тайком подключиться к чужой телефонной линии (чтобы не платить за телефон)»: и это действие в практике российской жизни временами встречается, а удобного слова для его обозначения нет. Глагол *kiebitzen* означает «тайком заглядывать в чужие карты» – еще одна лакуна в русском. Все эти примеры призваны показать, что нет и не может быть однозначного отношения между общественной практикой и лексиконом. Подход, ставящий знак равенства между этими явлениями, может привести к полному искажению объективной картины языковой и этнографической действительности, а в межличностном плане к недоразумениям, обидам и взаимному непониманию. Стоит преувеличить значимость лакунарности, как уже можно говорить о том, что немцы типичные ловеласы *(füßeln)* и жулики *(kiebitzen, Telefon anzapfen),* что это отражено в их лексиконе, потому что этого требовала практика.

В любом языке имеются лексико-семантические гнезда, которые, казалось бы, свидетельствуют о национальном своеобразии и специфике исторического развития со-

ответствующего народа, но никогда нет уверенности, что данный вывод окажется исторически верным. В русском языке наблюдается обилие идиом со словами *мир, свет, люди: всем миром, выйти в свет, выйти в люди, как я людям в глаза посмотрю, на людях, на миру и смерть красна, ославить на весь свет, пустить по миру, с миру по нитке, что люди скажут* и т. п. Напрашивается вывод, что жизнь на людях, на миру, то есть общинный уклад столетиями определял общественное сознание. История народа, казалось бы, этот вывод подтверждает. Обилие в обиходном немецком слов, обозначающих те или иные процессы из области психологии *(aufarbeiten, ausleben, sich abreagieren, sich einer Sache stellen, verdrängen, verwinden)* легко объяснить проникновением идей Фрейда в общественное сознание. Однако подобные примеры не всегда столь легко поддаются трактовке. В русском языке имеется огромное число идиом, включающих слова *бог, господи, боже, божеский.* В сопоставлении с этим обилием немецкий лексикон оказывается значительно скуднее. Означает ли этот факт, что русские люди в своей истории были более религиозны? Как можно измерить степень религиозности? История религии в Германии на несколько веков старше, Германия является родиной Реформации и страной религиозных войн, религиозная традиция в Западной Германии на протяжении всей истории практически не прерывалась. Можно утверждать, что отношение русского человека к Богу более индивидуальное, искреннее, непосредственное, личностное, но все это досужие домыслы, не подтверждаемые ничем, кроме все той же идиоматики и некоторых произведений русской художественной литературы и русской философии – для лингвистических теорий этого материала недостаточно.

Попытки непосредственно связать лакунарность с историей народа являются искусственным ограничением как для исследования причин того или иного лексического явления, так и для его трактовки. Хрестоматийные примеры типа *нога*, *рука* там, где при переводе на другие европейские языки имеются два слова для обозначения разных частей ноги или руки, или, напротив, пары *брат и сестра* вместо одного сло-

ва *Geschwister, теща* и *свекровь* как разные переводы для слова *Schwiegermutter, клещи* и *щипцы* как разные варианты трактовки значения слова *Zange,* а *Mauer* и *Wand* как два возможных эквивалента слова *стена* не могут служить подтверждением подхода «от практики к языку» (так же, как они не могут и не должны выступать доказательствами различных ментальностей). Принципиальных расхождений в практике между европейскими народами в связи с референтами приводимых здесь слов не наблюдалось. Причины нужно искать или в этимологии, то есть в истории самого языка (а не народа – носителя этого языка), или в случайности, в традиции, в узусе (так принято). Представляется, что случайность не менее существенна для истории развития языка, чем историческая практика[77].

Номинация носит принципиально случайный характер – не только потому, что между звуковым комплексом (или сочетанием букв на письме) и обозначаемым им объектом нет непосредственной связи (она осуществляется только через значение), но и потому, что каждый объект обладает бесконечным количеством свойств, а в номинации оказывается отражена лишь малая толика этих свойств, причем свойства, положенные в основу номинации, не обязательно являются существенными. Например, слово *смородина,* по происхождению русское, образовано с помощью суффикса *-ин(а)* от *сморода,* формы женского рода от *смород* – «сильный запах». Однокоренные слова – старославянское *смрад,* общеславянское *смердеть.* Считается, что название растению было дано по сильному и терпкому запаху черной смородины. Однако ясно, что у этого растения и его ягод имелось огромное количество других свойств, которые с тем же или даже с большим основанием – как более существенные – могли лечь в основу первичной номинации: например, вкус ягод, форма листьев, польза плодов для здоровья.

По-немецки говорят *Krankengymnastik*, а по-русски *лечебная физкультура.* А на многих других европейских языках та же гимнастика именуется физиотерапией (итал. *fisioterapia,* англ. *physiotherapy*). И все варианты обозначают в точности одно и то же, охарактеризованное с трех разных сторон.

Искать в различии способов фиксации одного и того же отрезка действительности отражение различий в ментальности – бесперспективно. Чтобы осознать всю бессмысленность этого занятия, достаточно вспомнить о принципе случайности, лежащем в основе номинации.

Во всех языках обнаруживаются лакуны из области гипонимов по отношению к гиперонимам в других языках. В немецком различают глаголы, служащие переводом для слова *собирать,* в зависимости от того, что именно собирают: в переводах словосочетаний *собирать спаржу, собирать урожай, собирать ягоды, собирать грибы, собирать рассыпавшиеся булавки* будут использованы разные немецкие глаголы *(stechen, ernten, pflücken, sammeln, auflesen)*. Но носители русского языка не испытывают неудобств от нехватки средств для отображения действия *собирать* в зависимости от объекта сбора; они даже не знают, что в принципе могли бы испытывать неудобства. Наличие или отсутствие специальных слов для более детального представления отрезков действительности в одном языке по сравнению с другим часто не имеет прямого отношения к практике. Немцы иначе обозначают действия, связанные с процессом собирания, вовсе не потому, что у них практика сбора чего бы то ни было отлична от практики российской (исключение составляет разве что сбор спаржи, которая в России не столь популярна). Просто – так сложилось. Является ли обилие синонимов в одном языке по сравнению с другим достаточным основанием для утверждения о различном членении реальности – сомнительно. Для выражения одного понятия синонимов больше в одном языке, для выражения другого синонимов значительно больше в другом языке. Мы просто имеем дело с набором лексических средств и ничего не можем сказать о том, как эти средства отражают нашу способность членить реальность. Между лексиконом и членением реальности зеркального параллелизма нет.

Если исследовать соотношения между многозначностью в языках тенденциозно, специально подбирая примеры в пользу изначально сложившейся точки зрения, например, отыскав несколько многозначных русских слов и сравнив их с немецкими эквивалентами, которые не обнаруживают та-

кого же количества значений, то можно делать такие заключения: «...одна и та же лексема в русском языке может связываться, ассоциироваться со значительно большим числом предметов и явлений по сравнению с немецким языком»[78]. Но то же самое заключение можно сформулировать и поставив вместо прилагательного «русский» прилагательное «немецкий» – если, наоборот, подобрать несколько многозначных немецких слов и сравнить их с менее богатыми значениями эквивалентами в русском. Верифицировать подобные выводы невозможно, т. к. для этого требовалось бы рассмотреть не только два лексикона, но и два языковых корпуса, то есть все лексемы в полном объеме их текстовых употреблений. Случайная же выборка показывает, что на любой пример полисемии в языке А против моносемии в языке Б немедленно можно найти пример полисемии в языке Б против моносемии в языке А.

Одной из причин лакунарности являются продуктивные и непродуктивные словообразовательные модели. В русском языке для создания новых слов используются главным образом приставки и суффиксы, в немецком – словосложение. Известно, что немецкий язык с легкостью создает новые слова, сцепляя два и более отдельных корня в одно новое слово. Большое число лакун в русском по сравнению с немецким объясняется именно особенностями немецкого словосложения[79]. Во-первых, словосложение в немецком языке занимает промежуточную роль между лексическим и синтаксическим уровнями. Лексемы немецкого языка заряжены мощным синтагматическим потенциалом: они способны ежесекундно, по первому же требованию сочетаться друг с другом, образуя сращения. Носители немецкого языка создают новые слова в речи путем сложения уже имеющихся постоянно, и только часть этих слов переходит в лексикон. Если не знать этой особенности немецкого языка, то можно попасть впросак, как это случилось с героем Марка Алданова: «Меня забавляет немецкая обстоятельность, – сказал Черняков. – В заведении, где полощут горло, есть Rachengurgeln, Kehlkopfgurgeln, Rachennasengurgeln, Kehlkopfnasengurgeln [Полоскание носоглотки, орошение носоглотки, полоскание гортани, орошение гортани (нем.)]

и еще с полдюжины разных гургельнов. – Не понимаю, что тут может забавлять, – возразил Юрий Павлович. – От каждой болезни свое полосканье, что же тут забавного? Да эта обстоятельность и составляет силу Германии, являясь одним из серьезнейших факторов ее необычайных успехов во всех областях.» Чернякову невдомек, что в действительности в немецком лексиконе нет всех этих слов. Для подтверждения немецкой обстоятельности здесь по ошибке выбираются не единицы лексикона, а слова, создаваемые «по случаю» и являющиеся практически свободными словосочетаниями, записанными слитно, то есть по форме это слова, а по функциональному содержанию синтаксические единицы. Во-вторых, даже сложные слова, вошедшие в лексикон и словарями зафиксированные – *Erbschleicher* – «охотник за чужим наследством», *Ferienwohnung* – «квартира, которую снимают в отпуске», *Frühjahrsmüdigkeit* – «весенний упадок сил», *Frustessen* – «переедание на нервной почве», *Gattungskauf* – «покупка товаров одного наименования» и масса других – не имеют переводных эквивалентов в русском языке не потому, что у русских не наблюдается подобных явлений, а потому, что в русском языке не столь развито словосложение, а словосочетания переходят в разряд лексем реже, чем цельнооформленные словарные единицы. Если немец скажет о себе *ich bin urlaubsreif,* то русский в подобной же ситуации будет утверждать, что ему *пора в отпуск*. Последнее словосочетание не является лексемой, но оно точно передает состояние человека, адекватно выражает мысль и по своему функциональному назначению ничуть не уступает комбинации букв между двумя пробелами, называемой словом. Лексические лакуны в русском языке возникают в подобных ситуациях не потому, что нет потребности отразить в языке подобное же содержание, а потому, что русский язык не обладает аналогичными словообразовательными средствами.

Даже фонетический строй языка может оказаться преградой для возникновения слов. На пути к созданию новых лексем может оказаться критерий благозвучности или вычленимости в потоке речи при восприятии. Так, если имя собственное *Кафка* превратилось в единицу номинации без

добавления аффиксов *(Это какой-то Кафка; Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью... .),* то имя *По* вряд ли имело равные с ним шансы, уже потому, что слог *По* трудно опознаваем при восприятии.

Вероятно, в языке не возникает немало слов как раз только по причине неблагозвучия или нежелательных ассоциаций. Так, можно предположить, что соответствие глаголу *föhnen* в русском языке не возникло именно по этой причине: глагол **фенить* напоминал бы корень слова, обозначающий блатной жаргон *(феня).* Поэтому российскому населению приходится обходиться словосочетанием *укладывать волосы феном.* В русском языке есть паронимы *отцовский* и *отеческий,* но нет аналогичных параллельных пар для прилагательных *материнский, братский, сестринский.* Не исключено, что причины возникновения таких внутриязыковых лакун носят чисто фонетический характер.

Негативными ассоциациями объясняется исчезновение некоторых уже имевшихся в языке слов и выражений. Например, явно вымирают такие устойчиво ассоциирующиеся с советской эпохой лексемы, как *морально устойчивый, трудящиеся, с задором, трудовой почин, с огоньком.* Последнее выражение могло бы подойти для перевода немецкого глагола *sich einbringen – работать с огоньком.* Но в связи с нежелательными ассоциациями, вызываемыми этим русским выражением, использовавшимся советской пропагандой для укрепления трудовой морали, этот перевод следует отвергнуть как неподходящий и переводить немецкий глагол лучше выражением *работать с полной отдачей*[80]. По той же причине оказывается затруднительно перевести на русский такую, казалось бы, простую фразу как *Die Wohnung war kleinbürgerlich möbliert.* Прямой перевод немецкого слова *kleinbürgerlich* как *мелкобуржуазный* невозможен, потому что немецкое прилагательное стилистически нейтрально, а его русское соответствие отягощено резко отрицательными идеологическими коннотациями времен советской власти. Нельзя здесь употребить и слово *мещанский,* потому что и оно из нейтрального обозначения принадлежности к слою мещан, то есть мелкой городской буржуазии, превратилось в синоним отрицательно-оценочных слов *бездуховный, по-*

шлый. В итоге этого развития значений в русском языке на месте нейтрального обозначения принадлежности или характеризации целого социального слоя образовалась лакуна. Можно перевести это предложение как *Квартира была обставлена просто (простенько, без затей, безыскусно, согласно вкусам мелкой буржуазии)*. Все эти переводы нельзя рассматривать как эквивалентные, но в условиях современного языка они максимально приближены к смыслу исходного предложения.

В русском языке значительно меньше слов для обозначения женских профессий и социальных ролей, чем в немецком. Многие слова, именующие женские профессии, стилистически не нейтральны, а разговорны или просторечны. С одной стороны, эта ущербность лексико-семантического поля объясняется условиями социально-историческими. Названия женских профессий и социальных ролей в русском, как правило, тем стилистически нейтральнее, чем более распространенной и типичной для женщины является соответствующая профессия или функция, ср.: *билетерша, вахтерша, гардеробщица, крестьянка, работница, секретарша, стюардесса, ткачиха* – нейтрально; *бухгалтерша, врачиха, директриса, малярша, парикмахерша* – разговорно. *Космонавт, министр, президент, посол* – в качестве женских профессий редчайшие явления, и форм женского рода от них нет. Далее, в России не имело места феминистское движение, а именно это социально-политическое течение добилось в Германии в 70-е и 80-е годы 20-го столетия обогащения немецкого языка соответствующими нововведениями путем присоединения практически к любому наименованию профессии суффикса -*in*. С другой стороны, причина и чисто морфологическая: в русском языке нет единого столь же удобного суффикса, который мог бы присоединяться к названию любой профессии, не маркируя при этом слово стилистически. Некоторые наблюдения показывают, что имеются для подобных лакун и фонетические основания. О морфологической и фонетической причинах ущербной парадигмы обозначений женских профессий и социальных ролей в русском свидетельствует обилие стилистически нейтральных слов с суффиксом -*к*- после согласных в ударных

слогах: *гражданка, лаборантка, марксистка, партизанка, пенсионерка, пианистка, революционерка, скрипачка, славистка, христианка.* К безударным слогам этот суффикс не присоединяется: *куратор, оратор, организатор, профессор, ректор.* С другой стороны, он не обнаруживается и там, где по фонетическим показателям мог бы стоять: *ветеран, дирижер, инженер, режиссер.* Есть *аспирантка, ассистентка, студентка,* но нет **доцентка.*

Неогумбольдтианство морфологические и фонетические причины возникновения или невозникновения слов в лексиконе попросту не принимает во внимание, поскольку они для этой гипотезы неудобны. Но для объективного анализа лексикона эти причины не только достойны рассмотрения, но они, по всей вероятности, не менее важны, чем такие факторы, как практическая потребность и случайность.

Одно и то же слово часто переводится тем или иным способом не из-за своей многозначности и не по причине стилистических различий между синонимами, а только в силу узуса. Например, слово *Kopf* переводится то как *голова,* то как *ум* вовсе не потому, что оно обозначает то голову, то ум, а потому, что в русском языке в одних словосочетаниях используют одно слово, а в других – другое. И выбор слова определяется не его семантикой, а традицией. Например, русские говорят *великие умы,* а немцы – *große Köpfe*. По-русски говорят *не идет на ум,* а по-немецки *das will mir nicht in den Kopf*. По-русски *считать в уме* – а по-немецки *im Kopf rechnen*. Но с тем же точно результатом вполне можно было бы сказать по-русски **считать в голове* или **не идет в голову.* Говорят же, что кто-то кому-то *вскружил голову,* а не **вскружил ум.* Или *у меня голова идет кругом.* В немецких соответствиях и здесь употребляется слово *Kopf (j-m den Kopf verdrehen; ich weiß nicht, wo mir der Kopf steht)*. Принципиальной разницы между *голова* и *ум* в приводимых русских выражениях нет. В других своих значениях слово *ум* переводится вовсе не как *Kopf,* а как *Verstand, Sinn* или *Geist*. Выбор одного из двух русских слов для перевода немецкого *Kopf* объясняется данью традиции: когда-то именно в данном метафорическом сочетании слово *ум* или, наоборот, *голова* «застыло», превратившись в элемент неделимой фразеологи-

ческой единицы. По-русски о человеке толковом говорят *у него светлая голова* или *у него ясный ум*. Эти выражения полностью синонимичны. Если разобраться, то переводом немецкой лексемы *Kopf* является некая синтезированная несуществующая единица **голова-ум,* а точнее, некий ее воображаемый инвариант, как бы его ни назвать. Разница есть только в вербальном оформлении этой несуществующей в реальности, но имеющейся в нашей голове (или уме) единицы. Собственно, инвариантом как раз и является немецкое слово *Kopf*. Как именно мы его переведем, зависит от условий языка перевода, но этот язык не навязывает нам членение действительности на *ум* и *голову* в нашем мыслительном процессе, особенно когда мы знаем, что эти объекты нашей мысли могут быть выражены одной и той же лексической единицей. Мы подчиняемся правилам русского языка, но мы не мыслим согласно этим правилам. То или иное выражение выбирается нами на поверхностном, то есть на самом последнем уровне процесса перевода, как дань языковому узусу – в данном случае идиоматике.

Идиоматичность не является обязательным условием выбора одного из нескольких возможных слов в силу традиции языка перевода. Достаточно уже просто привычности словосочетания. Так, *Geist* можно переводить как *дух, ум* или как *душа,* и выбор производится вовсе не всегда в условиях идиоматики: *der Geist des Geldes, der Geist der Stadt* – перед нами не идиомы, а просто метафоры, но по каким-то причинам мы выберем для перевода этих словосочетаний вариант *душа,* а не *дух* или *ум*. Что же касается наречия *geistesabwesend,* то здесь его первая часть переводится и вовсе как *вид: с отсутствующим видом* (или *рассеянный*). А вот для перевода словосочетания *der Geist, der alles durchdringt* – мы, скорее всего, выберем существительное *ум*. Если же требуется перевести словосочетания *Geist der Zeit, Geist der Epoche,* то мы сочтем наиболее подходящим вариант перевода со словом *дух*. Выбор наш основан на традиции: у вещей *душа,* у времени *дух,* а проникает в суть вещей *ум*. Такой выбор подсказывает нам норма русского языка. Концептуальной же разницы между значениями слов *душа, дух* и *ум* в данных ситуациях практически нет: все это метафоры, обо-

значающие нечто идеальное, скрывающееся под поверхностью явлений и вещей и одушевляющее (или одухотворяющее) соответствующий объект. Переводим мы слово *Geist* по-разному не потому, что мыслим за этим словом то одно, то другое явление. Просто — так принято. Та же участь постигает немецкое слово *Wahrheit* при переводе на русский: его переводят то как *правда,* то как *истина* — в зависимости от словосочетания. В русском языке два синонима сохраняются именно благодаря тому, что они закрепились за различными словосочетаниями, то есть разошлись в употреблении, диктуемом в синхронном языковом срезе исключительно узусом.

Если поверить гипотезе лингвистической относительности, то придется признать, что русские в описанных ситуациях иначе осмысливают и членят действительность, чем немцы. Нам же хотелось бы подвести читателя к представлению, что осмысливают носители разных языков действительность принципиально одинаково (за некоторыми немногими исключениями, о которых ниже еще пойдет речь), а выражают свою мысль по-разному, следуя правилам и нормам своих языков. Если различать мышление и культуру и включать в понятие «культура» в том числе и языковой узус, то наименование *Morgen* для обозначения времени, называемого по-русски *ночь,* или различие между числом стран, обобщаемых наименованием *Восток/Orient,* — это, несомненно, элементы культуры.

Но можно рассматривать те же явления и иначе, чисто прагматически, с позиций перевода: как многозначность или как расширенное значение слов *Morgen, morgens* в немецком языке по сравнению с русским или слова *Восток* в русском языке по сравнению с *Orient/Osten* в немецком. Оправданием такого подхода могут служить другие многочисленные несовпадения: например, между употреблением пар слов *горячий/теплый — heiß/warm; душа/дух — Seele/Geist; рот/губы — Mund/Lippen; сердце/душа — Herz/Seele*. Сферы употребления членов этих пар в каждом из языков не совпадают.

Русские говорят *горячая вода,* а немцы — *теплая (warmes Wasser).* На самом деле вода одинаково горячая (gleich warm)

для всех, и немцы ее температуру ощущают так же, как русские. О еде русские говорят *горячее,* а немцы – *warmes Essen*. Значит, *warm* переводится не только как *теплый,* но и как *горячий,* и по отношению к русскому языку это слово многозначно (или, в другой терминологии, оно является гиперонимом по отношению к русским гипонимам). О слишком горячем супе немец скажет *die Suppe ist heiß,* хотя само блюдо и обозначается как *warme Suppe*. Но асимметрия имеется и в противоположном направлении: так, *тепловой удар* – это *Hitzschlag,* а не **Wärmeschlag*. Фразу *Morgen wird es noch heißer als heute* следует перевести на русский язык как *Завтра будет еще теплее, чем сегодня.*

Слово *Mund* – согласно НРС, *рот* или *уста,* но речевой материал нередко побуждает переводить это слово и как *губы: Mein Mund bewegte sich. – Мои губы шевелились* (ср.: **Мой рот шевелился*); *Sein Mund zog sich zusammen. – Он поджал губы (*Он поджал рот).*

Слово *душа* принято переводить как *Seele,* но есть свидетельства тому, что немецкое слово *Herz* так же точно может переводиться на русский язык словом *душа;* это подтверждается переводом многочисленных словосочетаний, в основном идиоматического характера. Слово *Geist,* как уже было сказано, можно переводить то как *дух,* то как *душа,* в зависимости от словосочетания (это обстоятельство зафиксировано и НРС, в отличие от ситуации со словом *Herz,* которое в НРС переводится однозначно как *сердце*). Следовательно, у слова *душа* как минимум три перевода: *Seele, Geist* и *Herz.*

Значение русского слова *дом* распадается в немецком на значения, присущие слову *Haus* и слову *Heim*. Русское слово, таким образом, является гиперонимом по отношению к немецкой паре. В одних немецких словосочетаниях или сложных словах принято употреблять *Heim (Altenheim, Heim für Demenzkranke, Heimerziehung, Pflegeheim, Studentenheim, Tierheim),* в других – *Haus (Gewächshaus, Haus der Freundschaft, Haus der Geschichte, Haus für Lehrerfortbildung, Treibhaus).*

Итак, подобные несовпадения сфер сочетаемости и неоднозначность перевода свидетельствуют не о различии в ментальности или видении мира, а о различии в узусе. Они же

ведут к необходимости пересмотра представлений о многозначности некоторых слов, если рассматривать их из перспективы другого языка.

Трактовки одного и того же лексического несовпадения могут быть самыми разными. Такую, например, лексическую лакуну в русском, как немецкий глагол *teucheln* («подло убить кого-либо исподтишка, из-за угла»), можно трактовать как то обстоятельство, что в России никого исподтишка не убивают, следовательно, и потребности в возникновении подобного глагола нет. Но это противоречило бы фактам криминалистики. Можно истолковать отсутствие соответствия в русском и таким образом, что немецкое общественное сознание выделяет подлое убийство из-за угла в особый статус, обозначая его специальным словом, поскольку подобное явление обществом резко осуждается. Вероятно, можно придумать и другие трактовки, столь же «убедительные». Слово *беглец* переводится на немецкий язык несколькими различными способами, в зависимости от того, идет ли речь о человеке, спасающемся от опасности, от преследователей *(der Flüchtige, der Flüchtling)* или о ребенке, который сбежал из родительского дома *(der Ausreißer)*. Если стоять на позициях неогумбольдтианства, то можно было бы заключить из этого факта, что немцы, на столь детальном уровне различающие беглецов, обстоятельны и педантичны (что вполне соответствовало бы известному стереотипу). Но в то же время немецкое слово *Flüchtling* обозначает как *беглый* (например, каторжник, раб), так и *беглец* (любой человек, спасающийся от преследования), и *беженец* (в том числе политический беженец) – получается, что немцы не столь уж педантичны, обстоятельны и внимательны к деталям, раз они не различают в своем языке столь существенные семантические составляющие. Слово *челюсть* представлено в немецком как *Kiefer,* если рассматривать этот объект с позиций дантиста, и как *Kinnbacke, Kinnlade* – это слова, которые зубной врач не употребит, но которые фигурируют в разговорном языке *(жевать челюстями – mit Kinnbacken kauen, удар в челюсть – Schlag gegen die Kinnlade, у кого-либо отпала челюсть – j-m ist die Kinnlade heruntergefallen)*. Казалось бы, мы снова отыскали подтверждение немецкой об-

стоятельности через высокую степень детализации окружающего мира. Но вот разницы между *пролить* и *просыпать* немцы «не заметили»: оба глагола переводятся как *verschütten.* Русские в этом аспекте оказались более приметливы. Носители русского языка различают такие сущности, как название книги и название статьи: у книги может быть *заглавие,* но не *заголовок,* а у статьи, наоборот, *заголовок,* но не *заглавие.* Это ли не пристальное внимание к деталям?

Согласно стереотипным представлениям о немцах, они точны, аккуратны, пунктуальны, добросовестны, сентиментальны, холодны, формальны, вежливы[81]. Они рачительные хозяева, но слово *рачительный* не имеет эквивалента в немецком. В России — стране созерцателей — говорят о ком-либо или о чем-либо *дельный человек, дельное замечание, вот это уже дельный разговор,* а в Германии — стране деятелей — в подобных ситуациях употребят слово *gut,* потому что эквивалента слова *дельный* попросту не существует. В языке народа-созерцателя имеется выражение *работа спорится,* а у народа-деятеля в языке ничего похожего нет.

В немецком языке имеется слово *resigniert,* а в русском его эквивалент отсутствует, хотя как раз смысл немецкого слова, согласно стереотипам, отражает покорное смирение, свойственное русскому национальному характеру.

Русские говорят *часы приема,* а немцы — *Sprechstunde (час разговора, час беседы).* Может быть, они не столь уж формальны? Может, они поговорить любят? Немецкая общительность подтверждалась бы и высокой частотностью глагола *sagen* по сравнению с другими немецкими глаголами. Одно из распространенных немецких приветствий (например, в ситуации, когда один коллега заходит в комнату к другому) — *Wie kann ich Ihnen helfen?* Русские в такой ситуации говорят: *Чем могу быть Вам полезен?* Получается, что прагматичные немцы предлагают помощь, а бескорыстные русские заговаривают о пользе. Нет в русском и эквивалента слова *hilfsbereit*, несмотря на *соборность* и *всемирную отзывчивость*, являющиеся, согласно В.В. Воробьеву, русскими лингвокультуремами[82].

Удальство и *молодечество* — «ключевые идеи русской языковой картины мира»[83], но однословного эквивалента немец-

кого существительного *Wagnis* — результата удальства и молодечества в виде поступка — в русском языке нет.

Подобные языковые факты допускают какую угодно трактовку, и любые спекуляции в контексте ментальностей или национальных характеров довольно быстро приводят к абсурду.

Обилие уменьшительных суффиксов можно толковать как свидетельство особой нежности, доброты и чуткости некоторого усредненного носителя языка, его всемирной и вселенской отзывчивости. А можно рассматривать это явление как признак лицемерия, льстивости и очковтирательства. А можно проследить пути возникновения этих суффиксов и объяснить их обилие определенными историческими причинами и словообразовательными особенностями языка[84]. Очевидно, что первые два объяснения — это не объяснения, а вульгаризация науки и что в научных трудах они недопустимы.

Изобилуют уменьшительными суффиксами не только русский язык, но, например, еще и баварский и австрийский варианты немецкого языка. Однако о доброте и чуткости как об особенностях баварского или австрийского национального характера говорить не принято. Это объясняется отсутствием соответствующего стереотипа в сознании исследователей.

Достаточно выхватить взглядом такие не имеющие немецких эквивалентов русские лексемы, как *аукаться, благолепие, буренка, выдумщик, жалостный, завалинка, кротость, незлобивый, уживчивый, улыбчивый, умильный, потчевать, смешливый, сумерничать, угощать* — и преувеличить их значимость для жизни народа, и мы получим картину, которая, скорее всего, устроила бы певцов русской национальной ментальности и вписалась бы в круг ключевых слов русской культуры. А если выбрать из списка немецких лакун такие, как *брезгливый, вальяжный, взасос, взгромоздиться, внедриться, из-под полы, обвешивать, обсчитывать, требовательный,* — начинает мерещиться какая-то совсем иная картина русской ментальности. А если остановиться на лексемах *вдребезги, вдогонку, вплавь, впору, впотьмах, заведомый, засветло, затемно, звучный, зоркий, мешковатый, наяву, смуглый, стелить,* —

то вообще никакой семантически хоть сколько-нибудь связной картины не возникает; перед нами просто разрозненные слова, которым нет прямых соответствий в немецком. Если все эти лексемы перемешать, то тщетность попыток объяснить немецкую лакунарность различиями в исторической практике двух народов или различиями в их миросозерцании становится очевидной. Лишь отдельные лакуны поддаются объяснению «практикой» *(завалинка, из-под полы, обвешивать, обсчитывать),* словам *жалостный, незлобивый, смешливый, умильный* порадуются сторонники обнаружения особой русской души и найдут им объяснение именно в ней, но подавляющее большинство лексем ни в какие схемы не укладывается. Сказанное не означает, что не нужно и пытаться объяснить те или иные межъязыковые лакуны различием в практике соответствующих народов (в отличие от попыток объяснить их различиями в коллективном миросозерцании – последние усилия не просто бесплодны, они искажают картину мира – не языковую, а общечеловеческую). Но эти объяснения не могут носить глобального характера и распространяться априори на лексикон в целом как метод его изучения.

То обстоятельство, что в русском языке имеется выражение *была не была,* не влияет ни на мышление, ни на характер носителей языка. Можно пользоваться этим выражением и при этом не отличаться ни удалью, ни молодечеством. Человек, употребляющий в своей речи выражения *авось, небось* и *где наша не пропадала,* не становится от этого ни удальцом, ни сорви-головой. Справедливо также и обратное: удалой рисковый человек может пользоваться в своей речи совсем иными способами выразить свою мысль о том, что он готов подвергнуть себя опасности и что ему море по колено и сам черт не брат. Среди немцев, выражающих свою готовность к риску иными способами в силу особенностей своего языка, смельчаков не меньше, чем среди русских. Во всяком случае, прямой корреляции между наличием идиомы *была не была* и характерами носителей языка пока не обнаружено. Да и как определить степень готовности к риску и меру личной храбрости да еще перенести полученные результаты на этнический социум? Ассоциативные эксперименты выявля-

ют не национальный и не индивидуальный характер и не способ мышления, а наличие в сознании носителей языка внушаемых внешней культурой с раннего детства (средой, образованием, общением, литературой, средствами массовой информации) стереотипов, клише и предрассудков.

Между лексиконами языков имеется огромное количество различий. Немцы о приоткрытой двери говорят *eine Handbreit geöffnet*. А русские – *немного приоткрыта, чуть приоткрыта*. Можно, конечно, трактовать данное различие как доказательство того, что немцы увидели в ширине дверной щели сходство с шириной ладони, а русские не увидели. Но можно трактовать это и иначе: русские увидели то же самое, что немцы, но отразили это другими языковыми средствами. Ничто не мешает сказать по-русски *дверная щель шириной с ладонь*. И ничто не мешает сказать по-немецки *die Tür stand etwas offen*.

Фраза *Der Himmel hatte sich vom Fahlblau zum Königsblau verfärbt* свидетельствует о том, что немцы проявляют внимание к оттенкам синего тона. О том же говорят и нередко используемые в текстах обозначения *kobaltblau, lavendelblau, pflaumenblau, stahlblau, violettblau*. Являются ли эти слова элементами лексикона – этот вопрос лексикографы решают по-разному. Слово в номинации играет, несомненно, важную роль, но лишь как ядро в обширном поле номинаций. Сводить осознаваемое к лексеме в том виде, как она представлена в толковых словарях, означает отрицать значимость речи, а именно через нее мы передаем друг другу свои знания о мире.

Сторонники гипотезы лингвистической относительности пребывают под обаянием слов в том виде, в каком они представлены в лексикографической традиции. Разве, говоря *в будущем году,* носитель русского языка испытывает неудобство или ощущение нехватки в средствах выражения? Возможно, словосочетание *в будущем году* не представляется лексикографу лексемой и не фиксируется в словаре. Но от этого данное словосочетание не перестает быть удобным способом выражения мысли и может быть передано потомкам таким же способом, как им передаются зафиксированные словарями лексемы – через речь.

Помимо пресуппозиции симметричности между лексиконами языков, идея лакунарности основана еще и на предположении о том, что каждое мыслимое содержание в принципе может получить специальное обозначение в виде лексемы. Например, немцы различают на уровне лексикона зрителя в театре или кино *(Zuschauer)* и зрителя, стоящего перед картиной *(Betrachter)*. Но почему бы не иметь отдельного слова для обозначения зрителя в цирке, зрителя на детском утреннике, зрителя на спортивных состязаниях, зрителя на показе мод? До какой степени глубины и детализации следует или допустимо дробить действительность? Не стоит ли объявить отсутствующие лексемы для обозначения всех этих разновидностей зрителей лакунами? Гипотеза лингвистической относительности слепо следует данности: в одном языке есть специальное слово для обозначения зрителя в картинной галерее и есть другое слово для номинации зрителя в театральном зале или кинозале, а в другом языке таких двух различных слов нет, значит, носителям этого языка подобная разница между зрителями не столь важна или они этой разницы в силу особенностей своего мышления не заметили. В их картине мира зритель, рассматривающий пейзаж или натюрморт, не нашел специального места. При этом игнорируется, что в том же языке нет специальных слов для обозначения зрителя в зоопарке, в цирке, на детском утреннике или на рок-концерте. Кроме того, зрителя, рассматривающего в музее батальную сцену, можно было бы назвать иначе, чем зрителя, рассматривающего натюрморт, — ведь эти зрители явно испытывают разные эмоции, значит, есть все основания поименовать их по-разному. Если русским не важно различать зрителей в театре и в картинной галерее, а немцам не важно различать зрителей еще в пятидесяти различных заведениях, следовательно, не-различение русских больше не-различения немцев лишь на один случай. Существен ли один случай по сравнению с пятьюдесятью[85]? В лексиконе нет колоссального количества лексем, которые в принципе могли бы в нем присутствовать. Например, в русском языке могли бы иметься лексемы, обозначающие «закрывать дверь», «мазать хлеб маслом», «закатывать глаза», «переживать кризис». Если рассуждать в духе неогумбольд-

тианства и быть до конца последовательным, то пришлось бы признать, что каждый язык представляет собой не что иное, как конгломерат лакун, и что приведенные выше в качестве примеров сущности не мыслятся, потому что для этого нет специальных средств.

Буквально на каждый аргумент, нацеленный на подтверждение различий в коллективной ментальности, находится контраргумент. Языковой материал, анализируемый без привлечения диахронии, этимологии, особенностей словообразования, фонетики, вне учета десемантизации метафорики, вне парадигматических и синтагматических связей с целью обнаружить в нем подтверждение характеристик национального менталитета или национального характера, может быть использован для прямо противоположных умозаключений. Свобода толкований и затрудненность научных выводов в контексте картин мира открывает двери лингвистики для неограниченного дилетантизма, вульгаризации науки и чисто националистических рассуждений, облаченных в научные одежды.

В языке факторы диахронии, узуса и случайности так весомы, а синхронное сосуществование разных исторических и стилистических пластов лексики столь очевидно, что язык в принципе не может служить источником для исследований каких бы то ни было «мировидений».

Если оставаться на почве научной терминологии, то такие термины, как «характер народа», «дух народа», «национальная ментальность», «мировидение» требовалось бы полностью изъять из научного обращения. Можно говорить только о культурах различных народов. Например, пожелания немцев друг другу *Schönes Wochenende!* или *Schönen Tag noch!* – это элементы культуры, но не признаки национального характера и не сигналы своеобразия национального мышления.

Однако и чисто культурологические выводы следует делать с большой осторожностью. Слишком много факторов, не имеющих никакого отношения к языку, то есть к собственно предмету лингвистики, задействовано в этом поиске. Культура и традиции меняются в зависимости от изменений бытия, и язык за этими изменениями не поспевает[86].

Язык может служить дополнительным подспорьем, косвенным подтверждением тех или иных выводов о культуре, но никогда – самостоятельным источником подобных выводов.

Лингвострановедение – несомненно, важная и необходимая дисциплина в преподавании иностранных языков. Русским, изучающим немецкий язык, требуется объяснять, что немцы реагируют на телефонный звонок не словом «алло», а произнесением своей фамилии. Русским также требуется знать, что в диалогах с немцами, особенно в эпистолярном их варианте, формы конъюнктива употребляются значительно чаще, чем сослагательное наклонение в русской эпистолярной традиции, и письмо, в котором недостает конъюнктивных форм, может показаться адресату невежливым. Немцам, изучающим русский язык, требуется знать, что, когда русские приглашают их «на чай», это означает «на ужин». А русским, изучающим немецкий, стоит объяснить, что, когда немцы приглашают их „zum Kaffee und Kuchen“, то им предложат именно кофе и торт, а не ужин. Но связано это не с различиями ментальности или мышления и не с тем, что немцы не отличаются гостеприимством, а с тем, что *Kaffee und Kuchen* – эквивалент русского полдника, а не ужина. А русские обычно пьют чай после ужина, поэтому приглашение «на чай» автоматически включает в себя ужин. Нельзя сказать немцам «Я занимал очередь за этим молодым человеком», уйдя из немецкой очереди и через некоторое время в нее вернувшись. Никто не поймет этого высказывания. В Германии очереди встречаются, но та своеобразная «культура очереди», которая выработалась в России за время советской власти, у немцев, во всяком случае, западных немцев, полностью отсутствует.

Культурные различия между народами есть, и их необходимо представлять себе, особенно если готовиться к непосредственному общению с представителями другой культуры или заниматься переводом. Но особенности культуры зависят от языка лишь опосредованно, они складываются в первую очередь не под его влиянием, а под влиянием внешних условий жизни. Немецкий язык в ФРГ и ГДР мало чем отличался друг от друга (за исключением сравнительно небольшой доли специфической лексики, привнесенной в язык

Восточной Германии новыми политическими и экономическими институтами социализма), а культуры в этих странах в значительной степени различались — например, отношение к женщине и ее роли в обществе, к религии, к работе, к охране окружающей среды, к предметам первой необходимости, к медицине.

Пресловутый порядок — Ordnung — является не концептом немецкой ментальности, а принадлежностью определенной культуры, причем этот элемент культуры строго ограничен по времени и обусловлен конкретными историческими причинами. Порядок в настоящее время царит главным образом в домах немолодых немцев, причем в основном в тех семьях, где женщина не работала или работала на неполную ставку. Примерно с семидесятых годов двадцатого века, с начала мощного феминистского движения в Западной Германии количество работающих женщин стало возрастать, а порядка в немецких домах по мере увеличения числа занятых на полный рабочий день женщин становилось все меньше. Сегодня в квартирах и домах, где проживают представители молодого поколения, порядка часто нет вовсе. Молодое поколение культ порядка откровенно не поддерживает. Вообще элементы культуры в некоторые периоды экономических и социальных изменений довольно быстро мутируют: исчезают старые, появляются новые, и эти перемены совершаются иногда в течение одного десятилетия.

Культура шире языка, а язык шире культуры. У русских принято дарить друг другу нечетное количество цветов, а четное число цветов приносят обычно на кладбище. Для немцев различение четного и нечетного количества цветов в букете незначимо. Язык не играет в этой традиции русских никакой роли.

Конечно, когда русский, заслышав крик кукушки в лесу, произносит: «Кукушка-кукушка, сколько лет мне осталось жить?» — то эта фраза является фактом русского языка, но источник ее лежит вне языка — он коренится в суеверии. Немец в такой же ситуации может молча вытащить из кармана кошелек и потрясти его: по народному поверью, если в нем есть мелочь, то она от крика кукуш-

ки в течение года преумножится. Это другое суеверие. Язык, как мы видим, прямого отношения к этим культурным традициям не имеет.

Несомненно, в каких-то своих элементах язык отражает культуру: мы убедились в этом на примерах трубочиста, приглашения на чай или выражения *занимать очередь*. Культурным различиям между немцами и русскими посвящены многие разделы этой книги. Но язык не может быть основным или даже достаточно надежным источником знаний о культуре, поскольку он слишком объемен и разнороден и отражает далеко не только культуру. Что именно в нем релевантно для культуры, а что нет, априори неясно, если не знать культуру другого народа до обращения к языку, причем знать достаточно глубоко. И тогда некоторые языковые выражения можно трактовать как средства отображения культуры. Но и эти слова и выражения – не ключевые слова и не концепты. Это просто фиксация тех или иных исторически обусловленных явлений в языке. Если знать, что в Германии была весьма сильна традиция психоанализа, то можно объяснить этим историческим фактом приток в бытовой язык слов, обозначающих психические состояния человека. Но это обилие вовсе не означает, что немцы в массе своей лучшие психологи и глубже проникают в глубины человеческого сознания. Понимание того, что такое политкорректность, чем она вызвана и как далеко распространяется, предваряет объяснение возникновения тех или иных эвфемизмов или определенных языковых запретов. Это явление более характерно для сегодняшнего немецкого языка, чем для русского. Но и обилие эвфемизмов в лексико-семантическом поле социально-политической сферы – лишь свидетельство определенной эпохи и культуры этой эпохи, а не формы, в которые отливаются мыслительные операции представителей этноса.

Не только некоторые элементы языковой системы обусловлены или связаны с культурой народа, но и элементы других знаковых систем. Так, в одних странах принято использовать запретительные дорожные знаки (например, знак «поворот запрещен» в виде изогнутой перечеркнутой красной стрелки), а в других – рекомендательные (знак «здесь

можно ехать только прямо» — в виде прямой белой стрелки на синем фоне). Эти различия в дорожных знаках — такие же элементы культуры, как и некоторые слова и выражения или чисто прагматические речевые реакции и жесты.

Знание культуры и истории должно предшествовать трактовке языковых явлений. В первую очередь культуру отражают названия специфических для страны реалий *(билеты в нагрузку, занимать очередь, маниловщина, спать на печи, хлестаковщина, Besenwirtschaft, Hütte, Schultüte, Sozialamt),* слова, референты которых в значительной степени различаются концептуально (*подвал* выглядит обычно иначе, чем *Keller, спальный вагон* в России устроен не так, как *Schlafwagen* в Германии) или ассоциативно, в переносных значениях (*Schwein,* в отличие от *свиньи,* приносит счастье, а *коза,* в отличие от *Ziege,* вовсе не глупа — она резва, бойка и находчива: *Вот коза! Ах ты, коза!* — подобные фразы произносятся нередко с одобрительно-добродушной интонацией, ср. бранно-презрительное: *Dumme Ziege!*[87]), а также лексическое представление примет, суеверий, отображение в лексиконе сказочных и литературных героев, крылатые слова — весь этот специфический для каждого народа набор лексики, несомненно, напрямую связан с культурой[88]. Это вполне конкретные слова и выражения, соотносящиеся всегда с конкретной исторической эпохой, ни в коей степени не характеризующие чью-либо ментальность и полезные изучающим иностранный язык для ориентации в новых для них ситуациях, а также необходимые для переводчиков, то есть имеющие в первую очередь ценность чисто прикладную и познавательную.

Представление о лакунарности тесно связано с тем, какими именно единицами мы оперируем при порождении речи. Не исключено, что формально свободные словосочетания *dunkel werden, blass werden* — это и есть минимальные единицы порождения речи, и тогда чисто словарный подход, отвергающий право подобных конструкций считаться эквивалентами глаголов *темнеть, бледнеть* по причине их отсутствия в сегодняшних словарях, некорректен. Не исключено, наоборот, что минимальными единицами порождения речи являются не слова, а морфемы, и тогда лексемно-

центрический подход к проблематике лакунарности вновь окажется несостоятельным. Как часто мы произносим приставку и силимся отыскать подходящий корень, который вдруг сходу забылся. Помним, что *недо-* или *пере-,* а что именно *недо-* или *пере-,* вспомнить не можем. А иногда и вспоминать не приходится: собеседник и так понял. Возможно также, что имеет место и то, и другое, и третье – один и тот же человек в определенные периоды своей жизни или в определенном состоянии порождает речь с помощью принципиально разных составляющих: в фокусе его внимания могут оказаться в принципе даже отдельные фонемы, если ему важно по каким-либо причинам в коммуникативных целях подчеркнуть их сходство или различие; возможно также, что он порождает речь, извлекая из памяти целые готовые предложения или даже межфразовые единства (например, цитаты, рекламные слоганы, готовые тексты). Другими словами, в речепорождении, возможно, участвуют далеко не только лексемы в традиционном смысле этого слова, и тогда проблематика эквивалентности, лакунарности, переводимости должна быть пересмотрена. Членение действительности при помощи слов – лишь один из видов осуществляемого мыслящим субъектом членения действительности. Передача знаний потомкам происходит с помощью текстов, а не в виде словаря. Лексемно-центрический подход – дань многолетней традиции, но не отражение реального порождения процесса речи: о последнем пока слишком мало известно.

2.6 ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДИМОСТИ В СФЕРЕ МНОГОЗНАЧНОСТИ

Явление, которое называют «непереводимость», имея в виду синоним слова лакунарность, в объективной реальности, несомненно, встречается. Об этом уже немало сказано в предыдущих разделах этой книги. Но есть другое значение слова «непереводимость» – психологическое, или, точнее, психолингвистическое. Имеется в виду не объективное отсутствие эквивалента, а ощущение его отсутствия. Это ощу-

щение является причиной многих утверждений о непереводимости тех или иных слов на другие языки в работах неогумбольдтианского направления. Необходимо понять, что именно обусловливает такое ощущение. Почему некоторые слова кажутся непереводимыми, если эти слова — не обозначения специфических реалий?

В контексте этой постановки вопроса требуется различать два случая. Один — слова типа *пошлый,* другой — слова типа *abstreifen.*

Слова типа *пошлый* не переводимы относительно всего объема своего значения. Непереводима, на самом деле, семантическая емкость слова *пошлый* как единицы словаря. В каждый отдельный момент мы, употребляя это слово в речи, имеем в виду только одну из его сторон: *пошлый роман — schlüpfrig, kitschig, Schund; пошлая шутка — anzüglich, schlüpfrig, vulgär; пошлые безделушки — kitschig, spießig; пошлые взгляды — spießig, engstirnig, kleinkariert.* Реальная речь снимает проблему непереводимости, потому что каждый контекст позволяет слову выявить одну из сторон его многозначности. Нельзя перевести совокупность всех смыслов одним и тем же словом. Непереводимо словарное слово *пошлый,* но не слово как единица речи. В контексте перевод отражает одно из значений многозначного слова, как правило, вполне точно. Тем не менее, когда мы переводим слово *пошлый,* выбирая одно из его значений, остальные значения не исчезают из памяти, они остаются в ней, как тень. Так Луна присутствует целиком в нашем сознании и даже кажется видной глазу, когда мы смотрим на тонкий месяц.

К этой же категории относятся русские слова *дерзкий, досада, зануда, интеллигентный, тоска,* немецкие *Ärger, böse, fein, Gemütlichkeit, lästig, Schikane, zäh.* Это слова «емкие», «многомерные». Они многозначны в собственном языке, но их значения так тесно переплетены друг с другом, что сливаются в сознании носителя языка в целый комплекс трудноразделимых подзначений. Носители языка обычно затрудняются объяснить значение или значения таких слов. Взрослому русскому бывает нелегко разъяснить ребенку или иностранцу, что означает слово *интеллигентный.* А кто та-

кой *зануда?* Он обладает одновременно целым комплексом качеств: глубоко вникает в детали, не умеет занять собеседника, лишен чувства юмора, слишком разговорчив – и все эти свойства являются семами, составляющими значение одного-единственного существительного.

Определить словарные значения таких слов затруднительно и в лексикографии. Для *дерзкий* словарь русского языка Ожегова-Шведовой различает следующие значения: *1. непочтительный, наглый 2. отчаянный, смелый*. К каждому из этих значений есть свой переводной эквивалент. Однако эти значения проникают друг в друга, как две смешивающихся жидкости: *наглый* и *смелый* сливаются в комплекс *дерзкий*, и *дерзкий ответ* – это не только *наглый,* но одновременно и *смелый, вызывающий ответ*. А слово *зануда* – это и *1. дотошный человек, педант,* и *2. излишне разговорчивый и скучный собеседник*. И граница между этими значениями столь зыбка и проницаема, что они почти сливаются в сознании. Строго говоря, многозначность емких слов, как она отображается в толковых словарях, искусственна. Отрывать одно значение от другого для емких слов – операция до некоторой степени насильственная.

Другая категория непереводимости в условиях многозначности представлена случаями, когда лексема так же точно не переводится одним и тем же словом в разных словосочетаниях, перевод распадается на множество вариантов, но при этом в каждом отдельном варианте слово языка-оригинала остается, если угодно, равно самому себе. Например, немецкий глагол *abstreifen* входит в следующие словосочетания: *Beeren abstreifen – снимать ягоды с кустов, собирать ягоды; Die Schlange streift die Haut ab. – Змея меняет кожу; eine schlechte Angewohnheit abstreifen – избавиться от дурной привычки; einen Aal abstreifen – очистить угря от шкурки, снять с угря шкурку; Kleider abstreifen – сбросить с себя одежду; Schmutz von den Schuhen abstreifen – почистить ботинки; Zigarettenasche abstreifen – стряхнуть пепел с сигареты*. Получается, что глагол *abstreifen* не переводится на русский язык одним словом, как и слово *пошлый*. Невозможно ответить на вопрос «Что означает слово *abstreifen* в переводе на русский?» иначе, чем только перечислив все приведен-

ные выше примеры. Но ни один из переводов *abstreifen* в каждом конкретном контексте не сопровождается осознанием того обстоятельства, что имеются еще какие-либо другие возможные переводы и что это слово еще может означать и то, и другое, и третье. Тень других значений не преследует нас, когда мы выбираем конкретный перевод. Это слова – «плоские», «одномерные». В исходном языке они рассматриваются лексикографами как многозначные, но их значения не соотносятся напрямую с переводами. Обычно значений два-три, а переводов столько, сколько эти слова образуют словосочетаний. Многочисленность переводов обусловлена нормой языка перевода, при этом исходное значение таких слов в сознании константно, и его можно при желании выразить одной общей семой. Например, для *abstreifen* эту сему можно представить как «лишить» или «удалить» (в широком смысле слова). К плоским, одномерным принадлежит и глагол *kaputtgehen.* Представление многозначности плоских слов в словарях так же искусственно, как и ее отображение для емких слов. В действительности у плоских слов в исходном языке практически одно значение. Несколько цифр, под которыми приводятся их значения в толковых словарях, – довольно волюнтаристский подход к полисемии. Не случайно различные толковые словари немецкого языка представляют несколько значений глаголов *abstreifen* или *kaputtgehen* очень по-разному.

Фактически и в случае многомерных, емких, и в случае одномерных, плоских слов мы имеем дело, с одной стороны, с ложной многозначностью в исходном языке, с другой – с ложной непереводимостью в смысле отсутствия однословного эквивалента в языке перевода. Емкие слова не многозначны в строгом смысле слова, потому что составляющие их значение семы образуют в исходном языке некий неделимый комплекс, и попытка их разделить производит впечатление искусственной операции. Плоские слова, наоборот, слишком бедны семантическими составляющими, чтобы стоило представлять эти слова в исходном языке как многозначные. Емкие слова имеют несколько или даже множество переводных эквивалентов, каждый из которых отражает лишь какие-то стороны их

сложного значения. Плоские слова тоже имеют несколько или множество эквивалентов, в зависимости от сочетаемости в языке перевода.

Но носителями языка только емкие, многомерные слова осознаются как непереводимые, в то время как плоские не фиксируются сознанием как принадлежащие к той же категории. Этим чисто психолингвистическим феноменом объясняются многие примеры так называемых ключевых слов из перечисленных выше работ о языковой картине мира русских. Немцы, как показывают опросы носителей языка, считают непереводимыми слова *Sehnsucht* или *Gemütlichkeit*. А в романе шведского писателя Арне Даля (Arne Dahl) имеется фраза *Sie fühlte einen Stich schwedischer Schwermut – Она почувствовала укол шведской грусти* (или *шведской тоски*), то есть типично шведского чувства. По-видимому, представители любого народа некоторые абстрактные существительные из сферы эмоций при желании могут объявить непереводимыми и характерными для умонастроения именно этого народа. Главное, в этой области ничего нельзя доказать – поэтому можно дискутировать до бесконечности и даже объявлять такие дискуссии научными.

2.7 КОНТЕКСТУАЛЬНО СВОБОДНЫЕ И СВЯЗАННЫЕ ЗНАЧЕНИЯ

Составляя пособие, посвященное теме трудностей перевода, нельзя хотя бы вкратце не остановиться на еще одном важном теоретическом аспекте семантики и перевода: на так называемых свободных и связанных значениях.

Принято считать минимум одно из значений многозначного слова основным, а остальные – производными, причем некоторые из производных значений контекстуально обусловлены (контекстуально связаны). «Контекстуальное» значение превращается в некоторых работах в синоним «речевого», то есть «несловарного»[89]. Этот подход вызывает возражения.

Во-первых, если значение не принадлежит языку, оно не может быть понято. Возможно, что то или иное значение не

зафиксировано лексикографом: это зависит от объема словаря, от его качества и от его задач. Но чисто речевых значений быть не может.

Во-вторых, любое значение так или иначе связано и обусловлено контекстом и выявляется только в синтагматике — в словосочетаниях и предложениях, то есть в синтаксическом обрамлении. Степень контекстуальной свободы значения всегда относительна. Чем больше число возможных и фактических сочетаний, то есть чем шире валентность слова, тем больше степень свободы, но эта свобода никогда не бывает абсолютной. Свободных значений в принципе не бывает[90]. То, что в нашем сознании имеется значение глагола *взять* как *захватить что-либо рукой, пальцами или инструментом,* вне контекста, объясняется лишь тем, что в нашей памяти хранится колоссальное количество возможных сочетаний с этим глаголом, в каждом из которых он обладает вполне устойчивым, повторяющимся и потому в конечном итоге легко абстрагируемым значением. Маргинальны по отношению к этой массе хранимого в памяти материала контексты, где у глагола *взять* выявляются еще какие-либо дополнительные значения: *взял да и выпрыгнул из окна, ни дать ни взять, с чего ты взял, что ...* . Связанность здесь не только лексическая, но и синтаксическая: *взял да и ...* — только в такой синтаксической конструкции глагол *взять* означает *сделать совсем не то, что от кого-либо ожидалось,* но подкрепляется это значение *взять,* разумеется, лексическим значением глагола, следующего за *и: взял да и выпил чашку чая* в ситуации завтрака звучит странно (разве что нам известно заранее, что тот, кто выпил чашку чая, не должен или не мог ее выпить по каким-либо особым причинам, скажем, доктора запретили ему пить чай). Только в синтаксической конструкции *с чего (кто-либо) взял, что ...* глагол *взять* означает *сделать* (неверный, по мнению субъекта речи) *вывод,* но без подкрепления со стороны лексического наполнения придаточного предложения эта конструкция «провисает»: *с чего он взял, что сейчас ноябрь* — нелепое построение, если фраза произносится в ноябре. Тем не менее, толковый словарь Ожегова-Шведовой перечисляет эти значения *взять* как свобод-

ные (под отдельной цифрой), наряду с первичным, основным, не указывая, что перед нами синтаксически и лексически связанные значения (при этом *ни дать ни взять* толкуется как идиоматически связанное и не описывается как отдельное значение, что совершенно корректно). Вероятно, это оправдано тем, что даже эти – связанные несколькими перечисленными выше условиями – значения распространены и привычны для носителя русского языка, они хранятся в нашей памяти как существующие в реальности, хотя и менее распространенные (в частотном отношении), чем первичное, основное значение глагола. Но даже основное значение *захватить что-либо рукой, пальцами или инструментом* для глагола *взять* не беспредельно свободно: есть огромное количество предметов, которые нельзя захватить ни рукой, ни пальцами, ни инструментом, например, абстрактные сущности или конкретные жидкости. Всякая свобода ограничена, и вычленение значения *захватить что-либо рукой* и т. д. как самостоятельного условно.

Даже один этот пример позволяет предположить, что а) существуют различные градации связанности; б) что под контекстуальной связанностью нужно понимать не только лексическую, но и синтаксическую зависимость. Их взаимодействие, их взаимная обусловленность позволяют предположить наличие здесь гибкой и подвижной системы.

Переходя к собственно переводу, предположим и здесь наличие градаций связанного или свободного переводного эквивалента. Так, *er nahm meine Seite* означает *он занял мою сторону*. Поскольку есть еще примеры *er nahm meinen Platz, er nahm das Zimmer oben,* то можно предположить, что перевод *занимать* для *nehmen* может рассматриваться как свободное переводное значение наряду с *брать*. Примеры *er nimmt seine Arznei immer abends; vergiss nicht, deine Tropfen zu nehmen* подсказывают, что *nehmen* переводится еще и как *принимать*. Какое это переводное значение – связанное или свободное? Можно ли включать его в ряд значений глагола *nehmen* под порядковым номером (2, или 3, или 4) наряду с основным *брать?* Вот тут и проступает весьма размытая граница между переводом как (относительно) свободным зна-

чением и переводом как контекстно обусловленным и связанным явлением. Примеров с *nehmen* как *принимать* (в смысле «глотать», «принимать внутрь») немало, но все они так или иначе связаны с медициной. Однако русский глагол *принимать* тоже многозначен. Мы говорим *принимать что-либо всерьез, принимать что-либо близко к сердцу – etw. ernst nehmen, etw. zu Herzen nehmen*. И, хотя здесь другое *принимать,* эти примеры укрепляют нас в стремлении представить *принимать* как самостоятельный перевод *nehmen*. Кроме того, *принимать* близко по значению к *брать (не принимай близко к сердцу – не бери в голову),* и это – еще один аргумент в пользу решения, что *nehmen* – это не только *брать,* но и *принимать.* А как быть с *er nahm den Bus, die Straßenbahn, den Zug?* Эти словосочетания заставляют предположить, что у *nehmen* есть еще значение *ехать, поехать на каком-либо виде транспорта.* Но мы не привыкли считать, что *nehmen* – это то же, что *fahren.*

Где же граница между степенью контекстуальной связанности *nehmen – принимать* и *nehmen – ехать?* Примеров словосочетаний для обоих значений достаточно. Одно значение так или иначе связано с медициной, другое – с транспортом. Но именно из-за обстоятельств, о которых сказано выше, то есть близости между *брать* и *принимать* и при этом несоединимости *брать* с *ехать* в сознании носителя русского языка (хотя, заметим, *ein Taxi nehmen* – и по-русски *взять такси:* в отличие от автобуса, трамвая, поезда, троллейбуса, такси или частника *берут*), большинство лексикографов не включают *ехать* в список свободных значений для перевода. Такое решение принимает, например, НРС, где *den Bus nehmen* перечисляется в ряду целого ряда связанных значений. И совсем уже очевидно, что в словосочетаниях *nimm dir Zeit – не спеши, можешь не торопиться; er ließ es sich nicht nehmen – он счел своим долгом, он посчитал необходимым* перевод полностью обусловлен конкретным контекстом, немецкие примеры единичны, не наполнимы другими соседями, кроме данных, так что эти примеры граничат с фразеологией.

Перед решением подобных задач оказывается любой автор переводных словарей, и каждый принимает эти реше-

ния на свой страх и риск, потому что между *nehmen – брать* и *nehmen – не спешить* – огромное количество переходных случаев. Обосновывать степень разработанности структуры словарной статьи можно по-разному, и любое решение о свободных и контекстно связанных значениях, за исключением, разве что, *nehmen – брать,* уязвимо. В принятии решений «свободное – несвободное переводное значение» определяющую роль играет языковое сознание лексикографа.

В примере *Lass mich meinen Kaffee in Ruhe genießen. – Позволь мне насладиться (моим) кофе в тишине и покое* – русская фраза формально корректна, но по-русски так никто не скажет. Скорее всего, мы скажем *Дай мне спокойно выпить (допить) кофе.* Это не значит, однако, что *genießen* переводится как *допить* на словарном уровне. Более того, это не значит, что *genießen* переводится как *допить* на уровне контекстно-связанном. Здесь вообще *допить* появляется не как перевод *genießen,* а как наиболее подходящий перевод сказуемого в контексте всей фразы в целом. Перед нами уже не контекстная связанность, которую имеет смысл помещать в словаре как рекомендацию для перевода *genießen.* Этот пример можно было бы привести в словаре в качестве иллюстрации решения переводческой задачи, то есть как некоторый образец перевода предложения в целом, но не как рекомендацию для перевода глагола *genießen.* Словарный перевод *genießen* не затронут решением приведенной выше задачи: *1. наслаждаться, насладиться, получить удовольствие, смаковать 2. пользоваться, получить: hohes Ansehen genießen, guten Ruf genießen, Freiheit genießen, gute Ausbildung genießen.* В пункте 2 мы имеем дело с относительно связанным значением, т. к. глаголы *пользоваться* или *получить* применимы в качестве переводов *genießen* только в контексте слов, обозначающих почести, высокое социальное положение или особые привилегии, то есть в условиях ограниченной сочетаемости.

Таким образом, перевод позволяет выявить различные степени контекстуальной связанности лексического значения: 1) относительно свободную (ограничение широким контекстом лексем, которым свойственна определенная се-

мантическая характеристика); 2) приближающуюся к фразеологически связанным значениям; 3) собственно фразеологическую, причем фразеологическая связанность бывает не только лексической, но и синтаксической; 4) отсутствие лексического значения на уровне слова-перевода по причине необходимости искать более или менее подходящий перевод в рамках предложения в целом, а точнее минимального текста, т. к. предложения в речи не бывают изолированными. На практике любое лексическое значение является связанным, даже если оно представляется сознанию безгранично свободным: *брать* как перевод *nehmen* – это тоже контекстуально связанный переводной эквивалент. Понятие контекстуальной связанности растяжимо и зыбко. Лексикографам постоянно приходится принимать решения описанного выше рода.

Решения относительно выбора свободных или связанных значений регулярно принимают и переводчики или другие люди, которые оказываются в их роли. Например, *выбирать друзей – sich Freunde wählen, выбирать себе костюм – sich einen Anzug wählen, выбирать (в магазине) фрукты – Obst wählen*. Но для перевода словосочетания *выбирать выражения* глагол *wählen* уже не годится, здесь в нейтральной ситуации потребуется сказать, по-видимому, *Worte zurechtlegen, Ausdrücke zurechtlegen,* а в ситуации окрика *Выбирай выражения! – Du vergreifst dich im Ton; Was erlaubst du dir eigentlich* или найти иное синонимичное выражение.

Хорошо если человек ощущает, что имеет дело с устойчивым словосочетанием, и позаботится о том, чтобы подыскать для него подходящий перевод. Нюансы, позволяющие уловить момент, когда свободное и связанное значение одного и того же слова в различных словосочетаниях расходятся, бывают столь тонкими, что вероятность ошибок даже для опытного переводчика довольно высока. Особенно повышается эта вероятность, если переводчик имеет дело очевидно не с фразеологией и не может предвидеть подвоха, если не знает точно о необходимости замены свободного значения контекстуально связанным в определенной конкретной ситуации. Откуда русскому, переводящему на немецкий, знать, что *открывать окно в комнате* –

das Fenster aufmachen, öffnen, а *открывать окно в машине — das Fenster herunterkurbeln?* Контекстуальная связанность глагола *herunterkurbeln* для носителя русского языка непрозрачна, поскольку различие между способами отрывания окон в зависимости от помещений и форм окон в русском не отражено. Предвосхищение контекстуальной связанности должно быть чем-то подготовлено. Если собственный язык не дает оснований предполагать, что окна открывают по-разному и что способы их открывания могут по-разному именоваться, то неискушенный переводчик, скорее всего, окажется в ловушке основного перевода — *öffnen, aufmachen.*

Аналогичным образом носитель русского языка может ошибиться в выборе перевода для глагола *надевать,* если ему неизвестно, что в связи с пальто, платьем или рубашкой требуется выбрать глагол *anziehen,* в связи с шапкой — *aufsetzen,* а про перчатки чаще скажут *überstreifen.*

Получается, что переводчику постоянно нужно быть начеку и практически никогда нельзя полагаться на основное значение: относительная контекстуальная независимость в одном языке может обернуться дробной контекстуальной зависимостью в другом — настолько дробной, что неподготовленный человек даже вообразить себе степень детализации не может. Бывает, конечно, и наоборот: трудно предполагать без специальной подготовки, что такие, казалось бы, разные русские глаголы, как *получать* и *сохранять,* могут переводиться на немецкий одним и тем же словом *erhalten*. Однако если специальных знаний нет, то следует всегда исходить из более дробного сценария, то есть взять себе за правило предполагать, что основное переводное значение, предлагаемое двуязычным словарем, как правило, под цифрой 1, ненадежно, даже если под прочими цифрами тех примеров, которые могли бы дать ключ к переводу конкретного словосочетания, найти не удается. Например, если РНС предлагает в качестве перевода прилагательного *тусклый* под цифрой 1 *trübe, matt,* а под цифрой 2 *(бесцветный) farblos,* то это еще не означает, что словосочетания *тусклый зимний вечер, тусклый взгляд, тусклые волосы, тусклый образ* переводятся одинаково с использо-

ванием слов *matt* или *trübe*. Более того, ни для одного из этих словосочетаний не стоило бы при переводе употреблять предлагаемые РНС под цифрой 1 слова, за исключением словосочетания *тусклый зимний вечер,* для которого годится *trübe*. Для остальных больше подойдут *erloschen (Blick), stumpf (Haar), vage (Bild)*. Все это контекстуально связанные переводы. Если в словаре их нет, то требуется искать другие источники информации, например, консультироваться с носителями немецкого языка.

Скепсис по отношению к контекстуально независимым значениям – первый шаг к успешному переводу. Исходить нужно из того, что контекстуально независимых значений, по крайней мере, для переводчика на иностранный язык, попросту не бывает.

2.8 КОММЕНТАРИЙ К ГЛАВЕ 2

[23] Интересующихся историей вопроса адресуем к книге И.С. Алексеевой «Введение в переводоведение» (*Алексеева И.С.* Введение в переводоведение. М., СПб., 2004. С. 148–153.).

[24] Имеются и исключения: значения многозначного слова порой оказываются равноправны, т. к. среди них не всегда можно выделить исходное и производные: например, *ablegen* – и *откладывать,* и *снимать; проговорить* – и *aussprechen,* и *sagen.* Несмотря на это обстоятельство, одно из значений часто фиксируется сознанием как основное среди на первый взгляд равноправных синонимов. Например, в ряду *ломать, крушить, портить, приводить в негодность, разрушать, рвать, разбивать, губить* как значений глагола *kaputtmachen* значение *ломать* выступает как основное (родовое), что явствует из ошибок в русской речи немцев или живущих в Германии русских, изрядно подзабывших родной язык: *Люди ломают природу; Вы сломали коврик.*

[25] *Швейцер А.Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. 2-е изд. М., 2009. С. 113.

[26] *Галь Н.* Слово живое и мертвое. 5-е изд. М., 2001; *Kußmaul, Paul.* Verstehen und Übersetzen. Tübingen, 2007.

[27] *Смирнов А.В.* Как возможен перевод? Язык, мышление и логика смысла // Философия и этика: сб. науч. трудов к 70-летию академика А.А. Гусейнова. М., 2009. С. 360–374.

[28] Во всех учебниках и теоретических трудах по переводу дается определение эквивалентности. Авторы указывают на то, что эквивалентность и адекватность – центральные, ключевые понятия теории перевода. Но большинство определений эквивалентности касаются перевода текстов. Об эквивалентности на уровне лексикона речь обычно не заходит. См., например, *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М., 1990. Исключение составляет так называемая «теория закономерных соответствий», см.: *Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. М., 1974. Обычно эквивалентность определяют как максимально достижимую степень лингвистической (смысловой, морфологической, стилистической) близости между оригиналом и переводом. Это определение оставляет широкий простор для субъективизма и индивидуальных трактовок не только конкретных случаев, но и целых пластов сходных переводческих явлений.

[29] Перевод А. Элиасберга.

[30] Перевод А. Элиасберга.

[31] Имеются и другие немецкие варианты заглавия пьесы, но все они включают слово *ernst.*

[32] Одной из самых «каламбурных» книг является, несомненно, «Алиса в стране чудес», где целые сцены построены на словесных играх. Во многих пособиях и теоретических работах по переводу приводятся интересные примеры попыток перевести каламбуры или «говорящие» имена. Например, много ярких примеров содержится в книге «Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты» А.Д. Швейцера (*Швейцер А.Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. 2-е изд. М., 2009.).

[33] Немецкие каламбуры цитируются по книге: *Oliver Thomas Domzalski* (Hg.). Das goldene Album der Sponti Sprüche. Frankfurt (M.), 2006.

[34] Имеются и другие интерпретации лакун. Например, в работе И.Ю. Марковиной и Ю.А. Сорокина лакунарность интерпретируется очень широко: как любые межъязыковые, межкультурные, межтекстовые и индивидуальные расхождения (*Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А.* Опыт систематизации лингвистических и экстралингвистических факторов, влияющих на понимание текста // Текст как явление культуры. Новосибирск, 1989. С. 103–162.).

[35] См. *Быкова Г.В.* Лакунарность как категория лексической системологии. Благовещенск, 2003.

[36] Такое соотношение между языками называют иногда также «гиперонимически-гипонимическим», см., например, *Швейцер А.Д.* Теория перевода. М., 2009; этот термин удобен, но, к сожалению, он ограничен именами – существительными и прилагательными, а родо-видовые отношения бывают и среди глаголов.

[37] Еще в начале прошлого столетия глагол *мыть* означал и «стирать»: *мытая рубашка, свежевымытая сорочка.* Но в современном русском языке эти глаголы разошлись.

[38] О понятии «лексема» см. *Павлов В.М.* Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Л., 1985.

[39] Помимо существительного *Erziehungsurlaub,* в немецком языке есть обозначения *Mutterschaftsurlaub, Vaterschaftsurlaub.* Существительное *Mutterschaftsurlaub* соответствует русскому словосочетанию *декретный отпуск.* А вот с *Vaterschaftsurlaub* сложнее: это слово возникло в языке сравнительно недавно, с момента введения закона о том, что отцы, как и матери, имеют право брать отпуск по уходу за ребенком без потери стажа и рабочего места. Это *отпуск по уходу за ребенком, в который уходит не мать, а отец.* В русском языке соответствия нет.

[40] Поэтому нельзя согласиться с утверждением, что в немецком языке отсутствует соответствие слову «кипяток» (*Стернин И.А.* Лексическая лакунарность и национальная специфика мышления // Языковая семантика и образ мира. Тезисы докладов междунар. науч. конф., посв. 200-летию Казанского ун-та. Казань, 1995. Т. 1. С. 62–64.). В немецком отсутствует его однословный эквивалент, потому что эквивалент представлен устойчивым словосочетанием. Есть в немецком и соответствие слову *кипяток* в его переносном значении. Например, о любой горячей жидкости можно сказать, предостерегая кого-либо от ожога: *Осторожно, это крутой кипяток. – Pass auf, es ist kochend heiß.*

[41] Детальное рассмотрение понятий эквивалентности, безэквивалентности и непереводимости можно найти в книге *Иванов А.О.* Безэквивалентная лексика. СПб., 2006.

[42] *Балли, Шарль.* Французская стилистика. М., 1961. С. 19.

[43] *Никитевич В.М.* Основы номинативной деривации. Минск, 1985; *Вяничева Т.В.* Из истории изучения субстантивного пласта устойчивых композитивных номинативных единиц в отечественной и зарубежной лингвистике // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2004. Вып. 7. С. 111–128; *Чепкова Т.П.*

Особенности функционирования составных наименований в современном русском языке // Культура и коммуникация. Сб. материалов междунар. заоч. науч.-практ. конф. Челябинск, 2006. С. 240–244.

[44] *Weisgerber, Leo.* Vom Weltbild der deutschen Sprache. Düsseldorf, 1953; *Weisgerber, Leo.* Das Menschheitsgesetz der Sprache als Grundlage der Sprachwissenschaft. Heidelberg, 1964.

[45] *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. С. 63.

[46] Там же. С. 48.

[47] Там же. С. 63.

[48] ИЯ – исходный язык; ПЯ – переводящий язык.

[49] *Иванов А.О.* Безэквивалентная лексика. СПб., 2006. С. 8.

[50] *Корниенко А.В.* Дискурсный анализ. Учеб. пособие. СПб., 2008. С. 23.

[51] *Eric H. Lenneberg.* Biologische Grundlagen der Sprachen. Frankfurt (M.), 1972. S. 456.

[52] *Koller, Werner.* Einführung in die Übersetzungswissenschaft. 5. Aufl. Wiesbaden, 1997. S. 173–178.

[53] Ebenda. S. 183.

[54] Теоретик и практик перевода Пауль Кусмауль называет отсутствие переводного эквивалента на словарном уровне «надуманной проблемой»: „Fehlende Wörter“ sind ein Scheinproblem. Wir können die entsprechenden Inhalte immer ausdrücken“. (*Kußmaul, Paul.* Verstehen und Übersetzen. Tübingen, 2007. S. 36).

[55] *Коломейцева Е.М., Макеева М.Н.* Лексические проблемы перевода с английского языка на русский. Тамбов, 2004. С. 26.

[56] *Иванов А.О.* Безэквивалентная лексика. СПб., 2006. С. 28.

[57] *Бердникова Е.В.* Лексическая лакунарность в аспекте межкультурной коммуникации. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. СПб., 2006. С. 17–18.

[58] *Nida, Eugene A.* Toward a Science of Translating. With Special Reference to Principals and Procedures Involved in Bible Translating. Leiden, 1964.

[59] Адекватными немецкому *Bulle* могли бы быть русские существительные *фараон* или *легавый,* но оба они устарели.

[60] *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. С. 39. Что означает сочетание смыслов «отражают и одновременно формируют», в тексте книги не поясняется.

[61] http://wortschatz.uni-leipzig.de (01.08.2010).

[62] *Медведева Т.С.* Репрезентация концепта Ordnung в немецкой языковой картине мира // Вестник Удмуртского университета, 2007. № 5 (2). С. 105–114; *Бутенко* Е.Ю. Концептуализация понятия «страх» в немецкой и русской лингвокультурах. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Тверь, 2006.

[63] *Wierzbicka, A.* „Angst“ // Culture and Psychology. 1998. Vol. 4. No. 2. P. 161-188.

[64] *Стефанский Е.Е.* Культурные сценарии реализации эмоциональных концептов в художественном дискурсе // Вестник Самарской гуманитарной академии. Выпуск «Философия. Филология.», 2007. № 1. С. 172–182. См. также интервью И.Б. Левонтиной Радио «Свобода» 28.11.2006 под названием «Языковая картина мира» (электронный адрес интервью http://www.svobodanews.ru/content/article/291612.html.

[65] Кстати, 30 опрошенным немцам тот факт, что *Angst* является особой эмоцией, связанной с немотивированной тревогой и отличающей их менталитет от менталитетов других народов, оказался неизвестен.

[66] *Левонтина И.Б.* Homo piger // *Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. С. 336.

[67] НРС не фиксирует для *gemütlich* перевода *ленивый,* но тексты показывают, что это слово обладает данным значением приблизительно в той же мере, что и *bequem,* для которого эквивалент *ленивый* в НРС приводится. Например: *Ich bin zu gemütlich, um so viele Treppen hinaufzusteigen; Schafe beißen gemütlich ins Grün.* Однако в некоторых контекстах эти синонимы друг другу противопоставляются «по степени лени»: *Ich bin manchmal gemütlich, jedoch nicht faul*. Перевести это можно примерно так: *Мне иногда бывает неохота что бы то ни было делать, но я не считаю себя ленивым.* Прилагательные *bequem, gemütlich* можно рассматривать как эвфемизмы для откровенно пейоративного *faul.*

[68] См., например, *Постовалова В.И.* Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. М., 1999; *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семанти-

ческий, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

[69] *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. С. 147.

[70] См., например: *Wierzbicka A.* Soul and mind: linguistic evidence for ethnopsychology and cultural history, American Anthropologist, 1989, 91(1). p. 53–54.

[71] *Шмелев А.Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002. С. 460-462.

[72] *Zaretsky, Yevgen.* Über einige ethnologische Mythen (am Beispiel des Russischen) // Acta Linguistica. Vol. 2. ¹ 2. 2008. S. 39–54.

[73] *Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. С. 234. Речь здесь идет о том, что немецкие супруги, прежде чем развестись, должны по закону прожить год раздельно. Этот год именуется *Trennungsjahr*. На основании данного юридического термина авторы цитаты выстраивают свое толкование значения существительного *Trennung*. Кстати, из какого источника почерпнуто мнение о пространственной соединенности собирающихся разводиться супругов – неясно; в этот год (перед тем как получить развод в суде) они как раз разъезжаются по разным квартирам.

[74] Там же.

[75] См., например, *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. С. 489–490.

[76] Стереотипы, или клише – такой же элемент фольклора, как пословицы, крылатые слова, суеверия, заговоры, легенды, сказки, народные песни. Как и суеверия, стереотипы располагаются вне категорий истинности или ложности и не могут лежать в основе научных изысканий. В то же время их можно изучать в рамках научных работ, как и любые другие явления фольклора. Но в этом случае они становятся не основой, а объектом изучения. Своеобразие лингвокультурологии состоит как раз в том, что она принимает стереотипы за основу для теоретических выводов.

[77] Попытка детерминировать лакунарность во всех ее проявлениях приводит к следующего рода рассуждениям: «В сознании разных народов складывается своя, особая картина мира, что определяется, в частности, неодинаковым жизненным опытом

представителей разных языковых коллективов. <...> Конкретными проявлениями неодинакового членения действительности языком являются расхождения в репертуаре и содержании грамматических категорий, в структуре семантических полей. В качестве примера можно привести русское слово *рука*, которому в английском языке имеется два соответствия...» (см. *Сдобников В.В., Петрова О.В.* Теория перевода. Н. Новгород, 2001. С. 121–122.). Тезис о различии жизненного опыта различных народов и его отражения в языке не вызывает возражений, но когда этот тезис иллюстрируется примером с *рукой* или *ногой,* то возникает вопрос, в какой же сфере у англичан или немцев жизненный опыт так разошелся с опытом русских, что в английском или немецком образовались два слова там, где в русском одно. На этот вопрос ответ не приводится. Предполагается, что его и быть не может. Расхождения подобного рода не имеют никакого отношения к жизненному опыту народов, одинаково использовавших руки и ноги для различных видов жизнедеятельности.

[78] *Которова Е.Г.* Особенности денотации лексических единиц в немецком и русском языках. In: W. Gladrow, S. Heyl (Hg.) Slawische und deutsche Sprachwelt. Frankfurt (M), 1996. S. 333.

[79] Более подробно об этом см. раздел 3.3.

[80] Иногда отрицательные коннотации, наоборот, способствуют пополнению словаря вопреки тому, что соответствующее выражение уже имеется. Например, внедрение в современный русский язык интернационализмов *толерантный, толерантность* можно объяснить лишь тем, что русские лексемы *терпимый, терпимость,* означавшие испокон века то же, что *толерантный* и *толерантность,* вызывали, видимо, негативные ассоциации из-за своей многозначности: *терпимый* – это не только «тот, кто терпит», но и, в другом значении, «такой, который можно терпеть» – обычно о чем-либо негативном. В таких ситуациях наблюдается явление, противоположное образованию лакунарности из-за нежелательных ассоциаций: явление дублирования лексики. Это динамическое состояние продолжается, как правило, недолго: один из полных образовавшихся в результате такого дубляжа синонимов скоро оказывается вытесненным на периферию лексического гнезда или вовсе исчезает из языка.

[81] *Коптякова Е.Е.* Германия в национальных стереотипах русских и американцев // Политическая лингвистика. Вып. 1 (24). Екатеринбург, 2008. С. 129–132.

[82] Лингвокультурема – то же, что «ключевое слово» культуры. См. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология. Теория и методы. М., 1997.

[83] *Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.

[84] Именно этот путь избран Т.В. Цивьян, анализирующей категорию диминутивности в новогреческом языке (*Цивьян Т.В.* Модель мира и ее лингвистические основы. М., 2009. С. 218–233.).

[85] Ницше писал: „Durch gewisse Ansichten über die Dinge ist das Pathos der Empfindung in die Welt gekommen, nicht durch die Dinge selbst: z. B. alles, was *Faust* in der ersten Scene als Ursache seiner Leiden angiebt, ist irrthümlich, nämlich auf Grund metaphysischer Erdichtungen erst so bedeutungsschwer geworden: könnte er dies einsehen, so würde das Pathos seiner Stimmung fehlen“ (*Nietzsche, F.* Fragmente 1875–1879, Bd. 2. München, Berlin, 1988. S. 155.). Это высказывание можно отнести и к гипотезе лингвистической относительности: в основе ее пафоса лежат определенные требования, предъявляемые к реальности, – требования, которым последняя не соответствует, соответствовать не может и не должна.

[86] В книге „Typisch deutsch. Wie deutsch sind die Deutschen?“ Герман Баузингер убедительно демонстрирует изменчивость немецкой культуры. Ценностные ориентиры пятидесятых годов 20-го века не соответствуют общественным представлениям начала 21-го века. Изменились семейный уклад, отношение к социальной роли женщины, к браку, к экологии, к порядку и пунктуальности и многое другое. Язык отчасти вбирает в себя эти изменения, но параллельно сохраняет и пласты лексики прошлых эпох (*Bausinger, Hermann.* Typisch deutsch. Wie deutsch sind die Deutschen? München, 2000.).

[87] Молодым козам *(Zicke),* с которыми иногда сравниваются девочки и девушки, приписываются своенравие и готовность к всяческим проделкам, ср.: herumzicken *разг.*

[88] Иногда к лексическим выразителям культуры причисляют также идиоматику, но это некорректно, по причинам, уже названным в этом разделе. См. об этом же: *Мокиенко В.М.* Образы русской речи. Историко-этимологические очерки фразеологии. М., 2007; *Eismann, Wolfgang.* Gibt es phraseologische Weltbilder? Nationales und Universales in der Phraseologie. In: D. Hartmann, J. Wirrer (Hg.) Wer A sagt, muss auch B sägen. Beiträge zur Phraseologie und Sprichwortforschung aus dem Westfälischen Arbeitskreis.

(Phraseologie und Parömiologie Bd. 9). Hohengehren, 2002. S. 107–126.

[89] *Бархударов Л.С.* Контекстуальное значение слова и перевод // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. Вып. 238. М., 1984.

[90] *Hausmann F.J.* Von der Unmöglichkeit der kontrastiven Lexikologie. In: Von der Allgegenwart der Lexikologie. Kontrastive Lexikologie als Vorstufe zur zweisprachigen Lexikographie. Akten des internationalen Werkstattgesprächs zur kontrastiven Lexikologie 29.–30.10.1994 in Kopenhagen. Lexicographica, Series Maior 66. Tübingen, 1995. S. 19–24.

Глава 3

Обзор категорий трудностей перевода

Когда начинаешь сопоставлять языки, то несовпадения обнаруживаются на каждом шагу, и легче сказать, что не представляет для перевода трудностей. Даже, казалось бы, не зависящий от лингвистической проблематики животный мир, которому неведомы политические границы и этническая принадлежность, – и тот оказывается ненадежным пристанищем для поиска единообразия, ибо человеческий язык вмешивается и в него. Так, хотя собака, кошка, свинья, утка, гусь и прочие представители животного мира и издают одинаковые звуки независимо от того, на какой территории они проживают и на каком языке разговаривают люди вокруг, но издаваемые этими животными сигналы интерпретируются носителями различных языков по-разному: русские передают лай собаки как *гав-гав,* немцы – как *wau-wau*. Овцы и козы блеют, если верить языкам, по-разному*,* а свиньи поразному хрюкают.

Потерявшуюся кошку русские кличут *кис-кис-кис,* а немцы – *mietz, mietz, mietz*. А обращенная к собаке команда *Фу!* по-немецки звучит как *Aus!* Лошади немцы командуют тронуться с места возгласом *Нü!* – а русские *Но!*

Некоторые междометия, которые представляются общечеловеческими, поскольку являют собой звуки, непроизвольно вырывающиеся из груди при определенных – общечеловеческих же – эмоциях (удивления, восхищения, боли, досады, недоверия, довольства, презрения) вроде *Ах! Ох! Ух! Уф! О-о-о! Опля! Ух! Ага! Угу! Гм! Фи! Тьфу!* – и те вовсе не всегда совпадают: немецкое *Aha!* походит на русское *Ага!*или немецкое *Hm!* – на русское *Гм!* – а вот русское выражение

удивления *Ого!* соответствует немецкому междометию *Wow!* (заимствование из английского). Немецкое *Hoppla!* – полный эквивалент русского *Опля!* А вот междометие *Ох!* – чисто русское явление. Немцы не охают, они только ахают. И возглас *Уф!* в немецком контексте тоже будет соответствовать, скорее всего, междометию *Ach!* Немец будет выражать ощущение боли междометием *Aua!* – а русский *Ай!* или *Ой!* Междометие, выражающее негодование или презрение *Фи!* – это *Pfui!* – так же, как и *Тьфу!* Последнее, казалось бы, просто передает звук плевка как знака презрения или отвращения, но даже такая очевидно звукоподражательная передача, как выясняется, не обязательно присутствует в другом языке. Да и глагол, выражающий презрение, в немецком вовсе не *плевать,* а *свистеть – pfeifen.*

Далеко не все трудности перевода можно охватить в рамках одной книги. Наверное, начинать следовало бы с распределения существительных по грамматическим родам: уже несовпадения в этой сфере составляют немалую трудность, поскольку как в немецком, так и в русском языках логики в распределении существительных по родам нет, здравый смысл угадать род слова обычно не помогает, а некоторые формальные признаки (суффиксы, приставки) позволяют сделать заключение о грамматическом роде далеко не всегда, и из формальных правил имеется множество исключений.

Не совпадают в русском и немецком возвратные глаголы: *ворваться – hineinstürzen; вспоминать – sich erinnern; рискнуть – sich wagen; слушаться – gehorchen.*

В русском языке принято употреблять два отрицания там, где в немецком достаточно одного: *Я никода не буду высоким (Жванецкий). – Ich werde niemals groß sein.*

Огромное число несовпадений обнаруживается в сфере глагольных управлений: *поздравлять кого-либо с чем-либо – j-m zu etw. gratulieren.* Как раз совпадения здесь носят скорее случайный характер.

Далее, расходятся грамматические значения предлогов. Например, для передачи чисто пространственного значения *на чем-либо* немецкий язык предлагает различать минимум два предлога в зависимости от того, идет ли речь о поверхности вертикальной *(an)* или горизонтальной *(auf)*[91].

Как уже было сказано в начале этой книги, на новичков она не рассчитана. Многие трудности перевода, с которыми сталкиваются люди на начальных этапах освоения иностранного языка, приходится проигнорировать из-за ограничений объема.

В настоящем справочнике рассматриваются следующие случаи, представляющие проблемы для перевода:

- Лексемы, обозначающие реалии
- Лексемы без прямого эквивалента по неясным причинам
- Случаи необычной внутренней формы слова
- Случаи расщепления многозначного слова при переводе на несколько эквивалентов
- Способы перевода на русский немецких сложных слов
- Усилители и смягчители качества или признака, для которых нет эквивалентов
- Эвфемизмы, для которых нет переводных эквивалентов
- Идиомы и устойчивые словосочетания
- Имена собственные, ставшие нарицательными
- Чисто оценочные лексемы
- Ложные друзья переводчика и интернационализмы
- Коммуникативные клише (фразовые междометия)
- Аббревиатуры
- Эллипсисы при переводе словосочетаний и предложений
- Случаи несовпадений по грамматической форме (например, несовпадения в грамматическом числе, грамматическом роде)
- Случаи различий в зависимости от грамматических категорий контекстного окружения
- Различия в образовании и использовании причастий
- Различия в употреблении степеней сравнения
- Различия в употреблении местоимений
- Различия в употреблении модальных глаголов
- Перевод положительного модуса отрицательным и наоборот
- Различия в коммуникативном типе предложений
- Зависимость перевода от расположения фразового ударения

Представленные категории трудностей перевода не имеют единого классификационного основания. Наблюдается множество случаев пересечения перечисленных категорий. Так, *красавчик* входит как в категорию лексем без прямого эквивалента (специфика слова и отсутствие его эквивалента в немецком объясняется суффиксацией), так и в категорию «чистая оценка». *ГАИ* – это и сокращение, и обозначение специфической реалии. *Referendariat* (годичная стажировка в школе или в адвокатуре перед тем, как стать профессиональным учителем или адвокатом) – это и название реалии, и ложный друг переводчика.

Кроме того, очевидно, что одно значение какого-либо слова может относиться, скажем, к категории обозначений реалий, другое к чистой оценке. Если мы имеем дело с категорией лексем без прямого эквивалента, то у слова есть синоним, для которого имеется прямой перевод. Например, *обуять,* не имея прямого по стилистике, эмоциональной окраске и частотности эквивалента в немецком, переводится как *überkommen*. Немецкий глагол *überkommen* является псевдоэквивалентом глагола *обуять,* если исходить из стилистических особенностей русского слова. При этом у *überkommen* есть и прямой эквивалент – *охватывать.* Слово *überkommen* в немецко-русской части словаря должно, следовательно, переводиться минимум двумя способами: *охватывать, обуять.* Практически любой перевод лексемы из категории слов без прямого эквивалента из-за их специфической стилистической окраски влечет за собой удвоение значений, как только псевдоэквивалент, в свою очередь, выступает в роли леммы. Тем самым соответствующая лексема нередко подпадает под категорию «расщепление многозначного слова на несколько переводных эквивалентов».

В некоторых случаях вопрос о включении или невключении той или иной лексемы в этот справочник не имеет однозначного решения. *Taschentuch* – это не **карманный платок,* а *носовой платок*. Представляет ли *Taschentuch* в сопоставлении с его эквивалентом *носовой платок* трудность для перевода, поскольку немецкое слово по внутренней форме – не *носовой,* а **карманный платок?* Если это слово не

знать и рассчитывать на успех поэлементного перевода, то можно ошибиться: поэлементный перевод лексемы не поможет найти правильное решение – получится **Nasentuch*. А подобная ошибка способна затруднить или даже сорвать коммуникацию. Следовательно, переводчику требуется помощь. Так же не перевести поэлементно выражение *im Grunde genommen – в сущности (говоря):* в русском выражении не присутствует эквивалент глагола *nehmen,* да и *Grund* обычно не переводится существительным *сущность.* Даже, казалось бы, такое прозрачное по внутренней форме слово как *Allgemeingut – всеобщее достояние* – можно теоретически перевести на русский язык как *общее имущество* или *общее хозяйство,* если не знать соответствующего точного перевода. Перед нами так или иначе случаи близкого, но не дословного и не поэлементного перевода. Они достаточно элементарны для людей с хорошим знанием иностранного языка и представляют собой трудности для людей, находящихся на этапе его изучения. В зависимости от степени овладения языком трудности перевода меняются и то, что вчера казалось сложным, сегодня уже представляется само собой разумеющимся.

3.1 БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА

3.1.1 Обозначения специфических реалий[92]

Лексемы, обозначающие «чисто местное явление, которому нет соответствия в быту и в понятиях другого народа»[93], переводить, подыскивая для них эквивалент в лексике языка перевода, невозможно. Так, в немецком отсутствует слово или словосочетание (как лексическая единица) для обозначения сушек или калачей, потому что в немецкоязычных странах их не производят. А в русском нет прямого соответствия слову *Spätzle,* потому что в России это блюдо неизвестно. Перевод лексем, обозначающих специфичес-

кие реалии, производится, как правило, с помощью описаний, пояснений, комментариев.

Подобные примеры в изобилии присутствуют в таких областях общественной жизни, как политика, социальная сфера, законодательство, повседневный быт, питание. Скажем, в современных российских учреждениях и на предприятиях не принято проводить один день в году с коллегами на природе или совершать экскурсию за счет работодателя, поэтому слово *Betriebsausflug* может быть переведено только описательно (хотя несколько десятилетий тому назад это слово можно было бы перевести как *день здоровья* — советская реалия, ушедшая в прошлое)[94].

К сфере специфических российских реалий следует отнести и историзмы (то есть специфические для данной страны архаизмы, например, *ванька, коллежский асессор, лапти, подпоручик*), и их частный случай — так называемые советизмы. В русский язык благодаря советской власти вошли такие слова и выражения, как *безыдейный, битва за урожай, встать на трудовую вахту, ездить на картошку, знатная доярка, знатный хлебороб, неурожай, неурожайный год, овощебаза, положить фильм на полку, пятилетка, стахановец, стол заказов, субботник, товарищеский суд, трудовой десант, труженики села, ударный труд, уплотнять* и многие другие памятники фантасмагорической эпохи, требовавшей от людей трудового почина, строительства светлого будущего, хождения строем, равнения на передовиков производства, выполнения встречных планов, принятия соцобязательств, борьбы за звание правофланговых, политической грамотности и моральной устойчивости. В ленинскую и в особенности в сталинскую эпоху придумывались новые слова для того, чтобы заклеймить, опозорить, призвать к ответу, осудить, уничтожить; слова эти имели почти ритуальную, магическую силу: *военщина, враг народа, вредный элемент, гнилой Запад, единоличник, лишенец, перегибы, пережитки капитализма*. Подавляющее большинство слов, принадлежащих к убогой и однообразной лексике советской эпохи, располагается в лексических пластах, так или иначе связанных со стройкой и строительными работами или с войной и военной подготовкой. Эти слова и словосочетания по большей

части могут рассматриваться сегодня как архаизмы. Некоторые из них закрепились в языке и перешли в ранг элементов шутливого стиля: так, выражение *раз в пятилетку* превратилось в идиому и означает *редко;* его можно перевести на немецкий как *alle Jubeljahre mal wieder*. Иные лексемы постигла более печальная судьба: советская власть, лихорадочно искавшая лексические метки оптимизма и подъема народного духа, узурпировала и превратила в советизмы такие изначально не имевшие к идеологии никакого отношения слова и выражения (появившиеся в языке в большинстве своем задолго до советской власти), как *девчата, детвора, заводила, задор, задорный, коллектив, мирные инициативы, озорной, ребятня, трудовой почин*. Эти сами по себе ни в чем не повинные лексемы прочно ассоциируются теперь у нескольких живших в эпоху социализма поколений людей с фальшью и лживостью идеологических лозунгов, их семантика оказалась отягощенной историческим прошлым. Остались в русском языке и выражения *кухонные разговоры, кухонные сплетни,* сохранившиеся с тех времен, когда жилищные условия были таковы, что гостей приходилось принимать на кухне. При переводе на немецкий язык образ кухни неизбежно оказывается утрачен: *Gerede, Klatsch*. Своеобразным отпечатком советской эпохи является и сохранившееся в языке слово *лысенковщина,* обозначающее агрессивную псевдонауку, мракобесие от науки. В немецком, скорее всего, придется обойтись переводами *Obskurantismus, Pseudowissenschaft.*

Такие лексемы, как *кухонные разговоры, лысенковщина* — это и имена специфических для истории страны реалий, и одновременно удобные обозначения явлений общечеловеческих. То же можно сказать и о таких словах и выражениях, как *маниловщина, Плюшкин, словарь Эллочки Людоедки, фамусовщина, человек в футляре* и многих других. Они входят в язык благодаря конкретному художественному произведению и в этом отношении они этноспецифичны и являются элементами культуры определенного народа. Но они же в принципе могут обозначать явления, хорошо известные в любой другой культуре. Однако использовать подобные слова и выражения для перевода текстов, написанных на других

языках, следует с большой осторожностью, поскольку их происхождение слишком прозрачно, отчего перевод слова *Schwärmerei* как *маниловщина* способен оставить ощущение смешения культур и непрофессионализма переводчика.

В сфере обозначений специфических реалий необходимо учитывать еще и случаи формально имеющегося, но практически отсутствующего перевода. Так, *Keller* переводится обычно как *подвал* или *погреб,* однако для сознания носителя русского языка подвал и уж тем более погреб выглядят совсем не так, как немецкий Keller. Наглядный образ и ассоциации, связанные со словом *подвал,* не пересекаются с объемом значения немецкого псевдоэквивалента, за исключением одной общей составляющей: помещение в нижнем этаже дома, ниже уровня земли. Другой пример – немецкое слово *Bauer,* которое принято переводить как *крестьянин*. Но немецкий крестьянин в реальной жизни соответствует скорее нынешнему российскому фермеру, а русское слово *крестьянин* ассоциируется с другими представлениями. Возможно, российские зажиточные крестьяне до большевистской революции были сопоставимы с немецкими Bauern, но благодаря стараниям советской власти они исчезли с лица земли; нынешние фермеры – это попытка возрождения крестьянства в объеме значения немецкого слова *Bauer*. Слово *Hütte* обычно переводится как *хижина,* но те Hütten, которые расположены в горах Шварцвальда или Тироля, можно назвать хижинами лишь условно: речь идет о двух- или трехэтажных домах, являющихся одновременно гостиницей и рестораном или закусочной. Немецкая акушерка – *Hebamme* – в отличие от представительницы соответствующей профессии в России, помогает женщине не только при родах, но и дома, пока ребенок маленький, то есть совмещает функции российской акушерки и патронажной сестры[95].

Как поступать при переводе, например, с таким словом, как *Weihnachtsbaum?* С одной стороны, россиянин знает рождественскую елку, хотя она постепенно превратилась в новогоднюю. Но *Weihnachtsbaum* – не обязательно елка, это может быть любое хвойное дерево. В *Weihnachtsbaum* отсутствует

указание на породу дерева, и это, по-видимому, является основной мотивацией возникновения слова именно в такой форме, ведь наряду с ним существуют и *Tanne,* и *Tannenbaum.* Дословный перевод *рождественское дерево* звучит нелепо, «не по-русски», а словосочетание *новогодняя елка* не всегда годится (например, если в тексте подчеркивается именно праздник Рождества, а также если учесть, что немцы свои *Weihnachtsbäume* начинают выбрасывать уже к 30-му декабря, когда русские свои елки только ставят), поэтому перевод, во избежании путаницы, стоило бы осуществлять просто с помощью слова *елка* или все-таки словосочетания *рождественская елка* – в зависимости от контекста. Примерно теми же соображениями переводчик руководствуется в ситуациях, когда требуется переводить слова *Weihnachtsgeschenk, Weihnachtsrausch, Weihnachtsstimmung.* Для русского читателя или слушателя понятнее и привычнее словосочетания, включающие слово *новогодний.* Но всегда ли можно заменить *рождественский* на *новогодний* – это каждый раз приходится решать заново в зависимости от переводимого текста и от ситуации.

Не совпадают и представления о том, что такое сыр и творог. *Käse* – это и *сыр,* и *творог,* а *Quark* – это только специфический полужидкий *творог. Weißer Käse* – просто *творог. Schichtkäse* – тоже *творог. Käsekuchen* – это не *пирог с сыром,* а *пирог с творогом, творожный пирог.* Русские *сырники,* иногда именуемые *творожниками,* тоже готовятся из творога. А вот *Emmentaler Käse* – это для русских *эмментальский сыр.* И наоборот, то, что русские называют *творог,* немцы могут назвать *Käse* или *Quark* в зависимости от его консистенции и способа изготовления. Получается, что *Käse* – это гипероним по отношению к словам *сыр* и *творог,* а *творог* – гипероним по отношению к немецким *Quark* и *Käse.*

Сопоставление реалий доходит иногда до абсурдных ситуаций. На улицах городов и сел Германии работают тысячи *Straßenreiniger.* Но назвать их *дворниками* можно лишь с натяжкой, потому что с русским словом *дворник* связано некоторое количество ассоциаций, не совпадающих с теми, которые вызываются образом немецкого *Straßenreiniger.*

Российский дворник в его классической ипостаси – в специфической одежде, в фартуке до пят, с метлой и деревянной лопатой – выглядит иначе, чем его немецкий коллега, одетый, как правило, в спецовку и снабженный некоторым инструментарием, позволяющим убирать мусор быстро и не поднимая пыли. РНС предлагает переводить *дворник* как *Hausmeister* – человек, присматривающий за порядком и чистотой в доме и во дворе этого дома. Любопытно, что слово *дворник* в немецких переводах рассказов «Муму» Тургенева (дворник Герасим) и «Беззаконие» Чехова (дворник Ермолай)[96] переведено как *Hausknecht*. Скорее всего, назвать персонажей этих рассказов *Straßenreiniger* или *Hausmeister* просто было бы анахронизмом. *Hausknecht* достаточно точно отражает социальную роль Герасима и Ермолая как работников, живущих, скорее всего, в небольшом подсобном помещении прямо во дворе при барской усадьбе (Герасим) или барской даче (Ермолай) и выполняющих работы, связанные с домом и двором.

Не следует, однако, преувеличивать несовпадение ассоциаций в связи с каким-либо образом, вызываемым тем или иным словом. Всем известна разница между немецкими и российскими железными дорогами (разное расстояние между рельсами), шоссейными дорогами (качество покрытия), немецкий трамвай выглядит не так, как русский, немецкая деревня в значительной степени отличается от русской, образы животных, деревьев, цветов вызывают, возможно, различные ассоциации у носителей немецкого и русского языков в связи с фольклорными традициями. Однако если контекст не требует специального внимания к расхождениям в ассоциативных полях, создаваемых словом исходного языка по сравнению с его эквивалентом в языке перевода, то переводчику не стоит заострять на них внимание. Общее концептуальное ядро значений – достаточное основание для адекватного понимания перевода. В художественных текстах вполне можно перевести *изба* как *Haus* или *Holzhaus*. При желании можно снабдить этот перевод подстрочным комментарием, уточняющим, как именно выглядит российская изба. Разумеется, если текст посвящен особенностям российской деревни, описаниям изб, утвари или бытовых условий дере-

венских жителей, то тут от переводчика, скорее всего, потребуются дополнительные комментарии и разъяснения.

Некоторые слова, традиционно относимые к обозначениям специфических реалий, таковыми не являются. Принято считать, что в русском нет эквивалента *Wochenende*[97]. Между тем, *выходные* – вполне достойный эквивалент. Многие русские уверены, что в немецком языке нет прямого соответствия слову *дача*. Но, во-первых, есть *Datscha* (это слово употреблялось в бывшей ГДР) – вполне «онемеченное» заимствованное слово, во-вторых, имеются *Ferienhaus, Landhaus, Landhäuschen, Sommerhaus, Wochenendhaus* – полные соответствия *дачам*. Другое дело, что в России дачи более распространены; кроме того, русские авторы много писали про дачи и дачников, что позволило дачам отразиться в сознании носителей русского языка как специфическому явлению российской действительности.

Многие россияне уверены, что немцы не знают садоводств. Однако *Schrebergarten* – это эквивалент русского *садоводства,* нет никаких оснований считать реалии, стоящие за этими словами, отличными друг от друга. Вот определение, которое дает толковый словарь Г. Варига: *Kleiner Garten innerhalb einer Gartenkolonie, meist am Rande einer Stadt*. Садоводства имеются как в восточной, так и в западной части Германии.

Считается, что *коммунальная квартира (коммуналка)* – нечто специфически русское. Некоторые немецкие словари даже приводят в качестве перевода слово *Kommunalka*. Следует заметить, однако, что в Германии чрезвычайно распространены *Wohngemeinschaften,* как студенческие, так и для пожилых людей, и единственное отличие этих коммуналок от российских проходит по оси «добровольно – принудительно». Разумеется, это не значит, что слово *коммуналка* можно переводить как *Wohngemeinschaft,* но вполне допустимо было бы пояснение к переводу *Kommunalka* в виде, например, такого: *erzwungene Wohngemeinschaft*.

В этом же ряду необходимо упомянуть *На здоровье!* – якобы русский эквивалент застольных тостов *Prost! Zum Wohl!* в расхожем представлении немцев, *Russischer Zupfkuchen* – пирог (из песочного теста, с вкраплениями какао), которого

в России никто не печет, *Russisches Ei* (яйцо в желе) – блюдо, для русских нетипичное, *Russischer Kaffee* (кофе с водкой) – напиток, который русские не употребляют, *Russischbrot* – печенье (в форме латинских букв), русским не знакомое.

По-видимому, многие представления о специфичности реалий объясняются отсутствием четких представлений о жизни другого народа, хотя границы уже давно не на замке. Тем не менее, сближение и раскрытие друг для друга деталей быта – процесс длительный.

Но есть и такие лакуны, которые объясняются, по всей вероятности, случайностью; во всяком случае, причина лакунарности неясна. Например, в немецком есть *Analphabet* как эквивалент *неграмотный,* но нет эквивалента слова *грамотный.* Имеется, правда, немецкое слово *schriftkundig,* но его семантический объем лишь отчасти покрывает значение слова *грамотный* и эквивалентом его считать нельзя. В русском языке есть словосочетание *граненый стакан,* а в немецком его перевода нет, хотя граненые стаканы в быту тоже имеются. На дорогах и улицах как России, так и Германии можно увидеть большое количество дорожных знаков и указателей, но в немецком есть причастие *beschildert (die Straßen sind ausreichend beschildert),* а в русском его эквивалента нет. Кофе выдыхается при долгом хранении как у немцев, так и у русских, но в русском языке есть глагол *выдыхаться,* а в немецком соответствия ему нет.

Кроме того, язык впитывает в себя как отражение реалий собственного народа, так и наименования объектов и событий из жизни других народов. Существительные *Glasnost* (транслитерация) или *Tauwetter* (калька) вошли в немецкий из русского как обозначения соответствующих исторических периодов развития народа другой страны. А в русском есть слова *Реформация, социальная рыночная экономика* – это вовсе не означает, что соответствующие реалии имели место в истории русского народа. Неверно поэтому было бы утверждать, что лакунарность объясняется различием в исторической практике народов: историческая практика и культура народа отражены в языке лишь отчасти, не полностью и не напрямую. Судить по лекси-

ческому составу об особенностях истории и быта народа, то есть делать выводы этнографического характера, довольно опасно, т. к. на основании лишь лексического анализа может возникнуть совершенно превратное представление о том или ином народе.

3.1.1.1 Обозначения специфических реалий: описательный перевод

В переводческой практике с названиями специфических для страны исходного языка реалий поступают по-разному в зависимости от прагматических целей исходного текста и перевода. Часто при переводе названий специфических реалий пользуются транслитерацией и предлагают пояснение (в скобках, в сноске или прямо в тексте). Или, для простоты и краткости, подыскивают наиболее подходящее по смыслу явление в языке перевода и не вдаются в подробности. Например, *рассольник* переводят как *Gurkensuppe,* а *телогрейка* как *Strickweste.* В немецких школах отсутствует (школьный) дневник; учитель проставляет отметки только в тетради – за письменные работы – или в табеле в конце полугодия, а домашние задания ученики записывают в специальные тетради – *Hausaufgabenheft*. Перевести текст, в котором упоминается школьный дневник, можно, скорее всего, только подменив *дневник табелем (Zeugnis)*. Вспомним стихи Маршака о нерадивом ученике, который принес домой в дневнике шесть «единиц»: «Пришел из школы ученик // и запер в ящик свой дневник». В немецком переводе здесь было бы вполне уместно слово *Zeugnis*[98].

Анализ переводов русских классических текстов позапрошлого века демонстрирует, что наиболее принятый способ перевода специфических для культуры страны исходного языка реалий – именно подыскивание слова, более или менее похожего по функциональному назначению и знакомого читателю из его собственной практики. Так, *салоп* переводится как *Mantel, поручик* – как *Leutnant, окрошка* – как *kalte Suppe*. Переводчики совершенно правы, когда стара-

ются не отвлекать внимание читателя от существенного – содержания, сюжета, речевых характеристик героев – и не заставляют его вникать в малозначимые детали, которые он все равно немедленно по прочтении забудет. Кроме того, комментарии увеличивают объем текста.

Поскольку данная книга – не пособие по художественному переводу, то здесь мы ограничиваемся как раз вариантами пояснений и комментариев, чтобы читателю стала яснее чисто лингвострановедческая сторона дела. Ниже приводятся некоторые примеры слов, обозначающих национальные специфические реалии, из различных сфер общественной жизни, с подробным описательным пояснением (переводом его можно назвать лишь условно)[99].

Социальные учреждения

С немецкого на русский:

Frauenhaus – учреждение, где могут найти временное пристанище убежавшие от жестокого обращения мужа или родителей женщины, одинокие или с детьми – они получают кров на то время, пока не подыщут себе жилье, а также бесплатную консультацию адвоката, помощь психолога

Gesundheitsamt – государственное или коммунальное учреждение общественного здравоохранения, на которое возложены многочисленные функции по охране, профилактике и контролю состояния здоровья

Landratsamt – главное федеральное ведомство, занимающееся вопросами защиты конституционных прав граждан, паспортным режимом, разрешением на проживание и на работу, регистрацией легковых автомобилей, общественным здравоохранением и многими другими коммунальными вопросами

Ordnungsamt – ведомство, занимающееся пропиской, делами иностранцев, разрешением на проживание и т. д.

Zulassungsstelle – МРЭО (межрайонный регистрационно-экзаменационный отдел), ведомство для постановки машины на учет; соответствует одной из функций ГИБДД

С русского на немецкий:

ГАИ (государственная автомобильная инспекция), **ГИБДД** (государственная инспекция безопасности дорожного движения) – Verkehrsamt, Straßenverkehrsamt

ЖЭК – жилищно-эксплуатационная контора – Hausverwaltung

собес – отдел социального обеспечения – Sozial- und Rentenamt in Russland

Школа, образование

С немецкого на русский:

Berufsakademie – трехгодичное профессиональное обучение, при котором студенты полгода проходят теоретический курс, а следующие полгода проходят практику

Fachhochschule – специальное высшее учебное заведение, высшее профессиональное училище *(тип высшего учебного заведения в ФРГ)*

Gesamtschule – тип школы, куда дети поступают после начальной школы и учатся до девятого или десятого класса. Отличие от других типов школ заключается в том, что школьники учатся в одной школе независимо от их способностей. После окончания этого типа школы ученик может поступить в верхнюю ступень гимназии или начать профессиональное образование

Hauptschule – тип школы в Германии, куда идут учиться после начальной школы обыкновенно наиболее слабые, неуспевающие ученики

Realschule – реальшуле – тип школы, куда дети поступают после начальной школы *(если не идут в гимназию или в так называемые Hauptschule или Gesamtschule)* – здесь учатся обычно до десятого класса; школа не дает права поступления в университет; по окончании этой школы можно получить место ученика на предприятии для обучения ремеслу или закончить гимназию

Studienkolleg – государственное учебное заведение, в котором учатся иностранные студенты, закончившие на родине гимназии или школы, но не имеющие права поступать в университеты Германии, т. к. их свидетельство об окончании школы не признается за немецкий аттестат зрелости; в «штудиенколлег» они получают немецкий аттестат зрелости, позволяющий им продолжать учебу в университетах

Volkshochschule – обучающие курсы для всех желающих; за небольшую плату на этих курсах можно изучать языки, программирование, бухгалтерское дело, заниматься фотографией, историей, литературой, спортом и т. д.; занятия проходят как в вечерние часы, так и в утренние *(для детей дошкольного возраста, пенсионеров или домохозяек)*

С русского на немецкий:

ПТУ – профессионально-техническое училище – dreijährige Berufsschule, meist für technische Berufe, stark praxisorientiert

техникум – praxisorientierte Berufsschule mit meist dreijähriger Ausbildungszeit

Профессии

С немецкого на русский:

Arzthelferin – помощница врача в частных практиках *(получает специальное образование, отличное от образования медсестры)*[100]

Hausmeister – управдом, выполняющий техническую работу *(уборка лестницы, ремонт подсобных помещений, озеленение участка у дома)* – ср.: Hausverwalter – управдом, занимающийся административно-хозяйственными вопросами домоуправления

MTA – medizinisch-technischer Assistent – медико-технический ассистент *(профессия, предполагающая среднее специальное медицинское образование)*

Rechtsanwaltsgehilfin – требующая трехгодичного обучения профессия, соответствующая секретарше адвоката

Steuerfachgehilfin – профессия помощницы консультанта по налоговым вопросам

Zahnarzthelferin – ассистентка зубного врача *(профессия, требующая трехгодичного образования)*

С русского на немецкий:

дворник – eine Art Hausmeister *(zuständig für ein ganzes Wohnviertel)*

завуч – заведующий учебной частью – stellvertretender Rektor, Studienrat, Oberstudienrat

завхоз – заведующий хозяйственной частью – Hausmeister in einer öffentlichen Institution

Еда

С немецкого на русский:

Eintopf – густой суп – блюдо, объединяющее первое и второе

Hochzeitssuppe – «свадебный» суп *(мясной бульон, заправленный фрикадельками и клецками)*

Kaiserschmarren – австрийское и баварское национальное блюдо: блин, разрезанный на полоски и подаваемый с фруктами или ягодами

Spätzle – шпецле – швабское национальное блюдо: тонко нарезанная лапша, отваренная в кипящей воде

С русского на немецкий:

варенье – Konfitüre, Marmelade *(in Russland wird dieses Gericht oft aus speziellen Schalen gegessen)*

кулебяка – Kuchen *(Pirogge)* mit Fleisch- oder Fischfüllung

разночинец – Rasnotschinez m – so nannte man in Russland Intellektuelle nicht adliger Herkunft *(die meisten stammten aus dem Kleinbürgertum)*

регистратура – стоять в очереди в регистратуре – am Empfang warten, zur Anmeldung anstehen; работать в регистратуре *(например, в поликлинике, во врачебной практике)* – als Arzthelferin arbeiten

соленья – Eingemachtes

Жилье, предметы домашнего обихода

С немецкого на русский:

Doppelhaushälfte – половина дома, находящаяся в собственности или снимаемая семьей *(для нее это – дом)*

Reihenhaus – дом рядовой застройки, секционный дом

Restmüll – мусор, остающийся после сортировки всей массы мусора на перерабатываемую часть *(бумага, пластик),* стекло, пищевые отходы

Sperrmüll – 1. крупногабаритный мусор, крупные отходы; 2. день, когда можно выставить на улицу перед домом крупногабаритный мусор, который забирает и увозит городская служба по уборке мусора

Stövchen – низкая подставка со свечкой для подогревания чайника с заваркой

С русского на немецкий:

изба – Häuschen, Hütte, Holzhütte; besteht meist aus einem großen Zimmer und einem Flur

розетка – Schälchen *(Russen essen Konfitüre aus Schälchen, und Deutsche schmieren Konfitüre oder Marmelade aufs Brot)*

чугунок – Tiegel, Topf

Одежда

С русского на немецкий:

бурка – Pelzumhang

валенки – Filzstiefel

ватник – wattierte gesteppte Jacke, wird meist als Arbeitsuniform getragen

косоворотка – kossoworotka – ein traditionelles russisches Hemd mit meist nach rechts, seltener nach links versetzter Schnalle

телогрейка – einfache und unansehnliche obere Winterkleidung – eine wattierte Weste; wird meist auf Staatskosten an Lagerinsassen, Zwangsarbeiter, Eisenbahnarbeiter etc. vergeben

Медицина

С русского на немецкий:

банки – Schröpfkopf *(im Russischen nur Pl., im Deutschen auch Sg.) veraltet; wird in der Schulmedizin nicht mehr eingesetzt*

горчичники – Senfpflaster *(werden in der Schulmedizin nicht benutzt)*

зеленка – Brillantgrün *(wird in der Schulmedizin nicht eingesetzt)*

Традиции, социальный уклад

С немецкого на русский:

Bewährungshelfer – работник социального ведомства, помогающий освобожденным из тюрьмы ресоциализироваться

Fasching – карнавал – праздник, приблизительно соответствующий по значению русской Масленице *(прощание с зимой)*[101]

Hochzeitstisch – стол в каком-либо магазине, на котором будущие молодожены расставляют или размещают те вещи, которые они хотели бы получить в подарок на свадьбу *(например, посуду, постельное белье и т. п.);* тот, кто хочет сделать им подарок, может отправиться в этот магазин и купить там один или несколько предметов в качестве подарка, выбрав то, что ему по карману и по душе. Эта церемония лишена эффекта неожиданности, сюрприза, но практична – молодые получают то, что им действительно нужно в новом хозяйстве

Kerwe – Kirchweih(e) f – ежегодные народные гуляния с ярмаркой и каруселями, изначально посвящавшиеся освящению церкви, а затем превратившиеся в традицию[102]

Polterabend – вечер накануне свадьбы, когда, по старинному обычаю, перед дверью дома жениха или невесты друзья и родные бьют посуду, т. к. черепки и осколки, по поверью, приносят счастье

Wochenendehe – стиль семейных отношений, при котором супруги встречаются только на выходных или проводят вместе отпуск. Причина: один из супругов работает так далеко от дома,

что вынужден снимать вблизи от места работы временное жилье и навещать семью только на выходных

Wochenendpendler, Wochenendheimfahrer – человек, место работы которого находится далеко от места жительства, проживающий по этой причине в будние дни неподалеку от места работы и приезжающий домой только по выходным

С русского на немецкий:

дворец бракосочетания – Hochzeitspalast – ein Palast, in dem junge Paare feierlich getraut werden

масленица – Fastnachtswoche in Russland *(zur Begrüßung des Frühlings)*

преферанс – Préférence f – eine Art Skat, ein Kartenspiel, das in Österreich und im östlichen Mitteleuropa sehr weit verbreitet ist *(in Deutschland unbekannt)*

сглазить – beschwören, durch den bösen Blick behexen *(Begriff ist im Deutschen nicht geläufig)*

История

С немецкого на русский:

Bürgerrecht – право быть горожанином *(в средневековье)*

Prima – восьмой или девятый класс гимназии *(в Австрии первый класс гимназии)*

С русского на немецкий:

былина – spezifische Form der russischen Volksdichtung, episches Lied

непротивленец – eine Art Pazifist; Anhänger der Theorie von L. Tolstoj, der behauptete, das das Böse nicht durch das Böse bekämpft werden kann: Das Böse bringt nur das neue Böse mit sich

толстовец – Nachfolger von L. Tolstojs Lehre

К этой же группе относятся советизмы:

кулак – so wurden russische Großbauern in der Zeit der Sowjetmacht genannt

лишенец – Lischenez, Lischenzy *Pl.* – Bürger der Sowjetunion, denen 1918-1936 das Wahlrecht gemäß Verfassung enthoben wurde *(das waren Pfarrer, Mönche, Offiziere der ehemaligen Zarenarmee, Händler, Sträflinge und einige weitere soziale Gruppen);* solche Bürger durften außerdem weder studieren noch im staatlichen Dienst tätig sein. In Zeiten der Hungersnot hatten Lischenzy auch kein

Recht auf Lebensmittelkarten, was oft zu deren Hungertod führte. Erst durch die neue Verfassung 1936 hat diese soziale Kategorie ihre Wahlrechte zurückerlangt

октябренок – Oktjabrjonok, oder Oktoberkind – Zugehöriger der Organisation der Oktoberkinder *(7 bis 9 Jahre)* als Vorstufe für die Jungpioniere *(9 bis 14 Jahre)*

середняк – mittelständischer Bauer

уплотнять – zwangsweise eine Wohngemeinschaft bilden, da wo früher eine Familie oder eine Person lebte *(d. h. aus einer Einfamilienwohnung eine Kommunalwohnung bilden)*

3.1.1.2 Обозначения реалий: условный перевод

Здесь речь пойдет о случаях, когда перевод в принципе имеется, но объемы семантических составляющих значений слов одного и другого языков явно не совпадают, то есть перевод в известной степени условный. Это явление имеет место в сфере реалий или понятий, близких к реалиям. Рассмотрим несколько примеров.

С немецкого на русский:

Brezel – крендель *(специфический вид кренделя: определенное тесто, как правило, соленое. Реально под словом «крендель» понимают нечто иное: другой тип теста, русский крендель никогда не бывает соленым, но при необходимости можно использовать такой перевод, не углубляясь в детали. Если в тексте речь идет не о кренделе как таковом и это только «проходная» деталь, то не обязательно отвлекать читателя подробностями и указанием на различия между немецким и русским изделиями из теста)*

Metzger – мясник *(трудно представить себе ситуацию, чтобы готовые блюда для вечеринки заказывали у мясника, в то время как beim Metzger fertige Platten bestellen в немецком звучит обыденно. Beim Metzger в данном контексте можно перевести как в мясном магазине)*

Sozialamt – собес *(у российского собеса частично аналогичные функции, что и у Sozialamt в Германии, но некоторые функции не совпадают, поэтому перевод должен считаться условным)*

С русского на немецкий:

баранка – Kringel *(в действительности Kringel – это любое изделие из теста круглой формы, а под баранками понимают нечто*

вполне определенное круглой формы – специфическое тесто, определенные размеры, вкус. Но обычно нет необходимости заострять на этом внимание читателей или слушателей, если только текст не посвящен специально баранкам как теме)

поликлиника – Poliklinik *(но не вполне; Poliklinik означает: 1. Zusammenschluss mehrerer Ärzte verschiedener Fachrichtungen zu einer Einrichtung, т.е. коллективная врачебная практика; 2. Abteilung eines Krankenhauses zur ambulanten Behandlung – амбулатория. Тем не менее, в некоторых контекстах допустимо переводить поликлиника как Poliklinik, помня, однако, о том, что это условный перевод)*

Лингвострановедческая специфика пронизывает все виды деятельности людей. Лингвострановедческими оказываются даже простейшие примеры, призванные проиллюстрировать мысль или тезис лектора, докладчика, учителя или ученика на уроке. Любую собаку, которой по каким-то причинам требуется дать самое общее собачье имя, русский назовет *Жучка* или *Тузик,* а немец *Bello*. Немецкий преподаватель или лектор на занятии в качестве примера какого-либо человека вообще назовет воображаемое лицо *Hugo* или *Mustermann,* в то время как его русский коллега скажет *имярек* или *Иванов*. В качестве примера какого-либо четырехзначного числа тот же немецкий преподаватель скажет *4711,* а русский, скорее всего, – *1234.* Переводить в таких ситуациях стоит по обстоятельствам. Русскому слушателю или читателю может быть неясно, почему пример четырехзначного числа – *4711*[103]. Но если имеет место устный перевод доклада или урока немецкого преподавателя для русской аудитории и преподаватель оперирует данным примером, то заменять его более привычным *1234* не стоит – это может сбить с толку.

Словарь не может и не должен заменять лингвострановедческую литературу. Последняя стала с недавнего времени чрезвычайно популярна и получила большое распространение[104]. Это, с одной стороны, вызвано оживлением контактов между населениями разных стран и миграционными потоками, с другой стороны, отчасти является данью моде. В некоторых книгах, посвященных лингвострановедческой тематике, слегка смещаются акценты и

преувеличиваются различия в условиях бытовой жизни и в привычках населения. Встречаются и просто нелепые и ложные утверждения, причина которых может заключаться только в предвзятости и тенденциозности[105] или в прямых недоразумениях[106]. Наблюдается и подспудное стремление подчеркнуть и преувеличить принципиальную разницу в так называемой «ментальности». Пока этим словом обозначают совокупность социальных привычек, традиций, национальных блюд и праздников типа карнавала, масленицы и Polterabend, оно не вызывает нареканий (хотя правильнее называть эти явления культурой быта), но стоит покинуть эту сферу и перейти к трактовкам так называемого национального характера, как почва начинает колебаться под ногами и большинство высказываний немедленно становится ложным по определению. Так, утверждать, что немцы пунктуальны, аккуратны и экономны, а русские плюют себе под ноги, пьют водку и отличаются радушием и гостеприимством – безответственно, и подобные утверждения могут низвести любую книгу до уровня кухонных разговоров, а любую коммуникацию обречь на провал. Кроме того, нигде и никем научно не доказано, что различия в национальной культуре (если понимать под словом «культура» совокупность привычек и усредненных расхожих ценностных представлений) значительнее, чем различия между городским и деревенским населением, между профессиональными или возрастными группами независимо от национальности, по крайней мере в рамках европейского региона.

Обычно основная проблема людей, описывающих свои впечатления от чужой страны и ее народа, заключается в предвзятости. Мы приезжаем куда бы то ни было с запасом уже сложившихся стереотипных представлений. Стереотипы облегчают восприятие, поскольку позволяют классифицировать новое и непривычное по уже известным и устойчивым критериям. Менять стереотипы трудно, неудобно, непривычно, любое изменение требует концентрации, работы ума, внутренней гибкости, способности признать, что, возможно, был не прав, а также хорошего знания иностранного языка, которое не всегда имеется, способности всту-

пать в контакты с местным населением, расспрашивать, уточнять — с риском, что тебя сочтут чудаком, не поймут или осудят. Во избежание всех этих трудов, мы замечаем в первую очередь или даже исключительно то, что укладывается в наши стереотипы. Если мы чего-то не понимаем, то стремимся объяснить это чем-то привычным, перенося уже понятое на непонятое и помещая это непонятое в категорию понятного и познанного. Другая реальная опасность — обобщение, перенос своих впечатлений от одного человека или небольшой группы лиц на все население, единичного явления на целое.

Относиться к лингвострановедческой литературе стоило бы с известной долей здорового скепсиса, по пословице «доверяй, но проверяй» — в немецком для этого предостережения можно использовать идиому „mit Vorsicht genießen".

3.1.1.3 Лакунарность как таковая (an und für sich)

Множество лакун ничем не объяснимы[107]. В немецком есть глаголы *sich verspäten, sich verfrühen*. В русском имеется эквивалент первого *(опоздать),* но нет эквивалента второго на уровне лексемы *(прийти слишком рано)*. В русском *мать и отец* объединены родовым понятием *родители (Eltern),* но родовой лексемы для обозначения *бабушки и дедушки (Großeltern)* нет. Прилагательное *ungenießbar* можно перевести как *несъедобный,* когда речь идет о еде, но нельзя перевести одним словом, если имеется в виду питье: фразу *Der Kaffee ist ungenießbar* можно перевести лишь как *Кофе невозможно пить*[108]. В немецком языке нет эквивалентов таких слов, как *угораздило, умиляться, вскладчину, гулкий, здравомыслящий, капустник,* хотя соответствующие явления в жизни немцев присутствуют. В русском отсутствуют эквиваленты таких слов, как *deftig, Ehebrecher, erholsam, frömmeln, handbreit, Notwasserung, sich abnabeln,* хотя соответствующие явления в российской реальности встречаются. В русском языке нет прямого эквивалента слова *hilfsbereit,* хотя помогать друг другу принято и «чувство локтя» ценится высоко;

нет и эквивалента слова *Armutszeugnis: Aus meiner Sicht bedeutet es ein Armutszeugnis,* — так говорят, например, о ком-либо, кто из чувства зависти, мести или еще из-за каких-либо неблаговидных причин не здоровается или позволяет себе выходки, не вписывающиеся в общепринятые нормы элементарной вежливости (то есть расписывается в собственной несостоятельности, проявляет малодушие, мелочность). В немецком нет слова, которое соответствовало бы русскому глаголу *приурочить*, хотя немцы приурочивают одно событие к другому не менее часто, чем это делают русские. В русском языке нет слова, которое бы характеризовало одежду, оконные рамы, стены домов относительно их пригодности к зимним условиям — соответствия немецкому *winterfest*, несмотря на суровость русской зимы по сравнению с западноевропейской. Немецкий язык не предлагает эквивалента русского глагола *твердить,* хотя немцы твердят тексты так же, как и русские. Нет и прямого перевода для глагола *басить,* хотя тембр мужских голосов у русских и немцев сопоставим. Такого рода случаи мы относим к категории лакун как таковых, поскольку причины отсутствия слова в одном языке при наличии его в другом ничем не объяснимы, нерегулярны и, скорее всего, случайны.

Примеры призваны показать, что нельзя жестко детерминировать наличие лакун только практикой или историей того или иного народа; роль случая в том, как складывается лексический состав, столь велика, что стремление объяснять лакунарность и различия в лексическом составе только объективными экономическими и историческими причинами может привести к заметному искажению действительного положения дел.

Для множества лексем вовсе неясно, можно ли здесь вести речь о лакунарности. Например, является ли слово *беднота* в немецком языке лакуной, если есть *Armen — бедные?* Считать ли немецкой лакуной слово *поднатореть,* если есть *sich auskennen — разбираться, знать толк, смыслить?* Можно ли рассматривать *Kaffeepause* как лакуну в русском, если в русском перерыв ассоциируется не с кофе, а с курением, и именуется *перекур?* А *Kaffeeecke* — это *рекреация* или в рус-

ском на этом месте лакуна? И достаточно ли устойчиво выражение *весенний упадок сил,* чтобы не считать немецкое слово *Frühjahrsmüdigkeit* лакуной в русском? Являются ли названия женских профессий в немецком *(Physikerin, Biologin, Chemikerin)* лакунами в русском, если в последнем в качестве обозначений соответствующих профессий имеются только существительные мужского рода? Эти и аналогичные вопросы приводят к заключению, что границы лакунарности в значительной мере размыты и многие определения весьма условны, то есть являются результатом договоренности.

Вот еще некоторые примеры лакун с попыткой перевода:

С немецкого на русский:

Geisterstunde – час от полуночи до часа ночи

Geschwister *Pl.* – братья и сестры, а также только сестры или только братья

Gezeiten *Pl.* – приливы и отливы

schultern – положить на плечо, взвалить на плечо

soziale Kompetenz – навыки общения, умение вести себя в обществе, умение держаться с людьми и работать в коллективе

С русского на немецкий:

брезгливый – j-d, der sich vor etw. ekelt

грамотный – j-d, der fehlerfrei schreiben und lesen kann

обознаться – sich irren, sich vertun: извините, я обознался – Entschuldigung, ich habe Sie für einen anderen gehalten, ich habe mich vertan, geirrt

сутки – Tag, 24 Stunden, rund um die Uhr: ехал в поезде двое суток– ich bin zwei Tage mit dem Zug gefahren; не спал двое суток – ich habe zwei Nächte nicht geschlafen; работаю круглые сутки– ich arbeite rund um die Uhr

3.1.1.4 Лакунарность по историческим, природным, социально-политическим причинам

В эту категорию попадают пограничные случаи между обозначениями специфических реалий и лакунами, возникновение которых можно при желании объяснить теми или

иными причинами, связанными с условиями жизни народа: *бездорожье, беспредел, благоустраивать, вприглядку, закуска, заначка, из-под прилавка, мусоропровод, обвешивать, обсчитывать, первопуток, пороша, с заднего крыльца, спать валетом, стол заказов, Abfallwirtschaft, einheiraten, Freundschaftspreis, Karrierefrau, kindersicher, kinderfreundlich, Kulanzfrist, Mülltrennung, schlemmen, Schnäppchen, Schnupperstunde*. Немцы не спят валетом, и благоустраивать свой район им обычно не приходится. Продавцы иногда обсчитывают, но это явление не носит массового характера. Немцы не используют в доме мусоропроводов. Бездорожье в Германии тоже имеется, но подобное явление представлено не столь широко, как в России. Русские не сортируют мусор *(Mülltrennung),* не устанавливают дополнительных сроков для каких-либо мероприятий из чистой любезности, идя навстречу клиенту *(Kulanzfrist),* при оборудовании зданий и улиц все еще недостаточно ориентируются на инвалидов *(behindertengerecht).*

3.1.1.5 Несовпадение в частотности

В ситуациях, когда два и более синонима, имеющие аналогичную стилистическую окраску, но обнаруживающие различную частотность, переводятся одним словом, один из этих синонимов – а именно, менее распространенный в текстах – при обратном переводе двуязычными словарями не учитывается. Например, нейтральные по стилю немецкие существительные *Zeit* и *Uhrzeit* являются синонимами (в одном из значений многозначного существительного *Zeit*) и переводятся на русский язык одинаково – *время*. Но РНС для перевода слова *время* на немецкий язык слова *Uhrzeit* не предлагает. *Lieferant* и *Anbieter* (в одном из значений) – *поставщик*. Но для существительного *поставщик* в списке эквивалентов в РНС слова *Anbieter* мы не находим. Аналогично обстоит дело и с парой *Kunde/Abnehmer – клиент*. Слово *клиент* РНС предлагает переводить только как *Kunde*. Связано это напрямую с частотностью: в поле зрения составителей двуязычных словарей в качестве эквивалента попадает только более распространенный синоним.

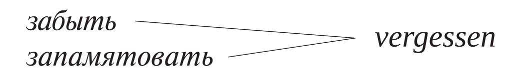
В определенном смысле менее частотные синонимы в аспекте эквивалентного перевода ущербны: строго говоря, не вполне ясно, имеется ли у существительного *Uhrzeit* эквивалент *время* или этот эквивалент уже «занят» словом *Zeit*, а для *Uhrzeit* полного соответствия он собой не представляет. Ведь по частотности он действительно скорее соответствует слову *Zeit*. Не исключено, что такие случаи правомерно рассматривать как неявную лакунарность.

Во всяком случае, складывается ситуация, при которой более частотные лексемы оказываются в центре внимания переводчика, а менее распространенные – на периферии. Из-за этого они в переводе зачастую не находят места. Во избежание этого дефицита переводческих средств всегда стоит работать не только с двуязычными словарями, но и с одноязычными словарями синонимов.

3.1.1.6 Лексемы без прямого эквивалента

Нередки случаи, когда словарь вместо перевода предлагает лишь некий заместитель точного эквивалента. Русское устаревшее слово *запамятовать* может быть переведено с помощью нейтрального глагола *vergessen*. Однако можно ли утверждать, что *vergessen* является эквивалентом русского глагола? Они принадлежат к различным стилям. Так же, как *запамятовать,* переводится и нейтральный русский глагол *забыть*. При обратном переводе с немецкого на русский мы в НРС для *vergessen* варианта *запамятовать* не найдем, поскольку он не является непосредственным эквивалентом *vergessen*.

Фактически мы имеем в таких ситуациях дело с более или менее удачной подменой эквивалента. «Подмена» означает в данном случае выдавание некоего слова за эквивалент, поскольку реально эквивалента не существует, по схеме:

– где для *запамятовать* подыскивается в качестве паллиатива эквивалент *vergessen,* потому что в немецком нет ниче-

го, более подходящего для этого русского слова. Если перечислить сумму всех сем и стилистических особенностей, составляющих значение *запамятовать,* то получим приблизительно такую картину:

- «забывать»,
- устаревшее,
- разговорное,
- может быть употреблено шутливо (устаревшее и шутливое – эти стилистические черты часто сопутствуют одна другой).

Из-за наличия дополнительных по отношению к *забывать* сем это слово в русском языке стилистически маркировано. Именно маркированность пропадает при переводе *запамятовать – vergessen,* т. к. немецкий глагол стилистически нейтрален и в этом отношении соответствует русскому *забывать.* Но именно маркированность и оправдывает существование глагола *запамятовать* в русском лексиконе. Следовательно, при переводе теряется суть – не в смысле концептуального значения, а в смысле оправданности существования переводимого глагола, того, что делает его элементом лексической системы и не позволяет ему из нее исчезнуть. Так что подмена эквивалента, как правило, связана с потерями и редко повышает качество перевода.

Глагол *vergessen* выступает как перевод, но не как эквивалент. Такие случаи в переводоведении именуются иногда частичной эквивалентностью.

Наиболее распространенным случаем подмены эквивалента является такой, когда в языке оригинала слово стилистически маркировано (как в примере с *запамятовать*), а в языке перевода нет эквивалента с соответствующей коннотацией. Маркированность может быть вызвана как дополнительными по сравнению с переводом эмоционально-оценочными семами, так и частотностью употребления: например, слово несколько устарело и в языке имеются наряду с ним более современные и привычные синонимы. При переводе происходит подмена эквивалента по стилистическому признаку. Подобные случаи легко проверяются обратным переводом по двуязыч-

ным словарям: так, *лобзать* РНС переводит как *küssen,* но *küssen* НРС переводит как *целовать,* а *лобзать* среди переводов не упоминается. Однако вполне можно представить себе стилистику письма, при которой перевод *лобзать* для *küssen* был бы не только вполне уместен, но и украсил бы русский текст и приблизил бы его к эпохе автора и выразительным особенностям текста оригинала. В принципе, хороший немецко-русский словарь должен был бы предлагать на выбор целый ряд возможностей варьировать стиль, например, для перевода *küssen* стоило бы предложить синонимический ряд: *(по)целовать, расцеловать, (об)лобызать устар. или шутл.-пренебр., лобзать книж., поэт., припадать (например, к чьей-либо руке), запечатлеть поцелуй книж., чмокнуть разг.*

Прилагательное *настоящий,* имеющее в русском языке несколько значений, – это, с одной стороны, *wahr* и *echt,* с другой – *dieser* и *vorliegend.* В РНС эти два значения представлены вполне четко. В немецком языке эквиваленты слова *настоящий* не имеют никакого отношения друг к другу и отнесены к разным понятийным рядам, а в русском это случай полисемии. Можно представить себе контекст, который допускал бы оба варианта перевода: *настоящий экземпляр рукописи находится в рукописном отделе. Dieser, vorliegend* допустимо переводить и как *данный, этот.* Но отсутствие слова *настоящий* в арсенале средств переводчика обедняет перевод. Контекст, как правило, снимает проблему многозначности, т. е. различие между *настоящий* как *wahr* и *настоящий* как *dieser,* но это не отменяет необходимости знать тонкости обоих языков, например, помнить, что слово *dieser* имеет в русском не только эквиваленты *этот, данный,* но может быть переведено и как *настоящий.* Между тем НРС этого варианта перевода не дает. Немецко-русский словарь под редакцией А.А. Лепинга и Н.П. Страховой не предлагает его и для *vorliegend,* в то время как словарь под редакцией О.И. Москальской его содержит. Этот перевод для *dieser* – на периферии сознания носителя русского языка, он окрашен стилистически: *настоящий* в значении *данный* звучит предельно сухо, обнаруживает признаки так называемого канцеляризма, между тем

как *данный* звучит хотя и строго по-деловому, но достаточно нейтрально, без дополнительной стилистической окраски.

Насущный переводится на немецкий как *wichtig, lebenswichtig*. При этом *wichtig, lebenswichtig* имеют в русском более привычные эквиваленты – *важный, жизненно важный*. Прямой эквивалент слова *насущный* в немецком языке отсутствует и перевод его как *wichtig, lebenswichtig* представляет собой некий эрзац. При этом перевод *lebenswichtig* словом *насущный* вместо слова *важный* содержание текста при определенных условиях мог бы обогатить – но для этого переводчик с немецкого должен знать, что имеется такая возможность. Однако НРС этого перевода не предлагает.

Прилагательное *любопытный* переводится в первом значении как *neugierig,* во втором (носящем слегка разговорную окраску) как *interessant*. НРС не предлагает *любопытный* в качестве перевода для *interessant,* потому что *любопытный* не является собственно эквивалентом *interessant,* и перевести *interessanter Fall* как *любопытный случай,* а не как *интересный случай,* в соответствующем контексте способен хороший переводчик, знающий русский язык до тонкостей.

Вот еще некоторые примеры стилистических несоответствий:

С русского на немецкий:

абы – egal, um jeden Preis, … auch immer: абы как – wie auch immer; абы кто – wer auch immer; абы кому – wem auch immer; абы с кем – mit wem auch immer *(в то время как «абы» в русском имеет откровенно разговорную окраску, немецкие варианты перевода стилистически нейтральны)*

авось *разг.* – hoffentlich; mit Gottes Hilfe; so Gott will: Авось пронесет. – So Gott will, werden wir durchkommen *идиом.*; понадеяться на авось – auf gut Glück *(«авось» в русском имеет откровенно разговорную окраску, немецкие же варианты перевода стилистически нейтральны)*

азы – Anfangskenntnisse, Grundkenntnisse: познавать, изучать, приобретать, постигать азы – Anfangskenntnisse *Pl.* Grundkenntnisse erwerben, sich einarbeiten; Это же азы! – Das ist doch elementar!;

начинать с азов – von vorne anfangen *(НРС перевода «азы» для „elementar“, а также для „elementare Kenntnisse“, „von vorne anfangen“ не дает)*

башка – Kopf *(русское слово сугубо разговорное, немецкое нейтрально; в немецком есть, правда, слово „Birne“, означающее в переносном значении „Kopf“ с пометой шутл., разг., но „Birne“, тем не менее, не является прямым эквивалентом слова «башка» во всех контекстах. Во-первых, оно намного реже употребляется и носит еще более выраженную разговорную окраску, чем русское «башка». Во-вторых, «у меня трещит башка» нельзя перевести как „*meine Birne tut mir weh“ или „*Ich habe Birnenschmerzen“, эта фраза переводится только как „Ich habe Kopfschmerzen“. Можно сказать по-немецки и так: „Ich habe eine dicke Birne“, что соответствует русскому «У меня трещит башка; У меня башка разламывается», т. е. в определенных контекстах эти слова приближаются друг к другу по смысловой коннотации. Тем не менее, „Birne“, скорее, сродни русскому «кумпол»: „Eins auf die Birne kriegen“ — «Получить по кумполу»; „j-m eins auf die Birne hauen/geben“ — «дать кому-либо по кумполу», но также «дать, треснуть по башке». Частотность употребления слова «кумпол» приближается именно к „Birne“, меж тем как «башка» по частотности употребления приближено к „Kopf“, а не к „Birne“.)*

надоумить *разг.* — j-n auf die Idee bringen *(русский глагол стилистически маркирован как разговорный, немецкое выражение „auf die Idee, auf den Gedanken bringen“ стилистически нейтрально. Глагол «надоумить» в качестве обратного перевода выражения „j-n auf den Gedanken bringen“ НРС не предлагает):* Кто тебя надоумил? – Wer hat dich auf die Idee gebracht?

пособить *прост.* — helfen, unter die Arme greifen: Пособи-ка, браток. – Hilf mir, Freundchen *(русский глагол стилистически маркирован как просторечный, немецкий перевод стилистически нейтрален; обратный перевод „helfen“, „unter die Arme greifen“ НРС для глагола «пособить» не приводит).*

сдаваться *(только в 3 л. ед. ч., безл.)* – vorkommen: Сдается *(кажется, думается)* мне, что ты прекрасно знаешь, о чем речь. – Es kommt mir so vor, als wüsstest du ganz genau, worum es geht *(«Сдается мне, что ...» имеет в русском разговорную окраску, выражение „es kommt mir vor“ стилистически нейтрально. Прямым переводом „vorkommen“ являются глаголы «казаться», «представляться»; НРС «сдаваться» в толкование „vorkommen“ не включает).*

3.1.1.7 Специфические морфологические средства словообразования

Каждый язык пользуется собственными продуктивными моделями словообразования, позволяющими создавать слова, прямых эквивалентов которых не окажется в языке перевода по той причине, что в нем нет подобной словообразовательной модели. В немецком языке с легкостью создаются новые слова путем сцепления уже известных. Некоторые из них остаются индивидуальными единичными неологизмами, а иные переходят в словарный состав языка. Так возникают сложные слова *Erbsenzähler, Geisterstadt, Leisetreter, Schnellschuss, Topfgucker, Wahlverwandtschaft*[109]. Русский язык такой словообразовательной гибкостью не обладает, он в большей степени использует словосочетания, а у словосочетаний шансы закрепиться в словаре ниже, чем у сложных слов, уже только в силу их графической расчлененности и относительной подвижности их элементов, пока они не перешли в статус идиоматики. В немецком слова *-freundlich, -feindlich, -treu, -übergreifend* или *-orientiert* в качестве второго компонента в сочетании с широким набором объектов способны посредством словосложения создавать бесчисленное количество новых лексем. Так возникли слова *benutzerfreundlich, kinderfreundlich, umweltfreundlich, kinderfeindlich, frauenfeindlich, bibeltreu, formtreu, weltübergreifend, zukunftsorientiert*. Некоторые слова с *-feindlich* переводятся русскими эквивалентами с приставкой *анти-, -freundlich* – с *про-,* но такой способ перевода нельзя назвать регулярным. Большинство слов такого рода приходится переводить словосочетаниями, которые единицами русского лексикона не являются (*удобный для пользователя, безопасный для детей, безвредный для окружающей среды, настроенный недоброжелательно по отношению к детям* и т. д.). Огромное количество немецких слов образуется по данным и аналогичным моделям в речи ad hoc и в словарях не фиксируется.

В отличие от немецкого языка, русский широко использует для образования новых слов аффиксацию, причем некоторые приставки и суффиксы и сегодня являются столь

продуктивными, что позволяют создавать слова, не известные словарям, непосредственно в процессе речи. Аффиксы сами по себе так прозрачны по значению, что собеседник способен воспринять слова вроде *натоптался* или *переаргументировал* в потоке речи, адекватно толкуя их значения, при том что они не входят в словарь русского языка.

Русский язык, например, с легкостью порождает слова с приставкой *недо-* (снижение интенсивности действия или качества), эквивалент которой отсутствует в немецком. Нет поэтому в немецком прямых соответствий таким прилагательным или существительным, как *недобор, недоразвитый, недомолвка, недомыслие*.

Приставка *на-* с глаголами несовершенного вида и суффикс *-ся* придают глаголу значение максимального достижения какого-либо действия *(наглядеться, накричаться, налюбоваться, намаяться, наплаваться, нарадоваться)*, приставка *рас-/раз-* придает глаголу значение интенсивного действия *(разбазаривать, распахивать, расписывать, расхваливать), при-* придает глаголу значение неполного действия *(притоптывать, притормозить, пришепетывать, прищелкивать)*, приставка *за-* позволяет представить самое начало (зачин) действия *(заговорить, заголосить, задуматься, замахать, заскользить, заулыбаться)*. Приставка *пре-* усиливает признак, выражаемый прилагательным: *презабавный, премилый, престранный*. Русский язык отличается обилием прилагательных и наречий с отрицательной приставкой *не-*, а их немецкие эквиваленты часто не включают в себя отрицательную приставку *un-: небрежный – nachlässig; неглубокий – seicht; нежаркий – kühl, frisch; несмелый – schüchtern, scheu, vorsichtig; неширокий – schmal, eng*.

Некоторые приставки могут расходиться в русском языке в зависимости от значения многозначного слова. *Hier, trinke!* можно перевести и как *На, попей!* и как *На, выпей!* Но *попей* можно использовать только в контексте безалкогольной жидкости, а *выпей* – жидкости как содержащей, так и не содержащей алкоголь. Фразу *Er begann zu trinken* тоже можно перевести по-разному в зависимости от значения *trinken* и от речевой ситуации. *Он запил* говорят только в связи с

алкоголем, а *Он попил* или *Он отпил немного* – о безалкогольной жидкости. Кроме того, *запил* характеризует определенный этап в чьей-либо жизни, а *попил* или *отпил* – конкретный момент. (А вот фраза *Он стал пить* приложима как к ситуации пьянства, так и к ситуации питья безалкогольной жидкости в определенный конкретный момент.)

В русском языке широко используются глаголы, образованные при помощи суффиксов от прилагательных, обозначающих цвета или оттенки цветов: *белеть, бледнеть, голубеть, зеленеть, краснеть, розоветь, синеть, темнеть, чернеть* (не все названия цветов допускают образование соответствующего глагола: например, от *бежевый, бирюзовый, лиловый, оранжевый, салатный, сиреневый* глаголы не образуются). В немецком соответствующие смыслы передаются при помощи наименования цвета в сочетании с глаголами *sein, werden, scheinen, schimmern.*

Картина была бы односторонней, если не упомянуть здесь и достаточно развитую глагольную аффиксацию в немецком, благодаря которой обнаруживаются лакуны в русском. Например, нет русских глагольных соответствий для таких немецких глаголов, как *abschmücken – снимать украшения (обычно с рождественской елки); ausladen – отменять приглашение; herunterwirtschaften – доводить какой-либо объект своей бесхозяйственностью до плачевного состояния; verunglücken – стать жертвой аварии или катастрофы.* Однако в целом аффиксация в русском языке – значительно более мощное средство словообразования, чем в немецком.

Вообще русский язык представляется более «глагольным», ср.: *вечереть – es wird Abend; нахохлиться, набычиться, насупиться – sauer sein, eingeschnappt sein, ein düsteres Gesicht machen; опережать кого-либо – j-m voraus sein, j-m überlegen sein; суетиться – rege werden, hektisch werden, Stress machen; утруждать кого-либо – j-m Umstände machen.* Отсутствие глаголов в немецком там, где мы встречаем глаголы в русском, чаще всего объясняется обилием и легкостью образования в немецком языке именных конструкций с *werden* или *sein*.

Встречаются, однако, и примеры противоположного направления: в немецком имеется глагол там, где в русском

переводческая лакуна: *Es menschelt. — Задействован человеческий фактор; spuken — где-либо водятся привидения (Es spukt hier. — Здесь водятся привидения); texten — сочинить текст для рекламы или эстрадной песни; tiefstapeln — занижать свои достоинства; uberzüchten – придать животному в результате искусственной селекции нежелательные черты.* Чрезвычайно распространены в немецком безличные или неопределенно-личные глагольные конструкции со словами, обозначающими природные явления или явления, воспринимаемые органами чувств — на их месте в русском языке используются личные конструкции: *es herbstelt — наступает осень; es klingelt — раздается звонок* (но можно сказать и *звонят*); *jemand flucht — слышатся проклятия* (но можно и *кто-либо ругается*); *jemand schreit — раздается крик* (но можно и *кричат*). В немецком языке едва ли не от каждого числительного можно образовать глагол, означающий «увеличивать что-либо во столько-то раз»: *verdreifachen, versechsfachen, verzehnfachen.*

Однако, по нашему наблюдению, пары «глагол в немецком — словосочетание в русском» встречаются реже, чем пары «глагол в русском — словосочетание в немецком».

В немецком лексиконе присутствуют псевдо-причастные формы прилагательных, образованные не от глаголов, а непосредственно от существительных: *geädert — в прожилках; bebrillt — в очках; behandschuht — в перчатках; gemustert — с рисунком; gerahmt — в рамке; gestiefelt – в сапогах; unbeschuht — босой*[110]. Это явление в русском почти не встречается[111].

Многие русские суффиксы — уменьшительные, ласкательные, эмоционально-оценочные — также не имеют в немецком аналогов, поэтому и *девица,* и *девчоночка,* и *деваха* приходится переводить как *Mädchen,* а *мамаша, маменька, мамуля* как *Mutter.* Когда же *мамаша* обращено не к матери, возникает необходимость искать аналоги типа *meine Liebe, Verehrteste, meine Süße, meine Gute* — в зависимости от контекста; в любом случае переводом это назвать трудно. Скорее, это поиск более или менее подходящего соответствия среди слов другого языка. Носители русского языка склонны использовать уменьшительные и эмоционально-оценочные суффиксы в самых разных бытовых ситуациях: напри-

мер, в контексте еды, угощения часто можно слышать *вареньице, грибочки* или *грибки, картошечка, маслице, редисочка, селедочка, хлебец, чаек*[112]; об одежде говорят *блузочка, брючки, кофточка, юбочка.*

Немецкие уменьшительные суффиксы *-chen, -lein* иногда годятся для перевода русских существительных с уменьшительными суффиксами, но их частотность и продуктивность значительно ниже русских: так, если *столик — Tischlein,* то *журнальный столик* — уже не *Tischlein,* а *Beistelltisch. Горка* в значении *маленькая гора* — скорее не *Berglein,* а *Hügel* или *Anhöhe.*

Кроме того, русские уменьшительные суффиксы используются не только в именах существительных, но и в именах прилагательных, что немецким уменьшительным суффиксам уж вовсе не свойственно. Например, в русском легко образуются прилагательные, в которых суффикс имеет ласкательно-разговорное или уменьшительно-разговорное значение: *малюсенький, серенький, славненький, сладенький, тонюсенький.*

Русский язык вообще необычайно продуктивен в образовании слов от одного и того же корня при помощи разнообразных суффиксов: *мамаша, маменька, матушка, мамуля, маманя; девица, девка, девонька, деваха, девчонка; бабенка, бабища, бабка, бабуся, бабуля, бабец, бабье; старикан, старикашка, старина, старичье; братишка, брательник, братец, братан, братик, браток.* Некоторые из этих суффиксов ласкательные, другие придают слову стилистический оттенок пренебрежения, фамильярности, презрения или восхищения. Но практически во всех случаях они превращают слова в разговорные. Иные суффиксы не только отвечают за стиль, но и меняют значение слова. Так, *бабенка* и *бабуля,* хотя и образованы от одного корня, имеют принципиально разные денотаты: *бабенка* обозначает женщину молодую или моложавую, а *бабуля* — женщину пожилую или старую.

Русские уменьшительные суффиксы коварны: например, суффиксы *-ушк-, -ишк-* не только выступают в роли чисто уменьшительных, но и привносят в значение слова дополнительные коннотации: *домишко* — не просто маленький дом, а дом, вызывающий жалость, плохонький, старенький;

письмишко – короткое письмо, написанное, скорее всего, на скорую руку, не очень важное (про любовное письмо, даже если оно содержит всего одну строчку, не скажут *он написал ей любовное письмишко*); *старушка* – не маленькая старуха, а симпатичная, приветливая, аккуратная пожилая дама (малосимпатичную, вредную, злобную особу вроде Шапокляк из известного мультфильма назовут *старухой* или *старушенцией,* хотя она и маленького роста); *избушка* – хотя и маленькая изба, но никто никогда не скажет *изба на курьих ножках,* независимо от размера этого жилища, и три медведя из известной сказки живут не в *избе,* а в *избушке,* хотя медведям очевидно требуется много места.

В некоторых случаях русские уменьшительные суффиксы выполняют чисто словообразующую функцию: *ручка* («прибор для письма») – это не «маленькая рука», *пятачок* – не «маленький пятак», *долька* – не «маленькая доля», а *родинка* – не «маленькая родина». Обычно резко расходящиеся по семантическому объему понятия имеют в немецком различные обозначения, не наводящие на мысль о возможном родстве слов в исходном языке: например, *блюдо – Platte,* а *блюдечко – Untertasse.* Однако существуют и исключения: например, *корона (монарха)* и *коронка (зубная)* переводятся одинаково: *Krone.* Аналогичным образом *телега* и *тележка* переводятся одним словом *Wagen,* а *полоса* (например, на взлетном поле) и *полоска* (на одежде) – *Streifen*[113].

Иногда трудно различить, что перед нами – словообразование и создание нового лексического значения или привнесение уменьшительно-ласкательных или разговорных коннотаций в прежнее значение. Так, существительное *мячик* – это может быть и результат изменения формы слова *мяч* для создания ласкательного эффекта – например, в разговоре с ребенком – при обозначении обычного резинового или надувного мяча для детских игр, и обозначение массажного мячика, то есть другого подкласса предметов. В немецком и тот, и другой вид мячей/мячиков обозначаются одним и тем же существительным *Ball. Лопата* для уборки снега и детская *лопатка* для игры в песочек – это, с одной стороны, представители одного класса предметов, различающихся размерами, но объединенных некоторыми общими

качествами; с другой, они являют собой два разных подкласса предметов, и детскую лопатку **лопатой* никто по-русски не назовет. По-немецки же и тот, и другой предмет именуются одинаково: *Schaufel*. Кстати, и *играть в песочек* – это устоявшееся обозначение типичного занятия для детей, и оно не поддается изменению: выражение **играть в песок* противоречит норме. По-немецки же для обозначения детской игры используется то же существительное *Sand-* в качестве первой части сложного слова *(Sandspiel),* что и в названиях «взрослых» занятий – *Sandförderung* – «добыча песка», *Sandausfuhr* – «вывоз песка».

Немецкие уменьшительные суффиксы тоже способны иногда заводить в ловушку, т. к. и они могут служить в качестве не только формообразующих, но и словообразующих средств: например, *Kätzchen* – это и *кошечка,* и *котенок, Mäuschen* – и *мышка,* и *мышонок, Zicklein* – и *козочка,* и *козленок, Männchen* – и *человечек (маленького роста)*, и *самец (животного).* Различить эти значения может помочь лишь контекст.

Некоторые уменшительные суффиксы в немецком служат только для словообразования: *Weibchen – самка (животного), Herrchen – хозяин (домашнего животного), Frauchen – хозяйка (домашнего животного).*

Уменьшительные суффиксы в русском используются иногда и для смягчения признака, что роднит соответствующие лексемы с эвфемизмами. Так, обычно о ком-то говорят: *он умненький мальчик, она серенькая девочка* – соответствующие прилагательные без уменьшительных суффиксов звучат значительно категоричнее. Герой книги «Винни-Пух» в переводе Бориса Заходера, мальчик по имени Кристофер Робин, называет своего друга *глупенький мой мишка,* и это звучит для Винни-Пуха ласково и потому необидно.

Нередко слова с уменьшительными суффиксами являются элементами идиом или коммуникативных клише: так, говорят *Ишь, какой хитренький!* – и не говорят **Ишь, какой хитрый!* Правильно: *Словечка в простоте не скажет* – и вряд ли допустимо: **Слова в простоте не скажет.*

Русские суффиксы и приставки часто бывают многозначны. Например, можно сравнить ряды примеров *таракани-*

ще — чудище — носище — хвостище, с одной стороны, где суффикс *-ищ-* указывает на большие размеры или пугающие свойства объекта, и *днище — пожарище — кладбище — лежбище — стойбище,* с другой, где тот же суффикс подобных значений не обнаруживает. В многозначности русских служебных морфем кроется опасность для носителей немецкого языка, не очень хорошо владеющих русским[114].

Некоторые морфемы в отдельных случаях выступают в значении, омонимичном исконному, привычному (по крайней мере, если не вдаваться в этимологию). Так, *осчастливить* — «сделать счастливым», *омолодить* — «сделать молодым», *одурачить* — «сделать дураком», *озолотить* — «сделать богатым», но *ославить* — не «сделать знаменитым», а, наоборот, «лишить славы». Встречаются подобные — на первый взгляд необъяснимые — случаи и в немецком. Так, приставка *über-* означает обычно усиление какого-либо качества: *überbelegen — разместить или поселить где-либо слишком много людей; überbetonen — чрезмерно подчеркивать; überkompensieren — перестараться, компенсируя что-либо; überstrapazieren — переутомлять;* но *übervorteilen* означает, против всех ожиданий, не **предоставить кому-либо слишком много льгот,* а, наоборот, *недодать, недоплатить.* По счастью для переводчиков, такие обманывающие ожидание значения служебных морфем встречаются довольно редко.

Благодаря суффиксации в русском языке возник целый ряд слов с обобщающим и одновременно презрительным или осуждающим значением: *военщина, воронье, ворье, дедовщина, деревенщина, жулье, иностранщина, казенщина, мужичье, старье.* Благодаря суффиксам нейтральное *собрание* может превратиться в недостойное *сборище,* нейтральный *образец* в негативный *образчик,* нейтральные *левые* убеждения в презренные *левацкие,* а нейтральный *зверь* в пугающего *зверюгу.* Суффиксация же позволяет обобщить и субстантивировать определенные признаки и одновременно снабдить соответствующие лексемы небрежно-разговорной стилистической окраской: *мокрынь, теплынь, вкуснятина, тухлятина.* Эквивалентов им в немецком не отыскать уже потому только, что в нем нет соответствующих морфологических средств. Лишь изредка встречаются и в немецком

случаи аффиксации как средства образования новых слов с выраженной стилистической нагрузкой: *Krittler – критикан; Revoluzzer – профессиональный революционер (презрительно); Schreiberling – писака; Soldateska – солдатня.*

Суффиксация позволяет создавать русские прилагательные со значением обилия или заметности какого-либо качества: *бровастый, губастый, ушастый, щекастый.* Некоторые из них можно перевести на немецкий прилагательными же, но прилагательными сложными: *dicklippig, pausbackig.* Другие требуют перевода словосочетаниями: *mit abstehenden Ohren, mit starken Brauen.* Некоторые русские прилагательные, созданные по той же модели, приобрели переносное значение: *глазастый* – это и «тот, у кого большие глаза», и «тот, у кого острое зрение», *головастый* – и «с большой головой», и «с острым умом», *рукастый* – не «тот, у кого большие руки», а «кто все умеет делать руками», *горластый* – не «с большим горлом», а «с громким голосом». Немецких аналогов этим прилагательным нет, для перевода переносных значений приходится прибегать к словам и словосочетаниям, которые являются эквивалентами иных русских лексем, то есть искать какие-то подходящие замены для отсутствующих эквивалентов: *handwerklich begabt, laut, mit Köpfchen, scharfe Augen haben.*

Русская аффиксация является причиной огромного числа однокоренных паронимов: *водный – водяной – водянистый, глиняный – глинистый, горный – гористый, земляной – земельный – земной – землистый, педагогичный – педагогический, терпимый – терпеливый.* Немецкий язык в некоторых случаях позволяет найти однокоренные же параллели благодаря моделям словосложения и суффиксу *-ig:* так, пара *горный – гористый* параллельна немецкой паре *Berg- – bergig,* а *водный – водянистый* паре *Wasser- – wässrig.* Но чаще имеет место или перевод не родственными друг другу словами (например, для *терпеливый – терпимый* переводами являются разнокорневые слова *geduldig – tolerant,* а для *глиняный – глинистый* – не родственные друг другу *Ton- – Lehm-*), или, наоборот, перевод при помощи одного и то же слова: *Wasser-* как для *водный,* так и для *водяной, Sand-* как для *песочный,* так и *песчаный.* Трудность для переводчика с немецкого на рус-

ский в этом случае очевидна: какое именно русское слово из однокоренной пары выбрать, определяется не немецким оригиналом, а знанием русского языка или поддержкой немецко-русского словаря.

Некоторые однокоренные слова в русском разошлись благодаря аффиксации по оси переносное – прямое значение. Например, *червяк* – это *Wurm* только в прямом значении, то есть животное, а *червь* – это и *Wurm* в прямом значении, и *Wurm* в переносном *(жалкий червь, презренный червь – jämmerlicher Wurm)*. Аналогичным образом соотносятся слова в паре *пята* и *пятка*.

Итак, в области словообразования посредством аффиксации русский язык однозначно лидирует по сравнению с немецким.

Вот еще примеры[115]:

Русский:

-ат- – горьковатый, маловато, нагловатый, плоховато, поздновато, пустовато, рановато, рыжеватый, хитроватый

-еньк-/-оньк- – живенько, легонько, маленько, новенький, плохонько, ранехонько, старенький, тихонько

на- – в сочетании с -ся: надышаться, налюбоваться, намыкаться, наплакаться, наработаться, нарадоваться, наслушаться, насмотреться, натерпеться

недо- – недоглядеть, недодать, недоделать, недодержать, недодумать, недоедать, недотерпеть

пере- – переваривать, переделывать, пережевывать, передумывать, перекладывать, перемалывать, пересматривать, перепробовать, пересчитывать, перечитывать

по- – понаехать, понасмотреться, понахвататься, попридержать, поприжать

по- – в сочетании с -ыва-/-ива-: подумывать, поглядывать, позванивать, позевывать, покуривать, посматривать, пописывать, поругивать, похаживать, почитывать

при- – приболеть, пригорюниться, призадуматься, прикрикнуть, приналечь, припоздниться, припугнуть, приударить, прихворнуть

рас-/раз- – развеселый, распрекрасный, расчудесный, разухабистый

у- – угуляться, укататься, упариться, упиться, утанцеваться

-ыва-/-ива- – без приставки: видывать, говаривать, знавать, сиживать, слыхивать, хаживать

Есть продуктивные словообразующие морфемы и в немецком языке. Так, мощным словообразовательным потенциалом обладает приставка *herum- (herumalbern, herumerzählen, herumliegen, herumstehen)*. Из зафиксированных новейшим изданием словаря Duden слов с этой приставкой лишь немногие имеют русские эквиваленты на словарном уровне. Так же редко можно подобрать точный русский эквивалент и к словам с необычайно продуктивной приставкой *weg-: wegbekommen, wegbleiben, wegdenken, wegdiskutieren, wegessen, wegoperieren, wegrationalisieren, wegspülen, wegstecken.* Нет русских соответствий и для многих немецких глаголов с продуктивной приставкой *mit- (mitdenken, mitentwerfen, mitgehen, mitgestalten, mitnehmen)* – почти все, что кто-либо делает, другой человек или другие люди гипотетически могут делать вместе с ним *(mit-),* а к тем объектам, на которые направлено действие (кто-либо что-либо ест, пьет, читает, изучает, покупает), можно добавить объекты, которые будут включены в то же действие *(etw. wird miterforscht, mitgegessen, mitgekauft, mitgelesen, mitgetrunken).* Трудно подобрать русские эквиваленты и для глаголов с приставкой *ent-: entmenschen, entmündigen, entsorgen, entrümpeln, entstauben, entsteinen.*

Приставка существительных *Ge-* в своем собирательном значении не имеет аналога в русском языке и создает немало лакун, поскольку существительное множественного числа, с помощью которого немецкое существительное с *Ge-* обычно переводится, является не эквивалентом немецкого существительного с собирательным значением, а подменой эквивалента: *Geäst – ветви; Gedärm – внутренности; Gehörn – рога; Gemäuer – стены; Gewürm – черви.* Некоторое количество существительных с аналогичными собирательными значениями имеется, однако, и в русском: *Gebirge – горный массив; Gebüsch – кустарник; Gesang – пение; Getier – зверье.*

Немецкий суффикс *-in* с легкостью позволяет производить новые слова от названий профессий или социальных ролей и общественных функций, исполняемых женщинами: *Dozentin, Fahrerin, Managerin, Präsidentin, Pastorin, Referentin.* В русском же языке по-прежнему ца-

рит «патриархат». Формы женского рода от названий профессий в русском тоже имеются, но их число невелико, а часть имеющихся обладает ярко выраженной стилистической окраской, подчеркнуто разговорной или пейоративной. Лишь очень немногие наименования женских профессий и социальных функций осознаются как стилистически нейтральные *(актриса, билетерша, гардеробщица, докладчица, начальница, певица, писательница, пловчиха, повариха, попадья, портниха, поэтесса, революционерка, санитарка, секретарша, спортсменка, стюардесса, уборщица, учительница, художница, швея)*. Такие слова, как *дворничиха, директриса, бухгалтерша, библиотекарша, врачиха, докторша, контролерша, парикмахерша* стилистически окрашены как разговорно-просторечные. Слов **канцлерша, *космонавтша, *министерша, *президентша, *пилотша* в русском языке просто не существует. Чтобы как-то выходить из положения, перед названием профессии или социальной роли используют иногда существительное *женщина: женщина-водитель, женщина-канцлер, женщина-пилот*. Но чаще просто употребляют существительное в мужском роде, особенно если из контекста понятно, что речь идет о женщине: *канцлер Ангела Меркель; президент ответила на вопросы журналистов*.

Некоторые полнозначные слова немецкого языка при словосложении утрачивают свою полнозначность и сближаются по значению со служебными морфемами (суффиксами или приставками). Например, *-frei* сближается по значению с суффиксом *-los: kostenfrei* – то же, что *kostenlos*.

Вот примеры немецкого словосложения, в котором участвуют продуктивные морфемы или полнозначные слова в роли морфем:

Немецкий:

-bar – bepflanzbar, auswählbar, definierbar, unkundbar

-bedürftig – pflegebedürftig, hilfebedürftig, harmoniebedürftig, gewöhnungsbedürftig

-frei – eisfrei, frachtfrei, vorurteilsfrei, fehlerfrei, schwindelfrei

-freudig – kontaktfreudig, gebefreudig, beifallsfreudig, mitteilungsfreudig

-fremd – weltfremd, ortsfremd
-getreu – wahrheitsgetreu, lautgetreu
-lustig – reiselustig, unternehmungslustig, eroberungslustig, streitlustig
-orientiert – benutzerorientiert, kundenorientiert, zukunftsorientiert
-scheu – konfliktscheu, kontaktscheu, menschenscheu
-süchtig – streitsüchtig, ichsüchtig, rachsüchtig, putzsüchtig, machtsüchtig, selbstsüchtig, fresssüchtig, arbeitssüchtig
-übergreifend – länderübergreifend, unternehmensübergreifend

Промежуточное положение между аффиксацией и словосложением занимают словообразования с наречиями *herein-, hinein-, herbei-, herüber-* и некоторыми другими, выступающими в качестве первого элемента сложных глаголов[116]. Перевод на русский специфически выраженного немецкими наречиями направления либо осуществляется с помощью слов *сюда, туда*, либо просто опускается: *hinfallen,* как и *fallen* – «упасть, падать»; *hinhören,* как и *zuhören, lauschen* – «прислушиваться, вслушиваться, внимательно слушать»; *herholen,* как и *holen* – «приносить, доставлять». В немецком важно различать направление: от говорящего *(hin-)* или, наоборот, к говорящему *(her-)*. Для русского перевода это различение обычно нерелевантно: *Ich möchte mich hinlegen. – Я, пожалуй, прилягу; sich von der Verweigerung zur Verwantwortung hinbewegen (Die Zeit) – двигаться в направлении от саботажа к чувству ответственности; Polizeibeamten, die rund um die Uhr hinter den potenziellen Gewalttätern herlaufen müssen (Die Zeit) – полицейские, которым крулые сутки приходится гоняться за потенциальными преступниками.* Глаголы *hinaufgehen* и *heraufgehen* переводятся одинаково как *подниматься* (например, по лестнице), независимо от того, где стоит в это время говорящий – внизу или наверху. Лишь иногда *hin-/her-* находят отражение в переводе – в виде наречий *туда, сюда*, субстантивных групп *в ту сторону, в эту сторону* (или, как варианты – *в нашу сторону, в мою сторону*) или личных местоимений: *Du schaust so komisch her. – Ты так странно на меня смотришь.*

В русском языке имеются аналогичные в отношении продуктивности модели сложных слов, причем одно из участвующих в словообразовании слов в значительной мере лиша-

ется своей полнозначности. Но таких моделей в русском совсем немного, поскольку подобный способ словообразования в принципе не распространен. Почти к любому существительному, обозначающему профессию, хобби или социальный статус, можно добавить слово *горе-* — тем самым достигается эффект снижения качества, выражаемого второй частью сложного слова, и одновременно добавляется эмоциональный оттенок снисходительной жалости или презрения: *горе-архитектор, горе-жених, горе-пловец, горе-рыбак*. В немецком такой модели и по значению, и по словообразовательной роли примерно соответствует *Möchtegern-* как первая часть сложного слова: *Möchtegern-Friseur, Möchtegern-Philosoph.*

Довольно продуктивна в русском и модель, в которой в первой части сложного слова стоит *человек-:* соединение производится тогда, когда значение слова *человек* противоречит значению второго слова, составляющего с первым сложное целое (например, *человек-амфибия, человек-змея;* немецкий эквивалент включает *Mensch* в качестве второго элемента сложного слова: *Amphibienmensch, Schlangenmensch*), или когда хотят выразить восхищение многогранными способностями одного человека *(человек-легенда, человек-оркестр, человек-театр, человек-энциклопедия;* немецкого регулярного соответствия подобным конструкциям нет, и по-немецки, чтобы выразить аналогичные смыслы, придется прибегать к различным вспомогательным средствам: *j-d ist wandelnde Legende; j-d ersetzt ein ganzes Orchester, ein ganzes Theater; wandelndes Lexikon).*

В русском языке имеется очень большое число сложных слов с *мало-* в качестве первой корневой морфемы, причем эту морфему можно считать продуктивной, позволяющей сочинять все новые слова: *малограмотный, малозначительный, малоизученный, малопонятный, малопригодный, малоприличный, малопристойный, малоприятный, малопроизводительный, малоразвитый, малосодержательный, малосольный, малоубедительный, малоупотребительный.*

Эти слова плохо поддаются прямому переводу: в немецком нет аналогичной модели. Приходится прибегать к словам *nicht, nicht besonders, nicht sonderlich, nicht ganz, alles*

andere als, wenig или к отрицательным приставкам *un-, in-, a(n)-*. В конце концов, на уровне бытового языка, *малоэффективный* означает практически то же, что *неэффективный (ineffizient),* а *малограмотный* — то же, что *безграмотный (Analphabet)*[117]. Разумеется, при таком переводе снимается и пропадает смягченность, некоторая эвфемистичность или ирония. Хотя *малоэффективный* по сути то же, что *неэффективный,* а *малопонятный* — то же, что *непонятный,* язык сохраняет и фиксирует различие между этими словами именно в такой форме.

Аналогичных конструкций со словом *много-* значительно меньше: нельзя сказать ни *многограмотный* (можно просто: *грамотный* или *очень грамотный*), ни *многоизученный* (можно: *хорошо, подробно изученный*), ни *многоупотребительный* (ср.: *широко употребительный, популярный, распространенный*). Вообще, симметрии в этой сфере не наблюдается: есть слово *многозначительный,* но это не антоним к *малозначительный;* имеется *многоплановый,* но нет *малоплановый;* существует *многострадальный,* но отсутствует *малострадальный.* Иначе говоря, нельзя механически заменить *мало-* на *много-* в надежде угадать соответствующий антоним.

Новые существительные могут создаваться и посредством так называемой субстантивации, то есть преобразования какой-либо иной части речи в существительное. Немецкий язык позволяет превращать любой инфинитив в существительное без использования каких-либо дополнительных словообразовательных средств. Субстантивация глаголов в русском языке производится при помощи аффиксации, и далеко не от всех глаголов можно образовать существительное. Поэтому в то время как список немецких субстантивированных инфинитивов бесконечен и открыт, аналогичный ему по функциональности список отглагольных существительных в русском ограничен, и существительные в этом списке неоднородны: некоторые из них чисто процессны, как их немецкие параллели, но иные достаточно далеки от обозначения собственно процесса, то есть действия в его протекании: *Brennen — горение, Fluchen — проклятия, Hadern — роптание, Schreien — крик, Weinen — плач. Плач* — это уже не процесс «плакания», как *Weinen,* а в значительной степени

«опредмеченный» процесс, а *проклятия* – это, строго говоря, перевод не субстантивированного инфинитива *Fluchen,* а существительного *Flüche,* так же как *крик* – эквивалент существительных *Schrei, Geschrei,* а не субстантивированного инфинитива *Schreien.* Для *Fluchen* же и *Schreien* прямой параллели в русском нет. Но даже если отглагольные существительные в русском языке имеются, рекомендуется иногда переводить немецкий субстантивированный инфинитив не существительным, а глаголом: например, когда при немецком субстантивированном инфинитиве стоит определение, перевод которого в русском не сочетается с существительным: *ein lebenslanges Lernen – учиться в течение всей жизни, учиться всю жизнь* (а не **пожизненная учеба; *учеба всю жизнь;* правда, допустимо еще *учеба в течение всей жизни*). Разумеется, для такого перевода придется перестроить в русском синтаксическую структуру предложения или предпринять какие-либо иные трансформации, например, добавить другое отглагольное существительное: *Lebenslanges Lernen hat in den letzten Jahrzehnten steigende Aufmerksamkeit erhalten. – Стремление учиться в течение всей жизни в последние годы приобрело общественную значимость.*

Относительно легко субстантивируются в немецком языке прилагательные, числительные и служебные части речи: *das Aber, das Aus, das Doppelte, das Wenn, das Zurück, das Zweifache*. Немецкий язык способен субстантивировать даже словосочетания: *allein sein – das Alleinsein.* Русский язык такой готовности к превращениям практически любой части речи в существительное не обнаруживает. Поэтому субстантивация в немецком языке – продуктивный источник возникновения лакун в русском по причинам чисто морфологическим.

3.1.1.8 Отсутствие однозначного эквивалента равной семантической емкости

Бывает так, что слово соотносится с рядом переводных эквивалентов, которые употребляются в зависимости от конкретной ситуации, но нет однозначного эквивалента на уров-

не словаря, который был бы способен передать всю емкость значений слова одним же соответствием.

К этой категории относятся стандартные примеры якобы непереводимости, типа *дерзкий, зануда, интеллигентный, пошлый, тоска, fein, freundlich, Frust, Geborgenheit, nett, niedlich*. Как уже было сказано выше (см. 2.6), значения этих слов диффузны, они переплетаются, составляя единый «клубок», и с трудом отделяются одно от другого сознанием носителя языка; кроме того, толкования этих слов допускают концептуальные расхождения: для одного человека *интеллигентный* или *пошлый* означает одно, для другого другое. В речи в конкретных словосочетаниях перевод этих слов обычно особых трудностей не представляет.

С немецкого на русский:

böse – нехороший, дурной, злой, злобный, грубый, плохой, скверный, жестокий, суровый: böses Blut – дурная кровь; Es wird ein böses Ende geben. – Это плохо кончится; Sei mir nicht böse. – Не обижайся; Не сердись; ein böser Fauxpas – грубая бестактность, грубая оплошность; ein böses Erwachen – отрезвление *перен.*; Durch böse Erfahrungen ist er bitter geworden. – Горький опыт ожесточил его; Wir haben böse Zeiten erlebt. – Мы пережили ужасное время; Die Verletzung sieht böse aus. – Рана нехорошая *(опасная)*; Er ist böse dran. – Он в плохом состоянии; im Bösen auseinandergehen – расстаться не по-хорошему; Beim Hinfallen kann man sich böse verletzen. – При падении можно сильно пораниться; In diesem bösen Winter sind so manche Leute erfroren. – Этой суровой зимой погибло немало людей.

deftig – густой, обильный, сочный, увесистый, основательный: deftige Witze – соленые шутки; ein deftiges Essen – обильная, плотная еда; eine deftige Ohrfeige – увесистая оплеуха

fein – тонкий, утонченный, изысканный, культурный, воспитанный, тактичный, элегантный: Fein! – Прекрасно!; Er ist ein feiner Mensch. – Он человек милый, симпатичный, хорошо воспитанный, с изысканными манерами, интеллигентный; feines Kleid – элегантное платье; feines Gehör – чуткий, тонкий слух; feiner Plan – хитроумный, тонкий план; feines Essen – изысканная еда; feines Gold – чистое золото; eine feine Arbeit – тонкая работа; feiner Sand – мелкий песок; feine Gesellschaft – изысканное общество

lästig – досадный, надоедливый, неприятный, назойливый, помеха, обуза, докучливый, быть кому-либо в тягость: ein lästiger Mensch – несимпатичный, назойливый, докучливый человек; ein lästiger Schnupfen – противный насморк; j-m lästig werden – мешать кому-либо, стать обузой, помехой для кого-либо; Seine Fragen sind mir lästig. – Его вопросы меня раздражают, мне докучают; Seine Aufmerksamkeit empfinde ich als lästig. – Его внимание мне досаждает, докучает, меня раздражает; eine lästige Angelegenheit – досадное стечение обстоятельств

Schikane – 1. придирка, произвол *(власть имущих),* злоупотребление властью, притеснение: Deine Fünf in der Mathe ist eine reine Schikane. – Твоя «двойка» по математике – чистой воды произвол учителя. 2. издевательство: Wir müssen noch hundert Papiere vorlegen, Urkunden über Urkunden – das ist eine Schikane. – Нам еще нужно собрать миллион документов, справки о справках – это же натуральное издевательство. 3. строгость, притеснения: steigende Schikanen seitens Behörden – возрастающие строгости, притеснения со стороны властей 4. mit allen Schikanen *idiom.* – со всеми прибамбасами *идиом., прост.*, удобно обставленный

übermütig – задорный, раскованный, озорной, переполненный эмоциями, самодовольный, в состоянии эйфории

zäh – 1. вязкий *(жидкость),* выносливый: Der Mensch ist zäher als er denkt. – Человек – более выносливое существо, чем кажется. 2. упорный, упрямый: Ich bin sehr zäh, ich bleibe bei dieser Arbeit, auch wenn sie sich nicht so schnell erledigen lässt. – Я упрямый, я сделаю эту работу, даже если она потребует много сил и времени. 3. живучий; упрямый, непроходящий, неподдающийся *(например, лечению):* eine zähe Grippe – грипп, который не желает проходить, не поддается быстрому лечению 4. жесткий *(например, кусок мяса)*

С русского на немецкий:

дерзкий – übermütig, schnippisch, herausfordernd, anmaßend, unverschämt, angriffslustig, dreist, unverfroren, frech

зануда – Erbsenzähler, Nervensäge, Nörgler, Langweiler

интеллигентный – kultiviert, taktvoll, rücksichtsvoll, gut erzogen, fein, gebildet

пошлый – 1. ordinär, fade, faul *übertr.*: пошлые шутки – faule Witze 2. schmierig *übertr.*: пошлый тип – schmieriger Typ 3. schlüpfrig *übertr.*: пошлый комментарий – schlüpfrige Bemerkung 4. fragwürdig, zwielichtig, anstößig, kleinkariert, kleinbürgerlich, spießig, engstirnig

сиротливый – verloren, einsam, trostlos, allein

3.2 РАЗЛИЧНЫЙ ОБЪЕМ И УРОВЕНЬ СЛОЖНОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ГНЕЗДА

Нередки случаи, когда в одном из языков по каким-либо историческим причинам объем определенного семантического гнезда больше, чем в другом[118].

Так, в русском языке значительно больше эмоционально-оценочных слов, чем в немецком, в особенности ласкательных слов, ласкательных обращений. Со стороны русского языка имеем длинный перечень: *голубчик, душа моя, золотце, кисуля, котик, лапочка, мой родной, прелесть моя, птичка, пупсик, радость моя, рыбка, светик, солнышко* и др. – в немецком языке всему этому изобилию сопоставляются *Liebling, Maus, Schatz, Spatz, Süßer (Süße)*. Довольно нелепо выглядит перевод, встречающийся иногда в литературе: *голубчик* как *Täubchen* или *соколик* как *Falke.* Никто по-немецки так не говорит[119].

Между тем в немецком есть слова, тематически связанные с семами «ласка», «нежность», для которых в русском нет непосредственных эквивалентов. Это слова, обозначающие действия или характеристики: *berührungsorientiert, kuschelig, kuscheln, knuddeln, knutschen, Schmusebacke, schmusebedürftig, schmusen, Streicheleinheit, tätscheln, verschmust, verspielt*. На работе можно встретиться с коллегой, выпить вместе кофе и поговорить в *Kuschelecke*[120]. В объявлениях о продаже домашних животных часто встречаются описания характера предлагаемых питомцев: *dankbar für jede Streicheleinheit, verschmust, verspielt, Schmusekater.* Русский язык не щедр на слова, означающие действенное, конкретное проявление ласки или нежности.

Примерно то же можно сказать о лексике, означающей, наоборот, насильственное воздействие, физическое или моральное: *misshandeln, Misshandlung, missbrauchen, Missbrauch, belästigen, Belästigung, (sexuelle) Nötigung, gewalttätig, j-m Gewalt antun, sich an j-m vergreifen, sich an j-m vergehen* – соответствия этим словам в русском подобрать затруднительно[121].

Не просто переводить на русский язык немецкие предложения, в которых говорится о физической близости мужчины и женщины: *Er hatte in dieser Stadt ein Verhältnis; Sie hat*

eine feste Beziehung; Sie sind ein Paar; Sie sind zusammen. Литературно-разговорный вариант русского языка допускает выражения *Они встречаются; Они сошлись; Они съехались; У них роман; простореч. Она с ним (он с ней) гуляет.* Но *Sie sind zusammen* вовсе не означает, что *Они съехались,* а русское словосочетание *Они встречаются* не означает, что «они любовники», в отличие от немецкого выражения *Sie sind zusammen.* Более точные с фактологической точки зрения выражения *Они стали любовниками; Они любовники; Он ее любовник* рассматриваются или как устаревшие (например, в произведениях Чехова или Булгакова они еще вполне органичны), или как излишне грубые и находящиеся за пределами сегодняшней нормы, не будучи при этом замещенными другими вариантами для выражения тех же отношений.

Обращает на себя внимание, что немецкий язык значительно реже, чем русский, прибегает к патетике в области отношений между человеком и страной или краем, где он родился. Лексические гнезда вокруг тем *корни, народ, отечество, патриотизм, родина, чужбина* в современном немецком разработаны весьма скромно, соответствующая тематика в текстах представлена нечасто. Например, ни одно из привычных для русского человека выражений *В магазине толпится народ; На улице полно народа; Народ в купе оказался приветливым; Народ курит теперь только на лестничной площадке; Я сегодня обедаю со всем народом* – на немецкий язык не будет переведено с использованием слова *Volk. Продукты отечественного производства – inländische,* а не **vaterländische Produkte.* Это стремление избегать «громких слов» патриотической тематики связано, по-видимому, не только с нацистским прошлым и негласной табуированностью соответствующей лексики, но и с социальными условиями, при которых люди вынуждены легко и быстро менять место жительства в поисках работы или желая получить хорошее образование. При этом весьма распространена тема интеграции и самоидентификации, что связано с обилием в стране иммигрантов и проблемами, возникающими в связи с их интеграцией в культуру и стиль жизни страны проживания: *heimisch werden, Identität, Selbstidentität, sich abschotten, sich eingliedern, sich einleben,*

sich integrieren, Wahlheimat. Слово *Kollektiv* в немецком языке практически не употребляется, но дух коллективизма ценится высоко, и даже в объявлениях о вакансиях часто делается упор на такие качества, как *aufgeschlossen, gesellig, sozial, soziale Kompetenz, Teamgeist, teamorientiert*. Фирмы часто предоставляют сотрудникам возможность посещения курсов, обучающих умению сплотить коллектив, ладить с коллегами, решать конфликты мирным и конструктивным путем, вести диалог.

В бытовом немецком языке значительно больше, чем в бытовом русском, разработано семантическое гнездо вокруг понятий, касающихся психологии, – возможно, из-за проникновения в общественное сознание идей Фрейда и из-за популяризации психоанализа и психотерапии. *Beziehungsfähigkeit – способность к продолжительным отношениям; gefallsüchtig – стремящийся всем нравиться; Geltungsbedürfnis – потребность во всеобщем признании; Identität finden – найти себя; Identität wahren – сохранить себя; Identitätskrise – кризис самоидентификации; Selbstachtung – самоуважение; Selbstbehauptung, Selbstbestätigung – самоутверждение; selbstbewusst, selbstsicher – уверенный в себе; Selbstbild – самооценка; Selbstdarstellung – то, как человек являет себя миру; Selbsteinschätzung – самооценка; Selbstentfaltung – реализация того, что в человеке заложено природой; Selbsterhaltung – самосохранение; Selbsterkenntnis, Selbsterfahrung – самопознание; Selbstfindung – поиски себя; Selbstgefühl, Selbstbewusstsein – самосознание, чувство собственного достоинства; Selbstherrlichkeit – самовлюбленность; Selbstkontrolle – контроль над собой; Selbstsucht – эгоизм; Selbstüberwindung – преодоление самого себя; Selbstverachtung – отвращение/неуважение к самому себе; Selbstverleugnung – отречение от самого себя; Selbstverliebtheit – самовлюбленность; Selbstverpflichtung – обязанности перед самим собой; Selbstverständnis – самовосприятие, позиция; Selbstvertrauen – вера в себя; Selbstwahrnehmung – самоощущение; Selbstwertgefühl – самоуважение, самолюбие; Selbstzerfleischung – самоедство; Selbstzerstörung – саморазрушение; Selbstzweifel – сомнение в своих силах; verhaltensauffällig, verhaltensgestört – обнаруживающий отклонения в поведении; von sich überzeugt, eingebildet,*

von sich eingenommen, auf sich fixiert – самоуверенный, поглощенный собой.

Уже из этого перечня видно, что соответствующее понятийное поле в русском языке беднее, чем в немецком. Некоторые переводы повторяются, иногда перевода в виде лексемы нет, приходится прибегать к помощи описания. Иные понятия вошли в бытовой русский язык сравнительно недавно, благодаря интенсивному обмену с Западом. На российском книжном рынке в последние годы появилась масса литературы, содержащей психологические советы и целые жизненные программы – как бороться с депрессией, как обрести уверенность в себе, как стать обаятельным и привлекательным, как добиться успеха в бизнесе. До распада Советского Союза считалось, что населению подобные советы не требуются, поскольку частного бизнеса не было, а депрессии и психологические кризисы не вписывались в моральный кодекс строителей коммунизма.

Тематика социальной психологии, социального поведения представлена в немецком языке, например, следующим перечнем: *Abstand gewinnen, Augenkontakt, auf Abstand gehen, aufarbeiten, ausleben, Aussteiger, Berührungsängste, geltungsbedürftig, harmoniebedürftig, j-d ist negativ, j-d ist sehr positiv, konfliktscheu, konfliktfähig, kontaktscheu, Körperhaltung, Körperkontakt, Körpersprache, leistungsorientiert, problemorientiert, Selbsthilfegruppe, verdrängen, Zwänge, Zwangsvorstellungen verarbeiten.* Обращает на себя внимание разработанность лексических гнезд вокруг тем включения каких-либо людей или групп людей в социум или социальной помощи, поддержки: *Bewährungshelfer, behindertengerecht, Entwicklungshilfe, frauenfeindlich, frauengerecht, Pflegekind*[122], *Seelsorge, Wiedereingliederung*. Подобрать русский эквивалент во всех этих случаях довольно затруднительно. Нет прямого эквивалента в русском обиходном языке и у многих слов и словосочетаний, группирующихся вокруг семы «ответственность»: *Herausforderung*[123], *etw. ist tragbar, sich einer Sache stellen, etw. ist vertretbar, etw. vertreten, zu etw. stehen.* Разумеется, в русском языке существует огромное количество слов, обозначающих социальное поведение, этические нормы, отступления от норм и их осуждение, но в том, что касается тем,

так или иначе вращающихся вокруг социальной поддержки и социальной защиты, а также вокруг индивидуума, его психики, его социального поведения и внутреннего мира, в русском языке разработка соответствующих лексических гнезд значительно уступает немецкому.

Напротив, в русском обращает на себя внимание изрядное количество словосочетаний со словами *мир, свет, человек, человеческий, люди, народ, свой, наш: будь человеком, быть где-либо своим человеком, всем миром, вывести в люди, выйти в люди, говорить не по-нашему, дай человеку отдохнуть, жить по-человечески, как человека тебя прошу, мы же свои люди, это не по-людски, на миру и смерть красна, наши, наш брат, наша взяла, ну что за народ, ославить на весь свет, поговорить по-человечески, пойти по миру, показаться на людях, полно народу, пустить по миру, свои, свой в доску, скитаться по белу свету, человеческое обращение, что люди скажут*. Залаявшей было на гостей собаке объясняют: *Это свои*. О спортивной команде говорят: *Наши опять проиграли*. Однако использовать подобные расхождения как доказательства разницы в «национальной ментальности», отличия русской «соборности» от западноевропейского индивидуализма неправомочно: в синхронном срезе двух языков различные сферы употребления местоимений *наш, свой* – не более чем дань традиции.

В немецком лексиконе обращает на себя внимание обилие слов, обозначающих вкусовые качества пищи и напитков: так, кофе может быть *herzhaft, mild, mittelkräftig, mit üppigem Aroma, rund, vollmundig,* второе блюдо часто характеризуется как *deftig,* вино бывает *fruchtig, herb, mit einem langen Abgang, mit intensivem Geschmack, rund, rund im Abgang, trinkreif, vollblumig, vollmundig, wuchtig,* вкус сыра описывают как *cremig, herzhaft, reif, würzig*. Спектр вкусовых качеств в русском разработан далеко не столь полно; из перечисленных свойств, пожалуй, только *herb, reif, vollblumig, würzig* имеют точные переводы – *терпкий, выдержанный, с букетом, острый*. В последние годы ситуация со снабжением российского населения продовольствием радикально изменилась, и следует ожидать постепенного восполнения описанных здесь лакун. Конкурентная борьба

вынуждает повышать требования к рекламе, а реклама ищет выразительные эпитеты.

Русские люди много и часто пьют чай. День завершается, как правило, чаепитием. Культура чаепития совсем иная, чем у немцев. Поэтому имеются такие слова, как *чаевничать, чаепитие, заварка, заваривать чай, спитой чай, пить чай вприкуску* (или, шутливо, в трудные времена и *вприглядку*), *пить чай с вареньем, принести что-либо к чаю*. Эти слова и выражения не имеют эквивалентов в немецком. Русские используют в быту такие предметы, как *заварочный чайник, розетки для варенья*. Варенье часто варят не такое густое, как немцы свой конфитюр, именно потому что варенье можно есть из розеток. Гости сообщают, что они придут *только на чай*. Если они собираются уходить, хозяева спрашивают: *Как, вы разве на чай не останетесь?* Немцы тоже иногда приносят с собой в гости что-то сладкое, но не говорят, что *это к чаю*. День не обязательно завершается чаепитием: после ужина или за ужином обычно пьют воду, сок, вино.

По вполне объяснимым причинам в русском языке возникли слова, содержащие в своей стилистической окраске осуждение таких качеств, как знатное происхождение, изысканное воспитание, деловая хватка, стремление к успеху. Некоторые слова, уже имевшиеся в языке к началу прошлого века или заимствованные из других языков, где они имеют нейтральную стилистику, превратились в бранные или презрительно-осуждающие. Так, слова *амбициозный, амбиция, барин, барчук, барыня, индивидуалист, собственник* в советское время обрели отрицательно-сниженное значение; появились слова *богатей, буржуй, воротила, делец, деляга, делячество, интеллигентский, поповщина,* содержащие осуждение непролетарского происхождения, непролетарского образа мышления, хороших манер, предприимчивости и практичности. Следы этого общественного осуждения хранятся и в экспрессивных идиоматических формулах: *Ничего, руки не отсохнут! Ничего, чай, не барыня!*[124] Еще в шестидесятые годы прошлого века можно было услышать на улице осуждающие возгласы *А еще очки надел! А еще с портфелем!* Эпитеты *тухлая* или *гнилая* применительно к слову *интеллигенция,* пришедшие в язык с советской властью, до сих пор

встречаются иногда в текстах – правда, уже в ироническом или шутливом контексте. Все эти специфические особенности русского исторического наследия с большим трудом передаются на другом языке. Слово *частник,* например, непереводимо, потому что немцам невдомек, что можно быть еще и «не-частником». Немцам непонятно выражение *действующая церковь* – а какая же еще? Немецкие слова *karriereorientiert, Karrierefrau, Karrieremann* не содержат в себе отрицательных коннотаций, в отличие от русских *карьерист, карьеристка*. В русском языке в последнее время тоже появились изменения, связанные с развитием частного предпринимательства: *успешным* называют теперь не только какое-то предприятие или дело, но и человека *(он успешный бизнесмен),* слова *амбиция, амбициозный* постепенно избавляются от отрицательной стилистической окраски. Из английского в современный русский перешло слово *креативный* как положительная характеристика творческого начала – по-видимому, слово *творческий* не содержит в себе всей суммы семантических коннотаций, которых требует сегодняшняя социальная сфера. Кроме того, у слова *креативный* шире сочетаемость. Наконец, от него можно образовать краткое прилагательное, которое используется в роли именной части сказуемого. Довольно часто приходится слышать слово *ангажированный* – на его месте в русском языке прежде была лакуна.

По контрасту с расхождениями между семантическими гнездами стоит упомянуть редкое единодушие между языками в некоторых семантических областях. Так, оба языка обнаруживают длинные синонимические ряды для обозначения явлений и действий, сосредоточенных вокруг таких тем, как пьянство, обман, надувательство, воровство, ложь, словоохотливость, сплетни, краснобайство, легкомыслие, человеческая глупость, хвастовство, высокомерие. Например, словоохотливого, хвастливого и несерьезного человека по-русски можно назвать *балаболка, бахвал, брехун, болтун, вития, говорун, краснобай, пустомеля, трепло,* а по-немецки – *Bruder Leichtfuß, Dampfplauderer, Hallodri, Maulheld, Plappermaul, Plappertasche, Plaudertasche, Prahlhans, Schaumschläger, Schwadroneur, Schwätzer, Quasselstrippe,*

Windbeutel. В лексическом ряду, посвященном теме обмана и лжи, поражает обилие идиом как в русском, так и в немецком. В перечисленных сферах языки не уступают один другому по богатству синонимии, образности, изобретательности и изобразительной яркости.

3.3 СЛОЖНЫЕ СЛОВА

В этом разделе речь пойдет только о переводе с немецкого языка на русский. Известно, что немецкий язык с легкостью создает новые слова, сцепляя два и более отдельных корня в одно новое слово. Закрепится ли оно в словаре или останется сугубо единичным индивидуальным образованием, может отчасти определяться практической необходимостью, но нередко зависит от случайности. Не последнюю роль играет и оформление сложных слов: например, количество соединяемых корней, удобство и логика их сцепления. Не так давно в магазинах Германии появился предмет для разбивания вареного яйца под названием *Eierschalensollbruchstellenverursacher*. Вряд ли это слово удержится в немецком лексиконе, поскольку оно больше напоминает эксперимент по словосложению или тест на проверку памяти, чем средство номинации, которым люди будут пользоваться в повседневной жизни.

Неологизмы, созданные именитыми авторами, имеют больше шансов войти в языковой состав, чем слова, которые придумывают люди, не известные широкой общественности, а у письменно зафиксированных неологизмов больше шансов на получение словарного статуса по сравнению с устным словотворчеством.

В русском языке словосложение как словообразовательная модель имеется, и продуктивность ее во времени не снижается – ср. такие сложные слова, как *миросозерцание, нерукотворный, очковтирательство, пустопорожний, чревоугодие* (а в последнее время появилось множество новых слов с первой частью *пост-, про-, анти-, псевдо-* или второй частью -*образный*) – но она далеко не столь широко употребима, как в немецком. И наоборот: аффиксация как модель словопо-

рождения в немецком тоже имеется, но она далеко не столь продуктивна, как в русском.

Немецкое словосложение является, по-видимому, одной из причин возникновения в русском языке большого количества лакун: поскольку русский язык не создает новые слова с помощью словосложения с той же легкостью, как немецкий, соответствующие объекты и явления русские чаще называют, прибегая к помощи словосочетаний, а у словосочетаний меньше шансов на закрепление в словаре. Например, слово *Dauerbrenner – продолжительный успех, длительный успех.* Являются ли эти русские словосочетания элементами лексикона, воспроизводятся ли они в речи целиком как лексемы или они создаются в процессе речи путем динамического связывания? А словосочетание *устройство для открывания дверей* – эквивалент немецкого сложного слова *Türöffner?* Является ли русское – довольно громоздкое – выражение лексемой? Четкого ответа на этот вопрос нет, лексический статус русского словосочетания неясен. Во всяком случае, сочетания такого типа не идиоматичны и их вряд ли можно отнести к устойчивым. Однако слово *Türöffner* в его прямом значении на русский с помощью приведенного здесь словосочетания перевести можно, даже если оно и не представляет собой единицу русского лексикона. Вопрос о лексемном статусе важен в теоретическом аспекте отнесения того или иного слова к лакунам – однако в практическом пособии этот вопрос не играет большой роли. Главное для нас – добиться адекватного перевода.

Но вот нам встречается употребление немецкого слова *Türöffner* в переносном – метафорическом – значении. И такое использование уже вынуждает переводчика искать «обходных путей», поскольку приведенное выше русское словосочетание в качестве метафоры выступать не способно – для этой функции оно слишком технично и длинно: *Fragen und Bitten sind gute Türöffner für den Small Talk. – Вопросы и просьбы – верный способ завязать легкую, ни к чему не обязывающую беседу*[125].

Можно привести и более убедительные примеры очевидных лакун в русском – здесь для поиска адекватности требуется подыскивать слова и сочинять выражения непосред-

ственно в процессе перевода немецких сложных слов: *Dauermieter – человек, снимающий квартиру на долгий срок; Dauerparker – человек, паркующий машину на долгий срок; Erbschleicher – любитель чужого наследства; Geisterstadt – покинутый жителями город; Hamsterkauf – закупка продуктов про запас из страха, что они могут стать дефицитом; Mauerblümchen – женщина, не пользующаяся успехом у мужчин; Ruckwärtsterminierung – планирование задним числом; Sahnehäubchen – дополнительная (приятная или пикантная) деталь, что-либо, в чем состоит вся прелесть (ситуации); Schönheitsschlaf – сон, необходимый для восстановления сил и бодрости; schwindelfrei – не подверженный головокружениям; urlaubsreif – кому-либо требуется отпуск.*

Все эти немецкие слова приходится переводить на русский язык описательно, то есть подыскивать более или менее подходящее по смыслу словосочетание, не являющееся лексемой. Лакунарность в русском языке объясняется в данном случае не тем, что в практике русского народа не возникло надобности в соответствующих понятиях, а тем, что в немецком новые слова создаются с большей легкостью благодаря словосложению: свободное, ситуативно придуманное кем-то сочетание слов благодаря внешнему оформлению в виде одного сложного слова легче и быстрее перетекает из речи в лексикон. Имеются яркие, выразительные и не имеющие немецких эквивалентов сложные слова и в русском, например, *благоглупости, доброхот, живописать, молодожены, небожитель, скоропалительность, словотворчество*. Однако в целом создание новых слов посредством словосложения для русского языка нехарактерно.

Не всегда немецкие сложные слова не поддаются переводу на русский язык с помощью точных эквивалентов, например, *Saftladen – шарашкина контора, лавочка; Saufkumpan – сотрапезник, бражник, собутыльник; Schaumschläger – краснобай, пустобрех, вития; Seebär – морской волк; Leisetreter – подхалим; Notlüge – ложь во спасение; Weichei – слабак, неженка*. Однако всегда есть риск, что полный эквивалент для немецкого сложного слова отыскать не удастся, то есть вероятность лакунарности в русском для этой категории лексем довольно высока.

Некоторые переводы носят характер неполных эквивалентов: *Bierbauch – животик, брюшко* (в переводе пропадает идея о пиве как причине возникновения животика); *Bierfahne – запах перегара* (перевод, опять-таки, не передает «пивной» источник перегара); *Fleißarbeit – кропотливая работа* (в переводе теряется сема старания, прилежания); *Freizeitkleidung – домашняя одежда* (исчезает мысль о досуге); *Nabelschau – эгоцентризм, самолюбование* (в переводе теряется образ пупка, на котором сосредоточен взгляд); *Nachwuchskraft – молодой сотрудник* (в переводе не передается идея следующего поколения, которое учится у предыдущего); *Schäferstündchen – любовное свидание* (пропадает буколический образ пастушка и пастушки).

Есть случаи смешанного характера: лакунарность можно объяснить и продуктивностью немецкого словообразования, и различиями в практике двух народов. Так, сложные слова *behindertengerecht – приспособленный для инвалидов; Berührungsängste – боязнь контакта; kinderfreundlich – такой, где детям хорошо и привольно; Kindermissbrauch – насилие над ребенком; kindersicher – безопасный для здоровья ребенка; kontaktscheu – робкий, избегающий социальных контактов; Körperhaltung – манера держать себя; Körpersprache – язык жестов; Lustprinzip – принцип жизни, при котором человек руководствуется собственными желаниями; medienwirksam – такой, который производит впечатление на средства массовой информации* не имеют эквивалентов в русском языке отчасти по причинам чисто словообразовательным, отчасти же и потому, что сферы социальной психологии, социальной защиты не представлены столь широко в бытовом языке русских, как это имеет место у немцев – по ряду причин исторических и к языку отношения не имеющих.

Вообще во многих немецких сложных словах поражают точность отражения основного значения в сочетании с яркой образностью и изысканной метафоричностью, например: *Nesthocker – ребенок, остающийся в семье, когда все его братья и сестры уже живут самостоятельно; öffentlichkeitshungrig – человек, обожающий рекламу, публичность; Platzhirsch – человек, считающий себя в спорах правым лишь потому, что он долго служит на одном месте или издавна*

живет в какой-либо местности; Profilneurose — желание во что бы то ни стало добиться общественного признания; Torschlusspanik — страх упустить что-либо, страх не успеть что-либо сделать (из-за того, что истекает срок, истекает отпущенное время, наступает старость); Zaungast — сторонний наблюдатель. Такое обилие метафоричности в словах русского лексикона не обнаруживается — но не потому, что русская ментальность отлична от немецкой, а потому, что морфологический строй русского языка таков, что новые слова образуются по большей части не путем словосложения, а путем аффиксации, а у аффиксов значения хотя и имеются, но они более общие, чем значения полнозначных слов, состоящих из двух корней.

Наглядной иллюстрацией этому утверждению может служить, например, немецкое слово *Anstandshappen* — последний кусок на блюде, который никто не съедает: приличия (Anstand) требуют оставить последний кусок (Happen) другому. Этикет русских и этикет немцев в этом отношении полностью совпадают, однако в русском лексиконе для *Anstandshappen* обнаруживается лакуна: образовать аналог в русском невозможно по причинам чисто морфологическим. Еще один выразительный пример: немецкий глагол *verschlimmbessern — все только испортить, желая улучшить.* Это общечеловеческое явление не находит в русском языке однословного воплощения.

Лакунарность в русском по отношению к немецким сложным словам и необходимость подыскивать в качестве перевода более или менее подходящее и по возможности короткое словосочетание — эта трудность подстерегает при переводе как носителей немецкого, так и носителей русского языка. Другая сложность, возникающая в первую очередь для носителей немецкого при переводе на неродной язык, заключается в том, что заранее нельзя быть уверенным в том, что первая часть сложного слова переводится всегда одинаково для нескольких лексем, в которых она повторяется. Так, *Wind-* в словах *Windböe, Windgenerator, Windkraftwerk, Windmühle, Windpocken, Windrichtung, Windschutzscheibe, Windstärke* переводится то как *ветровой,* то как *ветряной,* то как *ветер* в косвенных падежах: *порыв*

ветра, ветряная электростанция, ветряная мельница, ветряная оспа, направление ветра, ветровое стекло, сила ветра. Корень *Sand-* в качестве первой части сложного слова при переводе – то *песочный,* то *песчаный: Sanddünen – песчаные дюны, Sandfestung – песочная крепость, Sandmännchen – песочный человечек, Sandstrand – песчаный пляж, Sandsturm – песчаная буря, Sanduhr – песочные часы, Sandweg – песчаная дорожка*. Существительное *Sandkasten* переводится одним словом *песочница, Sandstein – песчаник,* а перевод *Sandpapier* и вовсе к песку отношения не имеет, поскольку в русском языке это *наждачная бумага*. Словари не в состоянии обеспечить переводчика сведениями о каждом сложном слове с тем или иным первым элементом, которое может ему встретиться в текстах: прежде всего благодаря легкости, с которой немецкий язык позволяет создавать все новые и новые слова с одним и тем же первым элементом, далеко не все сложные слова находят отражение в словарях. Поэтому лексикограф может дать только импульс и показать, что возможны варианты, а также привести лишь несколько примеров. Так, *Gruppen-* в роли первой части сложных слов может переводиться и как *групповой,* и как *группы* или *групп* (род. п.): *Gruppenausflug – групповая поездка; Gruppenmeeting – собрание группы; Gruppentheorie – теория групп; Gruppentherapie – групповая терапия; Gruppenzwang – групповое давление*. При первой же встрече со сложным словом, не зафиксированным словарем, переводчику-немцу, если он не знает русского эквивалента, остается или гадать и надеяться на точное попадание, или спрашивать носителей русского языка. Второй вариант, конечно, предпочтительнее.

Для иллюстрации грозящих при переводе сложных слов опасностей приведем короткий диалог из жизни. Немецкая славистка, неплохо владеющая русским, рассказывает: «Чувствуешь себя опытным кроликом». Ее русская собеседница растеряна: „Erfahrenes Kaninchen?!“ – „Versuchskaninchen!“ Только в этот момент носительнице русского языка становится ясна трудность: несмотря на прозрачность внутренней формы сложного слова *Versuchskaninchen* и его кажущейся легкости перевода на русский, приставка *под-* в *подопытный*

(кролик) из первой части сложного слова *Versuchs-* вовсе не выводима. Вполне логично предположить, что, раз *Versuch* – опыт, то и кролик – *опытный*.

Бывает и так, что первая часть сложного слова переводится от случая к случаю словами от совершенно разных корней, которые сами по себе никаких эквивалентных связей с переводимым корнем исходного языка не имеют: так, *Tasche* – это *сумка* или *карман*, но при этом *Taschenmesser* – *перочинный нож; Taschenlampe – фонарик; Taschentuch – носовой платок*. Близок к слову *карман* перевод существительного *Taschendieb – вор-карманник*. А достаточно компактного словарного перевода для *Taschenbuch* в русском языке и вовсе нет, это не *карманная книга,* а *книга карманного формата,* и это словосочетание вряд ли является единицей русского лексикона. Можно попасть в неловкое положение, перепутав *дворовый* и *придворный* при переводе различных сложных существительных с первым корнем *Hof-: Hofdame – придворная дама; Hofgesellschaft – придворное общество; Hofleute – придворные,* а *Hofgebäude – дворовая пристройка; Hofmannschaft – дворовая команда*.

Перевод русских словосочетаний, включающих однокоренные лексические элементы, на немецкий язык, в целом, проще: *ветровой, ветряной* и *ветер* (в косвенных падежах) в рамках словосочетаний переводятся как *Wind-, туристический* и *туристский* – как *Touristen-, водяной, водный, вода* (в косвенных падежах) – как *Wasser-*. Но и здесь требуются внимание и осторожность, в первую очередь для носителей русского языка: например, *песочный* – обычно *Sand-,* но *песочное тесто* – не *Sandteig,* а *Mürbeteig*. Паронимы *глиняный* и *глинистый* переводятся с помощью разных корней *(глиняный – Ton-, глинистый – Lehm-),* а прилагательное *уличный* – то как *Straßen- (уличный фонарь – Straßenlaterne),* то как *Gossen- (уличный мальчишка – Gossenjunge),* то как *Stadt- (уличные музыканты – Stadtmusikanten),* то как *Garten- (уличное отопление – Gartenheizung)*. Уже упоминавшееся прилагательное *дворовый* не всегда *Hof-: дворовая девка – Dienstmädchen, дворовый пес – Kettenhund*. А различие между переводами паронимов *генеральный* и *генеральский* заключается вообще в

одной соединительной букве *-s-: генеральный (генеральная стратегия, генеральный план) – General-,* а *генеральский (генеральская фуражка, генеральские погоны, генеральский чин) – Generals-*[126].

Итак, приходится констатировать, что перевод немецких сложных слов на русский язык представляет собой двойную трудность, особенно для носителей немецкого языка, не владеющих всеми тонкостями русского. К сожалению, к этому утверждению нельзя добавить какие бы то ни было рекомендации, позволяющие этих трудностей избежать, кроме разве что призыва к осторожности и совета не переводить сложные слова по корням и при малейшей неуверенности использовать хороший подробный словарь, а если и он не помогает, то проконсультироваться с носителями языка.

3.4 НЕОБЫЧНОСТЬ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА

Немалые трудности для переводчика таят в себе и такие случаи, когда эквивалент в языке перевода имеется, но представлен лексемой, вызываемой иными ассоциациями и вызывающей иные ассоциации. Так, *Tapetenwechsel* – это *смена обстановки,* а не **замена обоев.* В определенном смысле подобные слова – это те же ложные друзья переводчика, т. к. они обманывают своей формой и, казалось бы, прозрачным значением, которое на поверку оказывается ложным. Но термин «ложные друзья» уже занят другой областью переводческих трудностей. Поэтому здесь приходится говорить о внутренней форме слова, наводящей на ложную ассоциацию.

Для изучающего язык на начальном этапе уже такие базовые слова, как *прекращать – aufhören* или *приходить в голову – einfallen,* представляют собой определенную трудность, поскольку в ассоциативном поле *прекращать* нет ничего общего с образом, возникающим в сознании при восприятии глагола *hören,* то есть ничто не роднит семантику русского глагола *прекращать* со значением глагола *слушать.* В *приходить в голову* нет ничего от образа падающего пред-

мета *(fallen)*. Эквиваленты такого рода приходится запоминать при помощи чистой «зубрежки» в обход всех ассоциаций.

Бывает так, что слово в языке перевода, полностью соотносившееся по внутренней форме со словом в исходном языке, устарело и превратилось в архаизм. Так, русские существительные *наперсник, наперсница* полностью соответствовали и по внутренней форме, и по значению немецким *Busenfreund, Busenfreundin*. Но русские слова в этом значении устарели, а немецкие остались и переводятся сегодня как *закадычный друг, близкая подруга*.

Нетрудно заметить, что в приводимых ниже примерах прямые значения перемежаются с переносными, главным образом, метафорическими, причем переносных значений больше, чем прямых *(Bullauge, Erbsenzähler, Hexenschuss, Warmduscher, накаркать, липа, «рыба», «телега»)*. Изредка русские слова-метафоры даже принято писать в кавычках, чтобы переносность их значения сразу была ясна.

Рассмотрим еще несколько примеров:

С немецкого на русский:

Abendland – страны Западной Европы, Запад *(а не «вечерняя страна»)*

Bauchgefühl – интуиция *(а не «ощущение в животе»)*

Baumschule – питомник, в котором растения не только выращивают, но и продают *(а не «школа для деревьев» и не «школа среди деревьев»)*

Bullauge – иллюминатор *(а не «бычий глаз»)*

dahinterkommen – догадаться, раскусить кого-либо или что-либо *разг.,* пронюхать *разг.* *(а не «заходить сзади»)*

Eisbein – отварная свиная нога *(не имеет отношения к слову «лед»)*

Erbsenzähler – педант, зануда *(не имеет отношения к слову «горох»)*

Fegefeuer – чистилище *(а не «огонь, сметающий все на своем пути»)*

Feldstecher – полевой бинокль *(не имеет отношения к слову «вколоть»)*

Fingerbeere – подушечка пальца на руке *(не имеет отношения к слову «ягода»)*

Freizeichen – долгий гудок, линия не занята *(не имеет отношения к слову «свободный»)*

Gezeiten – приливы и отливы *(не имеет отношения к слову «время»)*

Geisterfahrer – водитель, оказавшийся на встречной полосе скоростной трассы (не имеет отношения к «призраку»)

Heckenschütze – снайпер *(а не «стрелок, сидящий на изгороди»)*

Hexenschuss – приступ радикулита *(а не «выстрел ведьмы»)*

Kannegießer – политический болтун *(а не «тот, кто поливает что-либо из лейки»)*

Karteileiche – мертвая душа, подпоручик Киже *(некто, кто только числится в списках, но реально в жизни данного социума не участвует; не имеет отношения к слову «труп»; перевод «подпоручик Киже» нежелателен, см. 3.1.1.)*

Katzenjammer – похмелье *(а не «кошачье горе»)*

Katzensprung – рукой подать *(а не «кошачий прыжок»)*

Königsweg – метод, способ, ведущий к быстрому и безусловному успеху, панацея *(а не «королевский путь»)*

Kusshand – воздушный поцелуй *(а не «рука, которую целуют или поцеловали»)*

Langfinger – воришка *(а не «длинный палец»)*

Lebenserwartung – продолжительность жизни *(а не «ожидание жизни»)*

liebevoll – с любовью *(а не «любвеобильный»)*

Muskelkater – мышечная боль после напряженных занятий спортом или физической нагрузки *(не имеет отношения к слову «кот»)*

Namensvetter – тезка *(а не «кузен с тем же именем»)*

Pferdefuß *übertr.* – изъян, проблема, минус: die Sache hat einen Pferdefuß – у всего этого есть один изъян, минус *(а не «лошадиное копыто»)*

Renner – фильм, спектакль, книга, имеющие большой успех у публики *(а не «бегун»)*

Schirmherr – покровитель *(а не «человек с зонтом»)*

Schlangenlinie – зигзаг *(а не «змеиная линия»)*

Schnapsidee – безумная идея, безумие *(не имеет отношения к слову «водка»)*

Silberfischchen – чешуйница *(а не «серебряная рыбка»)*

Spielraum – свобода действий *(а не «помещение для игр»)*

überfischen – значительно сократить рыбное поголовье путем слишком активной ловли рыбы *(а не «где-либо развелось слишком много рыбы»)*

unbedarft – наивный, неискушенный *(а не «тот, в ком не нуждаются»)*

Warmduscher – сибарит, маменькин сынок *(а не «тот, кто предпочитает мыться под теплым душем»)*

Wegelagerer – разбойник с большой дороги *(а не «путник, расположившийся на дороге»)*

Zukunftsmusik – будущее покажет, поживем – увидим *(а не «музыка будущего»)*

С русского на немецкий:

азбучная истина – ein Gemeinplatz, eine Binsenwahrheit *(kein Bezug zu „Alphabet“)*
головотяпство – Schlamperei, Stümperei *(kein Bezug zu „Kopf“)*
завсегдатай – Stammgast *(kein Bezug zu „immer“)*
зубоскальство – Hohn, Spott *(und nicht „Zähne blecken“)*
липа *перен.* – Betrug, Augenwischerei *(kein Bezug zu „Linde“)*
мухлевать – täuschen, bluffen, falschspielen, betrügen, fälschen *(kein Bezug zu „Fliege“)*
мягкотелый – nachgiebig, defensiv, zu sanft *(kein Bezug zu „Körper“)*
накаркать – beschreien, Unglück heraufbeschwören *(und nicht „krähen“)*
ручной – *(о животных)* zahm *(und nicht „händisch“)*
«рыба» *перен.* – Muster, Rohvariante, Entwurf einer Rede, eines Vortrags *(und nicht „Fisch“)*
«телега» *перен.* – Anzeige, Denunziation *(und nicht „Karren“ oder „Wagen“)*

3.5 МНОГОЗНАЧНОСТЬ И СИНОНИМИЯ

Одно слово может переводиться двумя и более словами, иногда не являющимися даже близкими по значению синонимами. И замена одного другим в переводе может привести к недоразумениям. Так, если человек просит в магазине стройматериалов лестницу, имея в виду стремянку, а переводчик переводит слово *лестница* как *Treppe,* а не как *Leiter,* то продавец либо просьбу не выполнит и цель визита в магазин тем самым не будет достигнута, либо переспросит в недоумении.

Насколько важно различать *синий* и *голубой?* И то и другое по-немецки – *blau.* Для носителя русского языка можно представить себе контекст, где распознавание этих цветов существенно для содержания коммуникации, например, лишь по этому признаку будет сделана попытка различить два пальто или две картины. Для немца это различие нерелевантно, поэтому в диалоге, ведущемся с целью различения, требуется добавить к слову *blau* названия оттенков:

dunkel или *hell*. Перевести *nüchtern* как *трезвый* вместо *натощак* во фразе, которую произносит врач: *Kommen Sie morgen nüchtern,* – значит совершить ошибку, которая ведет к недоразумению или даже к серьезной обиде и, тем самым, к сбою коммуникации.

Вспомним в этой связи замечание С.Д. Кацнельсона в книге «Содержание слова, значение и обозначение»: «Среди подстерегающих лексикографа опасностей имеются и такие, как расщепление единого недифференцированного значения на ряд отдельных значений и наоборот, *необоснованное* объединение разных значений в одно. Ср., например, нем. *Splitter,* в котором немецко-русский словарь под ред. В.В. Рудаша (3-е изд., М., 1947) выделяет два значения – «осколок» и «заноза», *хотя немецкое слово имеет, вообще говоря, лишь одно значение* – «осколок, отколовшаяся часть твердого тела (дерева, металла, стекла и т. п.)»; значение «заноза» *возникает лишь при переводе на русский язык*» (Курсив наш – *А.П., Н.С.*)[127]. Кацнельсон, несомненно, прав, говоря о том, что в немецком языке у *Splitter* фактически только одно значение (словарь Г. Варига дает следующее определение: *„Splitter – spitzes, abgesprungenes Stück von einem Holz- oder Metallgegenstand, scharfer Span, kleines Bruchstück vom Eisen, Glas, Holz, Knochen“),* и, исходя из немецкого, следовало бы переводить *Splitter* именно так, как рекомендует Кацнельсон: *осколок* как таковой. Однако практика, связанная с российской действительностью, породила еще и четко выделяемые сознанием и закрепленные словарями понятия *щепка* специально для обозначения осколка дерева и *заноза* для обозначения отрицательного воздействия щепки на человеческое тело (или, в переносном значении, и на человеческую душу). И для носителя русского языка перевод *Splitter* как минимум тремя словами *осколок, щепка* и *заноза* – это правильно. Иначе придется признать, что ни *заноза,* ни *щепка* на немецкий не переводятся.

Более того, мы отважимся идти дальше в этих рассуждениях, предполагая, что и для сознания носителя немецкого языка небезразличен тот факт, лежит ли маленький кусочек дерева, стекла или металла на полу (или на земле) или впился человеку в палец, в глаз. Сема «степень опасности оскол-

ка для человека» не может зависеть от языкового сознания. Продвигаясь по этому пути, мы приходим к мысли, что было бы правильно, если бы словарь Варига отобразил эту сему, разделив словарное толкование *Splitter* как минимум по линии «степень опасности, риска». *Щепка* как отдельное значение *Splitter – ein leichtes und kleines Stückchen Holz,* – возможно, и не обязательно определять как отдельное значение, в противном случае возникает вопрос, почему бы не выделить в отдельные значения *Splitter* как *ein kleines leichtes Stückchen Glas* или *Splitter* как *ein leichtes kleines Stückchen Metall.* В русском для осколка дерева есть отдельное слово *щепка,* в немецком его нет. Но при этом в русском нет отдельных слов для наименования мелких легких осколков металла, камня, кирпича и т. п.

Основной вопрос в проблеме разбиения автором двуязычного словаря слова исходного языка на несколько слов-значений в языке перевода состоит в том, как представлять эти несколько значений: под разными цифрами как выразители действительно разных значений или под одной как варианты одного значения. В.П. Берков решает этот вопрос однозначно и категорично: «Разбиение слова на значения не зависит от выходного языка словаря» (то есть от языка перевода)[128]. Определяющим, по Беркову, является исходный язык. Если в нем слово многозначно (как, например, слово *nüchtern* в немецкой лексикографической традиции), то и русские переводы должны выступать под разными цифрами как представители разных значений многозначного слова. Если же исходное слово не многозначно (как *Splitter*), то все варианты его перевода должны перечисляться как варианты перевода одного значения. Иными словами, *осколок, щепка* и *заноза* должны располагаться в немецко-русском словаре рядом и цифрами не разделяться.

Двуязычные словари в большинстве своем этот завет не выполняют или выполняют непоследовательно. Так, *braun* переводится НРС как *коричневый, карий, бурый, смуглый, загорелый, каштановый, гнедой* через запятую, без разбиения. Несмотря на то, что эти слова в русском не всегда можно рассматривать как синонимы, НРС ориентируется здесь на единство значения *braun* в исходном языке. Но

беда в том, что в исходном языке одно и то же слово разбивается на значения авторами толковых словарей по-разному. Обычно сколько словарей, столько и мнений. Так, *braun* в одном словаре интерпретируется как слово с одним значением, в другом – как слово с двумя значениями (*sonnengebräunt* выделяется в особое значение). Непонятно, как автору двуязычного словаря поступать в случаях расхождений между воззрениями на многозначность авторов одноязычных словарей исходного языка. Кому следовать и кого слушать? Кроме того, в восприятии русского пользователя *смуглый, гнедой, карий* и *бурый* – это все-таки слова, относящиеся к разным семантическим гнездам. Ассоциативно они расходятся, и мера этого расхождения весьма значительна.

Иногда НРС ассоциации носителей языка перевода учитывает. Как раз для слова *Splitter* НРС разбивает переводы *щепка, заноза* и *осколок* по разным значениям, помещая их под соответствующими цифрами 1, 2, 3 – несмотря на то обстоятельство, что толковые немецкие словари никакого разбиения толкований *Splitter* обычно не предлагают. Многозначность проявляется через сочетаемость. Однако не всякая разница в сочетаемости является достаточным критерием для обнаружения разницы в значениях. *Мыть* и *стирать* в современном русском языке – различные глаголы, представляющие в переводе два разных значения глагола *waschen* с точки зрения носителя русского языка (для немца этот глагол, возможно, не многозначен), поскольку *Haare waschen – мыть голову,* а *Wäsche waschen – стирать белье.* Но когда-то и о белье говорили по-русски *мыть: мыть рубашки, свежевымытая сорочка*. Таким образом, в 19-м и еще в начале 20-го века глагол *waschen* не привлек бы внимания как распадающийся на два значения при переводе.

И наоборот, случается так, что различные сочетания или сложные слова, включающие определенную лексему, требуют различного перевода этой лексемы при том, что ее распадения на значения при переводе, тем не менее, не происходит. Так, сложные слова с *Arbeits-* в качестве первого элемента переводятся то как словосочетания, включающие лексемы

рабочий, работа, то как словосочетания с лексемами *трудовой, труд: Arbeitsbedingungen – условия труда, условия работы; Arbeitsmarkt – рынок труда; Arbeitsplatz – рабочее место; Arbeitsvertrag – трудовой договор, трудовое соглашение; Arbeitszeit – рабочее время. Arbeitswoche* может в зависимости от контекста переводиться и как *трудовая неделя,* и как *рабочая неделя, Arbeitstag* – и как *рабочий день,* и как *трудовой день.* Тем не менее нельзя говорить здесь о многозначности слова *Arbeit* в языке перевода: *работа* и *труд* синонимичны и не могут трактоваться как два значения. Употребление слов *работа* или *труд* при переводе конкретных сложных слов объяснимо в первую очередь традицией (узусом).

Узус вообще играет часто решающую роль в выборе варианта перевода среди синонимов. Например, глагол *kürzen* означает *уменьшать, сокращать, урезать,* но *урезать* можно только *зарплату, льготы;* глагол *сокращать* обнаруживает значительно более широкий спектр сочетаемости *(зарплату* можно и *сокращать).* Главный городской собор в одних городах Германии называют *Münster,* в других *Dom.* С точки зрения носителя современного языка различия эти обусловлены лишь традицией. То же касается различия между *Burg* и *Festung.*

Как отображать в словаре подобные расхождения? Повидимому, в определенных ситуациях только носители соответствующего языка и конкретные лексикографы – составители двуязычных словарей могут принять решение, удовлетворяют ли расхождения между значениями соответствующих эквивалентов необходимости отображать их в столбце перевода под отдельными цифрами. Так, в переводе слова *Ruhe* его эквиваленты *тишина, затишье,* скорее всего, отображаются как близкие синонимы через запятую под пунктом 1, а *покой, спокойствие* заслуживают отдельного пункта 2. Но вполне возможно, что другой лексикограф решит этот вопрос иначе и отобразит все переводы слова *Ruhe* как близкие синонимы через запятую, не разделяя их номерами. Глагол *шипеть* (в прямом значении: *издавать звук шипения*), в зависимости от того, кто именно этот звук издает, переводится по-разному: *zischen*

(Schlange), fauchen (Katze), а существительное *лапа,* в зависимости от того, кому она принадлежит, переводится как *Pfote* (например, у собак), *Tatze* (например, у медведя, кошки), *Klaue* (например, у курицы, орла)*, Pranke* (например, у тигра, льва). Какова степень близости между значениями эквивалентов слова *лапа* для носителя немецкого языка, предлагать ли их в русско-немецком словаре под разными цифрами как при полисемии или через запятую как при синонимии – вопрос не столь существенный[129]. Однако для успеха коммуникации подобные различия обладают заметным весом: сказав о шипящей змее *faucht,* а о лапе медведя *Klaue,* можно привести собеседника в замешательство и тем самым затруднить или нарушить коммуникацию. Следовательно, независимо от решения вопроса о многозначности или синонимии, требуется с большим вниманием относиться к конкретной сочетаемости – это значительно важнее, чем способ внешнего представления переводных эквивалентов в словаре – под цифрами (многозначность) или через запятую (синонимия).

В конечном итоге, пользователю важно знать, какими способами слово переводится, независимо от того, найдет ли он эти способы под одной цифрой или под несколькими. Чисто прагматически его интересует конечный результат. Разбиение значений – это важный аспект для лексикографии скорее в теоретическом, чем в практическом аспекте. По крайней мере, то обстоятельство, что большие двуязычные словари в решении этого вопроса непоследовательны, пользователи обычно не замечают.

Многие переводчики и теоретики перевода обращают внимание на сложные родо-видовые отношения между словами разных языков. Одно и то же слово исходного языка может выступать по отношению к переводам то как гипероним, то как гипоним. Например, *Glas* – это и *стакан,* и *рюмка,* и *бокал,* и *фужер,* и *стопка.* Для этих слов *Glas* – родовое обозначение. Но в то же время *стакан* – это и *Glas*, и *Becher*, в зависимости от материала, из которого он изготовлен. Здесь уже *стакан* выступает как гипероним. А *Becher,* в свою очередь – это и *стакан,* и *кружка,* и *чашка,* в зависимости от формы сосуда. Подобных до-

вольно запутанных связей между языками множество. Л.С. Бархударов даже предлагает ввести в переводоведение способ графического отображения неравномерных родо-видовых связей такого рода, которое могло бы облегчить переводчику его задачу, представив в пособиях по переводу довольно сложную картину наглядно[130]. Замена одного перевода другим по незнанию или по невнимательности в таких ситуациях может оказаться критичной для понимания, а может быть достаточно безобидной. Например, замена *фужера* на *бокал* пройдет практически незамеченной. *Стакан* заменить *бокалом* или наоборот — скорее всего, тоже не очень серьезная ошибка. Замена же *бокала* на *стопку* может привести к помехам в коммуникации, потому что у этих сосудов различны и форма, и назначение. Не без последствий может оказаться и замена *Glas* на *Becher*. Одним словом, смешение переводов может иметь различные последствия для коммуникации в зависимости от степени различий между обозначаемыми денотатами и от конкретной ситуации.

Иногда замена одного перевода другим не ведет к искажению смысла и не влечет за собой сбой в стилистике: например, замена *Backstein* словом *Ziegel* и наоборот при переводе слова *кирпич* или употребление *Lache* вместо *Pfütze* (и наоборот) при переводе слова *лужа*. Очевидно, здесь имеет место практически полная синонимия — случаи редкие в любом языке. Действующий в каждом языке так называемый закон языковой экономии приводит обычно к постепенному замещению одного из полных синонимов другим вплоть до устранения первого из языка или вплоть до вытеснения его в особый стилистический или функциональный пласт.

Что касается случаев типа *лысый/плешивый — kahlköpfig, glatzköpfig,* то здесь замена одного прилагательного другим в русском языке как раз для смысла существенна. Несмотря на синонимию чисто концептуальную (и то, и другое слово обозначает отсутствие волос на голове), различать русские прилагательные требуется по стилистической причине. Замена *лысый* на *плешивый* при переводе нейтрального или официального текста может привести к неловкой ситуации.

А вот их немецкие соответствия *kahlköpfig*/*glatzköpfig* стилистически не различаются.

Многозначность нередко оказывается причиной затруднений даже для профессиональных переводчиков. Например, русское слово *сон* переводится на немецкий как *Schlaf* и как *Traum*. Поэтому немецкое предложение *Er wachte auf direkt aus einem Traum* (и далее следует описание его сна) перевести на русский язык не так-то просто: человек не может проснуться непосредственно из сна, т. к. *проснуться* – это и означает «перестать испытывать состояние сна». Придется выходить из положения с помощью трансформации: *Перед тем как проснуться, он как раз видел сон; Проснувшись, он вспомнил свой сон*.

Может случиться так, что синонимичные или близкие по смыслу переводы одного слова волей автора – носителя того языка, с которого осуществляется перевод, – оказываются противопоставлены друг другу в тексте как если бы это были антонимы. Например, русское слово *смышленый* переводится на немецкий как *schlau, intelligent*. Но во фразе *Er war schlau, aber nicht intelligent* потенциальные немецкие переводы слова *смышленый* оказываются в роли антонимов. Придется перевести это предложение, используя альтернативные возможности перевода: для *schlau* – *хитрый, ловкий*, а для *intelligent* – *умный: Он был хитер, но не умен*. В популярной песне на стихи Е. Аграновича есть строчка «Был я смел и удачлив, но счастья не знал.» Эту строчку на немецкий язык перевести затруднительно, поскольку и *удача*, и *счастье* переводятся одинаково как *Glück*. Точный перевод получается почти абсурдным: **Ich hatte Glück, aber ich kannte kein Glück*. Обычно *счастье* и *удача* в русском – синонимы, и в некоторых контекстах одно слово можно заменять другим без ущерба для смысла: *выпало счастье – выпала удача; Какое счастье! – Какая удача!* Агранович же решил эти синонимы друг другу противопоставить: удача была, а вот счастья не было. В таком контексте немедленно обнаруживается дефицит переводческих средств. Придется выходить из положения, придумывая какие-то варианты вроде *Ich hatte oft Glück, aber glücklich war ich nicht*.

Распадение слова одного языка на несколько различных переводов в другом может отражаться и на ограничении переводчика в передаче языковой игры. Например, русское *ноздри* – по-немецки как *Nasenlöcher,* так и *Nüstern,* причем последнее слово применимо только к лошадям и другим непарнокопытным (мулам, верблюдам). Поэтому если в тексте встречается словосочетание *seine behaarten Nüstern* применительно к человеку, то это означает, что немецкоязычный автор играет здесь словами: перенося деталь из описания лошади на человека, он подчеркивает определенные черты его внешности. А в русском языке эта игра невозможна, поскольку и у человека, и у лошади отверстия в носу одинаково называются ноздрями.

В городе Фрейбург на Ратушной площади стоят две ратуши, старая и новая. Они соединены галереей, получившей в народе меткое название *Beamtenlaufbahn*. Слово *Laufbahn* многозначно, и в наименовании галереи актуализируются одновременно оба его значения – «беговая дорожка» и «карьера». Благодаря этому возникает каламбур, воспроизвести который на русском языке, опять-таки, затруднительно.

Обычно одно из значений многозначного слова является основным, или ведущим, а остальные являются производными от основного или от других производных. Толковые словари помещают основное значение под цифрой 1. Которое из значений считать основным, а которое производным, во многом определяется мнением лексикографа и вовсе не всегда совпадает с мнениями носителей языка. Более того, мнения носителей нередко расходятся в зависимости, например, от их профессии или образования. Так, для спортсмена *Laufbahn* – это, скорее всего, «беговая дорожка», а для клерка – «карьера».

Вероятность ошибки при переводе многозначного слова варьирует в зависимости от ситуации в родном языке. Сложности при переводе многозначных лексем для осуществляющего перевод на неродной язык обнаруживают определенную градацию. Можно выделить как минимум три ступени вероятности ошибки: а) случаи типа *приносить* как *1. bringen 2. holen;* б) случаи типа *стоить* как *1. kosten 2. sich lohnen, wert sein* и в) случаи типа *халтурить – 1. stümpern 2. jobben.*

Самыми трудными для перевода представляются случаи из группы а). В русском языке для слова *приносить* траектория движения при доставке какого-либо объекта роли не играет и в этом отношении многозначность в глаголе не предполагается. Глагол означает (по крайней мере в его основном значении) «неся, доставить куда-либо». Расщепление единого значения лексемы исходного языка на два (или более) разных слова в языке перевода с точки зрения носителя исходного языка не оправдано никакими соображениями здравого смысли или целесообразности. Нет причин, которые подтверждали бы необходимость различать траекторию движения при выполнении действия *приносить.* Признак «траектория движения несущего» не является существенными семантическими признаком, оправдывающим наличие двух разных значений для соответствующих слов в родном языке. Перевод одного слова русского языка двумя разными немецкими – *bringen, holen* – преподавателю немецкого как иностранного необходимо специально объяснять и обильно иллюстрировать примерами. Это случаи, которые требуют специального запоминания. Поэтому ошибки в ситуациях а) при переводе с родного языка на неродной частотны и предсказуемы. Ошибки здесь допускают даже люди, хорошо и уверенно владеющие иностранным языком.

Аналогичные трудности представляют собой для русских такие слова, как *аренда – Pacht/Miete; быть должным – müssen/sollen; внимание – Aufmerksamkeit/Achtung; знать – wissen/kennen; предлагать – anbieten/vorschlagen; предполагать, что кто-либо способен на что-либо – zumuten/zutrauen; только – nur/erst; узкий – eng/schmal; уступать – einräumen/zugestehen; цель – Ziel/Zweck.* Для немцев, разумеется, возникают аналогичные сложности, например, при переводе таких слов, как *Auslands- – заграничный/зарубежный; Einwohner – житель/жилец; Kirsche – вишня/черешня; Päckchen – пакет/бандероль; verschütten – пролить/просыпать.*

Пример б) – более простой случай для перевода на неродной язык, коль скоро говорящий в ситуации живой речи ощущает разницу между приводимыми здесь зна-

чениями. То, что различение этих значений – факт русского языка, зафиксированный толковыми словарями, еще не означает, что любой носитель русского языка это обстоятельство активно осознает. Ошибка здесь возможна, но ее вероятность ниже, чем в примере а), где расщепления значений в русском нет на уровне сознания носителей русского языка и оно не закреплено в лексикографии. Перевод *стоить* как *1. kosten 2. sich lohnen, wert sein* чреват ошибками, коль скоро осознание многозначности слова в родном языке при переводе не активизировано или если человек, осуществляющий перевод, не осознает того факта, что расщепление значений в родном языке часто влечет за собой необходимость поиска разных переводных эквивалентов в языке перевода. Например, хотя толковые словари русского языка и предлагают делать различие между отдельно стоящей каменной стеной и стеной внутри дома и дают обычно эти значения под разными цифрами, опыт показывает, что носители русского языка не всегда отчетливо различают эти значения. Поэтому подслушанный в трамвае диалог двух женщин, одна из которых немка, а вторая русская, разговаривающая по-немецки, содержит довольно типичную ошибку: *Das war damals, als die Wand noch stand. – Du meinst, die Mauer?* (Имеется в виду Берлинская стена – die Berliner Mauer).

К аналогичным трудностям для русских можно отнести многозначные слова *встречать (намеренно на вокзале – abholen, случайно на улице – begegnen, по договоренности – treffen, в дверях – empfangen); отказываться (от приглашения – absagen, от дурной привычки – aufgeben, от идеи сделать что-либо – verzichten); соглашаться (на приглашение – zusagen, с мыслями собеседника – zustimmen, на предложение – einverstanden sein, annehmen).* В качестве примеров подобного рода трудностей для немцев можно привести многозначные слова *nüchtern – 1. трезвый 2. натощак; erhalten – 1. получать 2. сохранять; eigen – 1. собственный 2. типичный 3. странный, своеобразный; Kalb – 1. теленок 2. телятина 3. телец 4. детеныш косули, оленя, антилопы, кита, моржа и некоторых других животных.*

Ситуация в) наиболее простая, поскольку носители исходного языка обычно не только осознают различие между двумя значениями, но и понимают, каким образом одно значение соотносится с другим. Как правило, тот, кто переводит слово на неродной язык, догадывается, что метафорическое значение *халтурить* как *работать, подрабатывать* не обязательно должно иметь буквальный аналог в немецком в виде глагола *stümpern*. Эта догадка – результат изучения другого языка, при котором постепенно осознается фактор случайности при совпадении между языками в сфере переносных значений. Эквивалент прямого значения не обязан иметь то же переносное значение, что его соответствие в исходном языке. Другой пример – слово *липа*. Его эквивалент *Linde* не обязательно должен иметь еще и значение *обман, надувательство*. Понятно, что носитель русского языка при переводе на немецкий слова *липа* в значении *обман* вряд ли прибегнет к слову *Linde*. Для этого надо быть человеком крайне наивным и убежденным в ведущей и определяющей роли собственного языка среди всех прочих. Оценочные значения, создаваемые на основании метафорического или метонимического переноса, осознаются носителями языка как наиболее «выпуклые» и яркие представители многозначности, даже когда основание переноса непрозрачно (как в случае *липа*). Предложение *Вот жук!* или *Эх ты, ворона!* носитель русского языка, скорее всего, не станет переводить как **Das ist (mir) ein Käfer!* и **Bist du aber eine Krähe!* Такого рода ошибки крайне редки и наиболее вероятны на самом раннем этапе освоения иностранного языка.

Таким образом, чем явственнее осознается многозначность в родном языке, тем ниже вероятность ошибки при переводе. В случае «нулевой» многозначности в родном языке при наличии нескольких разных эквивалентов в иностранном ошибки совершают даже люди, хорошо и уверенно владеющие иностранным языком. При наличии многозначности в родном языке она может активизироваться сознанием с разной степенью отчетливости в зависимости от понимания производности одного значения от другого и образности значений. По мере увеличения степени осозна-

ния метафорического (реже метонимического) переноса и яркости образа снижается вероятность ошибки даже для человека, не вполне овладевшего иностранным языком и чувствующего себя в нем неуверенно.

Психолингвистическая подоплека ошибок при переводе в ситуациях многозначности очевидна. Феномен ошибок, которые делают люди, хорошо владеющие иностранным языком в ситуациях типа а) при почти полном отсутствии ошибок у людей, слабо владеющих языком, в ситуациях типа в), побуждает искать причину этих явлений в осознании системных связей между значениями слова родного языка и в отношении носителя языка к этим связям. Этот аспект важен для методики преподавания иностранного языка. Случаи «нулевой» многозначности в родном языке заслуживают более пристального внимания при изучении иностранного языка и постоянной актуализации знаний и навыков по сравнению со случаями явных метафорических переносов и возникновения ярких образных значений. Например, в процессе преподавания немецкого языка русским стоит специально остановиться на различии между глаголами *wissen* и *kennen* и выполнить не одно упражнение, чтобы учащиеся освоили это различие. И наоборот, сталкиваясь с образными метафорическими переносами человек, даже если он еще не поднаторел в освоении иностранного языка, догадается, что, скажем, *жук* в значении «жулик» – это не *Käfer*. Если он не знает точно, как перевести *жук* в этом значении на немецкий, он заглянет в словарь или постарается отыскать в памяти знакомый ему эквивалент для одного из синонимов *(жулик, проныра, мелкий обманщик, плут)* и, скорее всего, выйдет из затруднения. Что касается многозначности на промежуточном уровне, то есть случаев типа б), когда происходит расщепление семантики слова родного языка на – обычно фиксируемые толковыми словарями – относительно равноправные и равновесные значения, без метафор и образных переносов, без оценочных коннотаций, то здесь многозначность осознается, возможно, неотчетливо. Иногда человек, информированный о многозначности, тем не менее делает ошибку, если многозначность не является для него достаточным основанием для поиска разных

переводных эквивалентов для каждого из значений. В этой сфере ошибки делают все, хотя люди, более уверенно владеющие иностранным языком, допускают их, разумеется, реже, чем новички.

При любой степени владения иностранным языком необходимой предпосылкой для успешного перевода является убежденность в том, что родной язык – это только один из многих языков мира и что он не может претендовать на роль ведущего или определяющего при переводе на другой язык, что совпадения по внутренней форме типа *предусматривать – voraussehen* – это приятные и неожиданные случайности, а не выражение закономерности, и что поэтому слово *валенок* в значении «неуклюжий и неумный человек», скорее всего, каким-либо образом может быть переведено на немецкий даже при том, что исходное значение того же слова в немецких или русско-немецких словарях по причине отсутствия соответствующей реалии в быту носителей немецкого языка может и не обнаружиться.

Словари не всегда адекватно и полно отображают многозначность. Например, *Tochter* переводится в НРС двумя способами: *1. дочь 2. девица, девушка: Bildungsanstalt für höhere Töchter – учебное заведение для благородных девиц.* Ни тот, ни другой перевод не подойдет для таких словосочетаний, как *Tochter aus gutem Haus, Tochter aus gutbürgerlichem Haus, Tochter einer gut situierten Familie*. На русский язык значение *Tochter* в подобных контекстах можно перевести как *(какого-либо) происхождения, родом из, происходить из* (или просто *из* – в разговорном стиле): *она была благородного происхождения, она родилась в богатой семье, она была родом из богатой семьи, она из богатых.* В этих примерах мы имеем дело с еще одним, третьим значением слова *Tochter,* которое следовало бы отобразить в словаре под соответствующей цифрой.

Примеры многозначности, проявляющейся при переводе, располагаются далее в настоящем разделе по степени критичности ошибки для успеха коммуникации, то есть они следуют шкале «от многозначности к синонимии».

3.5.1 Критично для содержания (многозначность)

Под многозначностью здесь понимается не только наличие нескольких значений в слове исходного языка, но и необходимость переводить слово несколькими разными способами на другой язык при одном и том же его значении в исходном языке. Эта необходимость может быть вызвана только лишь традицией сочетаемости в языке перевода.

Иными словами, под многозначностью в контексте данной книги мы понимаем межъязыковое соотношение значений. Несущественный с точки зрения носителя одного языка признак предмета может лечь в основу различения двух синонимов в другом языке, причем не смешивать эти синонимы при переводе общего (родового) по отношению к ним слова исходного языка иногда чрезвычайно важно для того, чтобы коммуникация протекала с ожидаемым эффектом. Скажем, такое качество, как предназначение костюма для мужчины или женщины лежит в основе различения слов *Anzug* и *Kostüm.* Немца неразличение этих видов одежды может привести в замешательство, в то время как для русского признак пола в наборе качеств костюма представляется несущественным – до тех пор пока он не узнал немецкие соответствия.

Слово *Schale,* согласно словарю Deutsch als Fremdsprache[131], имеет два значения: 1. Hülse 2. Gehäuse. Но при переводе на русский уже первое из этих значений распадается на несколько различных эквивалентов в зависимости от соответствующего существительного, к которому оно относится: у яйца или ореха это *скорлупа,* у яблока и картофеля *кожура,* у семени – в зависимости от толщины – *кожура, чешуйка* или *оболочка,* у киви или манго *шкурка,* у лимона и апельсина *цедра,* у луковицы *шелуха,* а множественное число *Schalen* в ситуации снятой и предназначенной на выброс или на корм скотине – кожуры, шелухи, скорлупы и проч. – можно перевести общим словом *очистки.* Второе значение – *Gehäuse* – распадается при переводе на следующие варианты: у моллюска *раковина* или *ракушка,* у черепахи *панцирь,* у технического прибора – *кожух, оболочка, чехол, корпус.* Любая замена одного эквивалента на другой может повлечь за собой нарушение взаимопонимания.

Знание только одного (чаще — основного, наиболее частотного) варианта перевода и незнание остальных переводов многозначного (по отношению к языку перевода) слова может явиться причиной ошибки, способной привести к полному провалу коммуникации, вызвать недоразумения, обиды и прочие нежелательные последствия. Вот, например, случай чистого недоразумения: *Главное — здоровье, а остальное найдется,* — бодро произносит немка-славистка в частном диалоге с русской коллегой. Она имеет в виду, конечно, не *найдется,* а *приложится, устроится.* Просто она перевела на русский выражение *alles andere findet sich,* используя знание основного перевода и не подозревая, что глагол *sich finden* переводится в разных ситуациях по-разному.

Если перевести существительное *Wink* в предложении *Ich hoffe, ich habe den Wink richtig gedeutet* как *кивок,* то заложенная в немецком предложении информация при переводе окажется искажена, потому что никакого кивка в описываемой ситуации не было, а был *намек.*

Кривой как эпитет для описания внешности — не *schief* и не *krumm,* а *einäugig,* когда речь идет о глазах, поскольку здесь *кривой* — синоним слова *одноглазый. Кривой солдат — einäugiger Soldat.* А вот *кривой нос — schiefe Nase.* И путаница переводов в подобных ситуациях чревата последствиями для понимания и, следовательно, для успеха коммуникации.

В книге В. Биркенмайера, посвященной сравнительному изучению немецкого и русского лексиконов, приведены яркие примеры многозначности некоторых русских относительных прилагательных в соотношении с их немецкими эквивалентами. Так, по-русски *фиалковым* может быть и запах (прямое значение), и цвет глаз (переносное значение), а по-немецки в первом случае будет использован корень *Veilchen-* как часть сложного существительного *(Veilchenduft),* а во втором требуется добавить к прилагательному же, начинающемуся с *veilchen-,* корень *-farben: veilchenfarben.* Аналогичным образом обстоит дело с прилагательными *каштановый (каштановый лист — Kastanienblatt, каштановые волосы — kastanienbraunes Haar), коралловый (коралловый*

риф – Korallenriff, коралловые губы – korallenroter Mund), кремовый (кремовый торт – Cremetorte, кремовое платье – cremefarbenes Kleid) и некоторыми другими[132].

В двуязычных словарях значения, расходящиеся таким образом, обычно разнесены в словарной статье по разным цифрам, которые соответствуют разбиению многозначного слова на значения в исходном языке – если судить по одноязычным толковым словарям исходного языка. Бывает, однако, и так, что переводы, различать которые необходимо для правильной передачи смысла, перечисляются в двуязычном словаре через запятую. Правда, это явление встречается реже. Например, выражение *seine Stimme erheben* можно переводить двояко: *поднимать голос* (в защиту кого-либо или чего-либо или против кого-либо или чего-либо) или *повысить голос* (т. е. заговорить громче). Эти варианты даются НРС через запятую, как если бы они были синонимичны. В действительности они вовсе не синонимичны, и различение переводов существенно для понимания.

Вот еще некоторые примеры, в которых различение значений релевантно для адекватной передачи информации:

С немецкого на русский:

bekannt – 1. известный, популярный, распространенный: ein bekannter Schriftsteller – известный, популярный писатель; Das ist ein bekannter Fehler. – Это известная, распространенная ошибка. 2. знакомый: Ein bekannter Fischer hat mir mal erzählt, dass ... – Знакомый рыбак рассказал мне как-то, что ...

Fleisch – 1. мясо 2. плоть

Los – 1. судьба, жребий 2. лотерейный билет

sicher – 1. надежный, наверняка: Sicher! Конечно!; Bist Du sicher? – Ты уверен?; Das ist ein sicherer Beweis. – Это неопровержимое доказательство. 2. безопасный: Mit dem angeschnallten Gurt ist es sicher. – Пристегнутый ремень обеспечивает безопасность. 3. уверенный: Er ist seiner Sache sicher. – Он знает, что делает. 4. обеспечен: Der Hohn der Mitschüler ist ihm sicher. – Насмешки одноклассников ему обеспечены.

sparen – 1. копить 2. экономить

stechen – 1. колоть, уколоть 2. жалить *(о насекомых)*

Zauberer – 1. волшебник 2. фокусник

С русского на немецкий:

переживать – 1. *(о событиях)* erleben, durchmachen: Россия переживала тогда поражения.– Russland erlebte damals Niederlagen; Наша страна переживала тогда трудный период. – Unser Land machte damals eine schwere Zeit durch. 2. *(реагировать на событие как на что-либо трагическое)* etw. zu Herzen nehmen: Царь *(тяжело)* переживал поражения России. – Der Zar nahm sich Russlands Niederlagen sehr zu Herzen; Ладно, не переживай! – Ach komm, vergiss es!; Ничего, переживет! *груб.* – Er wird es schon verkraften! 3. *(жить дольше других)* überleben: Он нас всех переживет. – Er wird uns alle überleben. 4. *(преодолеть тяжелое душевное состояние как следствие трагических событий)* verwinden, hinwegkommen: Он так и не смог пережить эту душевную драму. – Er hat es nicht geschafft, über dieses Trauma hinwegzukommen, dieses Trauma zu verwinden.

словарь – 1. *(двуязычный, толковый)* Wörterbuch 2. *(лексический запас)* Wortschatz 3. *(лексический состав языка)* Lexikon 4. *(энциклопедический словарь, справочник)* Lexikon

стена – 1. Wand 2. Mauer

только – 1. nur, lediglich, bloß: Я была тогда *(всего)* только маленькой девочкой. – Ich war damals nur ein kleines Mädchen. 2. erst *(с обозначением времени – дат, времени суток, дней недели, возраста):* Мне было тогда только семь лет. – Ich war damals erst sieben Jahre alt.

цель – 1. *(то, к чему кто-либо стремится, независимо от целесообразности или практической пользы)* Ziel: В беседе с начальником мы говорили о долгосрочных целях нашего отдела. – Im Gespräch mit meinem Manager haben wir über die langfristigen Ziele unserer Abteilung gesprochen; поставить себе цель – sich ein Ziel setzen; Мы приближались к цели нашего путешествия. – Wir näherten uns dem Ziel unserer Reise; Его цель – стать ученым. – Er bestrebt das Ziel, Forscher zu werden. 2. *(только полезная, практичная, разумная цель, рациональное зерно, конкретный смысл какого-либо действия)* Zweck: Какова цель его визита? – Was ist der Zweck seines Besuches?; средство для достижения цели – ein Mittel zum Zweck; пожертвование в благородных целях – Spende zu einem guten Zweck; Цель оправдывает средства. – Der Zweck heiligt die Mittel.

3.5.2 Некритично для содержания, но существенно для стиля (неполная синонимия)

В плане концептуального содержания перевод приводимых ниже примеров можно осуществить любым из предлагаемых синонимов, поскольку они не разнесены по разным значениям. Но рекомендуется различать варианты перевода по стилистическим соображениям: например, один из синонимов окрашен как разговорный, как просторечный, как устаревший, а другой нейтрален.

Так, *сгоряча разг.* – синоним *необдуманно* (стилистически нейтрально). В немецком имеется одно слово для перевода обеих русских лексем – как стилистически маркированной, так и стилистически немаркированной: *unbedacht*. Ошибки не будет, если перевести *unbedacht* на русский язык как *необдуманно,* даже если требуется разговорный вариант. Нейтральное слово всегда к месту; по крайней мере, оно не ощущается как диссонанс. *Сгоряча* ничего не добавляет к совокупности сем значения слова *необдуманно,* кроме указания на разговорный стиль. С другой стороны, *сгоряча* способно внести в перевод разнообразие и оказаться в определенных контекстах более уместным или гармоничным.

Если переводить текст, написанный в 19-м веке, то существительное *Diele* лучше перевести как *сени,* а если текст современный, то речь идет, скорее всего, о *прихожей*.

В нейтральных контекстах слово *Stolz,* вероятно, требуется перевести как *гордость,* а если в тексте речь идет об одном из смертных грехов – как *гордыня*.

При синонимии нередки и ситуации, когда один из синонимов используется в некотором наборе словосочетаний, в котором не используется другой, не из стилистических соображений, а только по традиции. При этом имеются и поля пересечения словосочетаний, в которых возможны оба синонима.

Вот еще некоторые примеры:

С немецкого на русский:

aufregend – волнующий, занимательный, интересный, интригующий: Ubersetzung ist ein aufregendes Thema. – Перевод – занимательная тема *(но не «волнующая тема»)*; Ist das nicht

aufregend? – Это так интересно/занимательно, не правда ли?; das aufregende Ereignis – волнующее событие (но не «*занимательное*»)

einbläuen – внушать, втолковывать, вбивать в голову *(в немецком разговорно, в русском «втолковывать», «вбивать в голову» тоже разговорно)*

einwandfrei – безукоризненный, безупречный *(различие в сочетаемости: ведет себя безукоризненно/безупречно, поведение его было безупречно, у него безупречный вкус, безупречная репутация, у нее безупречное прошлое, у нее безупречное/безукоризненное произношение)*

Fahrer – шофер, водитель, машинист: водитель трамвая, водитель автомобиля, автобуса, троллейбуса, такси; водитель поезда – машинист, шофер или водитель мотоцикла – мотоциклист, водитель велосипеда – велосипедист *(различие между синонимами ситуативное; выбор слова производится в зависимости от вида транспорта)*

Fremder – иностранец, чужак, чужеземец, чужестранец *(различие стилистическое: «иностранец» нейтрально; «чужак» с оттенком осуждения, неприязни; «чужеземец/чужестранец» чуть устарели, т. е. маркированы как архаизмы или как книжные слова; годны, например, для сказок, од, притч)*

fleißig – прилежный, усердный, старательный, добросовестный *(традиционно основным переводом „fleißig“ считается «прилежный»; между тем в живом русском языке «прилежный» употребляется главным образом в сфере «школьной» лексики: «прилежный ученик». В языке «взрослых» о ком-либо, кто работает „fleißig“, скажут, скорее, «хорошо работает, работает добросовестно». Можно сказать о человеке, что он человек «очень добросовестный». Похвала соседу, работающему в садике, в форме фразы „Schon wieder fleißig!“ переводится, скорее всего, как «С утра в трудах!», «Опять трудишься, как пчелка!»)*

helfen – помогать, выручать *(«выручать» имеет разговорную окраску; кроме того, для передачи содержания «ссудить небольшую сумму денег на короткий срок» можно использовать только «выручать»: Он иногда выручает меня деньгами; выражение «помогать деньгами» означает «давать деньги регулярно и безвозвратно» или «дать большую сумму на долгий срок»: Родители помогали нам деньгами; При покупке дома родители помогли деньгами.)*

Kamm – расческа, гребенка, гребень, гребешок *(«гребенка», «гребень», «гребешок» устаревают, становятся малоупотребительны)*

schwitzen – вспотеть, взопреть *(«потеть» нейтрально; «взопреть» имеет выраженную просторечную окраску)*

strafen – наказывать, карать *(«карать» – строже, чем просто «наказывать»: карает закон, Бог, судьба; одновременно это слово высокого стиля)*

überzeugen, sich – убедиться, удостовериться *(«удостовериться» менее частотно и слегка более разговорно)*

Vampir – упырь, вурдалак, вампир *(«упырь» просторечно, «вурдалак» разговорно, «вампир» нейтрально)*

verdeutlichen – пояснять на примере, разъяснять, растолковывать *(«пояснять» можно коротко, «разъяснять» – подробно, «растолковывать» имеет разговорную окраску)*

verhöhnen – издеваться, измываться *(«измываться» имеет разговорную окраску, кроме того, степень издевательства сильнее)*

vorwurfsvoll – с упреком, с укором, с укоризной *(«с упреком» нейтрально, «с укором» чуть сильнее, чем «с упреком», и более книжно, «с укоризной» слегка устаревшее выражение)*

С русского на немецкий:

беспокоиться – sich Gedanken machen, sich Sorgen machen *(„sich Sorgen machen“ drückt eine stärkere Besorgnis aus als „sich Gedanken machen“)*

бомж – Penner, Obdachlose(-r) *(„Penner“ ist stark umgangssprachlich, „Obdachloser“ ist offiziell)*

второпях – in Eile, in Hektik, zwischen Tür und Angel *(„in Eile“ ist neutral, „in Hektik“ ist eher umgangssprachlich, „zwischen Tür und Angel“ ist ein umgangssprachliches Idiom)*

остроумный – 1. *(о шутке, замечании, человеке: умный, ироничный)* geistreich; *(о смешной шутке)* witzig 2. *(умный, распознающий скрытый смысл; способный к тонким замечаниям)* scharfsinnig

ученый – Wissenschaftler, Gelehrte(-r), *(ученый-исследователь)* Forscher *(„Gelehrter“ ist gehoben)*

3.5.3 Некритично для содержания и для стиля (полная синонимия)

Полных синонимов в любом языке мало. Чаще всего полную синонимию можно встретить в парах «исконно свое слово/заимствование», например, *Nebenbuhler/Rivale, sich richten/sich orientieren, довод/аргумент, международный/интернациональный, сердцеед/ловелас,* – или в парах слов, которые образованы на основе метафорического переноса, стилистически снижены (как правило, разговорны или даже просторечны) и обладают ярко выраженной оценочной семантикой: *Unglücksrabe/Pechvogel, veräppeln/verschaukeln,*

кавардак/хаос/бедлам, молокосос/сопляк, уписывать/наворачивать. Немало примеров полной синонимии можно найти среди идиом, для которых характерны образность и экспрессия: *nichts gebacken kriegen / nichts auf die Reihe kriegen / mit Ach und Krach / mit Müh und Not, спутать карты / испортить обедню, как собаке пятая нога / как рыбе зонтик / как корове седло*. Полными синонимами являются многие ласкательные или бранные слова. В целом вероятность встретить в лексиконе полную синонимию возрастает по мере перехода от лексических единиц, в которых преобладает концептуальное содержание, к тем, в которых произошло замещение такового эмоциональным содержанием и оценочностью[133].

Порой полные по семантическому объему синонимы различаются частотностью: так, в паре *scheinen/vorkommen* первый глагол употребительнее, в паре *Gegner/Widersacher* более частотно первое из существительных; то же можно сказать о лексемах *Lebenslauf/Werdegang*. Наречия *schon/bereits* стилистически равноценны, но *bereits* менее употребительно. В парах *ладья/тура, слон/офицер* обозначения шахматных фигур *тура, офицер* значительно менее распространены и тяготеют к устаревшей лексике.

О стилистических различиях уже шла речь в предыдущем разделе. Полные синонимы, не различающиеся стилистически с точки зрения лексикографа, могут, тем не менее, обнаруживать едва уловимые стилистические расхождения, ощутимые для человека, хорошо владеющего языком. В паре *лгун/лжец* второе слово чуть более книжно, хотя оба слова однозначно принадлежат к одному и тому же стилистическому пласту высокой лексики, в отличие от *врун*. В паре *нагишом/голышом* первое слово чуть более литературно. *Продолжительный* по сравнению с *долгий* слегка выше по стилю, хотя и *долгий* нельзя отнести к разговорному стилю. При переводе художественного произведения эти едва уловимые различия, скорее всего, роли не играют и слова данных пар могут заменять друг друга (например, в целях разнообразия, во избежание повторов).

Иногда полная синонимия наблюдается на уровне бытового языка, в то время как те же понятия в научном контек-

сте не являются синонимами и даже противопоставляются. Так, в полные синонимы попадают пары *гипотеза/теория – Hypothese/Theorie; основание/причина – Grund/Ursache; рассудок/разум – Vernunft/Verstand:* на уровне бытового языка замена одного перевода другим на сохранении смысла не скажется, но в специальной философской литературе *рассудок* и *разум* могут различаться по стоящему за ними объему содержания, и это различие нередко специально подчеркивается философами, а *гипотеза* и *теория* в любой науке далеко не одно и то же.

Наконец, полные по семантическому объему и стилистическим характеристикам синонимы подчас обнаруживают связанные с традицией, а потому труднообъяснимые различия в сочетаемости. Например, *sich benehmen/sich verhalten,* казалось бы, полные синонимы, но можно сказать *er kann sich benehmen,* и нельзя – *er kann sich verhalten*. Лексемы *schüchtern/scheu* по семантическому объему идентичны, но о животных можно сказать только *scheu,* в то время как о людях – и то, и другое. *Благонамеренный* и *благонадежный* представляются в ракурсе семантического объема и стилистических коннотаций полностью взаимозаменяемыми, когда речь идет о характеристике человека и его политических взглядов, но при этом можно сказать *благонамеренные речи,* но нельзя – *благонадежные речи,* и можно – *политически благонадежен,* но нельзя – *политически благонамерен.* В строке Есенина *Я покинул родимый дом, голубую оставил Русь* можно безболезненно для смысла поменять глаголы местами: *Я оставил родимый дом, голубую покинул Русь.* Перевод *verlassen* годится для обоих словосочетаний. Но о муже, уходящем от жены, обычно говорят *он ее оставил,* а не *он ее покинул.* Глагол *покинул* обладает более насыщенным эмоциональным полем, в этом глаголе чуть больше щемящего трагизма. *Оставил* – нейтрально.

И лишь как исключения встречаются пары, в которых оба синонима обладают одним и тем же набором сем, одинаковым объемом сочетаемости и удерживаются в одном и том же стилистическом ареале, не обнаруживая при этом различий ни в происхождении, ни в частотности: *erniedrigen/demütigen; ermorden/umbringen; Wissen/Kenntnisse;*

verwünschen/verfluchen; подкидывать/подбрасывать; послабление/поблажка.

Владение синонимами и умение заменить одно слово при переводе другим во избежание назойливых повторов, а также для того, чтобы разнообразить и оживить стиль — необходимая составляющая художественного перевода[134]. Однако здесь же кроется и большая опасность: любая замена чревата стилистическим сбоем или прямой ошибкой. Не только двуязычный словарь, но и специализированные словари синонимов не всегда способны помочь в решении вопроса о степени свободы замены одного синонима другим. Например, даже если слова *череда* и *вереница* представляются синонимами, принадлежащими к одному стилистическому уровню, нет никакой уверенности, что они всегда и везде допускают одинаковую сочетаемость: так, они взаимозаменяемы в таких сочетаниях, как *череда однообразных дней — вереница однообразных дней; череда персонажей — вереница персонажей.* Но если словосочетание *на дороге выстроилась вереница автомобилей* — в рамках нормы, то выражение **на дороге выстроилась череда автомобилей* стилистически небезупречно. Только словари, снабженные огромным количеством примеров сочетаемости, способны помочь разобраться в вопросе о взаимозаменяемости синонимов.

Остается выразить сожаление, что двуязычный словарь непригоден для достаточно глубокого постижения мира синонимии, а специальные словари синонимов обычно одноязычные. Использование синонимов для перевода даже в тех случаях, когда они представляются взаимозаменимыми, потому что не снабжены в словарях стилистическими пометами и достаточно яркими примерами сочетаемости, которые позволили бы уловить различия, — тема деликатная, требующая осторожности даже для человека, уверенно владеющего языком.

Вот еще некоторые примеры полных синонимов:

Немецкий:

achten – respektieren
Angst haben – sich fürchten

beginnen – anfangen
Eremit – Einsiedler
fast – beinahe
Grundsatz – Prinzip
oft – häufig
Prozess – Vorgang
schwierig – kompliziert
Stock – Stockwerk – Etage
vergeben – verzeihen

Русский:

весьма – очень
ненароком – невзначай
нравоучительный – назидательный
потакать – потворствовать
расстраиваться – огорчаться
соблаговолить – соизволить
сосредоточиться – сконцентрироваться
спешить – торопиться
старовер – старообрядец
чуть – слегка

3.6 ПОТЕНЦИРУЮЩИЕ СРЕДСТВА[135]

Потенцирующими средствами являются морфемы или слова, служащие в первую очередь для усиления или ослабления степени признака, выраженного другой морфемой или другим словом словосочетания. В разных языках эти средства не совпадают.

3.6.1 Усилители как составная часть лексемы

Для выражения усиления признака немецкий язык использует в первую очередь словосложение, добавляя слово-усилитель к основному по смыслу прилагательному, наречию, существительному. Русский язык такой возможности

практически лишен. Усилительные элементы слов *Affenhitze, bildhübsch, knallhart, stinkreich* и многих других, образованных по аналогичной схеме, переводятся на русский язык с помощью отдельно стоящих слов-усилителей *очень, весьма, крайне, чрезвычайно, исключительно, совершенно, безумный, страшный, чудовищный, огромный, гигантский*. Иногда можно использовать приставку *пре- (преогромный),* суффикс *-енн- (широченный)* или суффиксы *-ущ-/- ющ- (дорогущий, длиннющий)*.

Некоторые немецкие слова регулярно используются в качестве первой части сложных слов и могут присоединяться ко многим другим словам. Например, слово *Mammut-* с легкостью присоединяется к самым разным существительным, чтобы подчеркнуть необъятность размеров их денотатов: *Mammutarmee — колоссальная армия; Mammutbrust — грудь необъятных размеров; Mammutportion — гигантская порция; Mammutschuhe — огромные башмаки; Mammutserie — длиннющая серия.*

Иные слова, снабженные усилителями качества, имеют точное соответствие в другом языке в виде устойчивого словосочетания или устойчивой метафоры, например, *купается в деньгах — stinkreich;* кое-какие можно перевести с помощью устойчивого сравнения: *täuschenstill — тихо, как мышь* или *так тихо, что слышно, как муха пролетит*. Некоторые немецкие прилагательные, снабженные такого рода усилителями, вообще не имеют русского аналога, например, *mausetot*. Невозможно быть *очень мертвым*. Но поскольку все слова подобного типа относятся к разговорному пласту лексики, то в зависимости от контекста можно подобрать разговорный же эквивалент и для *mausetot,* скажем, *мертвее не бывает* или *мертвехонек*.

Вот еще примеры:

С немецкого на русский:

bettelarm – бедный, как церковная крыса; гол как сокол
bierernst – всерьез, чрезвычайно серьезный
bildhübsch – (писаный) красавец, (писаная) красотка, красавец хоть куда, красотка хоть куда

brandaktuell – (остро, чрезвычайно) актуальный, животрепещущий

brandneu – новехонький, совершенно новый

hauchdünn – тонюсенький

hundsgemein – (исключительно) подлый, низкий, преподлый

hundsmiserabel – премерзкий, препоганый

splitternackt – совершенно голый, в чем мать родила

steinalt – очень старый, древний

steinreich – очень богатый, у него денег куры не клюют

Среди немецких существительных встречаются примеры с эмоционально-образными усилителями, обозначающими высокую и эмоционально заряженную степень качества: *Mords-, Höllen-, Bomben-, Heiden-, Affen-, Bären-, Hunde-* и некоторыми другими; русские соответствия, как правило: *безумный, сумасшедший, страшный, огромный, дикий, гигантский, колоссальный, жуткий.*

С немецкого на русский:

Affenhitze – сумасшедшая жара

Bärenhunger – волчий аппетит

Bombenerfolg – оглушительный, сногсшибательный успех

Heidenangst – дикий страх

Heidenarbeit – жуткая, тяжелая работа

Heidengeld – бешеные деньги

Höllentempo – сумасшедший, безумный, бешеный темп

Mordshunger – жуткий, страшный голод; жутко, страшно хотеть есть; голоден, как волк

Аналогичную роль выполняет для некоторых немецких существительных приставка *Un- :*

С немецкого на русский:

Ungeld – бешеные деньги

Unkosten – *(непредвиденные, большие)* расходы, издержки

Unmenge – колоссальное количество, масса, множество

Unmensch – чудовище *(о человеке)*

Untier – чудовище *(о животном)*

Сюда же отнесем так называемые Zwillingsformen в немецком, основное назначение которых – также усиление

эффекта, подчеркивание определенного значения. Здесь наиболее распространенные приемы –

аллитерация:

gang und gäbe
klipp und klar
Land und Leute
mit Kind und Kegel

синонимия:

angst und bange
kurz und bündig

антонимия:

drunter und drüber
Tun und Lassen
vorne und hinten

рифма:

dann und wann
Irren und Wirren
mit Rat und Tat

использование слов одного семантического поля:

das A und O
Hand und Fuß

Хотя усилители такого рода более характерны для немецкого языка, в русском тоже имеются примеры, по-строенные по аналогичным принципам: повтор[136], порой с небольшими фонетическими вариациями, часто в рифму, иногда с использованием дефиса. При переводе иногда удается подобрать соответствия в виде фразеологических парных форм с усилителями же, но часто соответствий такого рода нет и приходится переводить другими способами.

С русского на немецкий:

душой и телом – mit Leib und Seele
еле-еле – kaum spürbar, mit klitzekleinen Schritten, sehr langsam
и нашим и вашим – opportunistisch, die Fahne nach dem Winde drehen
мало-помалу – nach und nach
молодо-зелено – blutjung, Rotznase
слово за слово – ein Wort ergibt das andere

там-сям – mal hier, mal da
тяп-ляп – stümperhaft, schlampig, flapsig
шаляй-валяй – stümperhaft, schlampig, flapsig

Кроме того, русский язык обладает способностью к повторам прилагательных и наречий по продуктивной модели *красивый-прекрасивый, много-премного*. Повтор, чаще с добавлением приставки *пре-*[137], создает эффект усиления качества. По этой модели можно создавать почти неограниченное число новых конструкций. Данной моделью можно пользоваться при переводе немецких слов с включенными в них усилителями типа *bettelarm – бедный-пребедный; knochenhart – жесткий-прежесткий; strohdumm – глупый-преглупый* – памятуя, однако, о том, что соответствующие русские конструкции сугубо разговорны и потому допустимы не в любом тексте.

3.6.2 Усилители признака или качества в свободных словосочетаниях

И в русском, и в немецком языке широко представлены оценочные слова в роли усилителей некоторого качества или признака в рамках словосочетаний. Слова-усилители в русском и немецком часто семантически расходятся, и их употребление не выводимо из их изначального (основного) лексического значения. Их собственное лексическое значение в словосочетаниях в функции усилителей частично ощущается, однако оно отступает в тень, уступая пальму первенства функции усилителей признака или качества как таковых. При этом усиливаемый ими признак выражен обычно следующим непосредственно за ними словом.

Например, слово *откровенный* в своем основном значении переводится как *offen (откровенный разговор – offenes Gespräch),* но в приводимых ниже словосочетаниях *откровенный* выступает как усилитель. Хотя прилагательное *откровенный* и в них сохраняет лексическое значение *«неприкрытый, явный»,* последнее бледнеет по сравнению с функцией подчеркивания признака или качества, выраженные существи-

тельным или глаголом: *Он меня откровенно игнорирует. – Er ignoriert mich, es ist klar; откровенная глупость – schiere Dummheit; откровенная халтура – Stümperei ohnegleichen; откровенно скучать – sich unverhohlen langweilen; откровенное любопытство – unverblümte Neugier*. При каждом конкретном употреблении слова *откровенный* в роли усилителя требуется подбирать перевод, не отвечающий изначальному лексическому значению слова *откровенный*.

Ср. также *отчаянный* в примерах *он парень отчаянный – Wagehals, wagemutig, tollkühn; отчаянное положение – Notlage, desolate Lage; отчаянный спорщик – j-d streitet (unheimlich) gern, diskutiert (unheimlich) gern; у меня отчаянно болит живот – ich habe wahnsinnige Bauchschmerzen; я отчаянно мерзну – mir ist schrecklich kalt*. В первых двух примерах мы имеем дело с основными лексическими значениями слова *отчаянный,* а в остальных примерах это слово используется как усилитель, его основное лексическое значение отступает в тень. В то время как для *отчаянный* в первых двух словосочетаниях имеется ясный и четкий перевод, для *отчаянный* в роли усилителя перевод приходится подбирать каждый раз заново в зависимости от словосочетания.

Ниже мы приводим еще несколько примеров словосочетаний со словами-усилителями, перевод которых не выводим из их привычного изначального лексического значения. Он подбирается исключительно в согласии с узусом языка перевода, где, как правило, тоже имеются свои усилители в аналогичных словосочетаниях. Хотя слова-усилители обычно не переводятся буквально, бросается в глаза, что их (слабо выраженное) собственное лексическое значение концентрируется или вокруг смысла «неприкрытый, явный», или вокруг смысла «ужасный». Присутствует и идея глобальности: «сплошной – total».

Рассмотрим еще несколько примеров:

С немецкого на русский:

etw. bitter nötig haben – кому-либо что-либо остро требуется
böse Überraschung – неприятный сюрприз
glatt vergessen – просто-напросто, начисто забыть

glatte Lüge – ложь чистой воды, неприкрытая ложь, откровенная ложь

herzlich gern – с большим, огромным, превеликим удовольствием

schierer Wahnsinn – чистой воды безумие, чистое безумие, откровенное безумие

tierisches Vergnügen – огромное удовольствие

totales Chaos – сплошная неразбериха, полнейшая неразбериха

С русского на немецкий:

адская боль – fürchterliche Schmerzen, Wahnsinnsschmerzen

дикий случай – erschütternder Fall

решительно безразлично – vollkommen, absolut, schlicht und einfach egal, schnurzegal *umg.*

сущий пустяк – nichts, Kleinigkeit, Nichtigkeit, nicht der Rede wert

Некоторые русские слова-усилители соответствуют в немецком первой части сложного слова: *самый настоящий – waschecht*. Роль усилителей в русском играют иногда устойчивые сравнения; в переводе на другой язык они могут превращаться в часть сложного слова или также выступать в виде сравнений: *бледный как полотно – kreidebleich; бедный как церковная крыса – bettelarm, arm wie eine Kirchenmaus; мокрый как мышь – pitschnass*. Такие выражения, как *пьяный в дугу / пьяный в стельку / пьяный в доску – sturzbetrunken* или *свой в доску – unsereiner, einer von uns* – также включают в себя усилители качества, хотя и не в виде сравнений, а в форме существительных в косвенных падежах.

3.6.3 Сравнения как усилители качественных характеристик

Образы в сравнениях иногда совпадают: *устал как собака – hundemüde; выглядеть как мокрая мышь – wie eine gebadete Maus aussehen.*

Вообще сравнения так привычны и кажутся столь самоочевидными, что велик соблазн перенести их в другой язык без изменений. Например, как можно еще болтать (трещать),

если не *как сорока?* Или стоять иначе, чем *как столб?* Иногда сравнения действительно идентичны. Например, и русские, и немцы сравнивают человека трудолюбивого с пчелой (в русском используется уменьшительная форма существительного) или с муравьем: *трудолюбивый как пчелка, как муравей – emsig wie eine Biene, wie eine Ameise.*

Но несовпадений между языками и в области сравнений гораздо больше, чем совпадений, поэтому переводчика и здесь подстерегают опасности.

Некоторые образы близки, но не идентичны: русский бывает *юркий как хорек,* немец – *flink wie ein Wiesel* (ласка); немец *errötet wie ein junges Mädchen,* русский *краснеет как красна девица* (или *как маков цвет,* но аналогичного образа в немецком нет вовсе). По-русски нечто недолговечное сравнивают с *бабочкой-однодневкой,* а по-немецки с *Tagesfliege.*

Другие сравнения расходятся полностью. Например, медлительного человека русский сравнит с *черепахой,* а немец с *улиткой (Schnecke).* Русские говорят о хвастуне или человеке чванливом *надутый как индюк,* а немцы – *eitel wie ein Pfau*. Русский *врет как сивый мерин,* а немец – *lügt, dass sich die Balken biegen.*

Бывает и так, что в одном языке сравнение для того или иного качества является элементом лексикона, в другом нет. Например, в немецком человек внимательный и зоркий сравнивается с рысью *(aufpassen wie ein Luchs, wachsam wie ein Luchs)* – в русском в таком контексте сравнение не используется; русские говорят *быть очень внимательным, напряженно следить за происходящим*. По-немецки о человеке скупом могут сказать *geizig wie ein Schotte*. По-русски о скупом говорят обычно просто *очень скуп, патологически скуп, прижимист, скряга;* реже – *скупой рыцарь* (книжный или ироничный стиль).

Некоторые образы не используются в языке для сравнений просто потому, что данный предмет (например, растение, животное) не присутствует в быту народонаселения или по каким-либо иным причинам не стал элементом культуры. Так, для русских саламандра – зверек, известный скорее по картинкам и легендам, а немцы

сравнению человека ловкого и быстрого с саламандрой ничуть не удивятся, поскольку саламандры в некоторых гористых местностях Германии и Австрии достаточно широко распространены. У русских «Три мушкетера» – роман, который если и не все читают, то, по крайней мере, все так или иначе знают. Поэтому сравнение тщеславного или хвастливого человека с Портосом русским вполне понятно. У немцев Дюма далеко не так популярен, и подобное сравнение большинству населения, скорее всего, ничего не скажет. Да и в целом со сравнениями литературными или кинематографическими требуется обращаться при переводе с большой осторожностью. Механический перенос образа литературного героя, привлекаемого для сравнения, из одного языка в другой почти всегда чреват коммуникативной неудачей.

Вот еще некоторые примеры несовпадений:

С немецкого на русский:

lügt wie gedruckt – врет как по писаному
reden wie ein Wasserfall – говорить безостановочно
wie der erste Mensch – как с Луны свалился
wie die Made im Speck – как сыр в масле кататься
wie ein aufgescheuchtes Huhn durch die Gegend rennen – носиться как угорелый
wie ein Ochs am Berg – как баран на новые ворота
wie von der Tarantel gestochen – как ошпаренный

С русского на немецкий:

глупый как пробка – dumm wie ein Stein, dumm wie ein Stück Brot
как огурчик – in alter Frische
как у Христа за пазухой – wie in Abrahams Schoß
красный как рак – puterrot
молчать как пень – stumm wie ein Fisch
надуться как мышь на крупу – beleidigte Leberwurst spielen
работать как лошадь – sich abrackern, schwer schuften, arbeiten wie ein Ochs
ругаться как извозчик – schimpfen wie ein Rohrspatz
трещать как сороки – reden ohne Punkt und Komma, quatschen, quasseln

Некоторые сравнения выражены неявно, без помощи сравнительного союза *как – wie,* а просто в виде устойчивых метафор: *пот катится градом – der Schweiß perlt j-m von der Stirn; Пирог – просто песня* (или *просто сказка*). *– Der Kuchen ist ein Gedicht; Слезы льются ручьем. – Tränen fließen in Strömen.* Как видим, и здесь сохраняется та же закономерность: метафорические образы не совпадают, хотя иногда они очень близки *(песня – Gedicht, ручей – Ströme).*

3.6.4 Уточнители количественных характеристик

Помимо усилителей качества, в языке обнаруживаются и слова, специально используемые в роли уточнителей количественных показателей. В немецком чрезвычайно распространены существительные, обозначающие малое количество – здесь наблюдаются длинные синонимические ряды *(Spur, Idee, Tick, Deut, Hauch, Prise, Schuss).* В русском языке роль уточнителей количества часто берут на себя суффиксы *(много**ват**о, тесн**оват**о, слаб**оват**о)* или слова *чуть, капельку, слегка, едва-едва, самую малость.* К уточнителям количественных характеристик следует отнести и слова, обозначающие большое количество – типа *eine Menge, ein Haufen, ein Schwarm, viel zu viel.* Здесь, наоборот, в русском языке наблюдается развитая синонимичная метафорика: *сто, тысяча, миллион, гора, куча, туча, масса, груда, тьма.* Немецкий язык в отношении преувеличений сдержаннее и не столь щедр на синонимию. Некоторые русские выражения – например, *в сто раз, в тысячу раз* – имеют в немецком эквиваленты *(hundertmal, tausendmal),* но сфера их употребления значительно уступает сфере употребления их соответствий в русском: так, в немецком нельзя употреблять сравнения типа *hundertmal, tausendmal* в сочетаниях с реально не измеримыми качествами в сторону их снижения: ничто не может быть **hundertmal schlechter* или **tausendmal schwächer.* Кроме того, в немецком нет эквивалентов таких уточнителей количественных характеристик, как *в двести раз, в миллион раз* – разумеется, в их разговорном значении преувеличений.

Вот еще несколько примеров перевода с немецкого на русский:

keinen Deut weiter kommen – не продвинуться ни на йоту, ни на шаг, ни на волос, ни капельки

keinen Hauch Respekt – ни намека на уважение, ни капли уважения

ein Schuss zu heiter – чуть веселее чем надо

eine Idee zu dunkel – чуть темнее, чем нужно

eine Prise zu tief – глубоковато

eine Spur zu viel / zu wenig – многовато/маловато

3.6.5 Средства для ослабления признака[138]

Лексические языковые средства включают и целый набор «смягчителей» признаков. В русском для этой цели служат, в частности, приставки *не-, недо-:* вместо *много* можно сказать *немало,* вместо *холодно – нежарко,* вместо *не понял – недопонял, проглядел – недоглядел, часто* заменяется на *нередко, полный –* на *нехуденький,* а *хороший –* на *неплохой.* В 3.1.1.7 уже говорилось о русских сложных прилагательных, начинающихся с *мало- (маловразумительный, малопонятный, малопривлекательный, малоприятный). Мало-* используется вместо *не-* для смягчения резкости оценки. На самом деле, *малопонятный* означает *непонятный, малоприятный – неприятный, малопригодный – непригодный*[139]. Еще один способ выразить ослабление признака упоминался в предыдущем разделе: суффикс *ат- (низковато, слабовато).*

Наряду с лексическими и морфологическими средствами смягчения признака могут применяться и чисто грамматические. Немецкий язык часто использует для ослабления признака сравнительную степень прилагательного: *viele* можно заменить на *mehrere, große* – на *größere.* Немецкий же значительно чаще, чем русский, прибегает для смягчения какого-либо смысла к сослагательному наклонению: *Ich hätte es nicht sagen sollen* вместо *Ich habe etwas Falsches gesagt.*

Чаще смягчению подвергаются отрицательные значения. Несколько реже встречается ослабление положительного признака или характеристики: вместо *хороший – нормальный* или *неплохой,* вместо *красивый – симпатичный.* Из этих при-

меров очевидно, что язык пользуется в целях ослабления признаков не только морфологическими, но и чисто лексическими средствами (одно слово замещается другим).

Каждый язык по-своему преломляет проблематику смягчения признаков. Там, где по-русски скажут *выбор невелик,* немецкий может использовать совсем другую конструкцию, например, сослагательное наклонение: *Die Auswahl hätte größer sein können.* По-русски скажут *сегодня нежарко,* по-немецки *es ist frisch heute.*

3.7 ЭВФЕМИЗМЫ

Некоторые лексемы являются эвфемистическими заменами более грубых, резких или неприличных, не принятых в «хорошем» обществе, табуизированных вследствие суеверий или не подходящих к ситуации[140]. Пример эвфемизма в русском языке – расхожая шутка *Начальство не опаздывает, оно задерживается*. Многие эвфемизмы в русском языке явились порождением советской эпохи – они возникали в качестве элементов эзопова языка или как знаки, которыми обменивались представители определенных слоев населения, главным образом интеллигенции, для того чтобы сигнализировать друг другу единодушие в отношении к соответствующим реалиям *(софья власьевна* вместо *советская власть, пятый пункт* вместо *графа «национальность» в паспорте).*

Некоторые эвфемизмы можно рассматривать лишь в историческом аспекте: слово, которое возникло как эвфемизм, может потерять эту стилистическую особенность. Например, слово *домработница,* которое призвано было заместить пренебрежительные обозначения *служанка* или *кухарка,* со временем перестало восприниматься как эвфемизм. Сегодня оно вытеснено словом *помощница* – новым эвфемизмом. Немецкий перевод *Haushaltshilfe* – точный эквивалент.

История языка знает эвфемизмы, имевшие скорее не смягчающий и щадящий, а зловещий и угрожающий характер; они несли на себе печать политической лжи, лице-

мерия и насилия над личностью со стороны государства. Например, выражение *десять лет без права переписки* во времена сталинского террора означало «расстрел», а выражение *безродный космополит* обозначало любую жертву антисемитской кампании, развернувшейся в 1948 году и продолжавшейся до самой смерти Сталина. В Германии после прихода Гитлера к власти в немецком языке возникло слово *Arisierung*. За ним стояло вытеснение евреев из всех сфер экономики и социальной жизни. Все это были тоже своего рода эвфемизмы – метки страшных исторических эпох.

Язык перевода часто не обнаруживает для эвфемистических лексем аналогов также в виде эвфемизмов. По этой причине при переводе могут возникнуть затруднения.

В целом следует заметить, что немецкая норма социального поведения допускает значительно более грубую лексику в «печатном» варианте текстов и «в обществе», хотя словарь и помечает ее как *derb*[141]. Так, никто не вздрагивает при ругательстве *Scheiße,* произнесенном при всех на деловом совещании; выражения *am Arsch der Welt wohnen, in den Arsch kriechen* – хотя и грубые, согласно словарю *(derb),* но допустимы в рамках общения даже в полуофициальной обстановке – скажем, если не в докладе на конференции, то во всяком случае в диалоге между малознакомыми людьми во время перерыва. Преподаватель по социологии или политологии может сказать студенту о его курсовой работе: *Man merkt an einigen Stellen, Sie haben sich richtig ausgekotzt* – по-русски в аналогичной ситуации преподаватель сформулировал бы ту же мысль, вероятно, значительно мягче: *Видно, что в некоторых местах Вы не смогли скрыть своего отвращения*. Там, где русский скажет *запашок,* немец, скорее всего, скажет, *es stinkt*. Немецкий язык значительно «натуралистичнее» русского: считается непредосудительным обсуждать в обществе физиологические подробности состояния здоровья или сообщить присутствующим о том, что кто-либо направляется в туалет. Немецкая разговорная норма в рамках литературного языка допускает лексику, обозначающую половые органы, и действия, связанные с половым актом, в то время как русская

языковая норма их эквиваленты в тех же сферах употребления запрещает. Русский язык строго различает «печатную» и «непечатную» («нецензурную») лексику, и, хотя в последние примерно пятнадцать лет использование мата в беллетристике, публицистике, прениях (форумах) в интернете и в устных текстах превратилось в своего рода доблесть, положение в этой области по сути не меняется: непечатная лексика продолжает оставаться для литературного языка непечатной, то есть неприличной, независимо от того, печатается она или нет[142].

В то же время лексика из сферы морали или из социальной сферы, которая может обидеть, задеть человеческое достоинство, унизить, в немецком языке табуизирована едва ли не в большей степени, чем в русском: вместо *Liebhaber* говорят *Freund, Gefährte, Partner, Lebenspartner;* вместо *Affäre, Liebesbeziehung – Beziehung, Verhältnis,* вместо *schmeckt nicht, ungenießbar – interessant,* вместо *arm – hilfebedürftig,* вместо *verbrecherisch, kriminell – Problemfall,* вместо *Putzfrau – Haushaltshilfe.* Для обозначения трудновоспитуемых подростков имеется слово *schwererziehbar,* но чаще используется прилагательное *auffällig.* Стариков уважительно именуют *Senioren.* По-русски, скажем, о пациенте дома для престарелых скажут *сумасшедший* – по-немецки в той же ситуации, скорее всего, употребят слова *umnachtet, verwirrt. Бесплодие* принято обозначать как *Kinderwunsch,* а *вставная челюсть* именуется *dritte Zähne.* Русский язык в последнее время под влиянием английского тоже начал использовать эвфемизмы в рекламе и в социальной области: в объявления о приеме на работу стало вкрапляться слово *менеджер,* означающее вовсе не начальственную позицию; *дряблая кожа* в рекламе кремов превратилась в *зрелую, любовника* стали называть *другом.*

В обоих языках равно табуизированы темы смерти и похорон, бытует множество эвфемизмов, связанных с тюрьмой и наказанием за проступки и преступления. Эти замены объясняются в первую очередь суевериями, боязнью называть вещи своими именами, чтобы не накликать беду. Тюремная лексика имеет своим источником чаще всего блат-

ной жаргон и помечается как разговорная или просторечная.

Несмотря на то, что тема пьянства в русском языке представлена более широким набором слов и словосочетаний – эвфемистических и отчасти шутливых – немецкий обнаруживает в этой сфере тоже немалую изобретательность по части образности и иносказательности: *взять/брать/принять на грудь – eins über den Durst trinken, tief ins Glas gucken, sich ein Quantum genehmigen; забулдыга – Schluckspecht, Schnapsdrossel; нализаться – sich volllaufen lassen, sich die Birne vollhauen; пить до дна – auf Ex trinken.*

Наблюдается большое сходство между языками по численности эвфемистических и шутливых или разговорно-сниженных способов выражения значений, объединяемых темами человеческой глупости, лжи, обмана, воровства, а также отбывания наказания и бегства с места преступления.

Большое количество эвфемизмов в обоих языках сосредоточено вокруг темы смерти: отражение этого события в иносказательной форме – в высокой, поэтической или, наоборот, в сниженно-шутливой или нарочито-пренебрежительной тональности, вероятно, помогает людям отчасти справиться с мыслью о неизбежности смерти и избавляет их от страха и тоски, вызываемых этой мыслью: *господу богу преставиться, испустить последний вздох, окочуриться, отбросить копыта, отдать концы, откинуть копыта, отправиться в мир иной, отправиться к праотцам, отправиться на тот свет, приказать долго жить, протянуть ноги, со святыми упокой, сыграть в ящик; abtreten, abkratzen, das Zeitliche segnen, den Geist aufgeben, den Löffel abgeben, ins Gras beißen, Radieschen von unten ansehen, über Jordan gehen.*

Обилие синонимии в обоих языках вокруг некоторых тем свидетельствует о том, что они вызывали во все времена пристальный интерес всех социальных слоев населения, заставляли все снова и снова к ним возвращаться и их перерабатывать.

Вот еще некоторые примеры эвфемизмов. Слева стоит эвфемизм, а справа – слово или выражение, которое он заменяет.

С немецкого на русский:

Bau	**Gefängnis** – тюрьма, кутузка *разг.*
bescheiden	**beschissen** – отвратно, погано, скверно, плохо: Es geht mir bescheiden. – Я поживаю плохо.
Freudenhaus	**Bordell** – бордель
für kleine Mädchen / für kleine Jungs	**Toilette** – туалет, уборная
j-n aus dem Verkehr ziehen, j-n kalt machen	**umbringen** – устранить, убрать кого-либо с дороги
kräftig	**dick** – тучный, толстый
Lebensabend	**hohes Alter** – старость *(в русском имеется выражение «на закате жизни», но только в этом падеже; нельзя: «он провел закат жизни на родине», ср.: „er verbrachte seinen Lebensabend in seiner Heimat“)*
mitteilsam	**gesprächig, geschwätzig** – разговорчивый, словоохотливый
Nachzügler	**verspätet Kommender** – опоздавший

С русского на немецкий:

выражаться	**ругаться** – schimpfen, Schimpfwörter gebrauchen: Прошу в присутствии дам не выражаться. – Bitte in Anwesenheit der Damen keine Schimpfwörter gebrauchen.
женщина бальзаковского возраста	**стареющая женщина** – reife Frau, Frau zwischen 30 und 40
заведение	**туалет** – Toilette, Örtchen *euph.*, für kleine Mädchen *euph.*, für kleine Jungs *euph.*
заплечных дел мастер	**палач** – Henker
курносая	**смерть** – Tod
места не столь отдаленные	**тюрьма, каторга, ссылка** – Exil, Gefängnis, Zuchthaus, Zwangsarbeit
нескромный	**наглый, похотливый, скабрезный** – frech, lüstern, schlüpfrig, anzüglich: нескромный взгляд – lüsterner Blick, нескромные мысли – anzügliche Gedanken

неуставные отношения	**дедовщина** – Quälerei, Verhöhnung und Nötigung junger Soldaten durch altgediente in der russischen Armee
нечистый	**дьявол** – Teufel
осведомитель	**доносчик** – Denunziant, Spitzel

3.8 ИДИОМЫ

Перевод идиом представляет собой в определенном смысле во всем комплексе переводческих трудностей самую простую тему, т. к. обычно и школьник знает, что идиоматические выражения нельзя переводить буквально, то есть пословно. Вряд ли даже новичку в деле изучения иностранного языка придет в голову переводить выражение *j-m ins Wort fallen* как **падать в чье-либо слово,* а словосочетание *die Wogen glätten* как **разгладить волны* – независимо от того, является ли он носителем русского или немецкого языка. Совпадения в области идиоматики можно рассматривать как исключения. Они объясняются, как правило, заимствованием: или один язык заимствует определенное выражение непосредственно из другого, или оба языка заимствуют из одного и того же третьего источника, например, из французского, из латыни, из Библии. Таких совпадений по сравнению с огромной массой расходящихся по языкам идиом совсем немного, например: *застегнутый на все пуговицы – zugeknöpft; и пальцем не пошевелить – keinen Finger rühren; медвежья услуга – Bärendienst; посмеиваться в кулачок – sich ins Fäustchen lachen; рубить сук, на котором сидишь – den Ast absägen, auf dem man sitzt*[143]. Иногда несовпадения обнаруживаются в употреблении: так, выражение *Альфа и Омега* – точное соответствие немецкому *das A und O,* источник для обоих – Новый завет. Но немецкая идиома распространена чрезвычайно широко и является прочной составляющей литературно-разговорного варианта языка, а ее русское соответствие – устаревшее выражение, широким слоям населения неизвестное и из сегодняшнего литературно-разговорного языка практически исчезнувшее.

Порой несовпадения минимальны: *j-m den Kopf waschen — устроить кому-либо головомойку; wie ein Elefant im Porzellanladen — как слон в посудной лавке.* Русские говорят о чем-либо сделанном наспех, второпях — *на живую нитку,* а немцы — *mit heißer Nadel gestrickt.* Немецкое и русское фразеологические выражения по заложенным в них образам нитки и иголки как будто составляют одно целое.

Русские говорят о ком-то, кто чувствует себя неуверенно, например, сталкиваясь с необходимостью решить непосильную для себя задачу, — *чувствовать себя как корова на льду.* В немецком соответствия этого выражения нет, зато имеется *die Kuh vom Eis holen/bekommen,* что означает «решить задачу», «разрешить проблему», «избавиться от необходимости делать что-либо неприятное и тягостное». Ситуация, обозначаемая немецкой идиомой, — как будто следующий этап в развитии событий.

И все же расхождений между языками в области идиоматики значительно больше, чем сходства. В этом отношении это едва ли не самая трудная область в переводе: не всегда можно подобрать для перевода идиомы идиому же, а как только идиома переводится неидиоматическим словосочетанием, пропадает образность и стирается стилистическое своеобразие, то есть речь в известном отношении обедняется и тускнеет. В то же время пересыпать свою речь на иностранном языке идиомами означает подвергать себя риску спутать стилистический уровень и попасть в неловкую ситуацию: идиомы в большинстве своем окрашены разговорно, иногда просторечно вплоть до фамильярности и даже грубости, и использовать их стоит только в том случае, если общий стиль разговора допускает некоторую степень свободы и развязности и если говорящий ясно представляет себе стилистическую окраску того или иного идиоматического выражения. В официальном разговоре, особенно таком, от которого зависит какое-то важное решение, идиомами лучше не пользоваться вовсе или пользоваться с большой осторожностью.

Еще одна сложность при переводе идиом заключается в том, что некоторые идиомы по составу откровенно этноспецифичны. Поэтому даже в том случае, когда по смыслу ясно,

какую идиому можно было бы использовать для перевода, требуется учитывать конкретную ситуацию: не в каждом контексте допустимо употреблять идиомы, включающие, например, имена собственные или обозначения реалий, по которым легко определить страну происхождения идиомы. Например, *в Тулу со своим самоваром* является точным соответствием идиомы *Eulen nach Athen tragen,* но в русском выражении два слова – Тула и самовар – так явно указывают на происхождение этой идиомы, что при переводе немецкого текста ее, возможно, без специальной оговорки и употребить-то было бы опрометчиво. То же можно утверждать об идиомах *Демьянова уха, лаптем щи хлебать, Тришкин кафтан.* Употребление подобных выражений в специфических контекстах немецкой культуры как нежелательное касается, конечно, не только перевода, но и любых текстов, в которых действие разворачивается в той или иной стране. Мог ли Мюллер в романе «Семнадцать мгновений весны» Юлиана Семенова сказать, например, о ком-либо «Я ему про Фому, а он мне про Ерему» или обещать проштрафившемуся подчиненному, что отправит его, «куда Макар телят не гонял»?

Однако несовпадения культурологического плана не стоит слишком преувеличивать. Там, где контекст позволяет, использование идиом с этноспецифическими коннотациями может оказаться не только уместным, но и способно украсить и оживить текст.

Идиомами принято называть выражения, которые характеризуются следующими свойствами: 1) по крайней мере один элемент идиом не обнаруживает ни одного значения, присущего ему вне контекста или в рамках свободных словосочетаний; 2) элементы идиом нельзя поменять местами; 3) значение идиом не выводимо из суммы значений их элементов.

Однако для проблем перевода это определение идиом оказывается недостаточным.

Является ли идиомой выражение *кормить комаров?* Летом в Сибири или в Карелии мы, несомненно, кормим вечерами комаров собственной кровью, и в этом смысле значение выражения *кормить комаров* выводимо из суммы значений его составляющих. Однако носителю русского язы-

ка интуитивно ясно, что значение этого выражения складывается не только из суммы значений слов *кормить* и *комары,* но и из некоторого набора дополнительных сем, например, оценочной (пренебрежение, отвращение, неприятие), семы пребывания где-либо в неудобном с бытовой точки зрения месте, семы иронии. Эти семы закреплены за выражением как единым целым. И если рассматривать это словосочетание под углом зрения дополнительных по сравнению с собственно лексическими значениями эмоционально-оценочных коннотаций, то это идиома. В немецком подходящего соответствия нет – по-видимому потому, что сама постановка вопроса неактуальна: другой климат, нет такого количества комаров. Можно сказать в этой ситуации, конечно, *als Futter für Mücken dienen,* но идиоматичности в этом переводе искать не приходится.

Иногда встречаются пограничные случаи и вопрос об отнесении того или иного выражения в свете приводимого выше определения к идиомам оказывается спорным. Так, например, *чинить препоны* – это идиома или нет? Согласно русским толковым словарям Даля или Ожегова-Шведовой, у слова *чинить* имеются значения *устраивать, делать, создавать*. Слово *препоны* означает *препятствия*. Значение выражения *чинить препоны* выводится из суммы значений его составляющих: *создавать препятствия*. Следовательно, *чинить препоны* – не идиома. Но и слово *чинить* в значении *создавать,* и слово *препоны* в значении *препятствия* не употребляются иначе как только в нескольких устойчивых словосочетаниях русского языка, а помимо них могут рассматриваться как устаревшие. *Чинить* в этом значении можно практически только *препоны* или *препятствия,* а *препоны,* соответственно, можно только *чинить*. Это выражение представляет собой лексему, в речевой деятельности оно извлекается из памяти целиком и в этом смысле на отдельные семантические составляющие не разложимо. *Чинить препоны* может быть переведено только как цельное выражение, причем перевод удобно осуществлять с помощью идиоматики: *Steine in den Weg legen, Knüppel zwischen die Beine werfen.*

Выражение *сыпать остротами,* согласно приведенному выше определению идиом, – неидиоматическое: толковые

словари Ожегова-Шведовой и Ушакова описывают используемое здесь переносное значение *сыпать* как *быстро и много говорить*. Но если перебрать все возможные в русском языке словосочетания с глаголом *сыпать* в этом значении, то наберется крайне немного: помимо уже упомянутого, мы обнаружим еще *сыпать анекдотами, метафорами, прибаутками, сравнениями, шутками, учеными терминами, цитатами*. Все эти выражения семантически близки. Нельзя *сыпать ассоциациями, воспоминаниями, впечатлениями, ответами, пошлостями, словами* (хотя *иностранными* или *учеными словами, словечками сыпать* можно), *стихами*. Таким образом, значение *сыпать* как *много и быстро говорить* ограничено довольно узким набором сочетаний, так что напрашиваются вопросы: можно ли выделять его в отдельное значение и, если да, то правильно ли оно сформулировано. *Сыплют* лишь тем, что должно вызвать удивление или восторг собеседника, привести его в восхищение или поразить воображение, что, с точки зрения говорящего, украшает его речь и делает ее оригинальной. Можно *сыпать учеными словечками,* но нельзя – *ласкательными словечками*. Сема обильности, несомненно, содержится в значении, но сема быстроты нерелевантна. Можно *сыпать цитатами* небыстро, но главное, чтобы цитат было много. Важно также, чтобы присутствовала сема мелкого, поэтому *шутками сыпать* можно, а *историями* нет. Представляется, что значение *сыпать* в описанных словосочетаниях является полуидиоматическим или, во всяком случае, в такой степени связанным контекстом, что оно непременно требует более детального описания с обязательным приведением примеров. Немецкого эквивалента для него нет, и словосочетания переводятся по-разному: *сыпать остротами – Witze reißen; сыпать учеными терминами – wissenschaftliche Begriffe reichlich, ausgiebig gebrauchen; сыпать цитатами – j-n oft, reichlich zitieren*. В основном эти переводы лишены образности, наличествующей в оригинале благодаря метафоричности переносного значения.

Лексикографы определяют и описывают значение того или иного слова, исходя из его сочетаемости. Чем больше возможных сочетаний с данным словом в одном и том же

значении, тем выше вероятность, что мы имеем дело с контекстуально независимым словарным значением. Выделение указанных значений *сыпать* или *чинить* опирается на неединичную сочетаемость этих глаголов. Однако она столь узка, что правомерность такого лексикографического подхода оказывается под вопросом. Получается своего рода замкнутый круг: некоторое лексическое значение выводится лексикографами из идиом как якобы самостоятельное, а опираясь на него и на авторитет словарей, приходится признавать подобные словосочетания неидиоматическими.

Непоследовательность лексикографов в вопросе об определении и описании самостоятельных значений при полисемии проявляется и в случаях почти неограниченной сочетаемости. Так, толковый словарь Ушакова определяет значение глагола *плакать* как *проливать слезы от боли или душевного потрясения*. Других значений словарь не приводит. Следовательно, выражения *веревка по нему плачет; виселица по нему плачет; тюрьма по нему плачет* — идиомы. Идиомами же следует признать такие словосочетания, как *плакал мой вечер в обнимку с книжкой; плакал наш отпуск; плакала наша премия; плакали наши денежки, наши планы; плакала твоя затея*. Однако если сочетаемость глагола *плакать* в примерах с *веревкой, виселицей* и *тюрьмой* действительно крайне ограничена (так, резко неожиданными окажутся выражения *электрический стул по нему плачет; розги по нему плачут* или *наказание по нему плачет*), то открытость последней модели очевидна: глагол *плакать* в прошедшем времени, стоящий в словосочетании обязательно на первом месте по соседству с притяжательным местоимением, относящимся к следующему существительному, может сочетаться с теми же лексемами, что и глаголы *не вышло, не получилось, не состоялось*. По-видимому, переносное значение *не состояться, не получиться* для глагола *плакать* не выделяется толковыми словарями в силу его образности. Последняя практически всегда сопровождает идиоматику. Однако и слово *сыпать* в значении *много говорить* образно, а сочетаемость его в этом значении значительно более ограничена, нежели у *плакать*. Так что и в этом пункте наблюдается непоследовательность лексикографичес-

кого подхода к описанию значений, выводимых из словосочетаний.

Напрашивается вывод, что в свете перевода вопрос о «классической» идиоматичности в том смысле, как она определяется в учебниках по лингвистике, не столь важен по сравнению с вопросом о лексическом единстве элементов словосочетаний. Независимо от того, имеет ли место в том или ином слове, входящем в состав словосочетания, семантический сдвиг по сравнению со значением или значениями этого слова в иных словосочетаниях или такового сдвига не наблюдается, и выводимо ли значение словосочетания из суммы значений его составляющих или не выводимо, словосочетание может восприниматься как единое целое (лексема). Для перевода принципиально важен лишь вопрос о лексемном статусе словосочетания и о его переводимости или непереводимости поэлементно. Как классическая идиома, так и устойчивое неидиоматичное словосочетание могут переводиться либо идиомами, либо свободно сконструированными словосочетаниями в зависимости от средств языка перевода.

Немецкое сложное слово по своей природе сопоставимо со словосочетанием в русском. В силу особенностей немецкого словосложения по сравнению с русским был бы корректен подход к идиоматике, при котором немецкие сложные слова, обнаруживающие семантический сдвиг в одном или нескольких смысловых элементах, приравнивались бы к русским идиоматическим словосочетаниям. Так, *hautnah* – *с близкой перспективы, вблизи, вплотную, непосредственно* – следовало бы считать идиомой, поскольку привычные нам значения слова *haut*- в семантике данного сложного слова не участвуют (хотя метафорическая близость к исходному значению слова *Haut* по-прежнему ощущается). То, что сочетание *haut* и *nah* грамматически оформлено как слово, а не как словосочетание, восходит к особенностям немецкого словосложения. Лексема *Rotznase* означает *молокосос, сопливый юнец*. Значение этого сложного слова не выводимо из суммы значений его составляющих, и эта лексема столь же идиоматична, как и выражение *сопливый юнец*[144].

В обоих языках обращает на себя внимание обилие идиом, образовавшихся вокруг лексем, означающих части тела: *глаз – Auge; голова – Kopf; грудь – Brust; нога – Fuß, Bein; нос – Nase; палец – Finger; пятка – Ferse; рот – Mund; рука – Hand, Arm; сердце – Herz; ухо – Ohr*[145]. Большое число идиом в обоих языках включает обозначения животных, особенно домашних. Частотны и упоминания *бога* и *черта,* как в русском, так и в немецком. Бросается в глаза обилие идиом вокруг тем глупости, неспособности быстро соображать, а также обмана, мошенничества, надувательства.

В раздел, посвященный идиомам, мы включили и описание и примеры так называемых коммуникативных формул, или коммуникативных клише: *Да ну! Ну ты и скажешь! Брось ты! Echt? Ach du liebe Zeit!*

В раздел, посвященный идиоматике, не включены пословицы (Lebensweisheiten): они используются в живой разговорной речи довольно редко, многие из них носителям языка вовсе неизвестны или известны лишь в теории, а их назидательность, банальность и противоречивость (так, *доброта, доверчивость, любовь, трудолюбие, ум, щедрость,* согласно одним из пословиц, – это хорошо, согласно другим, – плохо) могут являться раздражающими факторами для участников коммуникации.

3.8.1 Устойчивые словосочетания

В языке имеются лексемы-словосочетания, представленные рядом элементов, собственные лексические значения которых, безусловно, свободны. Особенность этих элементов заключается лишь в узко ограниченной сочетаемости. Так, говорят *глубокая осень,* но нет **глубокого лета* или **глубокой весны.* При этом *глубокая осень* – явно не идиома. У слова *глубокий,* согласно 17-томному Академическому словарю русского языка, имеется переносное значение «достигший высшего предела, поздний». Примеров немало: *глубокая зима, глубокая ночь, глубокий старик, глубокая старость.* Их достаточно, чтобы иметь основание выделять приводимое выше значение как самостоятельное, неидиоматическое. В то же время их не

так много, чтобы считать выражения *глубокая осень* или *глубокая зима* свободно комбинируемыми в речи сочетаниями самостоятельных лексем. *Глубокая осень* – это номинативная единица, извлекаемая из памяти в процессе порождения речи и представляющая собой факт лексикона, а не явление синтаксиса. Выражения *работать по дому* или *работать на дому* неидиоматичны, поскольку их элементы сохраняют в этих выражениях свои исконные словарные значения. Однако эти выражения являются цельными лексемами, единицами номинации, они не разложимы на отдельные составляющие, хранятся в памяти как готовые воспроизводимые единицы и переводятся не поэлементно: *работать по дому – hantieren; работать на дому – Heimarbeitsplatz haben, von zu Hause arbeiten*. Перевод словосочетания одним словом, как в примере *hantieren*, может служить дополнительным косвенным подтверждением лексемного статуса.

Иногда устойчивость затрагивает морфологическую форму: принято говорить *как новенький,* а не *как новый: Туфельки почистим, и они снова станут как новенькие; К чемодану приделали ручки, и он опять как новенький (wie neu)*. Идиоматичности здесь, казалось бы, нет, значение этого выражения прозрачно, но морфологическая форма (суффикс -*еньк*-) существенна.

Такого рода словосочетания мы обозначаем как устойчивые (fest), подчеркивая тем самым отличие таковых от идиом в их «классическом» понимании, а также от спорных случаев: с одной стороны, словосочетаний типа *кормить комаров,* тяготеющих к идиомам в силу дополнительных семантических коннотаций, с другой – выражений вроде *сыпать остротами,* где *сыпать* в значении «обильно использовать в речи определенные средства, способные поразить собеседника» настолько ограничено в своей сочетаемости, что и выводимо и осознаваемо как таковое лишь из этой сочетаемости. Близость между случаями *глубокая осень* и *сыпать остротами* очевидна: и там, и там мы имеем дело с ограниченной сочетаемостью. Но если значение *глубокий* как «достигший высшего предела» осознается как самостоятельное, то значение *сыпать* не покидает предела конкретных составных лексем, в которых встречается.

Вообще проблематика устойчивости в плане воспроизводимости и свободной сочетаемости как явления чисто синтаксического порядка требует пересмотра в целом: лингвистическая, и в первую очередь лексикологическая и лексикографическая традиция в этом отношении не вполне отвечает практике перевода. Словосочетание *мыть голову,* вероятно, не рассматривается лексикографами как устойчивое, но переводится оно не пословно — **den Kopf waschen* — а целиком: *Haare waschen*. А если проверить далее, что еще как можно мыть, рассказывая об этом процессе по-немецки, то выяснится, что *мыть окна — Fenster putzen, мыть пол — den Fußboden wischen, мыть посуду — Geschirr spülen*. В определенном смысле получается, что свободных словосочетаний вовсе не существует, это некоторая фикция. Нам кажется, что словосочетания *мыть посуду* или *мыть голову* свободные, что мы комбинируем *мыть* — наименование деятельности — и *посуда* или *голова* — наименование объекта деятельности — в речи, в синтагматике. Кажется нам так потому, что ни глагол, ни существительное в этих сочетаниях не обнаруживают семантических сдвигов в своих лексических значениях по сравнению с теми же значениями, которыми они обладают в изолированной, то есть чисто словарной, позиции. Но перевод показывает, что это иллюзия. В принципе высока вероятность обнаружить еще в каком-нибудь третьем языке для занятий *мыть голову, мыть посуду, мыть руки* и однолексемное обозначение; в немецком однолексемная оформленность проявляется в переходе к существительным: *das Geschirrspülen — мытье посуды*. Короткие предложения *Раздается звонок* или *Раздается шум* так же точно не являются результатом свободного синтаксического сочленения в речи: при переводе на немецкий первое предложение превращается в безличное *Es klingelt,* а второе в неопределенно-личное *Jemand macht Lärm*. А если перед нами предложение *Раздается шум за стеной,* то мы убеждаемся, что даже сочетание существительного *стена* с предлогом *за*, уж на что, казалось бы, свободно выбранное и отражающее реальное положение дел (шум действительно по отношению к говорящему *за — стеной!*), переводится вовсе не как **hinter der Wand,* а как *im Nebenraum*. А если шум раздается *на улице,* то по-немецки

скажут об этом, скорее всего, *draußen*. Но мы не будем сейчас углубляться в эту тематику и пересматривать традиции, поскольку пишем не теоретический лингвистический труд; на протяжении последующих рассуждений мы будем оставаться в рамках того понятийного аппарата, который в лексикологии принято отображать терминами «свободное словосочетание», «синтагматика», «синтаксис», «лексема», «устойчивое словосочетание», «идиома».

Вот еще некоторые примеры устойчивых неидиоматических словосочетаний в исходном языке:

С немецкого на русский:

grobe Fahrlässigkeit – преступная халатность
nicht jedermanns Sache – на любителя
persönlich nehmen – принимать на свой счет
Unterlassung der Hilfe – неоказание помощи

С русского на немецкий:

досужие разговоры – müßige Gespräche
обращать внимание – beachten, achten, Aufmerksamkeit schenken
роковая случайность – unglückliche Fügung
с утра пораньше – von früh an
уважительная причина – triftiger Grund

3.8.2 Несовпадение идиом по образу и способу выражения

Некоторые идиомы по образности необычайно близки. Немцы приобретают *Katze im Sack*, а русские – *кота в мешке*. Немцы убивают *zwei Fliegen mit einer Klappe*, а русские *двух зайцев одним ударом*. Русские *садятся в лужу*, а немцы *setzen sich ganz schön in die Nesseln*. Русские *пишут в стол*, а немцы *schreiben für die Schublade*. Делать что-либо *коту/псу под хвост* – *für die Katz*.

Но значительно чаще идиомы для передачи одного и того же смысла в сравниваемых языках не совпадают по составу элементов и по возникающему в результате их сочетания образу. Перевод непрозрачен и невыводим из родного языка.

С немецкого на русский:

auf zwei Hochzeiten tanzen – сидеть на двух стульях
durch dick und dünn – пройти огонь, воду и медные трубы
nicht um Haaresbreite zurückweichen – не отступить ни на пядь
vom Regen in die Traufe kommen – из огня да в полымя

С русского на немецкий:

вести подкоп – Ränke schmieden
за словом в карман не лезет – j-d ist nicht auf den Mund gefallen
попасть впросак – ins Fettnäpfchen treten
с бухты-барахты – aus dem heiteren Himmel

3.8.3 Отсутствие идиоматического выражения в языке перевода

Далеко не каждая идиома имеет идиоматическое же соответствие в языке перевода. Многие идиомы приходится переводить свободными словосочетаниями (или одним словом).

С немецкого на русский:

das sind zwei verschiedene Paar Schuhe *idiom.* – это разные вещи

einen Tod muss man sterben *idiom.* – приходится делать выбор

ich werde mir diesen Schuh nicht anziehen *idiom.* – за это я не берусь, это не входит в мои обязанности

j-n ins Boot holen *idiom.* – привлечь кого-либо *(например, к работе)*

nichts am Hut haben mit etw. *idiom.* – не иметь никакого отношения к чему-либо

С русского на немецкий:

доказывать что-либо с пеной у рта *идиом.* – leidenschaftlich, hitzig etw. beweisen

Иван, родства не помнящий *идиом.* – nicht familiär, ohne Familiensinn

наполеоновские планы *идиом.* – hochgesteckte Pläne

продавать из-под полы *идиом.* – illegal, schwarz verkaufen

3.8.4 Наличие идиоматического выражения в языке перевода при его отсутствии в исходном языке

Этот раздел перекликается с предыдущим, но только в зеркальном отражении, то есть свободное словосочетание передается на другой язык в виде идиомы. Как раз такие случаи меньше всего представлены в двуязычных словарях.

С немецкого на русский:

es hat sich so zugetragen – вот такая получилась петрушка *идиом.*
es ist noch offen, es steht noch nicht fest – бабушка надвое сказала *идиом.*
etw. ist wertlos – красная цена – копейка в базарный день *идиом.*

С русского на немецкий:

быть рассеянным – völlig durch den Wind sein *idiom.*
лелеять кого-либо – j-n hegen und pflegen *idiom.*

Другие примеры см. в предыдущем разделе. Стоит только их перевернуть и сделать перевод исходным словосочетанием – и мы получим дополнительные примеры к данному разделу.

3.8.5 Коммуникативные формулы

Коммуникативные формулы представлены в каждом языке в двух видах: как открытые синтаксические структуры, допускающие различные лексические наполнители, – их мы назовем для краткости синтаксическими идиомами – и как готовые клишированные фразы (главным образом, восклицания), называемые иногда также фразовыми междометиями.

3.8.5.1 Фразовые междометия

Как и в случае «чистой оценки», перевод эмоционально окрашенных восклицаний (фразовых междометий, интонационных клише[146]) является условным. Бессмысленно переводить фразовые междометия поэлементно. Вместо пере-

вода подыскивается восклицание, передающее ту же эмоцию. Концептуальное содержание у подобных коммуникативных клише часто вовсе отсутствует, они предназначены для передачи эмоциональных реакций как таковых *(Ach wo! I wo! Ach komm! Ist wahr? Genau! Ну вот еще! Вот именно!)* или для запрашивания реакций собеседника *(Nicht? Etwa nicht? Oder? Разве не так? Верно ведь?)* и в этом смысле схожи с чисто оценочными лексемами типа *болван, лапочка, Blödsinn*, каждая из которых также может быть оформлена как самостоятельная фраза-реакция *(Вот болван! Blödsinn!)*. Однако существуют и клишированные реакции, обладающие не только эмоциональным, но и смысловым содержанием: так, фразы *Куда ему! Где ему!* содержат не только отрицательно-скептическую реакцию на слова собеседника, но и утверждение, что кто-либо на что-либо неспособен, и именно этот смысл выступает на передний план в переводе: *Er schafft es nie im Leben; er hat nicht das Zeug dafür.* В русском языке количество подобных интонационных отрицаний чрезвычайно велико, и многие из них имеют нейтральные, не отрицательные лексико-грамматические омонимы, так что в качестве единственного различительного средства выступает фразовая интонация. Ср.:

Он в город? Куда ему? — Он справится? — Куда ему!

Интонация вообще играет весьма существенную роль в трактовке и переводе фразовых междометий. Лексическая опустошенность и даже полная десемантизованность лексико-грамматического состава дают интонации полную свободу выражения самых разных эмоциональных значений. Часто формально одна и та же фраза может сообщать противоположные смыслы в зависимости от интонационного оформления: реплику *Да ну!* можно трактовать как отказ с примесью досады, пренебрежения или отвращения или как возглас удивленного восхищения. Различие этих трактовок настолько существенно, что многозначность в данном случае правильно было бы рассматривать как омонимию. В письменном художественном тексте эти значения нередко могут быть поняты лишь на основе широкого контекста и понимания ситуации и отношений между персонажами. Опасность для перевода представляют собой не те речевые формулы, в ко-

торых содержится явная идиоматичность *(Ни пуха, ни пера! Держи карман шире! Da haben wir den Salat!),* а те, в которых тонкие эмоциональные значения передаются на внешне нейтральном лексико-грамматическом материале.

Своеобразными помощниками переводчика в этих случаях могут быть речевые глаголы и жесты, часто сопровождающие фразовые междометия, а также знаки препинания и особые графические средства, например растяжки гласных, ср.:

Да ну-у? – удивился он. – Да ну! – отмахнулся он. Расска-а-азывай!

В немецком языке много оценочных субстантивных конструкций: *Das ist 'ne Schau (Wolke, Wucht)! Alle Achtung! Alle Wetter! – Вот это да!; Schluss damit! – Прекрати!* В русском распространены глагольные речевые клише: *Спрашиваешь тоже!* в значении усиленного утверждения; *Размечтался!* в значении отказа – а также формулы, состоящие из служебных слов: *Ну и ну! Ничего себе! Еще бы! Еще чего! Вот так так! Нет так нет!*

Ниже приводятся некоторые примеры фразовых междометий и их возможных переводов[147]:

С немецкого на русский:

Ach du liebes Bisschen! Ach du liebe Zeit! Ach du grüne Neune! Ach du meine Güte! Ach du Schande! – Ну это же надо! Быть не может! Господи боже мой! Бог ты мой! Ты подумай! Подумать только!

Ach komm! – Да ладно! Да что там! Да брось ты!

Nein, so was! Was du nicht sagst! – Ну и ну! Вот это да!

Schon gut. – Ничего, ничего. Да ладно, что уж там. Ничего, бывает.

So ist es nun einmal! – Вот то-то и оно!

Was soll's! – Да ладно! Да что там! Чего уж там!

С русского на немецкий:

Вот еще! – Ach wo! Wieso denn? Warum denn das?

Вот это да! Вот те раз! – Da hast du die Bescherung!

Да где там! Какое там! – Ach wo! I wo!

И не говори! – Du sagst es!

Надо же! – Nein, so was! Ach nein! Das gibt’s ja nicht!
Ну ты даешь! – Du bist mir einer!
Что, разве не так? – Etwa nicht?

3.8.5.2 Синтаксические идиомы

Помимо готовых лексико-синтактико-интонационных формул, имеются в языке и открытые синтактико-интонационные структуры, которые могут наполняться различными лексемами. Назовем их синтаксическими идиомами. Отличие синтаксических идиом от лексических заключается в том, что в синтаксических участвуют преимущественно служебные слова – местоимения, союзы, предлоги, – привычные значения которых теряются или меняются до неузнаваемости. Функциональная нагруженность синтаксических идиом аналогична готовым формулам, но из-за лексической открытости этих конструкций она поддается лишь абстрактному описанию.

Вот, например, способ экспрессивного выражения неудовольствия действиями другого человека в русском языке: *нечего тут ...* в сочетании с практически любым инфинитивом *(нечего тут гулять, нечего тут попрошайничать, нечего тут разглагольствовать, нечего тут стоять)*. А вот вариант с одним только *... тут* – чаще в сочетании с глаголами, имеющими приставку *раз-/рас- (раскричался тут, распелся тут, расселся тут)*. А можно выразить неудовольствие тем обстоятельством, что кто-то от говорящего ожидает какого-то действия, с точки зрения говорящего невозможного: *буду я еще ... – диссертацию защищать, дом убирать, белье гладить, корову доить.* А вот адресованное собеседнику приглашение разделить оценку какого-либо события или поступка: *это ли не ... – доказательство, героизм, глупость, забота, любовь.* Неудовольствие и насмешку над чьими-то качествами и одновременное приглашение окружающим разделить эти эмоции можно распознать в выражениях, начинающихся с *видали мы таких ... – режиссеров, рыбаков, смельчаков, умников, ученых* или *посмотрите на этого ... – умника, ученого* и т. п.

Зависимость синтаксических идиом от интонационного оформления не столь существенна, как у фразовых междометий; благодаря ясности синтаксической структуры интонация в них несет меньшую семантическую нагрузку и потому не так значимо вариативна. Если, например, для фразового междометия *Ну вот!* интонация является практически единственным носителем семантической нагрузки и в зависимости от интонационного оформления это восклицание может выражать разочарование, радость, удовлетворение, гордость, уныние, то для синтаксических идиом носителем семантики является в первую очередь синтаксис (главным образом порядок слов), а интонация является сопутствующим фактором. Благодаря этому обстоятельству синтаксические идиомы в письменной речи, где интонационные параметры передаются в ограниченном объеме, воспринимать проще, чем фразовые междометия.

Бросается в глаза некоторая асимметрия между языками: похоже, в русском подобных экспрессивных синтаксически-интонационных моделей больше. Это связано, по-видимому, с тем, что в русском языке, во-первых, более свободный порядок слов – а экспрессия выражается на синтаксическом уровне в первую очередь нарушением привычных синтаксических структур: не *я еще буду,* а *буду я еще ...,* не *das ist aber,* а *ist das aber ...* или придаточными без главного (псевдо-придаточными): *чтобы я да ...* (аналог есть и в немецком: *dass du ja nicht* ...). Из-за того, что немецкий порядок слов более жесткий, чем в русском, у немецкого языка меньше возможностей для тех или иных смещений: например, в русском языке *нечего было ... (гостей приглашать, гулять ходить, спорить)* – в немецком *du hättest nicht ... ; много ты знаешь про ... (древних греков, мой характер, Фому Аквинского) – du weißt ja nicht viel von ... ; стану я ... (в ледяной воде купаться, коромыслом воду таскать, чужих детей кормить) – ich werde ja nicht* ... . Во-вторых, русское предложение не обязательно двусоставно: в нем может отсутствовать подлежащее или сказуемое. Поэтому в нем возможны такие конструкции, как *расселся тут* – без указания того, кто именно расселся. Немецкое предложение принципиально двусоставно, оно требует как подлежащего, так и сказуемого, поэтому аналогичных кратких формул здесь ожидать

не приходится. Возникновению синтаксической идиоматики в немецком языке нормы немецкого синтаксиса в известной мере препятствуют. Все-таки одна из отличительных черт любой идиомы – краткость. Однако открытые синтактико-интонационные структуры для выражения определенных эмоций имеются и в немецком: *wenn das nicht ... (Bosheit, Heidenarbeit, Heldentum, Selbstopferung) ist; ist das aber ganz schön ... (dumm, gemein, schlau); und ob ... (die Wette gilt, er es kann, ich das schaffe); dass du ja nicht ... (deine Muttersprache vergisst, mir wegläufst, morgen etwas kochst).*

Наконец, не исключено, что русскому языку в целом более присуща экспрессивность: в нем в больше ласкательной и грубой («непечатной») лексики и распространены способы выражения негативной оценки (презрения, насмешки), особенно прилюдной *(видали мы таких ... , где тебе ... , ишь ... , подумаешь ... , тоже мне ...).*

Некоторые синтаксические идиомы, в особенности в русском языке, включают повторы: *чего-чего, а ... (еды в доме достаточно; этого добра навалом.); где-где, а ... (в Питере мы к такому привыкли; в Сибири мне бывать приходилось).* Повторы иногда трудно представить в общем виде. Попытаемся все-таки это сделать. *Что ... то ...* (повтор): *что есть то есть, что правда то правда; всем ...* (повтор, причем первое существительное стоит в дательном падеже множественного числа, а второе в именительном падеже единственного числа): *всем книгам книга, всем танцам танец, всем шкафам шкаф; что-либо чем-либо* (повтор), *но ... и ... : огород огородом, но надо и книжки иногда читать; связи связями, но надо же и совесть иметь.*

Синтаксические идиомы, как и фразовые междометия и оценочная лексика, обладают в каждом языке ярко выраженным своеобразием и на другие языки переводятся лишь с приближенной точностью.

С немецкого на русский:

hätte man doch gleich: Hätte man doch gleich sagen können; Hätte man doch gleich machen müssen. – Давно бы так.

ist das nicht: Ist das nicht rührend? Ist das nicht süß? – Ну не прелесть ли? Прелесть, правда?

ja nicht/kein: Versuche mich ja nicht zu überreden. – Только не пытайся меня переубедить; Hab ja keine Angst. – Только не бойся.

nicht dass: Nicht dass ich wüsste. – Понятия не имею; Nicht dass du denkst, es wäre falsch. – Только не считай, что это неправильно.

С русского на немецкий:

буду я еще: Буду я еще горбатиться. – Ich habe keinen Bock, mich abzurackern; Буду я еще с ним нянчиться. – Ich habe keinen Bock, ihn zu bemuttern.

дался тебе/Вам: Дался тебе этот спорт. – Vergiss diesen Sport; Дался Вам этот доклад. – Vergessen Sie diesen Vortrag.

еще тот: Я еще тот водитель. – Ich bin kein guter Fahrer; Французский у меня еще тот. – Mein Französisch hätte besser sein können.

не из: Он не из пугливых. – Er ist nicht feige; Книга не из легких. – Das Buch ist keine leichte Kost.

нет-нет да (и): Он нет-нет да посматривал в ее сторону. – Ab und zu schaute er verstohlen in ihre Richtung; Она нет-нет да и упомянет свою докторскую степень. – Sie unterlässt es nicht, von Zeit zu Zeit ihren Doktortitel zu erwähnen[148].

ну уж и: Ну уж и красавец. – Ach wo, ich würde ihn nicht unbedingt als schön bezeichnen; Ну уж и талант. – Ach wo, als talentiert würde ich ihn nicht bezeichnen.

что твой: Голос – что твой Карузо. – Die Stimme ist so schön wie bei Karuso; Улыбка – что твой Шон Коннери. – Das Lächeln ist wie bei Sean Connery.

3.9 ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ, СТАВШИЕ НАРИЦАТЕЛЬНЫМИ

Многие приводимые здесь примеры – одновременно обозначения специфических реалий и переводить их следует примерно в том же ключе, что и последние, то есть поясняя, используя простую транслитерацию, заменяя гиперонимом, подыскивая некоторое семантическое подобие – в зависимости от ситуации и задач переводчика.

Для немецкого языка характерно вплетение имен собственных в сложные слова или сложные имена: *Funkenmariechen, Goldmarie, Hackepeter, Hans Tapp, Heulsuse, Liederjan, Pechmarie, Strickliesel, Struwwelpeter,*

Suppenkaspar, Zappelphilipp и проч. В русском в значительно большей степени, чем в немецком, распространены заимствования из литературных источников, а также типизация и обобщение, выражающиеся в формах множественного числа *(молчалины, чичиковы, шариковы)* или через аффиксацию *(ницшеанство, обломовщина, толстовство, фамусовщина)*. Для немецкого языка обобщение и типизация по типу *kafkaesk* – скорее, исключение. Доходит до парадоксов: в русском языке имеются *ницшеанство, штайнерианство,* а в немецком нет эквивалентов.

В ряду имен собственных, ставших нарицательными, встречаются случаи метонимического переноса наименования фирмы-производителя на класс предметов, причем не обязательно производимых только этой фирмой. Так, *Tempo* стали называть бумажные носовые платки *(Hast du einen Tempo dabei?)* – независимо от того, производятся ли они фирмой „Tempo“ или какой-либо иной. «Ксерокс» – это фирма, производящая копировальные автоматы; в русском языке словом *ксерокс* (краткая форма для *ксерокопия*) стали обозначаться изготовляемые на них копии и возникли глаголы *ксерокопировать, отксерить разг. (надо отксерить этот документ, надо сделать ксерокс)*. Тем же метонимическим путем – от имени основателя первой фирмы по производству плащей из прорезиненной ткани Чарльза Макинтоша – проникло в русский язык в свое время слово *макинтош,* которое современная молодежь уже вряд ли знает. Имена нарицательные *Guillotine – гильотина, Silhouette – силуэт, Zeppelin – цеппелин* произошли от имен авторов соответствующих изобретений.

Благодаря суффиксации русский язык способен создавать существительные, образованные от имен собственных, в более широком спектре, чем немецкий: *вольтерьянство, донкихотство, ницшеанство, ноздревщина, лысенковщина, обломовщина, пушкиниана, раблезианство, хлестаковщина*. В немецком имеются аналогичные по способу образования существительные и прилагательные от имен собственных – *Hegelianer, Neuhegelianismus, dantesk* или уже упомянутое *kafkaesk,* – но немецкий лексикон в этом аспекте количественно значительно уступает русскому. Это связано как с

меньшей функциональной нагрузкой аффиксации как словообразовательного средства, так и с меньшей общественной значимостью литературы и ее персонажей.

В русском языке широко используются такие имена собственные в роли нарицательных, как *Акакий Акакиевич, Беликов, Гобсек, Ионыч, Митрофанушка, Остап Бендер, Печорин, Плюшкин, подпоручик Киже, Салтычиха, Тартюф, Эллочка-людоедка.* С одной стороны, это меткие метафорические характеристики некоторых человеческих свойств или социальных явлений; с другой, эти существительные сигнализируют в речи определенную степень образованности человека, их употребляющего. Таким образом, они выполняют двойную функцию: совмещают в себе характеристики как того, к кому они относятся, так и того, кто их употребляет.

Несмотря на то, что они обозначают общечеловеческие, а не специфические российские явления (некоторые из них перешли в русский лексикон из переводной литературы), использовать их для переводов немецких текстов на русский язык не вполне безопасно, т. к. их происхождение, тесно связанное с культурой конкретного народа, живо ощутимо и воспринимается как сугубо этноспецифичное. И даже использование имен, пришедших в язык из других культур, может быть чревато ошибкой: например, в русском языке скупца можно назвать *Гобсек,* а в немецком это не принято. Если же все-таки использовать такое слово, как, например, *Шариков,* для перевода немецкого текста, в котором идет речь о грубияне и человеке низменных моральных качеств, получившем в силу обстоятельств власть над другими людьми, то можно привести в переводе имя *Шариков,* снабдив его смягчающими этноспецифичность перевода словами *в некотором роде, своего рода, эдакий, русские назвали бы его Шариков.*

Гофман и герои его произведений в России едва ли не популярнее, чем в Германии. Поэтому образ Крошки Цахеса, закрепившийся в последние годы в российской публицистике как метафорическое прозвище Путина, немецкому читателю вряд ли знаком. При переводе имеет смысл просто его опускать. Трактовка в устном переводе или комментарий в письменном в значительной мере отвлекают адреса-

та от восприятия основной информации. Поэтому целесообразность комментирования требуется каждый раз заново взвешивать. В текстах политического содержания комментарии типа «Крошка Цахес – литературный персонаж из одноименной повести Э.Т.А. Гофмана; для него характерно ...», скорее всего, неуместны, в отличие от комментариев в художественной литературе, где они как раз часто требуются.

В немецком тексте, посвященном теме ловли певчих птиц, встречается, например, следующее предложение: *Da legten Papagenos Brüder Ruten aus, die mit Pech bestrichen waren*. Кто такой Папагено, российские любители оперы наверняка знают. Опера – искусство интернациональное, и «Волшебная флейта» ставилась на русских сценах много раз. Но образ Папагено нельзя рассматривать как неотъемлемый элемент русского лексикона. Большинству носителей русского языка имя *Папагено* в данном контексте ничего не скажет. Поэтому лучше перевести это предложение, используя нейтральное выражение *птицелов*. Если же по каким-то причинам переводчику важно сохранить имя героя оперы Моцарта, то ему следовало бы дать в сноске или в скобках пояснение.

В немецких текстах довольно широко распространен образ сказочного героя *Rumpelstilzchen*, русскому читателю не слишком известного. Этим именем принято называть тип нарцисса, алхимика или просто сказочно-призрачный персонаж. Переводчику на русский, по-видимому, придется заменить это имя собственное соответствующим именем нарицательным в зависимости от конкретного употребления.

Некоторые имена собственные из сферы топонимов переходят на обозначения тех или иных учреждений по способу метонимического переноса. Чаще всего это происходит в целях эвфемизации, из-за нежелания называть явно функцию соответствующего учреждения. Такие топонимы в роли имен нарицательных носят локальный характер и могут быть непонятны даже носителям того же языка, проживающим в другой местности. Это характерно для обозначений инстанций и учреждений, расположенных по данному адресу или носящих имена тех или иных извест-

ных людей: *Бабушка попала на Пряжку* (психиатрическая больница по названию реки Пряжка, Санкт-Петербург); *Он провел два месяца в Кащенко* (психиатрическая больница имени Кащенко в Москве); *Ее направили на Березовую* (больница, специализирующаяся на профилактике и лечении раковых заболеваний, по названию улицы Березовая аллея в Санкт-Петербурге). Если фразы такого рода требуют перевода, то переводчику необходимо выяснить, о какой именно реалии идет речь, и использовать подходящий гипероним, например: *Anstalt, psychiatrische Klinik, Krebsforschungszentrum*. Не исключено, что для конкретных целей в переводе может понадобиться сохранение адреса или точного названия учреждения. В этом случае придется прибегнуть к комментарию.

Вот еще некоторые примеры использования имен собственных в роли нарицательных:

С немецкого на русский:

Hans Taps – бестолочь
Hans Wurst – пройдоха, Фальстаф, шут гороховый
schwarzer Peter – название детской карточной игры
Zappelphilipp – непоседа, тот, кто вертится *(на уроках)*

С русского на немецкий:

Аника-воин – schlechter Soldat, Feigling
достоевщина – wie bei Dostojewski, auf die Art von Dostojewski
маниловщина – Luftschlösser bauen, sich Träumereien hingeben
умная Маша – Dümmerchen, dummes Mädchen

3.10 ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА (ЛАСКАТЕЛЬНАЯ, УНИЧИЖИТЕЛЬНАЯ, БРАННАЯ) И ОБРАЩЕНИЯ

Можно с уверенностью утверждать, что слова, основным семантическим ядром которых является выражение эмоциональной оценки как таковой, не совпадают в языке-оригинале и языке перевода практически никогда. Они не «привязаны» к конкретным ситуациям и в одном и том же языке

приложимы к самому широкому кругу объектов. Кто такой *болван,* например? Это всякий, кто по каким-либо причинам в данный момент нам не угодил. Это слово настолько оторвалось от своего изначального исходного значения «глупец», что выступает в живой речи в качестве чистого знака отрицательно-раздраженной эмоции как таковой. Немецкое *Lümmel* – это тоже кто угодно, кто нам в настоящую минуту не нравится или вызывает у нас раздражение – *болван, дубина, козел, кретин, невежа, олух, осел.* Русские *оглоед* или *обормот* – это тоже слова, полностью лишенные концептуального содержания. Является ли какое-либо слово из сферы такого рода чистых оценок переводом другого – на этот вопрос нет однозначного ответа. Оно и перевод, и не перевод одновременно, в зависимости от того, способно ли оно точно передать соответствующую эмоцию в тексте оригинала. Вот еще примеры чисто негативно-оценочных слов: *придурок, троглодит, остолоп, Flasche, Lump, Lausbub, Schuft, Tunichtgut.* В них лишь слабым отблеском еще просвечивают семы глупости, лени или шулерства – те концептуальные семы, благодаря которым эти слова в языке когда-то возникли.

То же касается огромного числа слов ласкательных, коими русский язык изобилует. Немецкий в сфере ласкательной лексики значительно беднее. Но количественный аспект в чисто денотативном отношении не играет никакой роли, поскольку концептуальное значение и соотнесенность этих слов с конкретным объектом в значительной мере выхолощены, а выражаемые ими эмоции представлены в обоих языках в равной степени и приблизительно в равном количестве присутствуют в общественной жизни обоих народов. Неважно, что носители русского языка для обозначения близкого и дорогого человека пользуются, как уже говорилось выше, нескончаемым числом слов типа *зайчик, золотце, кисуля, красотуля, лапочка, мурзик, ненаглядный мой, прелесть моя, пусик, радость моя, рыбка, солнышко, счастье мое,* а в немецком для этой же цели используется сравнительно небольшой набор *Engel, Liebling, Maus, Mäuschen, Schatz(i), Schätzchen, Schnucki, Spatz, Süße(-r)* – эмоции, выражаемые этими рядами слов, идентичны или не иден-

тичны в обоих языках, поскольку в слова эти вкладываются похожие, но не равные друг другу и себе самим в других обстоятельствах чувства.

По сути дела, подобные слова – только пустые оболочки для весьма условной передачи тех или иных эмоций в зависимости от ситуации и состояния человека, их испытывающего. Концептуальное содержание этих слов близко к нулю. Спектры эмоций у носителей русского и немецкого языков совпадают. Поэтому так странно читать в лингвистической литературе утверждения о том, что русские ласковее немцев, потому что ласкательной лексики у них больше (см. 3.2). Все это дань стереотипам, не имеющим к реальности прямого отношения.

Большинство ласкательных слов может выступать в роли обращения. Не следует переводить ласковые обращения *чижик* как *Zeisiglein, рыбка* как *Fischchen,* а *солнышко* как *meine kleine Sonne,* так же как не стоит переводить ласковое обращение к ребенку *du kleine Maus* как *(моя маленькая) мышка,* обращение к возлюбленной *Spatz* как *воробышек,* а сердитое или шутливое обращение *du Bastard!* как *(эй) ты, бастард!* Слово *бастард* имеет в русском совсем другое значение и в роли обращения не употребляется. Русские не называют своих детей *мышками,* а любимых *воробышками.* Немцы же никого не называют *Fischchen.* Поскольку подобные обращения лишены концептуального содержания, они переводятся так, как принято обращаться к соответствующим людям в соответствующей языковой среде.

Это касается не только ласкательных слов в роли обращений, но и обращений в целом. В немецком, например, принято обращаться к приятелю или доброму знакомому *alter Freund.* По-русски в этом же контексте, скорее всего, скажут *старина, дружище,* но никак не **старый друг.* В годы советской власти в разговорном языке было распространено обращение *гражданин, гражданка,* а то и фамильярное *гражданочка.* В немецкой традиции никого *Bürger, Bürgerin* называть было не принято. В соответствующих контекстах обращение при переводе на немецкий стоило бы заменить на понятное немецкому читателю. Правда, немедленно пропадает колорит эпохи. Но он может быть восполнен иными

средствами при переводе других отрезков текста (так называемый прием компенсационного перевода).

Часто перевод обращения стоит просто опустить. Например, шутливое обращение к сорокалетней женщине – *Vorsicht, Stufe, junge Frau!* – на русский язык лучше не переводить, потому что *девушка* может быть воспринято как обида, а другими стилистически нейтральными средствами современный русский язык не располагает. Так же имеет смысл поступать с фольклорно-просторечными обращениями *батенька, матушка*. В романе «Евгений Онегин» Татьяна Ларина говорит своей няне: *Как недогадлива ты, няня*. По-немецки она сказала бы в подобной ситуации, скорее всего: *Wieso kannst das nicht begreifen?* Слова *Amme, Kindermädchen* не могут выступать как обращения. В немецких переводах обычно выпускается и устаревшее обращение в форме *-с* (от *сударь*), характеризующее речь слуг, низших чинов по отношению к высшим или сигнализирующее фамильярно-шутливый стиль: *Господа почивают-с. Вот они-с. Так точно-с!*

3.11 ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕРЕВОДЧИКА

Ложными друзьями принято называть лексемы, сходные в обоих языках из-за своей звуковой и графической формы, но имеющие разные значения; по крайней мере одно из значений в языке перевода не присутствует в исходном языке. Порой совпадение языка оригинала и языка перевода только кажущееся: так, *Akademiker* означает вовсе не то, что *академик*. Бывает, что одно из значений заимствования или интернационального слова совпадает в исходном языке и языке перевода, но в последнем имеются еще одно или несколько значений, которых нет в исходном языке, или наоборот – в исходном языке значений больше, чем в языке перевода. Например, *zitieren,* кроме *цитировать,* имеет еще одно значение, не представленное в русском: *вызывать (в суд, к начальству)*. *Spekulieren* пересекается со *спекулировать* лишь в одном из значений.

Такие ложные друзья общепризнанны, им посвящены специальные словари[149]. Мы обозначим их в этом разделе как традиционные.

Несколько менее традиционными ложными друзьями являются идиомы, формально имеющие параллели в языке перевода, но столь резко расходящиеся с ними по семантике, что такие случаи можно воспринимать как своего рода ловушки[150]. Например, идиома *ein weißer Rabe* формально соответствует русскому фразеологизму *белая ворона,* но по семантике настолько заметно с ним расходится, что одно выражение нельзя рассматривать как перевод другого. Русскому словосочетанию *белая ворона* соответствует по значению и употреблению немецкая идиома *ein schwarzes Schaf,* а немецкая идиома *ein weißer Rabe* переводится как *уникум, выдающаяся личность,* то есть она выражает положительную оценку (в отличие от русского выражения *белая ворона,* содержащего отрицательную оценку). Кроме семантического различия[151], имеется еще и расхождение в частотности: немецкая идиома *ein weißer Rabe* употребляется в речи значительно реже, чем выражения *ein schwarzes Schaf* и *белая ворона,* и знакома далеко не всем носителям языка. Немецкое фразеологическое выражение *mit der Tür ins Haus fallen* внешне очень напоминает русское *ломиться в открытую дверь,* но имеет совсем иное значение: «огорошивать кого-либо, не подготовить собеседника к какой-либо новости» – в то время как русская идиома означает «говорить очевидные вещи», «пытаться убедить собеседника в чем-либо, в чем он уже и без того убежден». Такие идиоматические ловушки для переводчика в словаре ложных друзей должны учитываться наряду с неидиоматическими лексемами.

Мы включили в категорию ложных друзей и случаи, когда слово выглядит как интернационализм и, следовательно, могло бы иметь в языке перевода аналогичное значение, но такового не обнаруживает. Полагаться на критерий «похоже на интернационализм», к сожалению, нельзя, и аналогии в этом вопросе опасны. Так, если *Konjunktur – конъюнктура, Zensur – цензура,* то *Abitur* – не **абитура,* а *экзамены на аттестат зрелости* или *аттестат зрелости.* Ср. также: *грандиозный – grandios, грациозный – graziös, курьезный – kurios,* но *одиозный* – не **odios,* а *ominös.*

Иногда в языке перевода используется в качестве эквивалента не интернационализм, а собственное, незаимствован-

ное слово или слово совсем иного происхождения *(лифт — Fahrstuhl, Aufzug; эскалатор — Rolltreppe).* Бывает и так, что в языке перевода имеется как интернационализм, так и незаимствованное слово, например, в немецком есть как *Instruktion,* так и *Anweisung,* но последнее употребляется значительно чаще, и переводчику с русского на немецкий полезно это знать. В случае существительного *шампанское* соответствие *Champagner* формально существует, но употреблять его нельзя по причинам юридическим: согласно праву, действующему в рамках Евросоюза, это слово обозначает исключительно сорт шампанского, который производится по особой технологии в провинции Шампань. Все остальные шампанские вина обозначаются по-немецки только как *Sekt.*

В специальном разделе этой книги отражены случаи несовпадения между интернационализмами: и русский, и немецкий язык используют для передачи одного и того же значения различные интернационализмы.

К ложным друзьям стоит причислить также трудности перевода, обусловленные невыводимостью и непредсказуемостью перевода производного слова из перевода родственного ему исходного. Так, если знать перевод слова *Mal — раз,* то можно предположить, что *einmalig — одноразовый, единоразовый* или *единичный,* а на самом деле слово это означает *уникальный.* Данная категория явственно пересекается с категорией трудностей перевода по внутренней форме[152].

Как ложного друга можно рассматривать и такое слово, которое в роли одной части речи переводится похожим на оригинал образом, а в роли другой части речи требует совсем иного перевода. Например, прилагательное *aktuell* обычно переводится как *актуальный,* а наречие *aktuell* (по крайней мере, в некоторых контекстах) — как *в настоящее время, ныне* (НРС этот вариант не предлагает). Ср.: *Aktuell werden neue Mitarbeiter eingestellt. — В настоящее время нанимают новых сотрудников* (хотя в других контекстах при переводе наречия употребляется как раз эквивалент *актуально: Das ist nicht mehr aktuell. — Это уже не актуально.*)

Заслуживают внимания и такие случаи, когда в русском в качестве перевода имеется практически прозрачное соответ-

ствие немецкому (или в немецком – русскому), однако употребление слова в конкретных текстах обнаруживает расхождение в значениях между исходным языком и языком перевода. Так, *polemisch – полемический*. Но немецкое прилагательное сочетается с одушевленными существительными или местоимениями, обозначающими лицо *(Dieser Schriftsteller ist manchmal polemisch; Er wird schnell polemisch.),* а по-русски охарактеризовать какого-либо человека с помощью прилагательного *полемический* нельзя, *полемическими* могут быть только *выступление, направленность, произведение, текст, тон.* Ни *писатель,* ни *друг,* ни *коллега* **полемическими* быть не могут, но они способны *впадать в полемический тон, вызывать на спор, высказывать спорные суждения, провоцировать собеседника.*

Подобные трудности наблюдаются не только в области интернационализмов. Скажем, слово *beispiellos* для носителя русского языка по внутренней форме прозрачно и переводится практически поморфемно: *беспримерный.* Однако *beispiellos* может сочетаться с существительными, обозначающими как нечто положительное, так и нечто отрицательное, а в русском *беспримерный* обладает только положительной коннотацией. Поэтому такое предложение, как *Die Lebensmittelgeschäfte liefern sich eine beispiellose Preisschlacht* перевести с использованием прилагательного *беспримерный* нельзя, а можно лишь прибегнуть к помощи иных прилагательных: *Продуктовые магазины затеяли беспрецедентную битву за понижение цен*[153].

Прилагательное *fabelhaft* означает *баснословный.* Казалось бы – и перевод точный, и образ, выступающий как способ представления значения, совпадает с оригиналом. Однако совпадение это поверхностное. Если *Das ist fabelhaft teuer* переводится как *Это баснословно дорого,* то *Er hat heute fabelhaft gespielt* нельзя перевести как *Он играл сегодня баснословно.* Здесь требуется подобрать другое слово для перевода – *великолепно, превосходно, замечательно.* Такие расхождения не позволяют считать слова *баснословный* и *fabelhaft* полными эквивалентами; поля их значений пересекаются лишь отчасти. Ограничения накладываются нормативностью словосочетаний: хотя *баснословный* и *замечательный*

можно считать синонимами, по своей сочетаемости они расходятся.

Еще один пример такого рода – немецкий глагол *fischen* в переносном значении. Есть контексты, в которых он переводится как *выуживать, вылавливать, вытаскивать,* и в этих переводах семантическая связь обозначаемого действия с рыбной ловлей в русском языке примерно такая же, как в немецком, так что значение этого немецкого глагола и его перевод, казалось бы, совершенно прозрачны. Но часто встречаются такие контексты, как *Er fischte in seiner Tasche nach einem sauberen Taschentuch, fand aber keins; Während er im Kleiderschrank nach ein Paar frischen Socken fischte, ...* – здесь уже нельзя перевести глагол *fischen* как *выуживать* или *вылавливать,* а придется прибегнуть к словосочетанию *(по-) рыться в поисках,* поскольку и *выуживать,* и *вылавливать* обозначают действие, осуществляемое с найденным до этого объектом, а в приведенных контекстах объект еще только ищут.

Немецкий глагол *schmelzen* в переносном (впрочем, как и в прямом) значении – *таять: Gewinne schmelzen – прибыли тают; Hoffnungen schmelzen – надежды тают.* Однако *Der Schrecken schmilzt* нельзя перевести как *Ужас тает.* Можно: *Ужас постепенно отступает; Страх улетучивается.* Вероятно, неправильно было бы предлагать глаголы *отступать, улетучиваться* как переводные эквиваленты *schmelzen* непосредственно в двуязычном словаре на лексемном уровне. Просто слово часто требуется переводить так, как это диктуется конкретным контекстным окружением в языке перевода. Такие случаи чрезвычайно распространены и хорошо известны каждому профессиональному переводчику.

Двуязычные словари в подобных ситуациях непоследовательны. Так, для *fabelhaft* НРС приводит все упомянутые здесь переводы (*баснословный, чудесный, замечательный* – через запятую). Для *schmelzen* НРС, помимо основного перевода *таять,* приводимого под цифрой 1, дает также под цифрой 2 переводы *убывать, уменьшаться, сокращаться* (синонимичные переводам *отступать, улетучиваться*). Но вот *(по)рыться в поисках чего-либо* для *fischen* мы в нем не находим вовсе.

Бывает и так: перевод формально совпадает с оригиналом по фонетическому оформлению, скажем, *Prolet – пролетарий,* но если русское слово эмоционально нейтрально, то немецкое пейоративно и в действительности соответствует русскому *люмпен.* (В НРС содержится указание: «презр. в устах буржуазии». В действительности слово *Prolet* в современной немецкой речи звучит презрительно в любых устах.) Для русского же *пролетарий* имеется нейтральный по стилистике немецкий эквивалент *Proletarier*. Немецкое слово *Revoluzzer* означает «профессиональный революционер» и окрашено иронически или презрительно, в отличие от нейтрального *Revolutionär*. К ложным друзьям, таким образом, можно причислить и паронимы: похожие по написанию или звучанию, но различающиеся по значению (как минимум, по стилистике) слова, которые легко спутать.

К этой же категории мы относим также слова немецкого происхождения, перешедшие в русский язык в эпоху, когда они бытовали в том же значении и в немецком, но современным немецким утрачены, например, *гауптвахта, парикмахер.*

В принципе, ложными друзьями можно было бы считать не только целые слова, но и корневые части сложных слов. Например, пара *Nische* и *ниша* в немецких и русских экономических текстах полностью совпадают по объему значения. А вот немецкие сложные слова, начинающиеся с *Nische-*, переводятся на русский без упоминания *ниши: Nischenartikel, Nischengeschäfte – маргинальные товары или сделки; товары или сделки, имеющие подчиненное значение.* Известно, что и в немецком, и в русском имеется слово *Radio,* поэтому логично было бы предположить, что *радиоспектакль* переводится как **Radioaufführung* или **Radiospiel.* Но не тут-то было: эквивалентом русского слова является существительное *Hörspiel.*

Кроме того, ничто не препятствует тому, чтобы рассматривать в качестве ложных друзей не только корневые морфемы, но и служебные. Перешедшие из латыни отрицательные приставки в русском и немецком часто совпадают, но есть и случаи расхождения, и их надо знать или иметь возможность обнаружить в словаре ложных друзей: *ин-/in- (ин-*

дифферентный – indifferent), ир-/ir- (иррациональный – irrational, ирреальный – irreal). Но уже *irregulär – нерегулярный* (а не **ирригулярный*), *illegal – нелегальный* (а не **иллегальный*), *illegitim – нелегитимный* (а не **иллегитимный*). Аналогичным образом обстоит дело с отрицательной приставкой *а-,* перешедшей в оба языка из греческого: *аморфный – amorph, аритмия – Arrhythmie, асоциальный – asozial,* но *алогичный – unlogisch, аморальный – unmoralisch*[154], *Analphabet – безграмотный*. Однако более подробно примеры такого рода в разделе о ложных друзьях настоящей книги не рассматриваются – из-за соображений объема.

Не нашли здесь отражения и случаи, когда в исходном языке и языке перевода одно и то же заимствование оформлено фонетически, а иногда и морфологически по-разному: *«орган – Or'gan* (смещение ударения), *пропагандировать – propagieren* (немецкое слово короче, причем не в словообразовательной части, а в корневой), *Sortiment – ассортимент*.

3.11.1 Традиционные ложные друзья

Приведем несколько примеров из современного немецкого и русского языка, иллюстрирующих реальную опасность сделать ошибку в процессе общения.

3.11.1.1 Ложные друзья с полным расхождением значений

degradieren – 1. понизить в должности 2. испортить, ухудшить *(например, химический состав чего-либо)*	**деградировать –** 1. verfallen, im Verfall begriffen sein: Литература деградирует. – Die Literatur ist im Verfall begriffen. 2. *перен.* verdummen, senil werden: Принеси мне что-нибудь почитать, а то я совсем деградирую. – Bring mir was zu lesen, sonst verdumme ich.
Dramaturg – завлит *(заведующий литературной частью)*	**драматург** – Schauspieldichter, Dramatiker
Familie – семья	**фамилия** – Name, Nachname

Instruktor – воспитатель, *(домашний)* учитель	**инструктор** – Trainer, Mentor, Leiter
intelligent – умный, способный, толковый	**интеллигентный** – kultiviert, gebildet, taktvoll, rücksichtsvoll, gut erzogen, fein
Kasus – случай	**казус** – ein komischer Zwischenfall, eine komische Angelegenheit
parieren – 1. отбивать *(атаку)* 2. слушаться	**парировать** – kontern
reklamieren – 1. вернуть бракованную вещь в магазин или производителю, потребовав возместить убытки; заявить рекламацию: das verlorene Päckchen bei der Post reklamieren – потребовать на почте отыскать пропавшую бандероль *(или вернуть за нее деньги)* 2. жаловаться: Das werden wir reklamieren müssen. – Мы будем жаловаться.	**рекламировать** – für etw. werben, für etw. Reklame machen
Spektakel – шум, гам, скандал	**спектакль** – Theateraufführung, Schauspiel
Tank – канистра, цистерна, бак	**танк** – Panzer
traktieren – плохо с кем-либо обращаться, мучить	**трактовать** – deuten, auslegen

3.11.1.2 Ложные друзья с частичным совпадением значений

Apogäum – *астр.* апогей	**апогей** – 1. *астр.* Apogäum 2. *перен.* Höhepunkt, großer Erfolg, Sternstunde
Grund – 1. грунт, почва, основа 2. причина, основание	**грунт** – Boden, Grund
komisch – 1. комичный, смешной: Was ist so komisch dabei? – Что в этом смешного? 2. странный: Das ist aber komisch. – Это странно.	**комичный** – komisch, ulkig, lustig, drollig

Lexikon – 1. энциклопедия, энциклопедический словарь, справочник 2. лексикон как словарный состав какого-либо языка или словарный запас человека	**лексикон** – Wortschatz einer Sprache oder Person, Lexikon
manuell – 1. ручной, вручную 2. *мед.* мануальный	**мануальный** *мед.*– manuell
Rang – 1. степень, ранг, уровень 2. звание (воинское) 3. ярус (в театре)	**ранг –** Rang
Tenor – 1. тенор 2. суть, основное содержание	**тенор –** Tenor

3.11.2 Исторические германизмы

Под историческими германизмами понимают немецкие по происхождению слова в русском языке, которых нет в современном немецком или которые употребляются нынче в другом значении или звучат в языке, из которого заимствованы, несколько иначе[155]:

С русского на немецкий:

бутерброд – belegtes Brot
вальдшнеп – Waldschnepfe
дуршлаг – Sieb
лобзик – Laubsäge
обшлаг – Aufschlag
парикмахер – Friseur
патронташ – Patronentasche
фрейлина – Hofdame
шлагбаум – Schranke, seltener Schlagbaum
шумовка – Schaumlöffel

3.11.3 Несимметричные интернационализмы

Здесь речь идет о таких случаях, когда интернационализм или явно заимствованное слово имеется в одном языке, но в другом используется для перевода незаимствованное сло-

во[156]. Фонетическое и морфологическое оформление слова в исходном языке как заимствованного, иностранного, располагает к тому, чтобы считать его интернационализмом, известным и используемым в языке перевода. Это предположение может привести к ошибке, а ошибка может превратиться в заимствование и стать неотъемлемой частью лексикона[157].

Сравним несколько примеров:

С немецкого на русский:

absolvieren – заканчивать *(учебное заведение)*
defensiv – осторожный, с оглядкой, уступчивый
deprimieren – угнетать, огорчать
Kondolenz – соболезнование
kontemplativ – созерцательный
obligatorisch – обязательный

С русского на немецкий:

диаметр – Durchmesser
конвейер – Fließband
кондиционер – Klimaanlage
пейзаж – Landschaft
ребус – Bilderrätsel
экипаж – Besatzung
экскаватор – Bagger
эпитафия – Grabspruch

В русском языке часто используются латинские наименования болезней. В немецком латинские названия используются врачами, но в бытовом языке они почти никогда не употребляются:

С русского на немецкий:

анорексия – Magersucht
аппендицит – Blinddarmentzündung
глаукома – grüner Star
инсульт – Schlaganfall
катаракта – grauer Star
радикулит – Hexenschuss
склероз – Verkalkung, Altersschwäche

3.11.4 Интернационализмы в аспекте частотности

В этом разделе мы приводим примеры случаев, когда один и тот же интернационализм имеется в обоих языках, но частотность его разная. Существенную роль в вопросе частотности играет эпоха, являющаяся фоном для переводимого текста, а также социальный слой, к которому принадлежит говорящий. Например, заимствованное из французского *сюжет* неравноценно немецкому *Sujet* по частотности и по сфере употребления: в повседневном разговоре носитель немецкого языка не употребит это слово, а скажет *Intrige* или *Inhalt,* хотя на уровне словаря слово *Sujet* известно. Оно употребительно в немецком литературном языке, а также используется литературоведами в языке профессиональном; для русского же человека слово *сюжет* не имеет оттенка научности или книжности и используется широко, в том числе в бытовом разговорном языке.

В списке примеров на первом месте в столбце перевода указывается более распространенный перевод, с пометой «реже»/„seltener“ – интернационализм. Вариант перевода через интернационализм следует рассматривать скорее как информацию, нежели как рекомендацию для активного использования в речи.

С немецкого на русский:

authentisch – естественный, натуральный, *реже* аутентичный
Definition – определение, *реже* дефиниция
identifizieren – опознавать, *реже* идентифицировать
positiv – положительный, *реже* позитивный

С русского на немецкий:

багаж – Gepäck, *seltener* Bagage *veraltet*
десерт – Nachtisch, *seltener* Dessert
конкурент – Wettbewerber, *seltener* Konkurrent
лифт – Aufzug, Fahrstuhl, *seltener* Lift
тенденциозный – voreingenommen, *seltener* tendenziös

При переводе полезно в целом помнить о том, что к интернационализмам необходимо относиться с осторожнос-

тью и взвешивать выбор каждого заимствования в контексте эпохи, о которой идет речь в тексте или на фоне которой текст возник. Так, если требуется перевести текст начала прошлого века, то не стоит использовать слова *интерпретировать* или *идентифицировать* – надежнее прибегнуть при переводе к более старым по происхождению *толковать* или, соответственно, *опознавать.*

3.11.5 Несовпадение интернационализмов

Нередко встречаются случаи, когда интернационализм имеется и в исходном языке, и в языке перевода, но это разные интернационализмы[158]. В частности, они ведут свое происхождение из разных языков. Например,

С немецкого на русский:

Büro – кабинет
Etui – футляр
Handy – мобильный телефон, мобильник *(слово по форме напоминает английское, но в английском его нет)*
Intensivstation – реанимация
Parkett – партер
Pensum – норма
synchronisieren – дублировать
Trampolin – батут
Tresor – сейф
Visage – физиономия

С русского на немецкий:

баллотироваться – kandidieren
декламировать – rezitieren
дотация – Subvention
идиосинкразия – Allergie, Aversion
клавиатура – Tastatur
конфуз – Blamage
лозунг – Parole
фуршет – Buffet
экономика – Wirtschaft

Некоторые названия профессий представлены в обоих языках интернационализмами, не совпадающими между собой, например:

С русского на немецкий:

невропатолог – Neurologe
рентгенолог – Radiologe
синоптик – Meteorologe

3.11.6 Расхождение в производных от интернационализмов

В этом разделе рассматриваются случаи, когда интернационализм имеет точное соответствие в языке перевода в виде аналогичного интернационализма, а производное от него или родственное ему не имеет[159].

С немецкого на русский:

Kandidat – кандидат	**kandidieren** – выдвигать свою кандидатуру, баллотироваться
Konfrontation – конфронтация	**konfrontieren** – сталкиваться
Monster – монстр	**monströs** – ужасный, кошмарный
Mysterium – мистерия	**mysteriös** – таинственный, загадочный
sakramental – сакраментальный	**Sakrament** – таинство
tolerant – толерантный	**tolerieren** – терпеть, допускать
Triumph – триумф	**triumphieren** – торжествовать

С русского на немецкий:

афера – Affäre	**аферист** – Schwindler, Hochstapler
деликатный – delikat	**деликатничать** – j-n mit Samthandschuhen, mit Glaceehandschuhen anfassen *idiom.*
категория – Kategorie	**категоричный** – autoritär, rechthaberisch
констатировать – konstatieren	**констатация** – Feststellung

оригинал – Original
публика – Publikum
эпизод – Episode
эстетика – Ästhetik

оригинальный – ursprünglich
публичный – öffentlich
эпизодически – ab und zu, sporadisch
эстет – Schöngeist

3.11.7 Паронимы

Два похожих по написанию или звучанию слова (паронимы) или выражения в языке оригинала легко перепутать. Их путают иногда в речи сами носители языка, вне ситуаций перевода: *кататься* и *катиться, händisch* и *handlich, scheinbar* и *anscheinend.*

Определения паронимов, приводимые лингвистическими словарями и справочниками, отчасти противоречат друг другу: «слова, которые вследствие сходства в звучании и частичного совпадения морфемного состава могут либо ошибочно, либо каламбурно использоваться в речи»[160]; «слова, близкие друг другу по звучанию, частичное совпадение внешней формы которых является случайным, то есть не обусловлено ни семантикой, ни словообразовательными процессами»[161]. Согласно одним источникам, это непременно однокоренные слова[162]; некоторые исследователи настаивают и на таком признаке, как ритмическое совпадение в словесном ударении[163]. Общее в этих определениях – сходство звучания при различии в значении. Но и это довольно размытый критерий для составителей словарей паронимов. Во-первых, многие паронимы как раз сходны по лексическому значению и различаются лишь стилистическими оттенками или сочетаемостью, например, *sensibel* и *sensitiv, schaden* и *beschädigen, тайный* и *таинственный*, *туристский* и *туристический, сходный* и *схожий*. Во-вторых, близость звучания или написания – критерий весьма неточный. Глаголы с разными приставками *(отплатить – уплатить – заплатить – приплатить)* некоторые лингвисты относят к паронимам, другие нет. Различные гласные в корне кажутся одному лексикографу достаточным критерием для рассмотрения пары слов в качестве паронимов

(например, *Prophet – Profit*), а другим вовсе не рассматриваются. Подбор паронимов во многом занятие чисто субъективное, основанное на вкусе и мнении конкретного лексикографа.

Чаще всего к паронимам все же относят слова, различающиеся суффиксами: *земной – земляной – землистый – земельный – земский*. Однако носители русского языка часто путают слова в парах *одевать* и *надевать, порезать* и *нарезать, пользовать* и *использовать, справный* и *исправный*, и такие случаи тоже имеет смысл относить к паронимам и обращать на них внимание в специальных паронимических словарях. Ошибки наблюдаются и в парах глаголов с одинаковыми корнями и приставками *о-* и *у-*: *оплатить – уплатить, осадить – усадить.* Причиной тому, видимо, чисто акустическая близость огубленных гласных. Путаются порой и слова с похожими корнями – *обуять* и *обуревать, листок* и *лепесток, сон* и *сонм, ореол* и *ареал,* поэтому стоит ли включать в определение паронимов критерий «однокоренные», вопрос спорный.

По неясным причинам в существующие словари русских паронимов не включаются пары «полная форма прилагательного – краткая форма прилагательного», если эти формы разошлись по семантике. Например, *сильный – силён, видный – виден* (частичное расхождение) или *правый – прав* (полное расхождение).

Неясно также, по каким причинам не включаются в паронимы цепочки родственных существительных типа *рубаха – рубашка – рубашонка* или *чашка – чашечка*: ведь слова в этих цепочках различаются не только формой, но и семантикой. С другой стороны, если начать включать в словарь русских паронимов все суффиксальные субстантивные словообразования, то словарь вырос бы до колоссального объема.

В аспекте перевода взгляд лексикографа на паронимию по сравнению с точкой зрения составителя словаря паронимов внутри одного языка, вне аспекта перевода, несколько меняется. Наш собственный переводческий опыт, а также наблюдения над ошибками немцев, изучающих русский, и русских, изучающих немецкий, приводят к тому, что список

паронимов по сравнению с одноязычными словарями в некоторых ситуациях расширяется, а в других сужается.

Например, немец, даже прилично владеющий русским языком, с легкостью может спутать однокоренные глаголы с разными приставками, вроде *польстить* и *обольстить*, чего, вероятно, носитель русского языка не сделает. А русский, возможно, спутает слова *fummeln* и *schummeln,* для немца паронимами не являющиеся. Кроме того, иногда можно перепутать не словарные формы разных слов, а грамматические образования от одного и того же слова, например, *глянь* и *глядь* – оба слова образованы от одного глагола *глядеть*. Если отвлечься от чисто словарных форм, то можно было бы отнести к паронимам и похожие идиомы, например, *auf die Beine bringen – auf die Beine stellen*. Пары же типа *абонемент* и *абонент*, *аффект* и *эффект*, для русских, возможно, паронимичные, в аспекте перевода интереса не представляют, потому что в немецком языке имеются зеркальные пары *Abonnement* и *Abonnent, Affekt* и *Effekt*. Может быть, и немцы могут спутать эти слова между собой, но для перевода это не имеет значения. Если бы пара *федеративный – федеральный* переводилась только как *föderativ – föderal*, то ее не стоило бы включать в переводной словарь паронимов, поскольку трудностей для перевода она бы не представляла. Но оба слова переводятся еще и как *Bundes*- (по крайней мере, этот перевод актуален для Германии), и это уже является для переводчика определенной трудностью. Поэтому случаи такого рода в двуязычном словаре паронимов должны фиксироваться.

Изредка паронимия в двух языках обнаруживает частеречный параллелизм, например, *шелковый – seiden,* а *шелковистый – seidig*. Но значительно чаще бывает так, что один из русских паронимов переводится на немецкий как часть сложного слова, а другой как прилагательное: *каменный – Stein- / каменистый – steinig*.

Основная трудность для переводчика состоит в том, что часть немецкого сложного слова иногда можно переводить с помощью обоих паронимов в зависимости от конкретной ситуации, как это имеет место в случае с *Bundes*-. Прилагательные *федеративный* и *федеральный* в употреблении следу-

ет различать: в разных сочетаниях требуется обычно или одно прилагательное, или другое. Первая часть сложного слова *Kritik-* может означать как *критический*, так и *критичный*, и в русском языке разница между этими паронимами существенна для смысла. Поэтому в принципе, правильно было бы включать в словарь паронимов как трудностей перевода первую часть сложного слова, например, сравнивать *Sekunden-* и *sekundär*, чтобы не лишать переводчика возможности познакомиться с большим количеством реальных немецких паронимов.

Часто трудно объяснить, какой пароним в каких случаях используется. Так, прилагательные *типографный* и *типографский*, *шутливый* и *шуточный*, *схожий* и *сходный* различаются семантически настолько незначительно, что в некоторых словосочетаниях можно заменить один пароним другим без ущерба для смысла; однако в других словосочетаниях каждое из этих прилагательных жестко закреплено за определенным окружением и использовать вместо него другое нельзя.

В русском языке имеются и такие пары, которые семантически полностью взаимозаменимы и в строгом смысле слова паронимами не являются; они сосуществуют, по-видимому, по причинам чисто синтаксическим: например, прилагательные *риторический — риторичный* различаются лишь тем, что *риторичный* можно употребить в краткой форме, которая удобна в качестве предикатива: *Этот вопрос риторичен*. Образование подобных форм в современном языке не прекращается: буквально на глазах возникла, например, пара прилагательных *рематический — рематичный*, элементы которой также различаются лишь способностью прилагательного с суффиксом *-н-* выступать в роли именной части составного именного сказуемого.

Опыт показывает, что нередко при переводе путают сложные слова, у которых фонетически и семантически одна часть полностью совпадает, а другая близка своей паре по значению, например, *двузначный — двусмысленный* или *однообразный — единообразный*. Такого рода пары следовало бы включать в словарь паронимов, хотя это расходится с общепринятой традицией. Впрочем, здесь трудно найти

границу: например, приходилось встречать случаи, когда путают глаголы *приглянуться* и *присмотреться* – но они так далеки от того, что подпадает под общепринятое определение паронимов, что от таких случаев приходится отказываться.

Еще одна трудность состоит в асимметрии паронимических пар (или цепочек) и в невыводимости одной пары паронимов из другой. Так, имеются *классовый – классный,* но нет пары *кассовый – *кассный*. Есть *потребительский – потребительный*, но нет *учительский – *учительный*. Паронимы – один из наиболее ярких примеров отсутствия симметрии в языке.

Составитель словаря паронимов неизбежно сталкивается со следующей проблемой: паронимичными оказываются иногда не начальные, а те или иные грамматически маркированные словоформы. Например, нередко путают формы глаголов в 3-м лице единственного числа: *образуется – образумится*. А неопределенные формы этих глаголов вряд ли можно причислить к паронимам, они не походят друг на друга: *образоваться – образумиться*. Или, скажем, в газетном тексте встретилось: кто-то *развел бурную деятельность* (вместо *развил*). А начальные формы *развивать* и *разводить* вовсе не паронимы. Лексикографу приходится принимать решение: включать ли в словарь неначальные формы слов или отказаться от части корпуса паронимов в пользу словарной традиции.

Причастия разумно включать в словарь паронимов лишь в тех случаях, когда они, сохраняя свою форму, функционально перешли в ранг прилагательных *(проникающее ранение)* или когда представляется важным специально указать в словаре на причастие, которое явно нельзя путать с похожим на него прилагательным *(лежачий – лежащий)*.

В словаре паронимов, состоящем из немецко-русской и из русско-немецкой частей, бросается в глаза асимметрия между немецким и русским словником. Она вполне объяснима, если вспомнить, что русский язык значительно шире пользуется аффиксацией как средством словообразования. Для немецкого основной источник новых слов – словосложение. Поскольку появление огромного числа паронимов

непосредственно связано с аффиксацией, то понятно, что русские примеры в двуязычном словаре паронимов численно преобладают.

Омонимы обычно к паронимам не относят и даже подчеркивают отличие этих групп друг от друга. Однако в чисто дидактических целях в отдельных случаях целесообразно нарушить и эту установку. Некоторые омонимы или значения одного слова в немецком языке формально различаются только грамматическим родом (например, *der Gehalt – содержание, содержимое / das Gehalt – зарплата, жалованье*). Их присутствие в двуязычном словаре паронимов желательно, поскольку артикль для русских представляет собой особую трудность: артиклей в русском языке нет, и они часто не попадают в фокус внимания при запоминании слов иностранного языка, что может привести к ошибкам при переводе или в коммуникации. Сказанное выше относится и к некоторым омофонам *(die Seite – сторона, бок, страница / die Saite – струна)*.

В русском языке обращают на себя внимание некоторые глаголы, у которых формы совершенного и несовершенного вида семантически настолько разошлись, что они требуют разного перевода: *недоговаривать – verheimlichen, verschweigen / недоговорить – nicht alles besprochen haben; порываться – drauf und dran sein, etw. zu tun / порваться – sich reißen.*

Важно обратить внимание переводчика и на случаи резкого изменения семантики глаголов с возвратной частицей *-ся* по сравнению с соответствующими глаголами без возвратной частицы: *выяснить – herausfinden / выясниться – sich herausstellen; жаловать – 1. mögen 2. kommen, besuchen 3. verleihen / жаловаться – sich beschweren, sich beklagen, klagen*. Закономерностей на уровне общих правил здесь нет, необходимо каждый случай рассматривать индивидуально. Примеры расхождений такого рода также целесообразно включить в двуязычный словарь паронимов.

Сформулированные выше принципы были частично реализованы в опубликованном в 2011 г. кратком словаре паронимов[164], состоящем из русско-немецкой и немецко-русской частей, а также в готовящейся к печати более полной версии двуязычного паронимического словаря.

3.11.8 Ложная подсказка по форме

Иногда значение слова совершает некий непредсказуемый (с точки зрения неискушенного носителя другого языка[165]) «прыжок» при смене части речи. Например, *заботиться о ком-либо – sich um j-n kümmern;* как же перевести прилагательное *kümmerlich?* Может быть, *заботливый?* Но правильный перевод оказывается на первый взгляд неожиданным – *жалкий, убогий,* то есть перед нами тот признак, который вызывает желание заботиться о ком-либо. (В немецком есть малоупотребительный и мало кому известный глагол *kümmern,* который означает *отставать в развитии, прозябать, чахнуть* – преимущественно о животных или растениях). Перевод непрозрачен, он не выводим из значений знакомых морфем, составляющих слово. Если немец, изучающий русский, знает просторечное слово *пособить – helfen* (немецкий перевод лишен просторечной окраски), то это еще не означает, что он правильно переведет существительное *пособник,* поскольку оно обладает резко отличными от соответствующего глагола коннотациями: оно означает не просто «помощник», а «помощник в каком-либо неблаговидном деле» и переводится не как *Helfer,* а как *Helfershelfer, Scherge, Handlanger.*

Ниже мы приводим еще некоторые примеры непрозрачного перевода, когда знание одного слова может сослужить плохую службу при попытке перевода другого слова, родственного первому. Кое-какие из приводимых ниже примеров можно было бы параллельно включить в раздел «Паронимы» – здесь неизбежным образом обнаруживаются пересечения. Данный раздел перекликается и с разделом, посвященным внутренней форме слова.

С немецкого на русский:

abdecken – покрывать, накрывать / **Abdecker** – живодер

aufmachen – открывать, раскрывать, отворять / **sich aufmachen** – наряжаться, разряжаться, наводить красоту *идиом., шутл.*, наводить марафет *идиом., разг., шутл.*

ausrechnen – высчитывать, вычислять / **ausgerechnet** – именно, как раз

ausrutschen – поскользнуться / **Ausrutscher** – неудачно выразился, не то хотел сказать, сорвалось с языка

Äußere(s) – внешность / **veräußern** – продавать

aussprechen – произносить, выговаривать / **ausgesprochen** – исключительно, чрезвычайно

Baum – дерево / **sich bäumen** – встать на дыбы

begehren – страстно стремиться к чему-либо, страстно желать, домогаться / **aufbegehren** – бунтовать, взбунтоваться, восставать

bequem – 1. удобный 2. ленивый, вальяжный / **sich bequemen** – 1. sich mit etw. bequemen – довольствоваться чем-либо, смириться, удовлетвориться: Er bequemte sich mit dieser Erklärung. – Он удовольствовался этим объяснением; Du wirst dich damit bequemen müssen, früh aufzustehen. – Придется тебе смириться с необходимостью рано встать. 2. удосужиться, собраться, соблаговолить: Er bequemte sich zu gehen. – Он собрался уходить; Endlich bequemte sich die Anwaltskammer dazu, ihn auszuschließen. – Наконец-то палата адвокатов удосужилась его исключить.

erbauen – 1. строить 2. *übertr.* укреплять дух / **Erbauung** – укрепление духа *(имеется связь только с переносным значением глагола „erbauen“, но не с прямым)*

erfolgreich – успешный *(дела его идут успешно, он успешный предприниматель)* / **erfolglos** – 1. неудачник, не имеет успеха *(но не «неуспешный» и не «безуспешный»)* 2. безуспешный *(не о человеке):* erfolglose Bemühungen – безуспешные попытки

fahren – ехать / **zusammenfahren** – вздрогнуть

fallen – падать / **auffallen** – бросаться в глаза, быть заметным / **einfallen** – приходить в голову, выдумывать

Gang – 1. ход 2. походка 3. проход, коридор / **Übergang** – переход / **Untergang** – закат, конец, закат *перен.*, падение *(но не «подземный переход»)*

Gedanke – мысль / **gedankenlos** – рассеянный *(но не «бездумный»)*

Geist – дух / **geistreich** – остроумный *(а не «духовный»)* / **geistlos** – 1. бездумный 2. серый *перен.*, бездарный 3. пресный *перен.*, неинтересный, плоский, неостроумный *(но не «бездуховный»)* / **geistesabwesend** – рассеянный, отрешенный

genießen – наслаждаться, получать удовольствие / **genießbar** – сносно, сойдет, съедобно *(„Ich genieße diesen Salat“ – это комплимент хозяйке, а „Der Salat ist genießbar“ – на это хозяйка может обидеться)*

Geschmack – вкус / **Beigeschmack** – привкус *перен.*, осадок *перен.*: Beigeschmack hinterlassen – оставить неприятный привкус, осадок *(слово „Beigeschmack“ связано с „schmecken“,*

„Geschmack“ только на уровне переносного значения; прямое «привкус», например, «горьковатый привкус», переводится как „bitterer Geschmack“, а не как „bitterer Beigeschmack“)

Gift – яд / **Mitgift** – приданое

Glück – счастье, везение, удача / **Unglück** – несчастье, авария *(но не «невезение»)*

haben – иметь / **Gehabe** – ухватки, повадки

Haus – дом / **hausieren** – 1. распространять товары, разнося их по домам 2. *übertr.* разносить новости, раззвонить о чем-либо на весь белый свет

Haut – кожа, шкура / **aus der Haut fahren** *idiom.* – выйти из себя *(а не «лезть из кожи вон»)*

heben – поднимать / **unterheben** – подмешивать, добавлять *(ингредиент в соус, тесто)*

Heim – дом / **heimlich** – тайный, секретный, тайком / **unheimlich** – жуткий, жутковатый, тягостный, зловещий, не по себе

hören – слышать / **hörig** – пребывающий во власти кого-либо, находящийся полностью под чьим-либо влиянием

ignorieren – игнорировать / **ignorant –** невежественный, серый *разг.*, недалекий

jubeln – ликовать, шумно праздновать / **unterjubeln** – подсунуть, всучить *разг.*

jung – молодой, юный / **in der jüngsten Zeit –** в недавнем времени / **das Jüngste Gericht** – Страшный Суд / **sich verjüngen** – сужаться *(например, о вазе, об улице)*

kratzen – царапать / **aufgekratzt** – веселый, оживленный, возбужденный

Kreide – мел / **ankreiden** – таить обиду, не простить

lachen – смеяться / **lächerlich** – нелепо, смешно *(в значении «нелепо», но не в значении «то, что веселит и вызывает смех»)*

lang – длинный, долгий / **lange** – давно / **langen** – 1. быть достаточным, хватать *(например, о деньгах)* 2. лезть *(например, в карман)*

laut – громкий / **vorlaut** – дерзкий

legen – класть / **reinlegen** – обмануть, надуть, нагреть

Muster – 1. образец 2. рисунок *(на ткани)* 3. пример *(для подражания)* 4. модель: Das passt ins Muster. – Это вписывается в общую картину. / **mustern** – 1. внимательно, оценивающе разглядывать, смерить взглядом 2. проверять годность к военной службе

nahe – близкий, неподалеку / **naheliegend –** понятный, напрашивающийся сам собой

Netz – сеть / **benetzen** – орошать, увлажнять, окроплять, обрызгивать, смачивать *(производное от „nass“)*

pennen – соснуть, прикорнуть, дремать / **Penner** – бомж, бродяга

schaukeln – качать, раскачивать, укачивать / **verschaukeln** – надувать, морочить голову

schlafen – спать / **überschlafen** – раздумывать *(прежде чем принять важное решение),* отложить принятие решения до следующего утра

schwer – трудный, тяжелый / **schwerlich** – едва ли

selbstverständlich – само собой разумеется / **Selbstverständnis** – самовосприятие

Sinn – 1. чувство 2. смысл / **Sinneswandel** – *(oder Sinnesänderung)* смена настроения *(а не «изменение смысла»)*

Spektakel – шум, гам, возня, скандал, ссора, сцена у фонтана *идиом.* / **spektakulär** – представительный, заслуживающий внимания, внушительный, сенсационный, грандиозный

spinnen – 1. ткать, прясть 2. выдумывать, говорить глупости / **Spinne** – паук

Stunde – 1. час 2. урок / **stunden** – отсрочить *(выплату долга)*

trösten – утешать / **getrost** – спокойно, со спокойной душой: mag sie getrost ... – пусть она себе ... ; Wenn einer nichts könne und Doktor werden wolle, solle er getrost an unsere Uni kommen. – Ежели кто ничего не смыслит, но хочет получить докторскую степень, тот пусть со спокойной душой приходит в наш университет.

übernachten – переночевать / **übernächtigt** – невыспавшийся *(а не «переночевавший»)*

um'gehen – обходить / **um'gehend** – срочно, незамедлительно

Verkehr – 1. транспорт 2. общение / **verkehren** – mit j-m verkehren – общаться, знаться с кем-либо, контактировать

verlieren – 1. терять 2. проигрывать / **Verlierer** – 1. проигравший 2. неудачник *(с глаголом „verlieren“ связано напрямую только первое значение)*

Vertrauen – доверие / **Selbstvertrauen** – самоуважение, положительная самооценка *(а не «доверие к себе»)*

wachsen – расти / **durch'wachsen** – так себе *идиом.*, ни то ни се *идиом.*, серединка наполовинку *идиом.*, ни богу свечка ни черту кочерга *идиом. (а не «проросший»)*

Wahl – выбор / **wählen** – выбирать, избирать / **wählerisch** – капризный, разборчивый / **gewählt** – изысканный *(а не «избранный»)*

wandern – путешествовать, бродить, ходить в походы / **unterwandern** – заниматься подрывной деятельностью, расшатывать, подрывать изнутри *(а не «бродить понизу»)*

waschen – 1. мыть 2. стирать / **waschecht** – подлинный

wegwerfen – отбрасывать, выбрасывать / **wegwerfend** – пренебрежительный: wegwerfend von j-m sprechen – пренебрежительно

говорить, отзываться о ком-либо; wegwerfende Handbewegung – пренебрежительный жест *(а не «отбрасывающий в сторону»)*

wissen – знать / **gewiss** – 1. конечно, наверняка 2. некоторый, определенный / **Gewissen** – совесть *(а не «уверенность» или «знание»)*

Wort – слово / **wortlos** – безмолвный *(а не «бессловесный»)*

Zweck – цель, назначение, смысл / **zwecklos** – бесполезный, напрасный, бессмысленный *(а не «бесцельный»)*

zwicken – щипать / **Zwicker** – пенсне *(а не «щипок»)*

С русского на немецкий:

алкать – lechzen / **алчный** – gierig *(und nicht „lechzend")*

афиша – Plakat / **афишировать** – zur Schau stellen, an die große Glocke hängen *(und nicht „plakatieren")*

бывать – sein, besuchen / **бывалый** – erfahren *(und nicht „gewesen")* / **небывалый** – ungewöhnlich, unerhört *(und nicht „etwas, was nie gewesen")*

видеть – sehen, schauen / **невиданный** – kolossal, riesig, enorm *(und nicht „ungesehen")*

вовремя – 1. pünktlich 2. rechtzeitig; zur richtigen Zeit / **невовремя** – 1. ungelegen, unpassend: Я невовремя? – Komme ich ungelegen? Passt es Ihnen? Störe ich gerade? 2. zeitlich falsch bemessen, zu spät, zu früh, verfrüht *(und nicht „unpünktlich")*

вредный – 1. ungesund, schädlich 2. bösartig, Bösewicht: вредный сосед – bösartiger Nachbar / **безвредный** – harmlos *(und nicht „gesund")*

вступать в силу – in Kraft treten / **входить в силу** – aufblühen, gedeihen, an Aufsehen gewinnen, boomen

говорить – sagen, sprechen / **поговаривать** – raunen, munkeln, ein Gerücht geht umher

далекий – weit / **недалекий** *перен.* – unklug, beschränkt *(und nicht „unweit")*

делать – tun, machen / **наделать** – anrichten, anstellen, ausfressen *(und nicht „fertigstellen")*

добреть – gutmütiger, barmherziger werden / **раздобреть** – zunehmen *(und nicht „gut werden")* / **задобрить** – sich bei j-m einschmeicheln *(und nicht „j-n gut machen")* / **сдобрить** – dazugeben, dazutun, hinzufügen *(und nicht „etw. besser machen")*

добрый – gut / **добротный** – solide, gute Arbeit, gute Qualität

думать – denken / **надуманный** – künstlich, gekünstelt, konstruiert, aus den Fingern gesogen *idiom.*, an den Ohren herbeigezogen *idiom. (und nicht „ausgedacht")*

живой – lebendig / **живучий** – überlebensfähig, zäh: Он оказался на удивление живуч. – Er war erstaunlich zäh. / **жизненный** –

lebensnah: жизненный пример – ein lebensnahes Beispiel / **безжизненный** – leblos: безжизненное тело – lebloser Körper / **полуживой** – halbtot

здоровье – Gesundheit / **нездоровье** – Krankheit, Unwohlsein, Unpässlichkeit *(und nicht „Ungesundheit“)*

играть – spielen / **игривый** – 1. verspielt: игривый котенок – verspieltes Kätzchen 2. leichtsinnig, kokett, frivol, vielversprechend: игривые взоры – kokette, vielversprechende Blicke, Schlafzimmerblicke *(und nicht „spielerisch“)*

избирать – wählen / **избирательный** *перен.* – selektiv *(und nicht „wählerisch“)*

интриговать – 1. интриговать против кого-либо – Intrigen spinnen, Ränke schmieden, intrigieren 2. neugierig machen: Он смотрит интригующе. – Sein Blick macht mich neugierig. / **заинтриговать** – neugierig machen *(bezieht sich nur auf die zweite Bedeutung «интриговать»)*

исключать – ausschließen / **исключительность** – etwas Besonderes: Он убежден в своей исключительности. – Er ist von sich eingenommen, von sich überzeugt; Er hält sich für etwas Besonderes.

испытывать – auf die Probe stellen, testen: Я тебя просто испытывал. – Ich habe dich auf die Probe gestellt; Das war ein Test; испытывать чье-либо терпение – j-s Geduld auf die *(harte)* Probe stellen / **испытанный** – bewährt *(und nicht „ausprobiert“)*

корень – Wurzel / **закоренелый** – notorisch, unverbesserlich, eingefleischt *(und nicht „verwurzelt“)*

легковес *спорт.* – Untergewicht, Leichtgewicht / **легковесный** – leichtfertig, verantwortungslos *(und nicht „leichtgewichtig“)*

медленно – langsam / **немедленно** – prompt, unverzüglich, umgehend, sofort

обижать – beleidigen, kränken / **безобидный** – harmlos

плакать – weinen / **плачевный** – kläglich *(ср.: плаксивый – weinerlich)*

поклон – 1. Verbeugung 2. Gruß / **поклонение** – Anbetung

продавать – verkaufen / **продажный** – käuflich *(und nicht „verkäuflich“)*

пустой – leer / **пустынный** – öde, wüst

путный – gescheit, brauchbar / **беспутный** – wüst, liederlich, zügellos

родители – Eltern / **родитель** *устар. или шутл.* – Vater *(und nicht „Elternteil“)*

ругаться – schimpfen / **надругаться** *книж.* – schänden, missbrauchen

сила – Kraft, Macht, Stärke, Gewalt / **силиться** – sich bemühen, sich Mühe geben, sich anstrengen, versuchen *(und nicht „Kraft anwenden“ oder „gewalttätig werden“)*

скромный – 1. bescheiden 2. zurückhaltend, zurückgezogen, still / **нескромный** – 1. frech 2. persönlich: Можно задать тебе нескромный вопрос? – Kann ich dir eine persönliche Frage stellen? *(und nicht „unbescheiden“)*

слава – Ruf, Ruhm / **ославить** – in Verruf bringen *(und nicht „berühmt machen“)*

смежить *устар., книж.* – zumachen (über Augen) / **смежный** – Neben-: смежное помещение – Nebenraum

смотреть – sehen, schauen / **несмотря на** – trotz / **смотря по** – je nach, je nachdem

старатель – Goldgräber / **старательный** – fleißig, eifrig

стеснять – einschränken, j-m Umstände machen, bereiten / **стесняться** – sich genieren; nicht wagen, etw. zu tun; schüchtern, scheu sein, Hemmungen haben *(und nicht „sich einschränken“)*

стих – Vers / **стихотворение** – Gedicht / **стихи** – Gedichte, Verse, Dichtung, Poesie

творить – schaffen, kreieren / **натворить** – anstellen, anrichten, ausfressen *(und nicht „erschaffen“)*

тенденция – Trend, Tendenz / **тенденциозный** – voreingenommen *(und nicht „tendenziös“)*

ткать – weben / **ткань** – Stoff

товарищ – Kumpel / **товарка** *устар.* – Freundin, gute Bekannte

трапеза – festliches Essen, Tafel / **затрапезный** – schäbig, schmutzig, verkommen *(und nicht „hinter der Tafel“)*

цена – Wert / **ценный** – wertvoll / **ценитель** – Kenner

шумный – 1. laut, geräuschvoll 2. *перен.* aufsehenerregend, spektakulär: шумный скандал – aufsehenerregender Skandal; шумный успех – Bombenerfolg / **нашумевший** – aufsehenerregend, spektakulär, hochspektakulär *(bezieht sich nur auf die zweite Bedeutung von «шумный»)*

эпизод – Episode, Fall, Vorfall / **эпизодический** – gelegentlich

3.11.9 Различие в частотности и сфере употребления

Иногда бывает так, что точный перевод имеется, но используется не с той частотностью, не в том контексте или вовсе не используется, то есть теоретически он возможен, но не принят. Случается и так, что в одном из языков какое-либо слово широко употребляется в идиоматических или

свободных словосочетаниях, в то время как его буквальный эквивалент в другом языке в соответствующих выражениях не употребляется. Причина такого явления кроется в традициях, в привычности, удобстве, распространенности, почти неограниченных возможностях сочетаемости, в легкости переноса и «растяжимости» лексических значений в рамках многозначности. Переводчик может попасть в затруднительную ситуацию не столько из-за лексики как таковой, сколько по причине закрепленности в иностранном языке (языке перевода) некоторых выражений, непривычных или непонятных для носителей исходного языка.

Например, состояние влюбленности в немецком часто передается выражением *Schmetterlinge im Bauch haben.* По частотности оно приближается к штампу. В русском образ бабочек, порхающих в животе, для описания аналогичного состояния не принят. Если перевести это выражение с немецкого на русский буквально, то оно окажется понятным, но непривычным. Вероятно, переводчику стоило бы в этом случае использовать более распространенные способы для описания соответствующих эмоций: *волноваться; похолодеть; сердце екает, падает, сжимается, бьется сильнее, чаще, готово выскочить из груди; трепетать*[166].

Как уже говорилось выше, русский язык легко и быстро впитывает в себя имена персонажей книг, сказок (причем не только русских авторов) – они превращаются в имена нарицательные *(госпожа Простакова, Дон Кихот, Иван-дурак, Лиса Патрикеевна, Михайло Потапыч);* многие цитаты из популярных фильмов и книг быстро переходят в лексикон и становятся крылатыми выражениями[167]. Неверно было бы утверждать, что немецкий не подвержен воздействию книжных или фольклорных источников *(des Pudels Kern, Dornröschenschlaf, graue Theorie, Gretchenfrage, Rumpelstilzchen),* но он в этом отношении значительно инертнее. Это обстоятельство имеет историческую подоплеку. Во-первых, фольклор после второй мировой войны стал в Германии исключительно непопулярен, поскольку ассоциировался с нацистским прошлым. Во-вторых, литература во все времена обладала для российского населения исключительной социальной значимостью. Литераторы традицион-

но считали себя просветителями и моралистами. Русские произведения девятнадцатого века не только повествуют — они поучают, определяют общественное мнение, объединяют или раскалывают общество. «Поэт в России больше, чем поэт» — эта цитата из Евтушенко точно отражает традиционно сложившуюся роль российского литератора в обществе. В советские времена литературы издавалось мало, за хорошими книгами стояли в очередях, книги было не достать, и каждый заслуживающий внимания новый роман был важным событием. Из-за цензурных препон художественные произведения часто не достигали читателей вовсе или достигали с большим опозданием, а каждая строчка, которую можно было трактовать как фрондерскую, с восторгом приветствовалась читательской массой, обсуждалась и запоминалась. Обсуждение книг объединяло и отчасти компенсировало униженное состояние несвободы и тотальной регламентированности. Общность цитат в Советской России служила сигналом общности взглядов и принадлежности к одной социальной группе, что в условиях тоталитарного режима и повсеместного наушничества было чрезвычайно важным условием социального существования. По цитатам узнавали «своих». Книжный же рынок Западной Германии, Австрии и Швейцарии был во все времена заполнен и столь разнообразен, что в населении редко наблюдалось единодушие в выборе круга чтения. Кроме того, в немецких школах нет отдельного предмета «литература», он включен в общую дисциплину «немецкий», и художественную литературу изучают на уроках эпизодически и бессистемно, причем программа по литературе не единообразна и выбор книг зависит от конкретного учителя. В русских школах на уроках литературы было принято учить тексты наизусть, причем не только стихотворения, но и прозу, а в послевоенных немецких школах заучивание текстов наизусть было непопулярно — считалось, что это не способствует развитию самостоятельного мышления. Наконец, в советские времена школьники читали много просто потому, что знания, почерпнутые из книг и журналов, были практически единственным объектом гордости и основным источником, подпитывающим дух состязательности и соперничества, столь распространенный

среди детей. Материально жили все, как правило, одинаково бедно, модную одежду их родителям купить было негде и не на что, возможности заниматься спортом и другими хобби были весьма ограниченными. Книжки же были доступны, особенно детские. Если их нельзя было купить, записывались в библиотеку.

Что касается кинематографа, то фильмов на Западе было много, хорошим режиссерам никто не мешал их снимать, поэтому публика ходила на самые разные фильмы. Вкусы, разумеется, не совпадали. Фильмы же в Советском Союзе были событием, их было мало, многие фильмы были «положены на полку» цензурой, то есть экранов так и не достигли. Поэтому доходившие до зрителя фильмы, в которых чувствовался хотя бы проблеск режиссерского таланта и были заняты хорошие актеры, живо обсуждались, цитировались, цитаты переходили в бытовой язык, а уж если в фильме имелся хотя бы намек на фрондерство, то это вызывало бесконечную благодарность истосковавшихся по свободе слова зрителей.

В результате значимость литературы и кино в общественной жизни России была чрезвычайно высока, и цитирование было принято, а язык постоянно обогащался образами, почерпнутыми из соответствующих источников. Доходит до парадоксов: так, в русском языке, наряду с выражением *умная Маша,* бытует синонимичная идиома *умная Эльза,* ведущая свое происхождение от одноименной сказки братьев Гримм „Die kluge Else“. В немецком эта идиома не употребляется, хотя образованным людям она знакома.

Слово *Пушкин* в переносном значении превратилось не просто в имя нарицательное, а во что-то вроде вопросительного или неопределенно-личного местоимения: *А работать Пушкин будет?* («А работать кто будет?»); *Пушкин виноват* («Кто-то другой виноват»).

Огромную роль для немецкого языка и немецкой речи играет политкорректность. Если для носителя русского языка слова *цыган*, *цыганский* не отягощены отрицательными коннотациями и даже используются в некоторых контекстах как похвала, знак восхищения *(цыганская удаль, цыганская страстность, цыганские очи, цыганский темперамент)*

или нейтрально как обозначение жанра *(цыганские романсы)*, расцветки, фасона *(цыганская юбка)*, то в немецком слово *Zigeuner* считается неприличным. Песни, исполняемые под гитару, называют (по крайней мере, официально) *Lieder der Sinti und Roma*. *Музей истории цыганского народа — Museum der Sinti und Roma*. В качестве атрибута к черным глазам или горячему темпераменту можно употребить прилагательное *südländisch*. Юбка будет, скорее всего, охарактеризована как *bunt und lang*. Правда, в меню ресторанов по-прежнему попадается такое блюдо, как *Zigeunerschnitzel,* а в магазинах все еще можно встретить *Zigeunerwürstchen* и *Zigeunersoße.*

Аналогична судьба слова *негритянский — Neger-*. Если русский воспринимает выражения *негритянская музыка, негритянские ритмы* как нейтральные, то для современного носителя немецкого языка *Negermusik, Negerrhythmen* — недопустимое нарушение политкорректности. Эти и подобные им слова вытеснены из языка. Если еще пятнадцать лет тому назад определенный сорт популярных пирожных официально назывался *Negerküsse* (а в некоторых регионах *Mohrenköpfe*), то нынче их старательно называют *Schaumküsse,* и по поводу этого переименования ведутся дискуссии в прессе и в интернете между сторонниками политкорректности и поборниками традиций. Невозможно представить себе ни немецкого выражения, созвучного русскому *работать, как негр на плантации,* ни аналога идиомы *чувствовать себя белым человеком*.

Под «национальностью» немцы понимают не этническое происхождение, как это делают русские, а гражданство. Поэтому в анкетах в графе „Nationalität“ требуется указывать свое гражданство, а название графы на русский нужно переводить как «Гражданство», а не как «Национальность». „Jüdisch“ для немцев — указание религиозной принадлежности. Поэтому еврей по этническому происхождению, но не по религиозным убеждениям поставит в анкетной графе „Religion“ прочерк, а в графе „Nationalität“, если это немецкий еврей, — „deutsch“.

Эти примеры призывают к осторожности при переводе контекстов, связанных с вопросами религии, национальности, происхождения, расовой принадлежности.

В немецкой прессе принято упоминать возраст того, о ком пишут, например: *Der Bundespräsident Köhler, 64, schlug vor …, Die dreißigjährige Schönheit behauptet …, Der verdiente Fußballtrainer, 52, will in den Ruhestand.* В немецком имеются даже существительные, образованные от обозначений возраста и активно используемые журналистами: *Mittdreißiger, Mittvierziger, Mittzwanziger*. В русской прессе указывать возраст не принято. Переводчику с немецкого на русский в данной ситуации приходится решать, придерживаться ли ему точности в ущерб традиции или стоит опустить упоминание возраста, отдавая дань привычкам русского читателя или слушателя.

Трудности подстерегают переводчика и в области мифологии. Казалось бы, в рамках европейской традиции культурное наследие не зависит от того, к какому народу принадлежат «наследники» и какой язык является для них родным: мифы Древней Греции и Древнего Рима или Ветхий Завет равно входят в сокровищницу культуры европейских народов. Однако легенды и мифы не всегда одинаково отражаются в языках: так, *дамоклов меч – Damoklesschwert, прокрустово ложе – Prokrustesbett, сизифов труд – Sisyphusarbeit* – в обоих языках в плане частотности и сфер употребления бытуют примерно на равных, но вот в немецкий язык, например, благодаря Ветхому Завету вошло слово *Hiobsbotschaft,* а в русском его мифологически окрашенного аналога нет, русские говорят в соответствующих ситуациях *страшная весть, роковая весть. Манна небесная – Manna vom Himmel* – упоминается в русском в составе идиомы: *ждать чего-либо как манны небесной,* и это выражение довольно частотно; в немецкую же идиоматику этот образ из Ветхого Завета не перешел, и немцы используют в аналогичных ситуациях глаголы *herbeisehnen, entgegenfiebern*. *Вакханалия* в русском языке – синоним для слов *оргия, разгул,* а в немецком имени нарицательного, которое было бы образовано от имени римского бога виноделия и имело бы значение, аналогичное русскому слову *вакханалия,* нет. Из выражения *Koloss auf tönernen Füßen* (полного соответствия русскому *колосс на глиняных ногах*) в немецком языке выделился образ *auf tönernen Füßen:* практически обо всем, у чего

шаткое положение и что вот-вот – в переносном смысле – может рухнуть (предприятие, проект, затея), по-немецки можно сказать *es steht auf tönernen Füßen;* в русском же в аналогичных ситуациях, если стремиться к сохранению образа, необходимо сравнивать что-либо находящееся под угрозой рухнуть именно с колоссом: *предприятие подобно колоссу на глиняных ногах* (в текстах высокого, книжного стиля) или же можно обходиться выражениями *вот-вот рухнет, шаткое положение* (нейтральный стиль) или прибегать к идиомам *держится на честном слове, держится на соплях* (в сниженно-разговорном стиле). В русском языке имеется идиома *танталовы муки*. Аналогичная идиома в немецком языке не используется. Если мы назовем немецкого врача в шутку *Äskulap,* то вряд ли нас поймут. Русские используют фразеологическое выражение *служить Маммоне,* то есть «быть скупым, жадным»; в форме этой идиомы сохраняется представление о том, что Маммона – бог или демон богатства; по-немецки существительное *Mammon* означает *деньги, сокровища* и употребляется в свободных словосочетаниях, например: *Er wollte den Mammon für sich behalten.*

Таким образом, механический перенос мифологического образа при переводе чреват ошибкой.

Так же ненадежна опора на мировую литературу и на мировую историю. Несмотря на то, что романы Гюго известны не только в России, но и во всем мире, имя *Квазимодо* в значении «безобразный человек» для немецкого языка непривычно, зато распространено имя *Frankenstein,* непопулярное в русском. Ханжу немцы *Тартюфом* не называют, хотя пьесы Мольера на сценах немецких театров ставятся нередко. Идиома *наполеоновские планы* в принципе переводится на немецкий язык буквально – *napoleonische Pläne* – но в этом виде практически неупотребима и многим немцам вовсе неизвестна; то же содержание носители немецкого языка значительно охотнее вкладывают в выражения *ehrgeizige Pläne, hochgesteckte Pläne*. Но вот идиоматическое словосочетание *потемкинские деревни,* связанное с русской историей, перешло из русского языка в немецкий – *Potemkinsche Dörfer* (или *potemkinsche Dörfer*) – и используется здесь в том же значении: как синоним слова *очковтирательство* –

Augenwischerei. Одинаково употребляется в обоих языках и идиома, восходящая к запискам Юлия Цезаря: *перейти через Рубикон – den Rubikon überschreiten.*

Нельзя полагаться и на совпадения в области суеверий. Некоторые выражения, действительно, совпадают, например, *трижды постучать по дереву – dreimal aufs Holz klopfen*. Перебегающая дорогу черная кошка или разбитое зеркало как предвестники бед тоже присутствуют в лексике обоих языков. Но в целом в русском языке формулы, отражающие суеверия, распространены шире, чем в немецком, и многие выражения переводить с русского на немецкий без дополнительных комментариев – занятие довольно бессмысленное.

Бывает так, что для некоторой лексемы в исходном языке и ее эквивалента в языке перевода расходятся сферы использования. Хотя в немецком языке имеется слово *Studienjahr,* а в русском – слово *семестр,* но немцы чаще говорят о студентах *Er (oder sie) ist im dritten (vierten etc.) Semester,* а русские – *Он (или она) учится на втором (третьем и т. д.) курсе*. Так принято. Сказать по-немецки *Er studiert im zweiten Studienjahr* допустимо, но такой способ формулировки для носителей немецкого языка непривычен. И наоборот: предложение *Она учится в четвертом семестре* будет расценено как германизм. А вот предложение *Она не может сдать сопромат вот уже четвертый семестр подряд* вполне нормативное[168].

Некоторые лексемы или их формы характерны только для пофессиональной сферы употребления в одном языке и для общего разговорного стиля в другом языке. Немецкому слову *Blüte* соответствует русское *цветок*, но и *Blume* – тоже *цветок*. Русское существительное многозначно: это и растение, и головка растения. Во множественном числе эти значения расходятся: существительное в значении «растение» образует множественное число *цветы*, а в значении «головка растения» – *цветки*. Таким образом, по крайней мере множественное число могло бы служить параллельным отражением немецкой пары. Однако это расхождение русских существительных во множественном числе типично только для профессионального языка ботаников. В быту и растения, и их

головки именуются во множественном числе одинаково *цветы*.

Не совпадает и узус употреблений названий некоторых частей тела. В русском языке слова *плечо* в значении «участок руки от локтя до плечевого сустава» и *предплечье* в значении «участок руки от кисти до локтя» можно встретить в учебниках анатомии, но в бытовом языке они не используются, в отличие от их немецких эквивалентов *Oberarm, Unterarm*. Поэтому фразу *Sie legte ihre nackten Unterarme um seinen Nacken* перевести как **Она обхватила его затылок голыми предплечьями* нельзя. В переводе придется проигнорировать тот факт, что речь идет лишь об определенном участке руки, и сформулировать фразу как *Она обхватила его затылок обнаженными до локтя руками*[169]. Да и такую физиологическую подробность, как *затылок,* при переводе стоило бы опустить и заменить словом *голова*. Словосочетание *грудная клетка* переводится на немецкий язык как *Brustkorb,* но, опять-таки, в бытовой речи, в отличие от его немецкого соответствия, обычно не употребляется. Предложение *Sie hämmerte mit ihren Fäusten gegen seinen Brustkorb („Der Spiegel“)* нельзя перевести как **Она молотила кулачками по его грудной клетке;* словосочетание *грудная клетка* ассоциируется для русских с анатомией, с визитом к врачу, но не с бытовой ситуацией рукоприкладства. В переводе требуется употребить слово *грудь* или вовсе опустить указание места, на которое приходились удары, – в конечном итоге, для передачи смысла важен лишь факт рукоприкладства. Эти пары соответствий являются примером полной эквивалентности только на уровне словаря и безусловных расхождений на уровне речи.

В немецких идиомах и сложных словах, обозначающих эмоции, довольно часто упоминаются объекты из области брюшной полости, в то время как в русском язык наименования этого анатомического ряда в идиоматике не распространены: *Das Kind fragt mich Löcher in den Bauch. – Ребенок мне уже сделал дырку в голове; Ребенок мне уже плешь проел своими вопросами; ein Bauchgefühl haben – интуитивно ощущать что-либо; etw. schlägt sich auf den Magen – что-либо действует на нервы, на психику; etw. sorgt für Bauchschmerzen –*

что-либо вызывает зубную боль, головную боль, от чего-либо становится не по себе; Ich habe Bauchweh beim Gedanken ... – Мне не по себе при мысли ... ; j-d hat ein flaues Gefühl im Magen – у кого-либо неприятное ощущение под ложечкой, у кого-либо колени подгибаются; Mein Bauch sagt mir ... – Интуиция мне подсказывает ... ; Schmetterlinge im Bauch – ощущение влюбленности. Выражения *sich gebauchkitzelt, sich gebauchpinselt fühlen* означают *чувствовать себя польщенным.*

Скопление идиом в немецком языке образовалось и вокруг слова *Mund;* в переводах на русский *рот, губы, уста* упоминаются, наоборот, крайне редко: *den großen Mund haben – быть дерзким, нахальным, наглым, дерзить; den Mund zu voll nehmen – наговорить лишнего, переборщить, бахвалиться, кого-либо заносит; in aller Munde – (об этом) все говорят, что-либо притча во языцех, только и разговоров что об этом; j-m den Mund verbieten – затыкать кому-либо рот, не дать сказать; j-m die Worte im Munde (her)umdrehen – вывернуть все наизнанку, неправильно понять, переиначить, неверно истолковать, исказить смысл сказанного; j-m nach dem Mund reden – потакать, подпевать; говорить (только) то, что другой хочет услышать; j-m über den Mund fahren – (грубо) кого-либо прервать, оборвать на полуслове; j-m Worte in den Mund legen – подсказывать; Mund und Nase aufsperren – слушать открыв рот, смотреть во все глаза, ловить каждое слово, поражаться, бояться пропустить слово; sich den Mund verbrennen – сморозить, ляпнуть что-либо (и тем себе навредить, нажить себе врагов); wie aus einem Mund – в унисон, одновременно (сказать что-либо).*

В русском наблюдается обилие устойчивых выражений, включающих слово *грешный*. В немецком они отсутствуют полностью, хотя у слова *грешный* имеется немецкий эквивалент *sündig*. В контексте же большинства выражений со словом *грешный* можно вести речь лишь об условном переводе (приблизительно передается тот смысл, который может стоять за соответствующим выражением в русском): *грешно тебе – du sollst dich schämen; грешным делом – übrigens, apropos; нам ли грешным ..., где уж мне грешному ...* (ироническое самоуни-

чижение) – *wir sind nicht imstande etw. zu tun, ich kann nicht mithalten, ich kann mich mit j-m nicht messen.*

В русской речи используется множество самых разных словосочетаний, включающих слово *беда,* которое в этих словосочетаниях очень слабо связано семантически с первоначальным значением слова *беда* как «несчастье», «горе». Скорее, мы имеем дело с выражением досады или проблемы как таковой, своего рода лексически выраженным вздохом. Словом *беда* принято обозначать трудности, заботы, волнения. При переводе на немецкий приходится изворачиваться и передавать общий смысл слова *беда: Беда мне просто с нашей плитой. – Mein Herd spinnt, macht Probleme, macht mir das Leben schwer; Беда не в том, что ... – Das Problem besteht nicht darin, dass … ; Большой беды не будет, если ... – Es wäre nicht verkehrt, wenn ... ; Вот ведь беда-то! – Das ist ein Hammer! Das ist aber schlimm!; Вся беда в том, что ... – Das Problem ist, dass … ; Die Sache ist die … ; За это денег не платят, вот беда. – Dafür kriegt man leider kein Geld; Dafür kriegt man kein Geld, das ist es; Nur kriegt man dafür kein Geld; Опять поправилась, прямо беда. – Ich habe schon wieder zugenommen, so ein Mist!; Прямо беда с этим ребенком. – Furchtbar, dieses Kind, dieser Satansbraten; Это беда многих родителей. – Damit sind viele Eltern konfrontiert.* В немецком наблюдается аналогичная тенденция: люди обозначают свои заботы, неполадки, досаду, сомнения, требующие решения задачи одним и тем же словом, а именно словом *Problem* (об этом мы уже писали выше, в разделе, посвященной двуязычным словарям). Русская речь слово *проблема* в аналогичных контекстах не то чтобы не привечает, но обнаруживает по отношению к нему известную сдержанность. Поэтому для переводчика с немецкого на русский стоило бы изыскивать альтернативные способы перевода слова *Problem,* коих имеется великое множество.

В речи русских часто встречается слово *творческий* в самых различных словосочетаниях: *творческая атмосфера, творческая встреча, творческая обстановка, творческие планы, творческие успехи, творческий вечер, творческий обмен.* Несмотря на то, что слово *творческий* принято переводить на словарном уровне как *schöpferisch, kreativ,* в перечислен-

ных словосочетаниях его так перевести нельзя: по-немецки так не говорят. Придется прибегать к различного рода приемам: *творческая встреча – Interview oder Show mit einem Schauspieler oder Schriftsteller; творческие планы – Zukunftspläne eines Schriftstellers, Dichters, Künstlers; творческие успехи – Erfolge bei der (kreativen) Arbeit (oder Tätigkeit); творческий вечер – Lesung, Vorstellung; творческая удача – ein glücklicher Einfall*. В том или ином контексте слово *творческий* можно вовсе выпустить при переводе без ущерба для содержания[170].

Русские охотно употребляют слово *патологический* в значении «исключительный», «чрезвычайный» и в сочетании с самыми разными характеристиками: *он патологически порядочен, патологически труслив, патологически честен, патологически щепетилен*. В немецком языке есть слово *pathologisch,* означающее «отклоняющийся от нормы», однако оно не обладает, как его русский эквивалент, еще и дополнительным переносным значением. Немцы скажут в подобных ситуациях *er ist durch und durch anständig, äußerst feige, durch und durch ehrlich, außerordentlich penibel.*

Слово *зарубежный* двуязычные словари переводят как *ausländisch, Auslands-*. Действительно, *зарубежные товары* можно перевести как *Auslandswaren,* а *зарубежная недвижимость – как Auslandsimmobilien*. Словосочетание *зарубежная музыка* в принципе можно перевести как *ausländische Musik,* но скорее на уровне обиходного языка. Вряд ли в университете обнаружится курс или семинар по *ausländische Musik* – это выглядело бы слишком «по-бытовому». В русском же языке слово *зарубежный* бытового оттенка в своем значении не несет. Кроме того, слово *зарубежный* используется значительно шире, чем его немецкие эквиваленты. *Зарубежная литература* по-немецки не *Auslandsliteratur,* а *Weltliteratur.* То же касается *зарубежной классики, зарубежной поэзии, зарубежной философии: зарубежный* требуется здесь переводить как *Welt-* или *europäisch,* в зависимости от того, культура каких именно стран является предметом изучения. *Зарубежные события* – это *Ereignisse im Ausland, Nachrichten aus dem Ausland. Зарубежная косметика* – не *Auslandskosmetik,* а *Kosmetik aus dem Ausland,* но подобные

словосочетания в немецком языке не приняты: обычно уточняют, какая именно косметика, из какой она страны – *italienisch, französisch, spanisch*. Это имеет исторические корни: для граждан России, в особенности во времена Советского Союза, все, что находилось вне пределов страны, было одинаково «зарубежным». Качество привозимых из-за границы товаров было заведомо выше отечественных вне зависимости от того, шла ли речь об Италии, Испании, Австрии или Швеции, и обобщалось эпитетами *зарубежный* или *импортный*.

Так же не принято в немецком обозначать что-либо (товар, производство, продукцию) термином *отечественный* – *vaterländisch,* хотя слово такое существует. Но в живой речи оно почти не употребляется. Чаще говорят *hergestellt im Inland* или просто *deutsch, heimisches Produkt, hergestellt in Deutschland, Ware aus Deutschland*. Иногда употребляется англицизм *made in Germany*[171].

Русский язык исключительно богат идиомами и устойчивыми выражениями, включающими слово *дело*. То обстоятельство, что идиомы в исходном языке и языке перевода часто не совпадают, тривиально. Но и в неидиоматических выражениях, а просто в устойчивых или свободных воспроизводимых словосочетаниях, в которых русский язык прибегает к слову *дело,* немецкий значительно скупее использует эквиваленты слова *дело – Sache, Geschäft, Angelegenheit*. Чаще в немецком употребляются местоимения *das, es, alles, was*. Ср. русские и немецкие соответствия: *говорить не по делу – drum herum reden, nicht auf den Punkt kommen; Дела идут прекрасно. – Alles läuft wunderbar; Alles läuft wie am Schnürchen; Дела обстоят следующим образом. – Es sieht folgendermaßen aus; Es steht um ... folgendermaßen; дело будущего – Zukunftsmusik; доказать на деле – mit Tat und Kraft beweisen; Мне дела нет до ... . – Was geht mich ... an?; Не в этом дело. – Das ist es nicht; Daran liegt es nicht; Ну и дела... – Na so was … ; отойти от дел – sich zurückziehen; отрывать от дел – ablenken, stören, dazwischenkommen; на деле (в действительности) – in Wirklichkeit; Тем дело и ограничивается. – Und damit hat sich's; Это не дело. – Das ist nicht gut; So geht das nicht.*

Огромное число русских идиом включают слова *душа, голова, рука, глаз, место, бог, слово*. Вот только некоторые примеры со словом *бог: Бог знает, что он несет! – Kein Mensch weiß, was er faselt!; богом обиженный – gehandicapt, meschugge, Pechvogel; видит бог – bei Gott; Дай бог чтобы он школу закончил. – Er soll nur mit der Schule fertig sein; Ich wünsche mir nur, dass er mit der Schule fertig wird; как бог на душу положит – wie es einem gerade einfällt, wie es einem gerade danach ist, ohne Sinn und Verstand; не бог весть что, не бог весть какой – nichts Besonderes, nichts Außergewöhnliches, nicht die Welt, durchschnittlich, nicht gerade umwerfend, etw. lässt zu wünschen übrig; от бога – begnadet; отдать богу душу – den Geist aufgeben, das Zeitliche segnen; почить в бозе – zum ewigen Frieden eingehen; Талантом его бог не обидел. – Das Talent wurde ihm in die Wiege gelegt; Das Talent ist ihm in den Schoß gefallen; убей меня бог – hol mich der Teufel; Я ничего этого не пережил, бог миловал. – Ich habe dies alles nicht erlebt, Gott sei Dank; Mit Gottes Hilfe blieb es mir erspart*. Лишь в некоторых отдельных случаях в немецком соответствии упоминается *Gott*.

Глаголы *ходить, идти* в русском языке употребляются в гораздо большем числе словосочетаний, чем *gehen* в том же значении в немецком. Например, русские говорят *автобус (поезд, корабль, трамвай) идет ...* – в немецком в подобных словосочетаниях возможен только глагол *fahren*, а не *gehen*. *Все идет в дело. – Alles findet Verwendung; Alles wird gebraucht; В этом году он пойдет в школу. – In diesem Jahr kommt er in die Schule (oder wird eingeschult); Идет дождь. – Es regnet; Идет снег. – Es schneit; идти на уступки – Zugeständnisse machen; Наша продукция хорошо идет на рынке. – Unser Produkt lässt sich gut vermarkten; Одежда, прическа тебе идет. – Die Kleidung, der Haarschnitt steht dir; Он ходит в школу. – Er besucht die Schule; Что идет по телевизору? – Was läuft im Fernsehen?; Шел 1925-й год. – Man schrieb das Jahr 1925; Это идет вразрез с моими планами. – Das passt nicht zu meinen Plänen.*

Любопытные результаты дает сравнение употребления числительных. В немецком почти нет выражений с эквивалентом идиомы *дважды два: просто, как дважды два; ясно,*

как дважды два. И примеры типа *дважды два четыре* как иллюстрации чего-то элементарного в риторике не используются. Зато есть *eins und eins zusammenrechnen – (быстро) сделать вывод, быстро сообразить, что к чему.* Со словами *три, третий, трижды* тоже несовпадения*: гнуться/сгибаться/согнуться в три погибели – sich (tief) bücken; на «три» с минусом / на «троечку» с минусом – mittelmäßig, nicht besonders (gut), nicht prickelnd: Концерт прошел на «три» с минусом. – Das Konzert war nicht (gerade) prickelnd; сгибаться перед кем-либо в три погибели – einen Bückling vor j-m machen; (со-)драть с кого-либо три шкуры – j-m die Haut abziehen; спускать/спустить с кого-либо три шкуры – j-m das Fell gerben*. Нет в немецком *интеллигентов в третьем поколении*. Аналогов выражениям *третьего дня, через третьи руки* тоже нет. Но встречается слово *drei* в таких, например, идиомах: *um drei Ecken erfahren – узнать что-либо, разведать что-либо обходными путями; der lachende Dritte* – о человеке, который в итоге останется в выигрыше от ссоры или конфликта двоих других, *ehe er bis drei zählen konnte – он и пикнуть не успел; das dauert ja ewig und drei Tage – конца этому не видно; dritte Zähne – вставная челюсть*. В немецком отсутствуют эквиваленты *трижды* в переводах выражений для *будь он трижды проклят, будь он трижды прав, мне трижды плевать*. Магическое число «33» *– тридцать лет и три года, тридцать три богатыря, тридцать три несчастья* – немцам не ведомо.

Иное дело магическое число *семь,* оно представлено как в русской, так и в немецкой идиоматике. Но в русском языке идиом вокруг этого числа больше: в немецком есть эквивалент для выражения *за семью печатями – hinter sieben Siegeln,* но нет идиом, аналогичных выражениям *до седьмого пота; не семи пядей во лбу; он уже спит и видит седьмой сон; семеро по лавкам; семь пятниц на неделе; семь раз отмерь, один раз отрежь; у семи нянек дитя без глазу*. Правда, *седьмая вода на киселе* – это *um sechs/sieben Ecken mit j-m verwandt sein*. И есть *seine Siebensachen (скарб, пожитки),* а также есть *Siebenschläfer* (животное *соня* или *день семи сонь* – из области народных примет, Bauernregeln).

В русском все измеряется десятками, в немецком дюжинами: *там было с десяток человек – es waren da um die Dutzend*

Leute. С понятием *чертова дюжина* немцы не знакомы. Но число «13» тоже считается несчастливым, и имеется выражение *Jetzt schlägt es dreizehn! – Ну все, хватит, терпение мое истощилось!* Совпадает с русским и выражение *Freitag, der dreizehnte* – день, когда только и жди неприятностей.

Рост человека по-немецки отображается несколько иначе, чем по-русски: слово *Meter* в немецком не упоминается. Ср.: *Er ist eins zweiundneunzig. – В нем метр девяносто два; Он метр девяносто два ростом.*

В сфере количественных сравнений между языками наблюдаются значительные расхождения. По-немецки о каком-либо явлении, поддающемся точному измерению в сравнении с другим явлением, можно сказать: *ein Fünftel, ein Zehntel etc. von etw. – в пять, в десять, в двадцать, в сорок раз меньше, дешевле, короче*. Но о характеристиках, не поддающихся измерению, так не говорят: чтобы выразить значения, отражаемые по-русски словосочетаниями *в пять раз легче, проще, тише, слабее* немцы говорят просто *wesentlich, um einiges – leichter, einfacher, leiser, schwächer*. Русские вообще охотно и с легкостью в ситуациях сравнения прибегают к числительным: *в сто раз краше, в двадцать раз беднее, в миллион раз удачливее, в десять раз интереснее*. В немецком по возрастающей шкале качеств тоже можно двигаться достаточно свободно: *zwanzigmal besser, hundertmal interessanter* и даже *tausendmal interessanter* сказать можно. И придумано специальное словечко *zigmal* – чтобы не уточнять: то есть *(во) много раз, множество раз*. Например: *Это намного важнее. – Das ist zigmal wichtiger; Я ему об этом уже множество раз говорил. – Ich habe es ihm schon zigmal gesagt.* Но по нисходящей числительные не употребляются: перевести на немецкий русские выражения *в десять раз беднее, глупее, хуже* аналогичным способом с включением в перевод числительного *zehn*- нельзя.

Излюбленное числительное в русском языке – *сто: в сто раз краше, дать сто очков вперед, мне что-либо сто лет в обед не надо, сто лет не виделись, ты сто раз прав*. В немецких эквивалентах *hundert* не упоминается, ср.: *du hast sicherlich recht, es kann mir erspart bleiben, ich kann es mir sparen, j-d oder etw. ist mit Abstand schöner, j-m voraus sein, wir haben*

uns ewig lang nicht mehr gesehen. Единственное исключение, пожалуй — *на все «сто» — zu hundert Prozent, hundertprozentig. «Миллион» — в миллион раз веселее, страшнее, хуже, чище* — в немецком не употребляется вовсе, даже по возрастающей шкале сравниваемых качеств. Зато в немецком имеется немало выражений со словом *Null (in Null Komma nichts – в два счета; null-acht-fünfzehn — средненький, посредственный, малоинтересный; null und nichtig — пустяковый, незначительный, ерунда, не о чем говорить; Stunde Null — начало новой эры).* Встречаются в немецких идиомах и другие числительные, например: *das kannst du an fünf Fingern zählen — что-либо или кого-либо можно пересчитать по пальцам; neunmalklug – наглый, нахальный, самодовольный; unter vier Augen — с глазу на глаз.* Полного (в смысле образности) соответствия идиоме *сделать поворот на сто восемьдесят градусов* в немецком нет, немцы говорят в таких ситуациях просто *drehen (der Trend hat gedreht), umschlagen (die Stimmung ist umgeschlagen).* О человеке, (физически) развернувшемся на сто восемьдесят градусов — *auf dem Absatz kehrtmachen.* Зато в немецком есть выражение *Das hat mich auf hundertachtzig gebracht. — Это меня взбесило, это вывело меня из себя.*

Имеются значительные различия в идиоматике, включающей названия животных. Так, слова *собака, собачий* далеко не всегда переводятся как *Hund, hündisch,* а качества, стоящие за прилагательным *собачий,* не совпадают с качествами, вкладываемыми в объем значений *hündisch.* Аналогичны такие качества, как преданность, верность *(hündische Ergebenheit, hündische Treue — собачья преданность),* да и то лишь отчасти: *hündischer Charakter* — это не *преданная натура,* но и не *собачий характер,* а *смиренная, верноподданническая натура.* Отрицательные значения («тяжелый», «неприятный»), вкладываемые русскими в такие определения, как *собачий холод, собачья жизнь, собачья работа,* принято передавать в немецком посредством корня *Sau- (Sauarbeit, saukalt, Sauleben).* Правда, и здесь обнаруживаются исключения: *собачья погода — Hundewetter; собачья работа — Hundearbeit.* Бранное *Вот собака!* стоит перевести с помощью уже упомянутого слова *Sau,* его синонима *Schwein* или

любого другого синонима из набора бранных слов: *So eine Sau! So ein Schwein! So ein Mistkerl!* А *собачий характер* – это, скорее всего, просто *schlechter Charakter*. Переносное значение слова *собака* «каждый, любой» *(меня там каждая собака знает, ни одна собака не поинтересуется чем-либо)* передается в немецком только соответствующим местоимением *(jeder, keiner, niemand)*. Любопытно, что в переводе выражения *устал, как собака* вновь неожиданно всплывает образ *Hund: hundemüde*. Но вот *голоден, как собака* – это *Bärenhunger, Heißhunger.*

Расходится и идиоматика со словом *Huhn – курица: как курица лапой – eine Klaue haben; j-d hat bald Hühner bald Eier – у кого-л. семь пятниц на неделе; wie ein aufgescheuchtes Huhn herumlaufen – носиться как угорелый.*

Ярким примером несовпадений между языками являются и лексико-семантические гнезда вокруг слова *Schwein* и его эквивалента *свинья* в русском. Это слово в немецком имеет как бранное переносное значение, совпадающее с русским же переносным (но, в отличие от русского существительного *свинья,* немецкие *Schwein* и его синоним *Sau* не только употребляются в значениях «неопрятный, грязный человек, неряха» или «подлец, негодяй», но и в виде первой части сложных прилагательных и наречий как эмоциональные усилители отрицательного качества: *saudumm, saukalt, saupeinlich, schweineteuer, schweinekalt*), так и значение *счастье, везение,* которого в русском языке нет. Хотя *Schwein* в значении «счастье» встречается только в идиоматическом выражении *Schwein haben,* на этом переносном значении основаны в немецкой традиции шутки и каламбуры, свинку изображают на поздравительных открытках, и возникающие благодаря этим дополнительным источникам ассоциации укрепляют в сознании носителей языка значение «счастье» как почти равноправное с другими переносное значение слова *Schwein*. Не исключено, что это значение связано (или ассоциировалось уже после возникновения идиомы) с традицией делать копилки в форме игрушечных свинок: они помогают копить деньги, а деньги способствуют благополучию[172]. В русской культуре тоже имеется традиция собирать деньги в копилки аналогичной формы и существует лексема

свинья-копилка, происхождение которой, по крайней мере по одному из источников, восходит не к немецкому, а к английскому языку: глиняная посуда в Англии в средние века называлась *pygg bank* или *piggy bank* (от *pygg* – глина), а именно в нее хозяева складывали сэкономленные деньги (возможно, и немецкая традиция имеет тот же источник). Однако образ свиньи или свинки в русской культуре со счастьем не ассоциируется. Есть и еще одно расхождение: по-немецки о человеке можно сказать *Er ist ein armes Schwein;* это выражение синонимично фразе *Er ist ein armer Teufel*. Обе идиомы выражают не презрение, а сочувствие: *Его можно пожалеть; Бедняге не повезло; Вот бедолага*.

Вообще о совпадениях и различиях употребления наименований животных в двух языках можно написать отдельную книгу.

Интересный материал для сравнения открывается в рамках темы «Время». Немцы иначе обозначают некоторые временные отрезки и моменты, чем русские. Например, наименования времени после двенадцати ночи в немецкой традиции включают слово *Morgen – утро: um ein Uhr morgens, um zwei Uhr morgens* (хотя допустимы и варианты *um ein Uhr nachts, um zwei Uhr nachts*) – в русской традиции принято обозначать те же временные пункты как *в час ночи, в два часа ночи*. Даже говорят еще *в три часа ночи,* и лишь с четырех начинается *утро: в четыре утра*. Отрезок времени до полудня в немецком именуется *Vormittag,* после полудня – *Nachmittag*. Есть и более дробные обозначения – *am frühen Vormittag, am späten Vormittag, am frühen Nachmittag, am späten Nachmittag*. Если какое-то событие ожидается в четверг через неделю, а сегодня среда, то говорят, что оно ожидается *morgen in einer Woche.* Если же оно произойдет через два четверга, то *morgen in zwei Wochen*. Если же какое-то событие произошло в прошлый вторник, то говорят *gestern vor einer Woche*. Если же оно имело место в прошлый четверг, то скажут *letzten Donnerstag, vorigen Donnerstag,* а вот **morgen vor einer Woche* сказать нельзя: отсчет времени ведется только или строго вперед, или строго назад, но не «зигзагом».

Слово *момент* в русском языке часто употребляется в значении *вопрос, проблема: меня интересует следующий момент;*

тут есть еще один важный момент. В немецком существительное *Moment* в этом значении не используется: *Mich interessiert noch Folgendes; Da wäre noch etwas.*

Сроки (например, срок командировки, срок погашения кредита) и возраст маленьких детей или домашних животных в немецком языке обычно исчисляются месяцами: *das Kind ist 17 Monate alt, für 6 Monate auf Reisen gehen, Geld bei der Bank für 6 Monate leihen, j-d wurde für 12 Monate nach Singapur geschickt*. В речи русских в тех же ситуациях значительно чаще фигурируют слова *год* или *полгода: ребенку год и пять месяцев, уехать путешествовать на полгода, взять в банке кредит на полгода, кого-либо послали на год в Сингапур*.

Для обозначения стремительности перемен или принятия решений в немецком языке имеются выражения *von einer Stunde auf die andere, von heute auf morgen*. По-русски аналогичная скоропалительность обозначается иными способами: *вдруг, в одночасье, неожиданно, ни с того ни с сего*. Иногда можно встретить выражение *за одну ночь*.

Богатый материал для сопоставления двух языков предоставляет также лексика вокруг семы звучания (*галдеть, голосить, журчать, звенеть, трещать, шуметь, klingeln, lärmen, lauten, plätschern, schmettern*[173]), обозначения разного рода эмоций *(маяться, скучать, томиться, тосковать, Heimweh haben, schmachten, sich sehnen)*, глаголы ментальной семантики *(вынашивать, догадываться, замечать, запоминать, обдумывать, понимать, предполагать, прикидывать, ahnen, brüten, denken, grübeln, meinen, merken, sich überlegen)* и многие другие синонимические ряды.

Глагол *kommen* в немецком используется несравненно чаще, чем его наиболее не зависимое от контекста соответствие *приходить* в русском. Ср.: *Ach komm! – Да брось ты!; auf dumme Gedanken kommen – у кого-либо (одни) глупости в голове; aus der Mode kommen – выйти из моды; Danach kommt ein sehr interessantes Kapitel. – Далее следует очень интересная глава ... ; Darauf kommen wir noch zu sprechen. – Об этом мы еще поговорим; Das kommt dir teuer zu stehen. – Это тебе дорого обойдется; Das kommt höchst ungelegen. – Это исключительно/чрезвычайно некстати; Er kam nicht zum*

Schreiben. – Писать ему не удавалось (или, возможно: *Написать что бы то ни было ему так и не удалось*); *Er kommt im Herbst in die Schule. – Он осенью идет (пойдет) в школу; Es kam zum Streit. – (Дело) дошло до ссоры; Es herrscht ein lebhaftes Kommen und Gehen. – Царит большое оживление, двери не закрываются; Es kommt daher, dass ... . – Дело в том, что ... ; Es kommt nicht in Frage. – Не о чем говорить; Это не обсуждается; Es kommt noch besser. – Дальше будет еще интереснее; Es kommt, wie es kommt. – Все идет как идет; Все будет как будет; Что будет, то и будет; Будь что будет; Ich bin seit zwei Tagen nicht aus den Kleidern gekommen. – Я два дня не переодевался; Ich käme nie auf so etwas. – Мне бы никогда не пришло это в голову; Ich komme nicht mehr auf seinen Namen. – Не могу припомнить его имени; Ich komme zu nichts. – Я ничего не успеваю; in den kommenden drei Jahren – в ближайшие/грядущие три года; Komm mir ja nicht mit Ratschlägen. – Оставь меня в покое со своими советами; Sie scheint mit diesem Talent auf die Welt gekommen zu sein. – Такое впечатление, что она с этим талантом появилась на свет / родилась на свет Божий; So kommen Sie nicht auf die Lindenstraße. – Так Вы не попадете на Линденштрассе; So kommen wir nicht weiter. – Так дело не пойдет; Warum hat der Gott so viel Leid über sie kommen lassen? – Почему Бог наслал на нее столько страданий? Почему Бог заставил ее столько страдать?; Wenn ich gewusst hätte, dass es so kommt, ... – Если бы я знал, что так получится, ...* (также *... что так сложится, ...*); *wie es kommt – как получится; Wie kamen wir auf dieses Thema zu sprechen? – Как мы вышли на эту тему?; Wie kommen deine Fingerabdrücke auf die Mordwaffe? – Как твои отпечатки пальцев оказались на орудии убийства?; Wie kommst du darauf? – Как тебе такое в голову пришло? Как тебе такое в голову взбрело?; Wie kommt denn das? – Это еще что (такое)? Как это получилось? Как это могло случиться?; Wie kommt es, dass du es noch nicht weißt? – Как получилось (как может быть), что ты этого еще не знаешь?; Zu einem offenen Kampf würde er es nie kommen lassen. – До открытой борьбы дело бы не дошло; На открытую борьбу он бы не решился/не отважился.*

Невероятно популярен в немецком глагол (слабого спряжения) *schaffen*. На русский он переводится всякий раз поразному, ср.: *das Problem aus der Welt schaffen – решить проблему; Das schaffe ich nie im Leben! – У меня никогда это не получится; Я ни в жизнь с этим не справлюсь; Den Bus habe ich doch noch geschafft. – Я все-таки успел на автобус; die Möbel aus dem Haus schaffen – унести, вынести мебель из дома; die Schule gerade noch geschafft haben – с трудом осилить школу; Ich bin so geschafft! – Я так устал!; Ich habe es immer noch nicht geschafft, ihr zu schreiben. – Я до сих пор ей так и не написал; Я до сих пор не удосужился/не сподобился ей написать; Ich muss heute etwas länger schaffen. – Мне сегодня придется подольше поработать; j-m zu schaffen machen – заботить, беспокоить кого-либо; Schaffen wir heute noch den nächsten Besuch? – Получится ли у нас сегодня еще один визит?*

Не менее распространен в немецком глагол *machen*. Русский глагол *(с)делать* не может состязаться с ним в популярности; в русском не принято *делать* все то, что *man macht* в немецком, ср.: *Damit macht man sich keine Freunde. – Тебя за это не полюбят / по головке не погладят; das Beste daraus machen – сделать все, что (воз)можно (в данной ситуации); das Bett machen – постелить постель; Das macht mich krank. – Я прямо заболеваю от подобных вещей; Das macht nichts. – Это ничего; Это не страшно; Das machte ihn wütend. – Это повергло его в ярость; den Anfang machen – начинать; Die Hitze macht müde. – Жара утомляет; Du machst heute den Babysitter. – Ты сегодня посидишь с ребенком (или с детьми); Du machst es dir zu einfach. – Это не так просто; Du machst es mir nicht leicht. – Ты мне не облегчаешь жизнь; Ты усложняешь мне жизнь; Du sollst dich selbst nicht fertig machen. – Пощади/пожалей себя; Не надрывайся так; Не доводи себя; Er macht sich schwer mit seinen Mitmenschen. – Ему трудно/тяжело с его окружением; Er will sich nur wichtig machen. – Он важничает/задается; Es wird den Schülern zu leicht gemacht. – Ученикам слишком облегчают жизнь; Fahnen machen noch keinen Patriotismus. – Размахивать флагами – это еще не патриотизм; Gut gemacht! – Прекрасно!; Hör auf, dich lächerlich zu machen! – Перестань людей смешить! Не смеши людей!; Ich will es ganz kurz machen. – Буду краток; j-d macht*

gern Späßchen – шутник; j-m Mut machen – ободрить кого-либо; j-m zu schaffen machen: Die Krankheit seiner Schwester machte ihm sehr zu schaffen. – Болезнь сестры его очень беспокоила; keine Gefangenen machen – пленных не брать; Konversation machen – беседовать; j-m Kummer machen – огорчать кого-л.; Laune machen – поднимать настроение; Lärm machen – шуметь; Liebe machen – заниматься любовью; mach dass du ... – потрудись ... : Mach dass du verschwindest! – Исчезни!; Mach dir nichts draus. – Не придавай этому значения, Не обращай внимания; Mit diesen Begriffen machen wir es uns zu einfach. – Бросаться подобными словами – это еще не решение проблемы; Musik machen – играть (на музыкальном инструменте); Politikern muss man es einfach machen. – Политики в тонкостях не разбираются; Для политиков надо все раскладывать по полочкам; Schluss machen – закончить, разорвать отношения; sich auf den Weg machen – отправиться в путь; sich auf die Socken machen – собраться уходить: Es wird langsam Zeit, dass wir uns auf die Socken machen. – Нам пора; Пора нам восвояси; Пора и честь знать; sich machen – проявлять себя: Wie macht sie sich im Musikunterricht? – Ну как ее музыкальные успехи?; Sie machen wohl Witze! – Шутить изволите!; Sport machen – заниматься спортом; Urlaub machen – проводить отпуск; Was macht das schon? – Ну и что (с того)? Подумаешь!

Вот еще некоторые примеры несовпадений:

Открыть Америку – Entdeckung von Amerika. Этот исторический факт мировой истории русский язык усвоил, в частности, в качестве идиомы со значением «сообщить что-либо новое» *(я не открою Америку, если скажу, что ... ; тоже мне, Америку открыл!)*. В немецком это выражение не перешло в разряд идиоматики. Нельзя сказать **ich werde wohl Amerika nicht entdecken, indem ich sage, dass ...* – немецкий не знаком с этим образом в переносном значении; можно сказать в аналогичной ситуации *ich werde wohl kein Rad erfinden, wenn ich sage, dass ... .*

Argusaugen – внимательный, пристальный, настороженный взгляд. В русском культурном пространстве образ Аргуса известен, и *глазами Аргуса* сказать теоретически можно, но это не принято и прозвучит при переводе странно. А для немецкого языка это расхожее выражение.

Authentisch – естественный, натуральный, реже **аутентичный**: *eine authentische Haltung – держаться естественно, натурально; Ich versuche, in jeder Situation authentisch zu bleiben. – Я стараюсь в каждой ситуации оставаться самим собой; authentische Nachricht – достоверная новость, новость из первых рук.* В речи русских *аутентичный* используется значительно реже, чем *authentisch* в речи немцев.

Немецкое **Baby** (заимствование из английского) соответствует русскому **младенец**, но немецкое слово употребляется чаще и шире, чем русский эквивалент: *Sie kriegt bald ein Baby. – У нее скоро будет ребенок* (а не *младенец*); *Ihr Baby hat schon die ersten Zähne. – У их ребенка уже вылезли первые зубки.* Слово *младенец* слегка устарело, оно коннотативно окрашено. Его можно употребить иронично, шутливо, ласково, пренебрежительно – во всяком случае, оно стилистически не нейтрально. *Kind – ребенок,* но русские употребляют слово *ребенок* шире и чаще; немцы перестают обозначать детей словом *ребенок* примерно в переходном возрасте – после 15-ти ребенок уже *Jugendlicher, Teenager, Teen, Teenie* (хотя на множественное число это правило не распространяется: говорят по-прежнему *meine Kinder* о собственных детях любого возраста). Во всяком случае, немец никогда не скажет *Jetzt kommt mein Kind* о ребенке, если ему больше 16-ти. Он скажет *mein Sohn, meine Tochter* или назовет его или ее по имени. У русских такого ограничения нет. *Скоро должен прийти наш ребенок; У ребенка неприятности; Надо ребенка накормить* можно, хотя и шутливо, сказать и о великовозрастном юноше или о взрослой девушке.

Begehren – желать, страстно желать, **жаждать** *перен.*, **испытывать (сильное) влечение, вожделеть, домогаться.** Русские эквиваленты иногда можно безбоязненно использовать при переводе (*Du sollst nicht begehren Deines Nächsten Weib. – Не возжелай жены ближнего своего* – перевод корректен), но немецкие *begehren, begehrt* в контексте любовных объяснений употребляются значительно шире и чаще, чем русские *желать, вожделеть, домогаться,* и по своей семантике нейтральнее и «пристойнее». *Вожделеть* и *домогаться* обнаруживают выраженно отрицательную коннотацию: в семантике *вожделеть* присутствует некоторое «животное» начало, когда человек теряет над собой контроль, страсть его захватывает и притупляет сознание; в семантике *домогаться* присутствует назойливость, почти насилие. Да и *желать, хотеть* в любовной записке или письме неупотребительно, никто не напишет любимой женщине *я тебя желаю* или *я хочу тебя.* Между тем для немецкого письма или устного объяснения

в любви выражение *Ich begehre dich* не выглядит как нечто непристойное. Строка письма вполне может быть сформулирована как: *Ich begehre Dich und verehre Dich, ich bin Dir völlig verfallen*. Переводчику придется подумать, как обойти эту щекотливую ситуацию. Скажем, можно заменить *желаю* на *обожаю, боготворю, не могу без тебя жить*. Формулировка *Меня неудержимо влечет к тебе* тоже вполне пристойна.

Danke der Nachfrage! / Danke für die Nachfrage! Такова формула вежливости в ответе на вопрос о здоровье, о самочувствии собеседника или его близких родственников. Русские в таких случаях просто отвечают: *Хорошо, спасибо!* (или *Спасибо, так себе, не очень*), т. е. благодарят за внимание, но не специальной коммуникативной формулой, а одним словом *спасибо*, обычно включаемым в ответ на вопрос о здоровье.

Fatal в немецком значительно популярнее на уровне повседневного разговорного языка, чем **фатальный** в русском. *Das wäre fatal; Als Instrument zur Haushaltssanierung ist die Erhöhung der Mehrwertsteuer fatal; Süßigkeiten essen ist fatal für die Figur und für die Zähne*. В подобных контекстах стоит переводить *fatal* на русский как *катастрофа, беда, чревато последствиями*.

Gerädert: **Ich fühle mich wie gerädert. – Я чувствую себя так, как будто по мне телега проехала; Я чувствую себя раздавленным.** Дословный перевод **как будто меня колесовали,* хоть и понятен для русского, в подобном контексте неупотребителен.

Grotesk в немецком употребляется значительно чаще, чем его эквивалент **гротескный** в русском. *Гротескный* ограничено профессиональным языком литературоведов или может выступать как признак речи образованного человека. *Grotesk* используется в немецком на уровне бытового языка. На русский это слово в разговорных повседневных контекстах, скорее всего, можно перевести как *нелепый, нелепость: Es war grotesk, dass er im Nebenzimmer war und ich ihn trotzdem nicht sehen konnte. – То обстоятельство, что он находился в соседней комнате, но я его при этом не мог увидеть/повидать, было полнейшей нелепостью.*

Ich bin reich wie ein Krösus. – Я богат как Крез. Сказать так по-русски можно, но сравнение с Крезом в контексте богатства по популярности значительно уступает немецкому эквиваленту и обычно характеризует говорящего как человека хорошо образованного. Более распространено в таких ситуациях выражение *Я сегодня богатенький Буратино,* если имеется в виду кратковременное состояние. Когда же речь идет о постоянном свойстве *(Er ist reich wie ein Krösus),* то по-русски скажут *У него денег куры не*

клюют; У него денег без счету; У него денег полно; Он богат как Рокфеллер.

Прощаясь с гостями или с коллегами, немцы часто говорят друг другу **Komm gut nach Hause!** или **Komm gut heim! –** *Счастливо добраться (до дома)!* (условный перевод) или **Pass auf dich auf! –** это выражение не переводится на русский язык вовсе[174], можно разве что подобрать выражение, которое русские при прощании употребляют или в принципе могут употребить: *Счастливо! Счастливого пути!* – хотя для *Счастливо!* имеется другое, «собственное», соответствие в немецком, а именно *Mach's gut!,* а *Счастливого пути!* желают обычно, только если путь предстоит неблизкий. Когда немцы собираются в кино, в театр, в гости, им желают **Viel Spaß!** – подобное прощание в русской культурной традиции тоже не принято, и фраза *Желаю получить удовольствие!* представлется германизмом. Формулы прощания у русских не соответствуют приведенным выше формулам прощания у немцев; не исключено, что, чем выдумывать несуществующие выражения, лучше при переводе их просто опустить или заменить реально употребимыми.

Schönes Wochenende, schönen Abend, schönen Tag noch – в русском культурном пространстве подобные пожелания не приняты. Пожелание *Приятных Вам выходных!* звучит искусственно-заимствованным (т. е. воспринимается как буквальный перевод). Эти формулы при переводе или вовсе опускаются, или заменяются на привычные для русских *Всего доброго! Всех благ! Счастливо! До завтра!* (если известно, что завтра участники коммуникации снова увидятся) и т. п.

Sitzgruppe – **мебельный гарнитур** (диван и кресло или диван и два кресла). Но по-немецки можно сказать: *„Nehmen Sie Platz", er deutete auf die Sitzgruppe,* а по-русски невозможно: **«Присаживайтесь», – он указал на мебельный гарнитур.* Можно только: *он указал на диван* (или *на кресло*).

Souverän в принципе можно перевести как **суверенный**. Но в русском языке *суверенный* используется значительно реже, чем *souverän* в немецком. *Er hält sich souverän* лучше переводить как *Он держится/ведет себя независимо; Он уверен в себе; Er redet souverän. – Он говорит свободно/уверенно.*

spontan – спонтанный, но *спонтанный* употребляется в разговорной речи значительно реже, чем *spontan: Ein paar Teilnehmer nickten spontan. – Несколько человек невольно* (также *спонтанно*) *кивнули; eine spontane Äußerung – крик души, сказать что-либо по зову сердца; Es geschah ganz spontan. – Это произошло непро-*

извольно, внезапно, по наитию, по зову сердца; Komm mal vorbei, ganz spontan. – Заходи, можно без звонка, когда захочешь, запросто; Sie ist sehr spontan.– Она человек очень непосредственный; spontan reden – говорить без подготовки. Во всех перечисленных примерах *спонтанный* вместо предлагаемых вариантов будет понято адекватно, но сразу станет ясно, что говорит человек нерусский.

Wieder was gelernt! Это излюбленное немецкое выражение, чрезвычайно распространенное в ситуациях, когда человек узнает от собеседника что-либо новое и интересное или важное для себя. В русском языке прямого соответствия нет. Перевод *Вот и еще что-то новое выучил (чему-то научился)* будет понятен, но так не говорят. Пословица *Век живи – век учись* имеет в немецком прямой эквивалент *Man lernt nie aus* и тоже, следовательно, не годится для перевода фразы *Schon wieder was gelernt.* Русский в подобной ситуации скажет, скорее всего: *Смотри-ка ты! Скажи пожалуйста! Скажи на милость! Ну надо же! Подумать только!* – чтобы выразить одновременно удивление и признательность собеседнику.

Дон Жуан/донжуан – Casanova. В немецком есть и *Don Juan* в значении *сердцеед, ловелас,* но *Casanova* – более принятое обозначение любителя женщин; в русском же наоборот.

Заказывать означает как **reservieren**, так и **bestellen**. В русском имеется глагол *резервировать (сов. зарезервировать),* но он используется реже. *Я заказал нам два билета (в кино). – Ich habe für uns zwei Karten (fürs Kino) reserviert; Я заказал столик на двоих. – Ich habe einen Tisch für zwei Personen reserviert. Bestellen* означает *заказать* только в том случае, если то, что заказано, гарантированно доставят, например, *заказать пиццу (в ресторане) – eine Pizza (im Restaurant) bestellen, заказать такси – ein Taxi bestellen*. Можно *заказать билеты в театр – Theaterkarten bestellen,* но только в том случае, если билеты пришлют на дом (если же билеты требуется выкупить перед началом спектакля, то используется только *reservieren*).

Как танк *(Она просто как танк)* – сравнение **wie ein Panzer* в смысле «с кем-либо нет никакого сладу, он или она не слышит никаких возражений, идет к своей цели невзирая ни на какие преграды», в немецком не принято. Носители немецкого языка в аналогичном контексте скажут, скорее всего, *j-d ist wie eine Dampfwalze, j-d ist rücksichtslos, j-d hört auf keine Gegenargumente.*

Критика – Kritik: И для русских, и для немцев критика – это отзывы о чем-либо, но для немцев Kritik – отзывы не только отри-

цательные, но и положительные, по-немецки можно сказать *Der Film hat gute Kritik bekommen,* в то время как по-русски **Фильм получил положительную критику* сказать нельзя, а можно только *Фильм получил положительные отзывы* или *Отзывы о фильме в печати были положительными*. Однако при этом можно сказать *Критика положительно/благожелательно отозвалась об этом фильме* (или *откликнулась на этот фильм*) или *Фильм был благожелательно встречен критикой*. В последних примерах имеются в виду критики-люди, а не критика как результат их деятельности. Люди могут отзываться о чем-либо положительно, но с критикой как результатом их деятельности эпитет *положительный* употреблять рядом не принято.

По-русски говорят **круглая дата**, по-немецки – **runder Geburtstag**. Выражение **rundes Datum* поймут, но говорить так не принято.

Выражение **лебединая песня – Schwanengesang** имеется в обоих языках, но в русском эта идиома употребительна не только в литературном языке, но и в устной речи, немецкое же соответствие знакомо лишь людям с хорошим образованием и в повседневной речи практически не используется. Поэтому дословный перевод с русского на немецкий в устной речи не рекомендуется – собеседник может попросту не понять, что имеется в виду.

Сто лет тебя не видел – **Ich habe dich hundert Jahre nicht gesehen* по-немецки не говорят, хотя каждый поймет, что хочет сказать собеседник, выбравший такой перевод. По-немецки в соответствующей ситуации скажут *Ich habe dich eine Ewigkeit nicht (mehr) gesehen; Ich habe dich ewig lang(e) nicht gesehen; Wie lange ist es her?* То же касается *Сколько лет, сколько зим!* – ни лет, ни зим немцы в аналогичной ситуации не упоминают.

По-русски о человеке недалеком, неумном говорят **у него две извилины в голове** (или *одна извилина, полторы извилины*). По-немецки, хотя и имеется эквивалент извилины – *Gehirnwindung,* – в аналогичных ситуациях **Er hatte nur zwei Gehirnwindungen* никогда не скажут. Этот образ не принят для обозначения неумного человека. Скажут **Er ist keine Leuchte; Er ist nicht sehr helle / nicht besonders gescheit; Er hat keinen Grips.**

Уходить по-английски (т. е. уходить не прощаясь) переводится на немецкий как **auf französische Art weggehen / sich auf französische Art verabschieden**. В немецком это выражение используется значительно реже, чем его соответствие в русском, и известно только людям, получившим хорошее образование.

Цербер – имя этого персонажа из греческой мифологии вошло в русский лексикон и используется, например, в выражениях *чувствовать себя цербером, кто-либо прямо как цербер.* В немецком языке метафора *Zerberus* известна, но употребляется намного реже, чем в русском. Чтобы выразить содержание «бдительный страж», «недоброжелательный, настороженный взгляд», немцы обычно используют образ **Argusaugen**.

Я умываю руки. – Ich wasche meine Hände in Unschuld. Носители русского языка используют это выражение часто, во множестве бытовых ситуаций, когда хотят сказать, что они больше заниматься каким-либо делом не намерены: *Ну все, хватит, я умываю руки.* Носители немецкого языка этим выражением в быту почти не пользуются и в аналогичных ситуациях скажут *So, jetzt reicht's mir; Ich mache dicht; Ich will damit nichts mehr zu tun haben.* Выражение *Ich wasche meine Hände in Unschuld* в разговорной речи если и употребляется, то только образованными людьми, и воспринимается как книжное.

Яблоко раздора – Zankapfel. Эта метафора используется в русском языке несравненно чаще, чем в немецком. По-немецки для выражения аналогичного содержания обычно употребляется другое крылатое выражение – **Stein des Anstoßes (камень преткновения)**, заимствованное из Библии.

3.11.10 Формальное совпадение как ловушка

Бывает так, что немецкое и русское слово или выражение формально совпадают, но переводом одно для другого не является. Например, немецкий эпитет *geschlagen* в сочетании с обозначениями времени *(Stunde, Tag, Jahr)* формально соответствует русскому *битый,* но этот перевод годится далеко не всегда: *Er hat eine geschlagene Stunde nicht ans Essen gedacht. – *Он битый час не думал о еде; Der Bus hat uns geschlagene zwei Stunden später abholt als vereinbart. – *Автобус забрал нас на битых два часа позже, чем предполагалось.* Правильными переводами будут варианты: *В течение целого часа он не вспоминал о еде; Автобус опоздал на целых два часа.* Но если с обозначениями *час, минута, секунда* русский язык в некоторых ситуациях перевод *битый* все-таки допускает *(Ich wartete eine*

geschlagene Stunde im Flur. – Я битый час ждал в коридоре), то в сочетаниях с существительными *день, год* прилагательное *битый* не употребляется вовсе; годится только перевод *целый*.

Хотя *минута, минутка, минуточка* переводятся как *Minute, Minütchen,* восклицанию *Минуточку!* по-немецки соответствуют выражения *Moment mal! Augenblick mal!* – а не **Minütchen!*

В таком контексте, как *Можно тебя на два слова? Я бы хотел сказать два слова о ... ,* немецким соответствием для *два* будет не *zwei*, а *kurz, ein Wörtchen: Ich möchte mit dir ein Wörtchen reden; Kann ich mit dir kurz reden? Kann ich dich kurz sprechen?* или *etwas, einiges, ein paar: Ich möchte noch ein paar Worte über ... sagen; Ich möchte noch etwas/einiges über ... sagen.* Числительное *zwei* не обладает, как *два* в русском, значением *несколько.*

Немецкий глагол *ernten*, употребленный переносно, во многих случаях можно перевести как *пожинать* в аналогичном переносном значении. Но сочетаемость *пожинать* у́же, чем сочетаемость *ernten*. Так, по-немецки можно *Tadel, Widerspruch, ungläubige Blicke ernten.* Для перевода этих сочетаний глагол *пожинать* не годится. Кроме того, русский глагол ущербен грамматически: у него нет форм совершенного вида *(*пожал)*, и из-за этого он не применим для перевода текстов, в которых речь идет о свершившемся и законченном действии. Поэтому переводчику нередко приходится подыскивать подходящий перевод вне сферы применения прямого (словарного) эквивалента: *Stell dich darauf ein, ungläubige Blicke zu ernten. – Настройся на то, что на тебя будут смотреть недоверчиво; Тебе нужно быть готовым к тому, что к тебе отнесутся настороженно.*

Mann – это и *мужчина,* и *муж,* и *человек*. Однако *Männchen* – только *человечек,* но не *мужичок* и не *муженек*[175]. Слово *мужичок* придется перевести как *kleiner Mann,* а *муженек* как *(mein, dein, ihr) lieber Mann.*

Глагол *wurzeln* можно перевести как *корениться* только при его употреблении в переносном значении. Прямое значение – *пускать корни, прорастать.* Русский глагол *корениться* имеет только одно значение – *происходить из чего-*

либо, иметь основание в чем-либо, но не соответствует *wurzeln* в его основном значении.

В немецком есть идиома *um ein Haar,* а в русском имеется ее эквивалент – *на волосок*. Они полностью совпадают по значению и употреблению в контексте отрицательной семантики (риск, опасность, неприятности): *на волосок от смерти, от скандала, от нервного срыва – um ein Haar vor dem Tod, vor einem Skandal, vor einem Nervenzusammenbruch*. Однако, в отличие от русской идиомы, немецкая не зависит от эмоциональной окраски контекста: можно сказать, например, *Sie hätten sich um ein Haar auf eine leidenschaftliche Affäre eingelassen;* по-русски же идиома *на волосок* в подобном контексте неуместна, нельзя сказать: **Они были на волосок от бурного романа,* можно только – *У них чуть было не случился головокружительный роман* или *Между ними начинался было бурный роман*.

Сравним еще некоторые немецкие и русские выражения:

abhaken *разг., перен.* – 1. закончить, считать выполненным 2. поставить крест на чем-либо, списать / **поставить галочку** – Häkchen setzen, etw. zum Schein machen, Augenwischerei

abgesehen von – не говоря (уже) о / **несмотря на** – trotz

Augen machen – сильно удивиться / **строить глазки** – j-m schöne Augen machen

Augenlicht – зрение / **свет (моих) очей –** mein Ein und Alles, mein Herzblatt

aus der Haut fahren – выходить из себя / **лезть из кожи вон** *разг.* – sich anstrengen; sich den Arsch aufreißen *derb*

aus der Reihe tanzen – выбиваться из общего правила, необычный / **из ряда вон выходящий** – außergewöhnlich, alarmierend

Das ist nicht der Fall. – Это не так; Ты ошибаешься. / **Это не тот случай.** – Da kannst du lange warten; Da bist du auf den falschen geraten.

Das kann nicht wahr sein! – Не может быть! / **Это неправда!** – Das ist nicht wahr!

doppelsinnig – с двойным, с глубинным смыслом, неоднозначный / **двусмысленный** – zweideutig

Du hast dort nichts verloren. *umg.* – Тебе нечего там делать, что ты там забыл. *разг.* / **Ты ничего не потерял.** – Du hast nichts versäumt.

einmalig – уникальный / **одноразовый** – Einweg-: одноразовый шприц – Einwegspritze; бутылка одноразового пользования – Einwegflasche

entschädigen – возмещать убытки / **обезвредить** – *(врага, преступника)* außer Gefecht setzen

etw. in den falschen Hals bekommen – что-либо превратно понять / **попасть не в то горло** – *(о пище)* Das Essen ist in die Luftröhre geraten.

etw. ist im Busch – дело нечисто / **отсиживаться в кустах** – sich im Hintergrund halten

faulenzen – валять дурака, ничего не делать, прохлаждаться / **лениться** – zu faul, zu träge, zu bequem sein für etw.

frisieren *übertr.* – подделывать, подгонять *(бумаги, документы)* / **причесывать** *перен.* – in Ordnung bringen, schöner gestalten, lesbar formulieren

Gästezimmer – комната для гостей / **гостиная** – Wohnzimmer

Gespenst – привидение, призрак / **призрачный** – geisterhaft, illusorisch, schemenhaft *(vgl. gespenstisch – жуткий, вселяющий ужас)*

gesund sein wie ein Fisch im Wasser – бодренький как огурчик / **чувствовать себя как рыба в воде** – sich sicher fühlen *(русское выражение, в отличие от немецкого, не имеет отношения к здоровью)*

Grütze im Kopf haben – быть с головой, умным / **каша в голове** – j-d verwechselt alles, bringt alles durcheinander

halt die Ohren steif – держи хвост пистолетом / **держи ухо востро** – pass auf, halt die Augen offen

Ich lasse mich nicht ins Bockshorn jagen. – Я не позволю себя запугать / (за)морочить себе голову / себя заморочить / **согнуть кого-либо в бараний рог** – j-n zwingen, j-s Willen brechen

in den Wind reden – говорить впустую, разговоры в пользу бедных, мели Емеля *разг.* / **бросать слова на ветер** – sein Wort nicht halten, nicht zu seinen Worten stehen: Я слов на ветер не бросаю. – Ich halte mein Wort; Ich meine es ernst; Ich stehe dazu.

in dieser Sekunde – в настоящую, данную секунду, минуту, в данный момент / **сию секунду** – 1. unverzüglich, schnell, auf der Stelle: Иди спать сию секунду! – Geh unverzüglich ins Bett! Ab ins Bett mit dir! 2. eben, gerade noch: Он был здесь сию секунду. – Er war eben noch da.

in jedem Fall – в любом случае, во всяком случае / **в каждом (отдельном) случае** – in jedem einzelnen Fall, jedes Mal

j-m Beine machen – поторопить кого-либо, заставить кого-либо поторопиться / **делать ноги** – verduften *umg.*, verschwinden, abhauen *umg.*, türmen *umg.*, sich aus dem Staub machen *umg.*, nichts wie weg

j-m an die Gurgel wollen, gehen, gelangen, fahren – приниматься душить кого-либо / **брать за горло** – j-m die Pistole auf die Brust setzen

Käfer *übertr., umg.* – молоденькая девушка / **жук** *перен., неодобр.* – Schlaumeier, Schlawiner, durchtriebener Kerl, mit allen Wassern gewaschen

Meerkatze – мартышка / **морской котик** – Seebär, Bärenrobbe

mit Pepp – с изюминкой, с шиком / **с перчиком** – mit j-m ist nicht gut Kirschen essen

etw. ist nicht ganz ohne *idiom.* – что-л. рискованно, небезопасно, сопряжено с трудностями / **не без того** *идиом.* – du sagst es, da ist was Wahres dran

parteilos – беспристрастный / **беспартийный** – nicht in der Partei

sauer sein – сердиться, обижаться, дуться / **киснуть** *перен.* – traurig sein, den Kopf hängen lassen

Scharfblick – проницательность / **приметливый** – Beobachtungsgabe haben, scharfen Blick haben, gut beobachten können

Schwarzarbeit – работать нелегально / **черная работа** – Drecksarbeit, schmutzige Arbeit

sich j-n zur Brust nehmen – призвать кого-либо к ответу, поговорить с кем-либо начистоту / **взять на грудь** *шутл.* – Alkohol trinken

Sie sehen blass aus. – Вы *(сегодня)* бледны. / **Вы бледно выглядите.** – Ihr Auftritt ist kümmerlich, dürftig, miserabel *(z. B. bei einem Schauspiel, einem Vortrag)*

Sparkasse – название одного из немецких банков *(наряду с такими, как Deutsche Bank, Dresdner Bank, Commerzbank),* т. е. обозначение реалии, не имеющей непосредственного эквивалента в русском языке – сберкасса *(сберегательная касса)* / **сберкасса** – Finanzinstitution, in der Ersparnisse der russischen Bürger aufbewahrt werden (kein Äquivalent zur „Sparkasse“)

sprachlos sein – лишиться дара речи, онеметь (от удивления) / **молчаливый** – stumm, schweigsam, wortkarg

unansehnlich – незаметный, неприметный, непривлекательный: ein unansehnlicher Mann – неприметный мужчина / **неприглядный** – abstoßend, verkommen, schmählich, schändlich, unangebracht, unschön: неприглядная обстановка – abstoßende, wenig ansprechende Einrichtung

verenden – околеть *(о животном)* / **скончаться** – versterben

von Tag zu Tag – с каждым днем / **täglich, jeden Tag** – изо дня в день / **со дня на день** – bald, etw. steht vor der Tür

wie von der Tarantel gestochen *umg.* – как ошпаренный *разг.* / **Какая муха тебя укусила?** *разг.* – Was ist in dich gefahren? *umg.*

Wovon ist die Rede? – О чем речь? О чем мы в данный момент разговариваем? / **О чем речь!** – Selbstverständlich! Aber sicher! Aber klar!

zwischen zwei Stühlen sitzen – не знать, на что решиться / **сидеть на двух стульях** – auf zwei Hochzeiten tanzen

3.12 СОКРАЩЕНИЯ

В этом разделе речь пойдет только о сокращениях (аббревиатурах), используемых в устном варианте немецкого и русского языков и вошедших в лексикон обоих языков как общеупотребительные. Существует немало специальных словарей сокращений, но в них в первую очередь перечисляются сокращения, в устной речи не используемые. Здесь мы приведем лишь небольшое количество главным образом разговорно окрашенных примеров, чтобы показать различия в некоторых традициях создания и употребления сокращений в двух сопоставляемых языках.

Многие сокращения как в русском, так и в немецком именуют реалии, то есть не имеют непосредственного переводного эквивалента.

Некоторые слова, возникшие как аббревиатуры, со временем превратились в «полнозначные» слова, которые носителями языка как сокращения не осознаются: *бомж* (лицо без определенного места жительства), *бэу* (*б. у.* – бывший в употреблении, по-немецки *gebraucht*), *вуз* (высшее учебное заведение), *гопник* (слово произошло от названия учреждения: Городское Общество Призрения[176]), *зарплата* (заработная плата), *компромат* (компрометирующие материалы), *медсестра* (медицинская сестра), *полкило* (половина килограмма), *хабэ* (или *х. б.* – хлопчатобумажный), *чепэ* (ЧП – чрезвычайное происшествие), *ширпотреб* (товары широкого потребления), *Azubi* (Auszubildender), *BH* (BeHa – Büstenhalter), *Bund* (Bundeswehr), *HiWi* (Hilfswissenschaftler – приблизительно соответствует русскому *лаборант*), *MTA* (medizinisch-technischer Assistent, непосредственного русского соответствия нет – можно перевести как *средний медперсонал*), *OP* (Operation), *Stasi* (Staatssicherheit). Они широко и без ограничений включаются в регулярные словоизменительные и падежные парадигмы: *поговорил с завлитом; почитал «Иностранку»; работает гаишником; учится в вузе; Ich fahre einen VW; Morgen muss ich zu einer Demo; Sie hatte vor zwei Jahren eine OP.*

Некоторые русские сокращения одновременно и эллипсисы: *«Иностранка»* – журнал «Иностранная литература»,

кредитка – кредитная карта, *пятидневка* – пятидневная рабочая (или учебная) неделя, *трехтонка* – автомобиль грузоподъемностью в три тонны.

В немецком языке приняты сокращения по типу усечения слов, заканчивающиеся на различные гласные, что в русском значительно менее распространено. В русском допустимы сокращения на *-о*, но их немного *(видео, кино, метро, НЛО, СИЗО разг., стерео, фото),* и имеются редкие, буквально единичные сокращения на *-и (макси, миди, мини, профи)*[177]. В немецком сокращений на *-о* и на *-i* значительно больше. На *-о,* помимо *Foto, Kino, Metro, Stereo, UFO (unbekanntes Flugobjekt), Video,* имеются *Abo – Abonnement, Deko – Dekoration, Demo – Demonstration, Deo – Deodorant, Disko – Diskothek, Homo umg. – Homosexueller, Info – Information, Öko – Ökologie, Steno – Stenographie* и множество других; на *-i,* помимо *Profi, Mini*, есть уже упоминавшиеся сокращения *Azubi, HiWi,* а также *Ami umg. – Amerikaner, Assi umg. – Assistent, Krimi – Kriminalroman, Nazi – Nationalsozialist, Ossi scherzh. – Ostdeutscher, Promi umg. – Prominenter, Uni – Universität, Wessi scherzh. – Westdeutscher*[178], *Zivi – Zivildienstleistender.* Имеются и немногочисленные сокращения на *-a: Kika – Kinderkanal, Kita – Kindertagesstätte, Reha – Rehabilitaion.* Немало в немецком и сокращений на *-e: Emanze verächtl. – Emanzipationsverfechterin, Mathe – Mathematik.* Есть и (правда, немногочисленные) сокращения на *-u: Alu (Aluminium), Akku (Akkumulator), Doku (Dokumentation, Dokumentarfilm)*[179].

Продуктивность модели сокращения на *-i* обнаруживается в примере *Navi – Navigationssystem:* не успела навигационная система превратиться в привычный предмет обихода, как соответствующее слово уже претерпело сокращение. В России этот предмет тоже быстро и прочно вошел в быт, но соответствующего сокращения в русском языке не возникло.

Некоторые аббревиатуры многозначны. Так, *Demo* означает и демонстрацию, и презентацию, поэтому вопрос *Warst du heute auf der Demo?* можно истолковать двояко и для его перевода требуется контекст. «Недавно я посмотрел интересную документацию о Будде», – рассказывает один рус-

скоязычный студент, с детства живущий в Германии. – «Документацию? Ты хочешь сказать, документальный фильм?» – «Ну да. Доку. Это же и есть документация». Немецкое сокращение *Doku*, действительно, относится как к бумажной документации, так и к документальному кино. Это обстоятельство и спровоцировало ошибку. В русском языке сокращения *доку* нет вообще, а полные формы слов между собой не связаны: *документация* – не то же самое, что *документальный фильм*.

Некоторые сокращения в немецком не имеют соответствий в русском, а русские в немецком лишь в силу традиции. Так, *зоопарк* в немецком именуется *Zoo,* а в русском аналогичного сокращения не возникло, хотя сокращения на *-о* в русском допустимы. В русском языке много слов включают в качестве первой части *мед-: медбрат, медперсонал, медработник, медсестра*. Аналогичные сокращения с *med*- в немецком не обнаруживаются, хотя причин для их отсутствия, казалось бы, нет.

Основные расхождения между языками в области аббревиатур состоят в способе образования от них новых слов. Грамматический строй немецкого языка позволяет включать их в качестве составляющих элементов в сложные слова: *Demoabend, Kripoball, Matheübungen.* Русский язык активно пользуется аффиксацией. Небезынтересной в ракурсе перевода представляется легкость, с которой русская аффиксация превращает аббревиатуры в новые слова: от *ГАИ* образовалось существительное *гаишник,* от *КГБ* – *кагэбэшник,* от *ПТУ* – *пэтэушник,* от *вуз* – прилагательное *вузовский,* от относительно новой аббревиатуры *пиар (public relations)* произошел глагол *пиарить* (пока не считающийся принадлежностью литературного языка, а рассматриваемый как сугубо разговорный; в немецком ему соответствует выражение *Werbung machen*). Аффиксации изредка подвергаются и немецкие аббревиатуры: *j-d ist ein Beweeler (BWL – Betriebswirtschaft), ein Vauweeler (VWL – Volkswirtschaft).*

Примечательно, что некоторые аббревиатуры, отделившись от «родительских» выражений, начинают жить своей жизнью и приобретают собственную стилистическую окраску. Так, словосочетание *лицо без определенного места жи-*

тельства по стилистической окраске нейтрально, а образовавшаяся от него аббревиатура *бомж* употребляется как пейоратив. Поэтому словосочетание стоит переводить нейтральным же *Obdachloser,* а *бомж* – презрительно-уничижительным *Penner.* Аналогичным образом приобрело собственные оценочные коннотации и слово *ширпотреб.* В отличие от стилистически нейтрального «родительского» словосочетания *товары широкого потребления,* эта аббревиатура используется для выражения пренебрежительного отношения к продукции низкого качества – *Billigware, Dutzendware.* Похожим образом менялось значение прилагательного *итээровский,* образованного от сокращения *ИТР* – инженерно-технический работник. Оно не только обозначает принадлежность к соответствующему спектру профессий, но и употребляется как пейоративное – например, в устах писателя, получившего филологическое образование, по отношению к творчеству коллеги, переквалифицировавшегося в писатели из инженеров, можно услышать: *типично итээровское дарование* или *типично итээровская литература.* Имеется в виду *Dilettantismus, Dilettantenliteratur.* Аналогичная судьба постигла слово *пэтэушник:* это не просто обозначение учащегося ПТУ (и даже вовсе не обязательно речь идет именно об учащемся профессионально-технического училища), а в первую очередь выражение презрительного отношения к молодому человеку – обычно это намек на его плохое воспитание, необразованность, грубость, вульгарность. ПТУ как вид учебных заведений постепенно исчезают из жизни современного российского общества – соответствующие учебные центры переименовывают в Профессионально-технические лицеи. Но слова *пэтэушник, пэтэушница* в лексиконе пока сохраняются – в их пейоративно-оценочном, а не прямом значении. При переводе их на немецкий требуется использовать пейоративные слова общего оценочного ряда типа *Flegel, Schlampe, ungehobelter Kerl.*

Многие из сокращений не представляют для перевода ни малейших трудностей, кроме одной: переводчик не должен думать, что в языке перевода соответствующее слово тоже следует переводить как сокращение.

3.13 ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА НА ГРАММАТИЧЕСКОМ УРОВНЕ: МОРФОЛОГИЯ

3.13.1 Различия в употреблении грамматического числа

Довольно часто в немецком переводе существительное, эквивалент которого в русском стоит в единственном числе в функции обобщения, употребляется во множественном: *Рыба здесь не клюет. – Fische beißen hier nicht an; Человеку в такое утро легко на сердце. – An so einem Morgen ist es den Menschen leicht ums Herz.*

Большое количество примеров различий в употреблении грамматического числа существительных наблюдается в сфере названий продуктов питания. Здесь русский язык прибегает к единственному числу в функции обобщения чрезвычайно часто, в отличие от немецкого: *картошка – Kartoffeln, малина – Himbeeren, морковка – Karotten, репа – Rüben, черника – Heidelbeeren*. Вспомним рассказ Чехова «Крыжовник»: *Вечером, когда мы пили чай, кухарка подала к столу полную тарелку крыжовнику. Это был не купленный, а свой собственный крыжовник, собранный в первый раз с тех пор, как были посажены кусты.* Немецкий перевод и названия рассказа („Stachelbeeren"), и всех упоминаний крыжовника содержит соответствующее существительное во множественном числе: *Als wir abends Tee tranken, stellte die Köchin einen Teller voller Stachelbeeren auf den Tisch. Es waren nicht gekaufte, sondern eigene, zum ersten Male gepflückte Beeren*. На рынке или в магазине русские покупатели спрашивают продавцов: *Почем свекла? Почем вишня? А горох свежий?* И здесь в немецком употребляется множественное число: *Was kosten rote Beeten? Was kosten die Kirschen? Sind Erbsen frisch?* Некоторые из этих русских слов в других ситуациях употребляются и во множественном числе: *в стручке несколько горошин, вынимать косточки из вишен.* При этом необходимо заметить, что и в ситуации покупки далеко не все русские названия продуктов питания употребляются в единственном числе, например: *Почем грибы, груши, орехи, персики, яблоки?*

Русские используют единственное число и в описании покроя одежды; в немецком в этих случаях обычно вступает в силу словосложение. Хотя у блузки два рукава, а у человека два колена, принято говорить *блузка с длинным рукавом – langärmelige Bluse, юбка по колено – knielanger Rock.*

Некоторую трудность представляет и несовпадение между Pluralia tantum и Singularia tantum: немецкие существительные *Badehose, Brille, Hose, Schere, Tinte, Uhr* не являются Pluralia tantum, ср. их эквиваленты в русском – *плавки, очки, брюки, ножницы, чернила, часы.* И наоборот, немецкий язык допускает множественное число для таких существительных, как *Erfahrung – Erfahrungen, Information – Informationen, Kritik – Kritiken, Rohstoff – Rohstoffe, Spannung – Spannungen, Waffe – Waffen.* В русском их эквиваленты *опыт, информация, критика, сырье, напряжение, оружие* не имеют форм множественного числа. Существительные же *Gemüse, Obst, Unterricht, Zeug* в немецком – Singularia tantum, в отличие от русского, где их эквиваленты представлены обоими грамматическими числами: *овощ – овощи, фрукт – фрукты, занятие – занятия, вещь – вещи (или предмет – предметы).*

Некоторые существительные просто традиционно не употребляются в том или ином числе, хотя теоретически другое число имеется. Например, по-русски скажут *суждения* – там, где по-немецки будет *Meinung,* хотя имеется и единственное число *суждение: Я не разделяю Ваших суждений. – Ich kann Ihre Meinung nicht teilen; Ich bin anderer Meinung.* Ср. также: *Schmerzen – боль* (реже *боли,* причем только в определенных словосочетаниях); *Schuldgefühle – чувство вины; картошка разг. – Kartoffeln.* По-немецки говорят *ein Kind auf dem Arm halten,* а по-русски *держать ребенка на руках* (а не *на руке*); *Hand an sich legen – наложить на себя руки* (а не *руку*).

Бывает и так, что формы множественного числа окрашены стилистически. Например, немецкие *Lüfte, Nöte* – слова высокого стиля, в отличие от нейтральных *Luft, Not.* В романе Адальберта Штифтера „Nachsommer“ есть предложение *Ihr Duft ging wohltuend durch die Lüfte* (о цветах). В русском языке у слова *воздух* множественного числа нет, и

немецкое предложение можно перевести как *Воздух был напоен их ароматом.* А строчку из стихотворения Фридерики Кемпнер (Friederike Kempner) *Du siehst das Vöglein in den Lüften fliegen* можно перевести как *Ты видишь, как птица парит в поднебесье.*

Русское выражение *со слезой в голосе* стилистически окрашено совсем иначе, чем выражение со *слезами в голосе,* и передает другой смысл. Словосочетание *со слезой в голосе* можно воспринять лишь как ироническое или презрительное, оно означает, что кто-то пытается вызвать жалость намеренно, изображая страдание. Выражение *со слезами в голосе* стилистически нейтрально и указывает на действительное положение дел: у кого-то в голосе слышатся слезы. Для перевода на немецкий в первом случае (единственное число в русском), скорее всего, будет использована идиома *auf die Tränendrüse drücken,* а во втором (множественное число в русском) — устойчивое словосочетание *mit tränenerstickter Stimme.*

Необходимо упомянуть и такие случаи, когда формы множественного числа в одном и другом языке разошлись семантически. Например, в русском языке *времена* — это множественное число от слова *время* только в некоторых из его значений *(эпоха,* а также *грамматическое время),* а в немецком *Zeiten* не ограничено конкретным значением *Zeit.* Поэтому перевести фразу *Du hast in deinem Brief falsche Zeiten angegeben* как **Ты указал в своем письме неверные времена* нельзя, разве только если речь идет о грамматических временах. Многозначное слово *Analyse* в немецком имеет обычное множественное число независимо от своего значения, а в русском *анализ* в значении «метод исследования» и в значении «разложение целого на составные элементы» множественного числа не имеет, в отличие от того же слова в значении «результат химического (медицинского) исследования какого-либо вещества» — *анализы.* Получается, что множественное число может быть закреплено за многозначным словом лишь в одном из его значений. Русское существительное *аппетит* в прямом значении употребляется только в единственном числе, а множественное число обнаруживается у этого слова в переносном значении: *аппетиты* озна-

чает то же, что *Begehrlichkeiten*. Немецкое существительное *Fortschritt* переводится на русский язык как *прогресс* или как *успех* – в зависимости от значения. *Fortschritt* может употребляться и во множественном числе – *Fortschritte* – в обоих значениях. А по-русски у существительного *прогресс* множественного числа нет, оно имеется только у другого варианта перевода: *успех* – *успехи*. А словосочетания и предложения, включающие множественное число немецкого существительного – *Fortschritte* – в значении «прогресс», требуется переводить или используя единственное число русского слова, или подбирая синонимы во множественном числе. Вот несколько примеров из газеты „Die Zeit“: *Die Kinder von heute leben in einer Welt voller wissenschaftlicher Erkenntnisse und Fortschritte. – Современные дети живут в мире научных открытий; Kaum Fortschritte im Anlegerschutz. – В деле защиты прав вкладчиков прогресса пока не видно; Manche Fortschritte, zu viele Rückschläge. – Шаг вперед, два шага назад.*

В русском языке в последнее время просматриваются тенденции не всегда оправданного копирования выражений иностранного языка, в первую очередь английского. Это касается и употребления грамматического числа. *Инициативы, практики, исходы, техники,* во множественном числе то и дело мелькают в прессе, хотя, согласно языковой норме, у этих существительных форм множественного числа (пока, по крайней мере) нет. Проскальзывают фразы типа *Сегодня по всей стране стартуют показы фильма ...* – журналист уже не помнит, что в лексиконе его родного языка слова *показы* во множественном числе нет (не говоря уже о глаголе *стартовать* – вместо *выходить на экраны*).

В связи с темой расхождений в образовании множественного числа необходимо также упомянуть случаи, когда одно и то же многозначное слово может образовывать или не образовывать форму множественного числа в зависимости от его значения. Так, *материал* в значении *ткань* не имеет формы множественного числа, в отличие от того же существительного в значении *набор документов* или *совокупность учебных средств* – причем форма *материалы* для второго значения более привычна (при этом запрет в русском не рас-

пространяется на синоним слова *материал* — *ткань:* существительное *ткани* — нормативная форма множественного числа). В немецком наоборот: *Stoff* как *ткань* образует множественное число *(Stoffe),* а в значении *учебные средства* (чаще *Lehrstoff*) это существительное множественного числа не имеет. Существительное *беспорядок* в значении *Unordnung* имеет только форму единственного числа, *беспорядки* в значении *Unruhen* — только форму множественного[180].

3.13.2 Расхождения по частям речи

Иногда параллельно с морфологическим изменением слова, например, при образовании прилагательного от существительного, глагола от прилагательного или существительного от глагола меняется и его лексическое значение (или, по крайней мере, меняется направление перевода): так, немецкое существительное *Wort* переводится как *слово,* а образованное от него прилагательное *wörtlich* — не *словесный*, а *буквальный.*

Нередко в соответствиях наблюдаются грамматические лакуны: например, существительные представлены в обоих языках, а вот прилагательного в одном из языков уже нет. Или прилагательные есть, а глагол в одном из языков отсутствует: *Kult* — *культ* (значения в русском и в немецком соответствуют), *kultivieren* — *культивировать* (совпадение имеется только в основном значении — *разводить растения*), а вот аналога немецкому *kultiviert* в русском нет, и при переводе приходится прибегать к синонимичным псевдопереводам *образованный, изысканный, холеный, интеллигентный* — в зависимости от контекста. *Regional* — *региональный, местный,* а вот существительного, соответствующего немецкому *Regionalität,* в русском нет. Обычно немецкое существительное *Regionalität* употребляется в контексте торговли и обозначает *продажу товаров или продуктов питания местного производства* — таким «длинным» способом оно и переводится. *Trauma* — *травма,* но *traumatisch* — не **травматический,* а *тяжелый, ужасный* (например, о впечатлениях, вос-

поминаниях). В русском языке есть и слово *травматический,* но оно обозначает только «наносящий травму» (например, *травматическое оружие*); при этом в русском есть глагол *травмировать,* а в немецком глагола **traumieren* нет и следует перевести *травмировать* как *verletzen, kränken, treffen, etw. tut weh, etw. sitzt fest.* В русском языке имеется существительное *кандидат,* соответствующее немецкому *Kandidat,* но нет глагола **кандидировать* (нем. *kandidieren*), а есть *баллотироваться* или *выдвигать свою кандидатуру.*

Отсутствие эквивалента той же части речи часто означает отсутствие эквивалента вообще. Но необязательно: есть случаи, когда существительное одного языка переводится на другой язык глаголом, прилагательным или устойчивым выражением, причем перевод этот предельно точен. Часто, сталкиваясь с расхождением в частеречной принадлежности, трудно решить, имеем ли мы дело с эквивалентным переводом или с лакунарностью. Например, в немецком имеется прилагательное (или наречие) *habhaft,* а в русском есть глагол *завладеть.* Если *habhaft* употребляется с глаголом *sein* или *werden* в роли именного сказуемого, то русский перевод выступает как полный эквивалент. Если же *habhaft* используется как определение при существительном, например, *habhafte Ergebnisse,* то представление об эквивалентности глагольного перевода нарушается и переводчику приходится что-нибудь придумывать, чтобы выйти из положения: скажем, в словосочетании *nach endlos langen Diskussionen endlich habhafte Ergebnisse für die weiteren Verhandlungen bekommen* слово *habhaft* можно просто не переводить, поскольку для передачи смысла «владение чем-либо» уже имеется глагол *bekommen.*

Часто бывает так, что на словарном уровне перевод с сохранением частеречной принадлежности абсолютно корректен, но уже минимальное словосочетание, в котором слово участвует, эту корректность нарушает. Например, существительное *молодость* абсолютно правильно переводить существительным *Jugend.* Но уже в словосочетаниях со значением причины: (кто-либо что-либо совершил) *по молодости* — переводчику придется нарушить правило частеречной симметрии, потому что по-немецки нельзя сказать **aus Jugend*

(при том что *aus Dummheit – по глупости* – совершенно корректное соответствие). Скорее всего, в таком контексте скажут *weil er jung war.*

При переводах текстов, даже самых простых, явление частеречных расхождений оригинала и перевода преследует переводчика на каждом шагу: *Вот уже и до меня добрались. – Jetzt bin ich dran; Воцарилась тишина. – Es wurde still; Он не дотянул и до пятидесяти лет. – Er war nicht mal fünfzig, als er starb; Она мастерица огурцы солить. – Sie versteht sich auf das Einsalzen von Gurken; Терпи! – Habe Geduld!; Keine Widerrede! – Не спорь!*

Но множество несовпадений между языками в частеречной принадлежности обнаруживается уже непосредственно на уровне лексикона. Одно слово переводится словосочетанием, словосочетание одним словом, существительное наречием или прилагательным: *duschen – принимать душ; Telefonat – телефонный разговор; zurücktreten – выйти в отставку; брать под козырек – salutieren; выдавать желаемое за действительное – Wunschträume, Wunschdenken; на улице – draußen; недоброкачественный – von zweiter Güte.*

Часто русский язык располагает субстантивными средствами там, где в немецком используются прилагательные: *без толку – sinnlos, zwecklos; в будущем – künftig; в перспективе – langfristig; в четыре руки – vierhändig; с непокрытой головой – barhäuptig; с укором, с укоризной – vorwurfsvoll; транжира – verschwenderisch*. Для русского языка, в отличие от немецкого, употребление существительных типично и в качестве «чистой» оценки: *Блеск! Восторг! Загляденье! Объеденье! Прелесть!* Немецкий язык и здесь пользуется вместо существительных прилагательными: *Großartig! Herrlich! Lecker! Prima! Super! Toll! Wunderbar!* Немногочисленные существительные *(Klasse!)* представляют собой скорее исключение.

С другой стороны, немецкий язык обладает способностью к субстантивации практически любой части речи: он позволяет с легкостью превратить в существительное каждый инфинитив *(das Kleben, das Laufen, das Nehmen, das Sagen, das Tun),* многие прилагательные или наречия *(das Banale an dieser Geschichte … ; Er weiß nichts Genaues.),*

некоторые служебные слова *(das Ob und Wie, ohne Wenn und Aber)*. Субстантивация в русском языке протекает по иным законам и значительно более ограничена в средствах, а потому и в широте употребления. Отглагольные существительные *(говорение, деятельность, хождение)* лишь отчасти и далеко не в каждом контексте эквивалентны немецким субстантивированным инфинитивам, да и не от каждого глагола имеются в русском языке существительные, отображающие некоторое действие как процесс. Субстантивация прилагательных в русском языке развита *(все плохое, нечто ненадежное, ничего хорошего)*, но уступает немецкой по охвату и возможностям; на помощь переводчику с немецкого на русский приходят в некоторых ситуациях добавляемые к соответствующим прилагательным слова *начало* или *сторона: das Menschliche an einer Situation – человеческое начало в какой-либо ситуации; Der Regisseur scheut nicht das Lächerliche am Liebeskummer. – Режиссер не боится показать смешную сторону неразделенной любви.* Иные субстантивированные прилагательные можно перевести на русский существительными, если контекст позволяет воспользоваться подобной вольностью: *das Besondere am Klima – особенность климата, das Nützliche an der Angst – польза страха, das Seltsame an diesem Lachen – странность этого смеха, das Tragische am Film – трагизм фильма.* Иногда на помощь приходит слово *самый* как элемент превосходной степени прилагательного, досочиненной переводчиком: *Das Dumme an dem Ganzen … . – Самое глупое во всем этом … ; Genau das ist das Interessante daran. – В этом-то самое интересное.* Субстантивация названий цветов в немецком не знает исключений, то есть название любого цвета может превратиться при необходимости в существительное *(das Braun, das Grau, das Rosa, das Violett)*. В словаре русского языка несколько существительных, образованных от названий цветов, тоже имеется *(голубизна, желтизна, зелень, синева, чернота)*, а в случаях лакун приходится переводить немецкие существительные соответствующими прилагательными с добавлением слов *цвет* или *тон: das Grau ihrer Augen – серый цвет ее глаз* (но не **серость ее глаз*).

Частеречная асимметрия между немецким и русским языками вызывается еще и тем, что в немецком нередко отсутствует глагол там, где он имеется в русском лексиконе. Объясняется это тем, что немецкому лексикону требуется значительно меньше глаголов благодаря легкости, с которой связываются различные прилагательные или причастия с глаголами *sein, werden,* образуя именное сказуемое: *обижаться – gekränkt sein, опечалиться – traurig werden, переходить на личности – persönlich werden, холодать – kalt werden*. Правда, имеются и примеры противоположного направления: глаголу в немецком соответствует субстантивное словосочетание в русском: *notlanden – совершать вынужденную посадку, paddeln – плавать на байдарках, radeln – кататься на велосипеде, rodeln – кататься на санках.*

Сочетания немецких прилагательных с глаголами *sein, werden, bleiben* часто вынуждают переводчика искать нестандартные переводческие решения, не зафиксированные в двуязычных словарях. Например, хотя *stoisch – стоический,* но предложение *Er blieb stoisch* нельзя перевести как **Он остался стоическим*. Возможные варианты перевода – *Он остался непреклонен; Его было не переубедить*. Аналогичным образом приходится искать специальные переводческие решения для таких примеров, как: *Sie wurde neugierig. – Она насторожилась; Ей захотелось узнать, что (там) происходит; Sie wurde panisch. – Она впала в панику.*

Вот еще некоторые примеры несовпадений по части речи на словарном уровне:

С немецкого на русский:

Augenkontakt: Er meidet Augenkontakt. – Он не смотрит в глаза; Er scheut keinen Augenkontakt. – Он не боится смотреть в глаза; ср. также Blickkontakt – встретиться взглядом *(в русском соответствующего существительного нет)*

berufstätig (sein) – работать *(в русском соответствующего прилагательного нет)*

Durcheinander: Da lag ein Durcheinander von Papieren. – Бумаги лежали как попало *(в русском соответствующего существительного нет)*

Ehebrecher, Ehebrecherin – человек, совершивший прелюбодеяние *(в русском соответствующего существительного нет)*

Entscheidungsträger – принимать решение *(в русском соответствующего существительного нет)*

Geheimniskrämerei – наводить тень на плетень, напустить туману *(в русском соответствующего существительного нет)*

gelten: Mein Hauptinteresse gilt der Linguistik. – Наибольший интерес для меня представляет лингвистика; Больше всего меня интересует лингвистика *(не всегда можно перевести глаголом же)*

Handlungsbedarf – требуется что-либо делать, действовать, требуется предпринимать какие-либо шаги, меры: Berlin meldet Handlungsbedarf – Берлин сообщает, что необходимо принимать меры, действовать *(в русском соответствующего существительного нет)*

hörig: Sie ist hörig geworden. – Она впала в полную зависимость от кого-либо, смотрит кому-либо в рот *(в русском соответствующего прилагательного нет)*

Ich habe zu tun. – У меня еще есть дела *(в немецком – глагольная группа, в русском – группа существительного)*

Liebeskummer – несчастная любовь *(в русском нет выражения *любовное горе, *горе от любви: несовпадение в определяемом и определяющем)*

Muskelkater – Мышцы болят *(в русском соответствующего существительного нет)*

Plattfuß: Wir hatten Plattfuß. – У нас лопнула шина *(велосипедная, автомобильная) (в русском соответствующего существительного нет)*

Prozess riskieren: Wer Karikaturen malt, riskiert einen Prozess. – Карикатурист рискует быть привлеченным к суду *(в русском нельзя перевести слово „Prozess" в подобном словосочетании существительным же)*

seelenverwandt – духовное родство: Sie sind seelenverwandt. – Между ними существует духовное родство; Они связаны духовным родством *(в русском соответствующего прилагательного нет, перевод реализуется с помощью группы существительного)*

Spielverderber: испортил песню *идиом., разг.*; всю обедню испортил *идиом., разг. (в русском соответствующего существительного нет)*

Sympathisant: Ich bin ein großer Sympathisant der modernen Rockmusik. – Я любитель современной рок-музыки; Мне симпатичен современный рок *(в русском есть глагол «симпатизировать», но нет соответствующего существительного)*

unpässlich – неважно себя чувствовать, хворать *(в русском соответствующего прилагательного нет)*

verjähren – истечение срока давности: Der Diebstahl ist verjährt. – Дело о краже закрыто за сроком давности; Seine Schuld

ist verjährt. – Срок давности его провинности истек *(в русском соответствующего глагола нет)*

wetterleuchten – полыхают зарницы *(в русском соответствующего глагола нет)*

Zweisamkeit – быть *(жить, находиться)* вдвоем *(в русском соответствующего существительного нет)*

zwischendurch: ein Leckerbissen für zwischendurch – лакомство *(например, для домашнего животного)*

С русского на немецкий:

бисировать – Zugabe *(в немецком соответствующего глагола нет)*

брезгливый – sich ekeln vor etw. *(в немецком соответствующего прилагательного нет)*

верх *перен.*: Где верх, где низ. – Was ist oben, was ist unten; верх наглости – unerhörte Frechheit, unverschämte Frechheit; верх самомнения – ausgesprochene Arroganz; верх совершенства – absolute Vollkommenheit; Верхи не могут, низы не хотят жить постарому. – Die herrschenden Schichten können nicht, ärmere Bevölkerung will nicht mehr auf alte Art leben *(в немецком соответствующего существительного нет)*

весельчак – lustig, heiter, fröhlich *(в немецком соответствующего существительного нет, перевод осуществляется с помощью прилагательного)*

взяточник – korrupt, käuflich, bestechlich *(в немецком соответствующего существительного нет, перевод осуществляется с помощью прилагательного)*

взять кого-либо на мушку *идиом.* – j-d steht zum Abschuss frei *idiom. (в русском глагольная группа с переходным глаголом, в немецком – предложение, состоящее из подлежащего и сказуемого)*

влюбчивый – j-d verliebt sich schnell, leicht, gleich *(в немецком соответствующего прилагательного нет)*

впору – passen *(в немецком соответствующего наречия нет)*

впроголодь – hungern *(в немецком соответствующего наречия нет)*

вседозволенность – Es ist alles erlaubt; Он чувствует полную вседозволенность. – Er führt sich so auf, als wäre ihm alles erlaubt *(в немецком соответствующего существительного нет)*

выдавать желаемое за действительное – Wunschdenken *(в немецком соответствующего глагольного словосочетания нет, перевод осуществляется с помощью существительного)*

глаза разбегаются – die Qual der Wahl *(в русском фраза, состоящая из подлежащего и сказуемого, в немецком группа существи-*

тельного; соответствие не вполне точное, поскольку русское выражение употребляется только в ситуации видимых предметов, а немецкое – и видимых, и воображаемых)

длинноты – langatmig: В фильме есть длинноты. – Der Film ist etwas langatmig *(в немецком соответствующего существительного нет)*

здравомыслящий – j-d mit gesundem Menschenverstand *(в немецком соответствующего прилагательного нет)*

политкорректность – politisch korrekt *(в немецком соответствующего существительного нет)*

правота: убедиться в чьей-либо правоте – sich davon überzeugen, dass j-d recht hat *(в немецком соответствующего существительного нет)*

разъезды: Он весь день в разъездах. – Er ist den ganzen Tag unterwegs *(вместо существительного в переводе наречие)*

ребячество – kindisch *(в немецком соответствующего существительного нет)*

седина – graue Haare *(в немецком соответствующее содержание передается словосочетанием)*

сорвалось с языка – Ausrutscher: *(Прости,)* сорвалось с языка. – Mir ist ein Ausrutscher passiert *(в немецком соответствующего глагольного словосочетания нет, перевод осуществляется с помощью существительного)*

В конкретном контексте в речи обнаружится множество примеров частеречных несовпадений. Почти каждое слово, будучи вовлечено в определенный контекст, может оказаться в ситуации, когда оно не поддается переводу той же частью речи или когда все предложение требует полной переделки его синтаксической и морфологической структуры до неузнаваемости. Это связано с различными нормами синтаксиса и допустимой сочетаемости.

Например, нормы немецкого синтаксиса часто предписывают употреблять наречие там, где в русском стоит существительное – это расхождение особенно заметно в описаниях каких-либо душевных состояний, отношения к чему-либо: *Он посмотрел на меня с изумлением. – Er sah mich staunend an; разговаривать со страхом – ängstlich sprechen; с осторожностью отнестись к чему-либо – etw. vorsichtig angehen.* По-немецки можно сказать *sich kreativ betätigen, sich sozial engagieren.* Русская норма не допускает словосочетаний **работать творчески, *работать*

социально. Можно только: *заниматься творческой деятельностью, работать в социальной сфере.* В детективном романе встречается фраза: *Sie ist elend umgekommen*. Ни один из предлагаемых НРС переводов наречия *elend* наречием – *жалко, убого, плачевно, плохо* – использовать для перевода нельзя, необходимо прибегнуть к помощи субстантивного словосочетания: *Она погибла в муках*. По радио передают прогноз погоды: *Örtlich bildet sich starker Nebel*. Это *örtlich* можно перевести на русский только как *в нашей местности, в близлежащих районах.*

Вообще анализ оригинальных текстов и их переводов показывает, что нарушение частеречной принадлежности – одно из самых распространенных явлений перевода. Практика полностью противоречит стремлению двуязычных словарей во что бы то ни стало сохранять частеречную принадлежность перевода по сравнению с оригиналом. Обусловленное традицией упорство, с которым этот принцип проводится лексикографами в жизнь, значительно ослабляет позиции двуязычных словарей и почти сводит на нет их претензию служить основным средством помощи для перевода на неродной язык. Вот только несколько примеров из новеллы Тургенева «Клара Милич» и ее немецкого перевода[181]:

Не упирайся. – Sei nicht so eigensinnig. (Согласно РНС, *упереться – sich widersetzen, sich sträuben.*)

Якову нравилась добродушная откровенность Купфера; да кроме того, рассказы его о театрах, о концертах, о балах, где он был завсегдатаем, тайно занимали и даже волновали молодого отшельника. – Jakow hatte Freude an der gutmütigen Offenherzigkeit Kupfers. Außerdem interessierten den jungen Einsiedler seine Berichte von den Theatern, Konzerten, Bällen und der ganzen ihm fremden Welt, in der Kupfer heimisch war. (Согласно РНС, *нравиться – gefallen, завсегдатай – ständiger Besucher, Stammgast.*)

Вчерашнее письмо находилось у него в боковом кармане, и он постоянно чувствовал его присутствие. – Der gestrige Brief lag in seiner Brusttasche, und er fühlte ihn fortwährend daliegen. (Согласно РНС, *присутствие – Anwesenheit, Gegenwart, Beisein.)*

Мрак воцарился в его комнате. – In seinem Zimmer wurde es dunkel. (Согласно РНС, *мрак – Dunkelheit, Finsternis.*)

3.13.3 Несовпадение отрицаний на лексическом уровне

Область отрицаний является еще одной своеобразной ловушкой для неискушенного переводчика. Немецкие средства отрицания *nicht, kein, un-, miss-, in-, il-, ir-* (в некоторых заимствованиях, например, *indirekt, informell, illegal, irreal, irregulär, irrelevant*), *-los, -frei* иногда способны выполнять смыслоразличительную функцию в парах похожих слов (паронимов). Так, *nicht billig* означает *недешевый,* а *unbillig – несправедливый; nicht lustig – невеселый,* а *unlustig – без всякого желания*. Выражение *nicht recht haben* означает *быть неправым,* а *kein Recht haben – не иметь права*. Слово *rechtlos* переводится как *бесправный,* а *rechtsfrei – там, где не действует закон. Parteilos* означает *беспартийный,* а *unparteiisch – беспристрастный.* Имеются аналогичные примеры и в русском: прилагательное *нечеловеческий* означает *ungeheuerlich, schrecklich, immens, enorm,* а *бесчеловечный – unmenschlich.*

Часто отрицательные приставки – немецкая *un-* или русская *не-* – сливаясь с корнем, образуют с ним семантическое единство, которое постепенно приобретает значение, не выводимое из суммы значений отрицания и корня: *unpersönlich* – это не „nicht persönlich“, а „formell“, „steif“, „ohne persönliche Note“, т. е. *формальный. Unleserlich* означает *неразборчивый,* а не **не читаемый. Unsanft – грубый, бесцеремонный,* а не **не мягкий*. Русское прилагательное *неизбитый* означает не «не избитый», а «свежий», «необычный» – *frisch, neu, originell*. Эти примеры свидетельствуют о том, что при наличии отрицаний в одном из языков пытаться переводить слова поморфемно довольно рискованно, хотя бывают и точные попадания: *необратимый – unumkehrbar, неожиданный – unerwartet, неопровержимый – unwiderlegbar;* во всех этих примерах структура прозрачна и поморфемный перевод приносит желаемый результат.

Иные прилагательные с отрицательной приставкой так далеки по значению от суммы значения корня и отрицания, что их и отрицательными назвать уже нельзя: *нехитрый (einfach, schlicht)* никакого отношения не имеет к хитрости, а *нешуточный (groß, kompliziert, schwer, stark)* к шутке.

Дело осложняется еще и тем, что иногда немецкая приставка *un-* выступает не в своей привычной роли отрицания, а в функции усилителя качества: *Ungetüm – чудовище, Unmengen – несметные количества, Unsummen – колоссальные суммы.* Таких случаев, правда, не очень много, но сам факт наличия у приставки *un-* значения, не сводимого к отрицанию, необходимо учитывать, чтобы не попасть впросак.

Не всегда изначально ясно, должен ли и перевод включать в себя отрицание, если оно наличествует в составе переводимого слова. Например, русские прилагательные *неуютный, нечестный* переводятся немецкими прилагательными с отрицательной приставкой *un-: ungemütlich, unehrlich*. А вот *негромкий* – не **unlaut* и не **nicht laut,* а *leise; неглубокий – flach, seicht; нетленный – zeitlos; неуловимый – kaum merklich; неуспевающий (ученик) – leistungsschwach; неширокий – schmal.*

Немецкий суффикс *-los* переводится обычно с помощью приставки *без-/бес- (bewusstlos – бессознательный, sinnlos – бессмысленный, zwecklos – бесполезный)*. Но и эта закономерность выдерживается не всегда: *niveaulos* – не **без уровня* или **безуровневый,* а *жалкий, убогий; reizlos* – не **без обаяния,* а *унылый, непривлекательный.*

Русский предлог *без* или русская приставка *без-/бес-* могут быть переведены на немецкий и с помощью суффикса *-los,* и с помощью корня *-frei* в роли, уподобляющейся морфологической функции суффикса, и с помощью приставки *un-: (машина) без аварий – unfallfrei, (почтовое отправление) без накладных расходов – portofrei, без шероховатостей – reibungsfrei, reibungslos, бездетный – kinderlos, безоглядный – rückhaltlos, беспристрастный – unbefangen, бесталанный – unbegabt.*

3.13.4 Несовпадение в степенях сравнения

Сравнительная или превосходная степень прилагательных и наречий не всегда требует перевода прилагательным или наречием в той же степени сравнения. Некоторые степени сравнения как в русском, так и в немецком

языках лексикализовались, утратили свое грамматическое значение и употребляются абсолютно, а не относительно какого-либо объекта сравнения. Так, *он милейший человек* вовсе не означает «самый милый из всех», а означает «очень милый» – *sehr nett*. *Грубейшая ошибка* – не «самая грубая», а просто «грубая»: *grober Fehler*. *Нижайший поклон* – это просто вежливая формула, обозначающая не «самый низкий из возможных поклонов», а *сердечный привет* – *herzlicher Gruß*. *Превосходнейшее вино* – *hervorragender Wein*, а не *hervorragendster Wein*. *Виднейший ученый* – не «самый видный», а «известный», т. е. *namhaft, renommiert*. *Tiefste Provinz* – это не *самая глухая провинция*, а просто *глухая провинция*. *Mehrere* – не *больше*, а *несколько, многие*: *mehrere Kinder – многие дети, mehrere Anzüge – несколько костюмов*. Та же форма используется иногда для смягчения категоричности слова *viele*, и в этом случае переводится как *немало, продолжительный, изрядный, не один*: *es gibt mehrere Interessenten – желающих немало, es dauerte mehrere Tage – это продолжалось не один день*. Русское выражение *короче говоря* (или его сокращенная разговорная форма *короче*) также переводится без использования сравнительной степени прилагательного *kurz*: *um es kurz zu machen* (а можно перевести это выражение и вовсе не используя *kurz*: *also, sprich*).

Иногда сравнительная или превосходная степень прилагательного переводится с помощью положительной не потому, что контекст не предполагает ситуации сравнения, а просто потому, что язык перевода не допускает определенных формулировок. Скажем, первая фраза в книге «Антихрист» Ницше: *Dies Buch gehört den Wenigsten* – переводится как *Эта книга принадлежит немногим* или *Это книга для немногих; Это книга для избранных* – то есть превосходная степень субстантивированного прилагательного в переводе не отражается – не потому, что Ницше не имел в виду сравнения немногих с большинством, а потому, что иначе по-русски не скажешь: **для самых немногих, *для наиболее немногих* – недопустимые формы. Предложение *Sie zog immer größere Kreise* удобнее всего перевести с помощью глаголов *увеличивать* или *наращивать* и избежать употребления при-

лагательного вовсе: *Она все увеличивала круги; Она все наращивала круги.*

Дело осложняется, однако, тем, что подобная лексикализация грамматической категории степени сравнения имеет место в обоих языках, и иногда языки обнаруживают лексические совпадения. *Ärgster Feind — злейший враг:* казалось бы, речь идет о самом заклятом враге по сравнению со всеми остальными врагами. Но **arger Feind,* как и **злой враг,* сказать нельзя, так что сравнение здесь лишь мнимое. В переводе фразы *er verfolgte das Gespräch mit größter Aufmerksamkeit* вполне можно использовать прилагательное в превосходной же степени *(он следил за разговором с величайшим вниманием),* причем ни немецкое, ни русское прилагательное не употребляются здесь в ситуации сравнения. Обращение *дражайшая Солоха* будет переведено как *liebste Solocha* — и снова мы сталкиваемся со случаем абсолютного употребления превосходной степени сравнения в обоих языках. Такие совпадения обнаруживаются, правда, лишь для очень немногих прилагательных (*groß, tief, hoch, interessant* и некоторых других).

Сравнительная степень в немецком языке иногда служит для смягчения или ослабления признака: *ein kleineres Haus — небольшой дом, небольшой домик; ein längeres Gespräch — продолжительный разговор; eine größere Halle — довольно большой зал.* В этом отношении немецкий и русский языки расходятся: в русском подобная традиция полностью отсутствует. При переводе прилагательных и наречий в сравнительной или превосходной степени требуется, таким образом, внимательно следить за тем, имеется ли в переводимом тексте в принципе ситуация сравнения. Но даже при очевидном сравнении, то есть при явном или косвенном упоминании сравниваемого объекта, необходимо помнить о некоторых дополнительных трудностях, подстерегающих переводчика. Например, смысл выражения *в два, в три, четыре, пять и т. д. раз больше* (скажем, в предложении *Я сказал в пять раз больше, чем нужно*) передается на немецкий как с использованием сравнительной степени наречия *(Ich habe fünfmal mehr gesagt als nötig),* так и без ее использования *(Ich habe fünfmal so viel gesagt wie es nötig war).*

Для выражения превосходной степени в русском языке можно употреблять как положительную степень сравнения прилагательного в сочетании со словами *самый, наиболее (самый старый, наиболее выигрышный),* так и аффиксальную форму прилагательного (с суффиксами *-ейш-, -айш-*), а также сравнительную степень прилагательного в сочетании с *всех* или *всего (умнее всех, выше всех, лучше всего)* или положительную степень в сочетании с *самый* и с добавлением *из всех (самый строгий из всех, самая доверчивая из всех),* но перечисленные способы выражения превосходной степени сравнения не абсолютно синонимичны. К сожалению, их различие трудно облечь в форму правила или рекомендации – скорее, оно выявляется на уровне узуса (так принято, а иначе не принято). Например, можно сказать *Это самое главное; Это важнее всего,* но не принято говорить **Это главнейшее; *Это важнейшее.* Допустимо *Это самый главный человек в моей жизни,* и странной кажется фраза **Это главнейший человек в моей жизни.* В то же время нормативны формулировки *Это главнейшее правило; Это главнейшая заповедь; Это главнейшее условие.* О превосходном певце скажут *Это лучший бас нашего театра,* но вряд ли **Это самый хороший бас нашего театра.* О каком-либо блюде можно сказать *Самым вкусным в сегодняшнем обеде был суп*, но нельзя **Вкуснейшим в сегодняшнем обеде был суп.* Так же скажут *Самым интересным во всем походе было восхождение на Килиманджаро,* но вряд ли кто-нибудь сформулирует ту же мысль, используя превосходную форму *интереснейшим.* Немецкая надпись на бокале с пивом гласит: *Bayerns älteste Brauerei.* Корректным будет перевод *старейшая пивоварня Баварии,* а не **самая старая пивоварня Баварии*[182].

Для использования слова *наиболее* (в сочетании с положительной степенью прилагательного) как еще одного способа выражения превосходной степени сформулировать рекомендацию проще: оно употребляется в официально окрашенной речи и, в силу этого обстоятельства, выражает идею превосходства какого-либо качества в облегченно-сниженной степени. Сказать *Он наиболее одаренный певец в нашем театре* не то же самое, что сказать *Он самый одаренный певец в нашем театре.* Первое предложение передает отстра-

ненно-официальную, объективно-спокойную точку зрения говорящего, что снижает эмоциональное воздействие высказывания и степень убедительности оценки – в отличие от второго. В слове *самый* содержится элемент субъективности, который воздействует на адресата напрямую и обладает большей силой убеждения. В немецком языке различение форм выражения превосходной степени по стилю и по силе воздействия отсутствует.

Две формы превосходной степени в немецком – флективная *(der, die, das + ste-)* или нефлективная *(am + -sten)* различаются объектом сравнения: флективная форма употребляется при сравнении с другими объектами, а нефлективная – при сравнении объекта с самим собой в иных обстоятельствах. Их различие можно схематично показать сопоставлением пары *лучше всех* или *лучше всего.* Например, *Das ist die beste Methode. – Это лучший метод (из всех); Diese Methode lässt sich am besten anwenden, wenn .... – Этот метод лучше всего использовать, когда ...* . Поэтому вопрос *Какая змея самая ядовитая?* можно перевести лишь используя флективную форму: *Welche Schlange ist die giftigste?* – и некорректно было бы спросить **Welche Schlange ist am giftigsten?* В учебниках по немецкой грамматике на этом различии, как правило, внимание не заостряется, чтобы не усложнять учащимся задачу усвоения материала.

3.13.5 Несовпадение в использовании причастий

В области причастий наблюдаются несовпадения по нескольким параметрам. Во-первых, причастие в одном языке вовсе не всегда переводится причастием же в другом. Русские причастия иногда переводятся немецкими прилагательными или существительными (или, как вариант, одним из корней сложного существительного): *имеющий историческое значение – von historischer Bedeutung, начинающий преподаватель – Anfänger, ни к чему не обязывающая болтовня – belangloses Geschwätz, нуждающийся в помощи человек – ein bedürftiger Mann, подслушивающее устройство – Abhörgerät, преуспевающий предприниматель –*

erfolgreicher Geschäftsmann, развивающиеся страны – Entwicklungsländer, разреженный воздух – dünne Luft. Немецкие причастия переводятся на русский тоже далеко не всегда причастиями: *das unbefriedigende Ergebnis – неудовлетворительный результат, flächendeckend – сплошной, сплошь; fließendes Wasser – проточная вода, водопровод; wohltuendes Klima – благотворный климат.* Иногда одно и то же причастие переводится по-разному в зависимости от контекста: *stehend* – может быть и *стоящий (ein in der Ecke stehender Hocker),* и *устойчивый (stehende Redewendung),* и *стоячий (stehendes Wasser).* Имеются и безэквивалентные причастия (лакуны): например, *umworben, umkämpft* перевести затруднительно, тут переводчику потребуется выходить из положения, опираясь на контекст: *umworbene Käufer* – перевод может быть *желанные, вожделенные покупатели.* А название книги *Umworbener Klassenfeind,* посвященной отношениям между бывшей ГДР и США, придется перевести, скажем, как *Вожделенный классовый враг* или *Заигрывание с классовым врагом.* А вот некоторые варианты перевода причастия *umkämpft: umkämpfter Lebensraum – жизненное пространство, за которое ведется ожесточенное сражение; umkämpfter Markt – рынок, за который сражаются конкуренты; umkämpfter Zivildienst – альтернативная служба, которая является предметом мечтаний многих молодых людей.*

Во-вторых, в немецком языке есть ограничения в возможности образования действительных причастий прошедшего времени и страдательных причастий настоящего времени. Действительных причастий прошедшего времени от переходных глаголов в немецком образовать нельзя, и русские причастия в словосочетаниях *выпивший вино, рассказавший историю, спевший песню человек* можно перевести на немецкий только глаголами в рамках придаточных предложений. Действительные причастия прошедшего времени от непереходных глаголов в немецком образовать можно, но лишь от предельных глаголов; если же глагол непредельный, то требуется дополнительная контекстуальная поддержка для обозначения законченности действия: *взошедшее солнце – die aufgegangene Sonne, удавшийся опыт – gelungener Versuch,*

упавший карандаш – der heruntergefallene Bleistift, der auf den Boden gefallene Bleistift; но нельзя **der gefallene Bleistift. Ушедший человек – der weggegangene Mensch,* но не **der gegangene Mensch.*

Страдательных причастий настоящего времени (как, например, в русском *делимый, ведомый, зримый, купаемый, наблюдаемый, покупаемый*) в немецком нет. Форма Partizip I с zu – *der zu beobachtende Verfall, der zu dividierende Wert, das zu badende Kind* – иногда может служить более или менее подходящим эквивалентом, но со своей спецификой, поскольку в ней заключается еще и типичная для этой конструкции модальность возможности. Однако и русский язык далеко не от всех переходных глаголов позволяет создать причастие настоящего времени. Нельзя, например, сказать **цыпленок жаримый, *цыпленок паримый, *цыпленок готовимый, *цыпленок едомый.*

Для причастий *gelernte(-r), studierte(-r)* – например, *gelernter Schlosser, studierter Physiker* – в русском языке лексических соответствий нет. Эти причастия нарушают правило немецкого языка о недопустимости образования действительных причастий от переходных глаголов. Нет в русском и эквивалентов псевдопричастных (образованных от существительных, а не от глаголов) форм типа *bebrillt, beblättert* .

Немецкие причастия, в отличие от русских, могут выполнять в предложении роль императивов: *Hingesetzt und aufgepasst!* Подобные приказания следует переводить в зависимости от контекста: может быть, это грубо-приказное *Сесть и внимательно слушать!* – а может, деловое *Сейчас вы сядете и внимательно меня выслушаете* или мирно-дружеское *Прошу вас сесть и внимательно меня выслушать.*

Деепричастий в немецком нет вовсе. Русские деепричастные конструкции передаются на немецкий иногда причастиями *(укутав шею теплым шарфом – den Hals in einen dicken Schal gewickelt),* иногда разнообразными придаточными *(написав письмо – nachdem er den Brief beendet hat; придя в гости – als er zu Besuch kam; стараясь мне угодить – indem er versuchte, mir gefällig zu sein),* а порой субстантивными конструкциями *(держа руки в карманах – Hände in den Taschen,*

сунув папку под мышку – die Mappe unterm Arm). Некоторые деепричастия успешно заменяются при переводе на немецкий прилагательными: *ни о чем не подозревая – ahnungslos, оставив что-либо без внимания – achtlos*. Немецкие субстантивированные инфинитивы тоже иногда переводятся на русский деепричастиями: *im Vorbeigehen – проходя мимо, im Weggehen – уходя, im Sitzen – сидя*. Деепричастия с *не* или деепричастия с лексически выраженным отрицательным значением обычно переводят при помощи конструкции ohne ... zu + Infinitiv: *забыв поблагодарить – ohne sich bedankt zu haben, не вдаваясь в подробности – ohne auf die Einzelheiten einzugehen, так и не решив всех проблем – ohne alle Probleme gelöst zu haben.*

Обобщая сказанное, можно утверждать, что категория причастий в немецком языке по сравнению с русским ущербна. Из-за того, что определенные грамматические свойства глаголов препятствуют образованию причастных форм, это явление в целом в немецком языке значительно менее популярно, чем в русском. Поскольку во многих ситуациях образовать причастие нет никакой возможности, авторы текстов привыкают пользоваться услугами и возможностями широкого спектра придаточных предложений. Поэтому даже в ситуациях, когда причастие образовать теоретически можно, на практике в немецком тексте чаще встретишь придаточное.

В свете изложенного довольно странным выглядит сопоставительное исследование, посвящаемое подсчету причастных конструкций в русских и немецких текстах. Результат таких подсчетов предопределен заранее: причастных оборотов в русских текстах значительно больше, чем в немецких. К мышлению и способу отображения мира это обстоятельство не имеет ни малейшего отношения. Поэтому никак нельзя согласиться со следующим утверждением: «Русские авторы, выбирая в большинстве случаев причастные обороты для выражения атрибутивных отношений, более целостно и слитно отражают данный отрезок мыслительного процесса, в то время как немецкие авторы, выбирая придаточные определительные для той же цели, отражают данные отношения более дискретно, что свидетельствует о проявлении

национальных особенностей мышления в речевом поведении авторов различных наций»[183]. К национальным особенностям мышления причастные обороты и их частотность имеют такое же отношение, как подобные рассуждения к научности. Сама постановка вопроса свидетельствует о том, что неогумбольдтианство распахнуло двери лингвистики для дилетантизма и что требования к аргументации резко понизились, а свобода трактовок, соответственно, возросла до невиданных до сих пор масштабов.

3.13.6 Несовпадение в употреблении модальных глаголов

Немецкая речь изобилует модальными глаголами, и они часто употребляются там, где в русском модальный глагол отсутствует, что уже само по себе представляет переводческую проблему, потому что носителям русского языка приходится учитывать этот фактор при переводе на немецкий русских предложений, в которых нет лексически выраженной модальности: *Ему прийти в другой раз? – Soll er ein anderes Mal kommen?; Если у него будут затруднения, ... – Sollte er Probleme haben, ... ; Мне подождать? – Soll ich warten?; Мы уже не чаяли, как оттуда выберемся. – Wir konnten kaum noch abwarten, von dort wegzuziehen; Не балуй мне ребенка. – Du sollst mein Kind nicht verwöhnen; Неужели Клаус – мой отец? – Klaus soll mein Vater sein?; Открой, пожалуйста, окно! – Kannst du bitte das Fenster öffnen?; Что мне оставалось делать? – Was hätte ich tun müssen?; Хорошее настроение так и не возвратилось. – Die gute Stimmung wollte sich nicht wieder einstellen.*

И наоборот, наличие модального глагола в немецкой фразе для переводчика на русский язык еще не означает автоматического сигнала для включения в русское соответствие модального же глагола: *Aus dem Fenster konnte er das rote Auto von Marianne ausmachen. – Из окна он разглядел красный автомобиль Марианны.* Перевод, включающий модальный глагол: *Из окна он смог разглядеть красный автомобиль Марианны* – не будет ошибочным, но в принципе модаль-

ный глагол в русском предложении излишен. Уже в семантике глагола *разглядел* содержится сема «смог», «оказался способен», а также семы целенаправленного действия и усилия, напряжения органа зрения – то есть элементы, которые модальным глаголом лишь дублируются.

Даже если приходится перевести модальный глагол модальным же глаголом, перевод иногда оказывается совершенно неожиданным и не согласуется с тем, что рекомендуют немецко-русские словари. Например: *Man sollte es nicht für möglich halten. – Кто бы мог подумать.* Кто бы мог подумать, что глагол *sollen* в некоторых ситуациях переводится не модальным глаголом долженствования, а модальным глаголом возможности[184].

Еще одна опасность подстерегает русских, даже уверенно владеющих немецким языком, при необходимости различать по семантике и правильно употреблять в речи глаголы из пар *sollen – müssen, können – dürfen*. Для носителей русского языка перевод немецких модальных глаголов на родной язык проблем не представляет, но при переводе на немецкий выбор одного из глаголов этих пар иной раз оказывается неверным. Отчасти это связано с преподаванием: для упрощения своей задачи преподаватель немецкого обычно ограничивается самыми беглыми объяснениями, такими как «*sollen* употребляется в случаях давления или ожидания извне, *müssen* в ситуации долженствования в силу собственной убежденности». Достаточно просмотреть учебники немецкого языка, особенно написанные русскими авторами, чтобы отыскать подобные объяснения во множестве. В реальной жизни, однако, глагол *sollen* употребляется далеко не только в контексте чьих-либо ожиданий, то есть в ситуациях долженствования по внешним обстоятельствам, и семантическая граница между *sollen* и *müssen* проходит скорее по оси степени обязательности, чем по оси «внешний – внутренний». В общем и целом в глаголе *sollen* выражена меньшая и, тем самым, более облегченная степень обязательности, чем в *müssen*. Фраза *Ich soll morgen früh noch Fenster putzen* содержит скорее заявку о намерениях, нежели объявление о долженствовании, и в ней не содержится даже намека на чье-либо ожидание. Эта фраза означает нечто вроде

мне бы надо … , хорошо бы мне завтра … (прямо с утра пораньше помыть окна). А предложение *Ich muss heute länger im Büro bleiben* содержит значительно более серьезную степень обязательности: *Мне придется остаться сегодня подольше на работе.* Глагол *müssen* в немецком субстантивировался, и возникло существительное *Muss — нечто обязательное* (вспомним немецкую пословицу *Muss ist eine harte Nuss*). Достаточно ясно различие между семантикой *müssen* и *sollen* проступает в примере *Es ist kein Muss, man sollte es aber tun*. — *Это не обязательно, но желательно.*

Разницу между *können – dürfen* принято объяснять в терминах физической способности *(können — кто-либо что-либо может совершить,* т. е. *способен совершить)* или внешнего разрешения *(dürfen — кому-либо можно, дозволено, разрешено что-либо совершить)*. Иногда это различие можно и даже необходимо выразить вербально с помощью синонимов. Например, радио «Свобода» задает жителям нескольких российских городов вопрос: *Могут ли международные правозащитные организации влиять на защиту прав человека в России?* Вопрос задан некорректно: в *могут ли* снимается различие между *способны ли (können)* и *имеют ли право (dürfen),* а оно для понимания смысла вопроса существенно. Но иногда различие между смыслами «иметь право» и «быть способным» вербализовать по-русски бывает нелегко, поэтому перевод такого, казалось бы, ясного по семантике немецкого предложения, как *Was nicht sein darf, kann auch nicht sein* уже вызывает затруднения: **Чего быть не может, того быть не может* — такого перевода быть не может, потому что это бессмыслица. А перевод *Что не разрешается, того быть не может* неверен по сути: в данном конкретном контексте газетной заметки говорится о том, что, узнав из архивов, что Верди был вовсе не тем, кем до сей поры слыл, итальянцы склонны скорее усомниться в архивных материалах, чем изменить сложившееся о своем кумире мнение, поскольку они рассуждают в точности по формуле *Was nicht sein darf, kann auch nicht sein*. Перевести это предложение придется, по всей вероятности, так: *Чего быть не должно, того быть никак не может*. Получается, что *dürfen* здесь переводится глаголом долженствования, а не глаголом возможности или разрешения. Значит, контекст оказывается

сильнее теории, утверждающей, что *dürfen* – это глагол, обозначающий чье-либо разрешение что-либо делать.

Кроме того, теории противоречит и узус. В быту глагол *dürfen* употребляется почти исключительно в формулах вежливости или в ироничном контексте: *Darf ich Ihnen einen Stuhl anbieten? Wenn ich auch mal etwas sagen darf, würde ich dazu eine Bemerkung machen; Ich darf Sie daran erinnern, dass ...* . Что касается просьб о разрешении чего-либо, то здесь чаще употребляют глагол *können,* хотя это противоречит правилам практической грамматики. Например, двое куда-то собираются идти, третий спрашивает, можно ли пойти с ними. Вопрос *Darf ich mit?* прозвучит как знак самоуничижения, как если бы субъект ставил себя в зависимость от чужого волеизъявления. Поэтому вопрос формулируется как *Kann ich mit?* – хотя такое употребление глагола *können* не соответствует его исходному лексическому значению. По отношению к коллеге не спросят *Darf ich dich was fragen?* Вопрос сформулируют в виде *Kann ich dich was fragen?* – по той же причине. *Dürfen* в обиходных вопросах сигнализирует неравенство, зависимость, и этого сигнала надлежит избегать, как вербального символа нарушения равноправия участников коммуникации.

Ситуация усложняется еще и тем, что в предложениях с отрицаниями глагол *dürfen* употребляется значительно чаще, чем в предложениях с положительным модусом, и переводится не только как *кому-либо чего-либо нельзя,* но и как *кто-либо не должен что-либо делать, кому-либо не нужно чего-либо делать,* т. е. *dürfen* с отрицаниями довольно близко смыкается с *sollen: Du darfst nicht erwarten, dass ... . – Ты не должен ожидать, что ...* или *Не жди, что ... ; Man darf nicht denken, das geht jetzt alles von ganz allein. – Не нужно думать, что теперь все получится само собой.* В этих предложениях *dürfen* можно было бы безболезненно заменить на *sollen.*

Модальный глагол *mögen* таит в себе целый конгломерат переводческих трудностей, поскольку в русском языке для него нет аналога вовсе. Вот лишь некоторые сведения об этом глаголе, его значениях и сочетаемости: *1. быть в состоянии: Ich mag es nicht sagen. – Трудно сказать; Затрудняюсь сказать; 2. любить, нравиться; nicht mögen – 1) не любить; 2) невзлюбить:*

Ich mag dich. – Ты мне нравишься; Ich mag ihn nicht (leiden). – Я его не люблю; Sie hat ihn auf Anhieb nicht gemocht. – Она невзлюбила его с первого взгляда; Ich mag diese Frau. – Мне симпатична эта женщина; Ich mag die Tomatensuppe. – Я люблю томатный суп; j-n nicht besonders (gern) mögen – недолюбливать кого-либо; 3. хотеть: Magst du noch etwas Suppe? – Хочешь еще супа? Налить тебе еще (немного) супа?; Ich möchte noch etwas Fleisch. – Можно мне еще немного мяса?; Ich mag ihn nicht sehen. – Я не хочу его видеть; Wie du magst. – Как хочешь; Как угодно; 4. выражение желания, предположения, сомнения, уступительности, неуверенности: wie es auch sein mag, ... – как бы то ни было ... ; Mag der Gott ihn bewahren. – Да хранит его Бог; Wo mag er nur stecken? – Где его носит?; Er mag recht haben. – Возможно, он прав; Не исключено, что он прав; wie recht er auch haben mag, ... – пусть он трижды прав ... ; ... wie es auch heißen mag – как это ни называй, как это ни назови; mag sie auch noch so schön sein, ... – какая бы она ни была (рас)красавица, ... ; Mögen die verantwortlichen Werbetexter auch noch so sehr beteuern, dass damit etwas Positives gemeint sei ... . – Как бы авторы рекламных текстов ни заверяли, что имеется в виду нечто исключительно положительное ... ; Karl hat angerufen. Du möchtest ihn bitte zurückrufen. – Карл звонил. Просил, чтобы ты ему перезвонил; Wie alt mag er sein? – Интересно, сколько ему лет?; mag sein, dass ... – возможно ... ; не исключено ... ; Was mag der Grund sein? – Интересно, в чем причина? Интересно, в чем дело?

Проблемы с *mögen* возникают для носителя русского языка при переводе с русского на немецкий. Вряд ли найдется хотя бы один русско-немецкий словарь, в котором для модального слова *интересно* или выражения *кто-либо кому-либо симпатичен* в качестве возможного перевода предлагался бы глагол *mögen*. Да и выражение предположения *(не исключено, что ... ; возможно, что ...)* на занятиях немецким языком и в словарях с помощью этого глагола обычно переводить не предлагается. Разумеется, сказать *Vielleicht hat er recht* вместо *Er mag recht haben* или *Woran könnte er jetzt denken?* вместо *Woran mag er jetzt denken?* не будет ошибкой, но глагол *mögen* в таких контекстах украсил бы речь и сделал ее «более немецкой».

Наконец, не всегда просто распознать средства выражения внешней модальности и переводить в таких случаях глагол *wollen* не как *хотеть,* а как *утверждать, что ... ,* глагол *sollen* не как *быть должным, а* как *говорят, что ...* (или как *якобы*), а *dürfen* не как *можно,* а как *вероятно, не исключено, что ... .* Но если этим искусством можно овладеть еще относительно легко, усвоив формальное правило о почти повсеместной сочетаемости модальных глаголов в функции выражения внешней модальности со вторым инфинитивом *(Der Redaktor soll schon früher informiert gewesen sein. – Редактор якобы был проинформирован заранее; Er dürfte sich geirrt haben. – Он, вероятно, ошибся; Er will das mehrmals beobachtet haben. – Он уверяет, что наблюдал это не раз; Sie soll krank gewesen sein. – Говорят, она болела; Zeugin will Diebe gesehen haben. – Свидетельница, по ее словам, видела воров; Свидетельница утверждает, что видела воров),* то обратный перевод – *утверждать, что ...* или *уверять, что ...* как *wollen* или *говорят, что ...* или *якобы* как *sollen* – представляет собой для носителей русского языка реальную трудность, тем более что РНС не предлагает подобных вариантов перевода вовсе. Разумеется, такие эквивалентные замены, как *er behauptet* вместо *er will* или *man munkelt, man sagt, es heißt, dass er ...* вместо *er soll,* – грамматически и лексически корректны, и ими вполне можно было бы обходиться, но все же для качественного перевода необходима синонимия, многообразие и максимальная приближенность к типичным формам выражения того или иного смысла, а для немецкого языка модальные глаголы как способ отображения внешней модальности, пожалуй, наиболее распространенная и типичная грамматическая форма (наряду с футурумом вторым).

3.13.7 Глагол *lassen*

Глагол *lassen,* если отвлечься от его самостоятельной синтаксической роли в предложении и связанных с ней конкретных значений *оставлять, покидать, прекращать* и сосредоточиться на тех его значениях, которые проявляются при его употреблении в сочетании с инфинитивами других глаголов –

употреблении, которое роднит его с модальными глаголами, – представляет для перевода немалые трудности, причем как при переводе с немецкого языка на русский для немцев, так и при переводе с русского на немецкий для русских. Нельзя сказать, чтобы в русском языке не было аналогов этого глагола. Русские подобия как раз имеются, но их, наоборот, слишком много, чтобы в двуязычном словаре охватить все случаи употребления *lassen*. Ни немецко-русский, ни, тем более, русско-немецкий, даже самый подробный, словарь не в состоянии дать переводчику все необходимые ключи к правильному переводу этого глагола с немецкого на русский и к употреблению этого глагола при переводе с русского языка на немецкий. Поэтому требуется поиск некоторого «общего знаменателя», единого ключа, который позволил бы переводить этот глагол и пользоваться им с наименьшим риском сделать ошибку.

Обобщенно можно сказать, что глагол *lassen* применим почти для всех видов каузативности, то есть причинения того или иного действия в самом широком диапазоне: *велеть, вынуждать, давать возможность что-либо делать, давать что-либо делать, допускать, заставлять, побуждать, позволять, попустительствовать, потакать, поручать, предоставлять, просить, разрешать, распоряжаться*. В скрытом виде у этого глагола имеется только одно глубинное значение – «инициировать какое-либо действие». Это исконное глубинное значение находит самые разнообразные преломления на уровне подбора конкретных вербальных эквивалентов в различных контекстах: *Ich ließ den Wasserhahn reparieren. – Я вызвал водопроводчика, чтобы он починил кран; Ich ließ ihn in Frieden ziehen. – Я позволил ему спокойно уйти; Я не возражал против его ухода; Ich ließ ihn Luft holen. – Я дал ему перевести дыхание; Ich ließ meine Uhr reparieren. – Я отдал часы в ремонт; Ich ließ sie mir den Weg erklären. – Я попросил ее объяснить мне дорогу; Lass es mich wissen. – Дай мне знать; Lassen Sie mich ausreden. – Позвольте мне договорить; Можно я договорю?; Sie haben Pizza-Service kommen lassen. – Они заказали пиццу на дом; Sie ließ Kaffee holen. – Она распорядилась принести кофе; Sie ließ mich weiterreden. – Она предоставила мне продолжить мою речь; Sie ließen die Leiche verschwinden. – Они позаботились об исчезновении трупа.*

Обычно агенсом предложений с *lassen* является какое-либо лицо (кто-либо позволяет, велит, просит, разрешает что-либо совершить), но не обязательно – случается и так, что агенсом выступает неодушевленный предмет: *Das Wetter ließ uns zu Hause bleiben. – Погода вынудила нас остаться дома; Seine Worte ließen mich erröten. – Его слова заставили меня покраснеть.*

Именно широчайший диапазон возможных переводов каузативного глагола *lassen* на русский язык является серьезной трудностью для немцев: который вариант из этого списка потенциальных эквивалентов выбрать? Почему, когда кто-то *lässt Pizza-Service kommen,* то он *заказывает* пиццу, а если кто-то *lässt sich Kaffee holen,* то он, скорее всего, *велит* или *распоряжается* принести кофе? На самом деле перевод фразы про кофе тоже может включать глаголы *заказывать* или даже *просить;* все зависит от конкретной ситуации: например, от того, идет ли речь о заказе кофе в кафе, о разговоре двух супругов, один из которых просит другого принести ему кофе, или о беседе хозяина с прислугой. Все эти тонкости русскому переводчику с немецкого доступны в силу знания родного языка. Однако этому же переводчику приходится нелегко при переводе на немецкий фраз вроде *Дай мне знать.* РНС предлагает для *давать* три возможных перевода: *geben, bringen, lassen*. Который выбрать? Можно снабдить переводчика простым правилом: *давать* в сочетании с инфинитивом переводится как *lassen*. Это правило действует для фраз *Дай мне договорить. – Lass mich ausreden; Дай мне дочитать. – Lass mich bis zu Ende lesen; Дай мне знать. – Lass mich es wissen; Дай мне излить душу. – Lass mich mein Herz ausschütten; Он дал мне понять, что … . – Er ließ mich verstehen, dass … ,* но оно перестает действовать для фраз *Дай мне напиться. – Gib mir zu trinken; Hol mir Wasser.* Поэтому к правилу об обязательной сочетаемости с инфинитивом требуется добавить уточнение: *lassen* употребляется как перевод *давать* в значениях, близких к *разрешать, позволять, дозволять, допускать.*

Но и перевод глаголов *позволять, разрешать* как *lassen* далеко не всегда заранее предсказуем: ведь *позволять, разрешать* – это, в первую очередь, *erlauben, gestatten, genehmigen,*

bewilligen. РНС даже не упоминает глагол *lassen* в качестве возможного перевода для *позволять* или *разрешать*. Многие примеры подтверждают мнение РНС: *Отец разрешил дочке переночевать у подруги. – Der Vater erlaubte der Tochter, bei der Freundin zu übernachten; Нам позволили проветрить помещение. – Uns wurde gestattet, den Raum zu lüften*. Дочка спросила разрешения переночевать у подруги, и отец его дал. Мы спросили дозволения проветрить помещение, и мы его получили. Отец, разрешающий дочери переночевать у подруги в ответ на ее просьбу, или некто, кто позволяет нам проветрить помещение в ответ на нашу просьбу, не являются людьми, разрешение которых становится причиной какого-либо действия. Решение принимается другими людьми (дочкой, нами), а отец или неведомый некто лишь дают свое согласие. Более того, из этих фраз вовсе не вытекает, произошло ли в действительности событие, для которого было получено разрешение. Глагол *lassen* требуется при переводе с русского языка на немецкий только тогда, когда вступает в игру каузативность. Вот если сказать *Der Vater ließ seine Tochter bei der Freundin übernachten,* то ситуация меняется: здесь отец не только позволяет, но одновременно и предлагает, просит, велит или допускает, попустительствует, потакает действиям дочери; отец является «причинителем» факта ночевки у подруги; употребление глагола *lassen* имплицитно внушает адресату, что событие *переночевать* действительно имело место. Это немецкое предложение, в принципе, может служить переводом русского предложения *Отец разрешил дочери переночевать у подруги,* но дочь при этом вовсе не обязательно спрашивала его разрешения – по крайней мере, об этом ничего не известно и это неважно.

В семантике *lassen* на первом месте каузативность как таковая. Каким конкретным русским глаголом она выражена – вопрос вторичный. Только если русский переводчик ощущает в глаголах *разрешать, позволять, давать* в конкретных текстах эту каузативность, смыкающуюся, почти сливающуюся с семантикой глаголов *допускать, велеть, просить* в некий единый семантический комплекс «инициировать», он может или даже должен использовать в своем переводе глагол *lassen*. И наоборот: при переводе с немецкого русские каузативные гла-

голы можно порой заменить один другим без ущерба для смысла: предложение *Die Liebe ließ ihn seine Schmerzen vergessen* вполне допускает переводные варианты *Любовь позволяла ему / заставляла его /помогала ему забыть о своей боли*.

Каузативность отчетливо проявляется в семантике глаголов *разрешать, позволять, давать* в предложениях-просьбах: *Дай мне выспаться. – Lass mich ausschlafen; Позволь мне тебе помочь. – Lass mich dir helfen; Разрешите отвезти Вас домой. – Lassen Sie mich Sie nach Hause fahren.* Так же несложно усвоить конструкцию *lass uns* ... в значении *давай:* это *давай* ... смыкается с уже известным нам *давать* в значении *позволять* что-либо сделать: *Lass uns feiern. – Давай отпразднуем это событие; Lass uns nach Hause fahren. – Давай поедем домой*. Перевод *давай* с русского на немецкий с помощью *lass uns* ... обычно тоже не затруднителен.

Недалеко от этого же значения отстоит и русская частица *пусть* в контекстах пожелания, распоряжения, повеления, просьбы: *Пусть он придет. – Lass ihn kommen; Пусть она споет. – Lass sie singen*. За этим *пусть* скрываются уже известные нам значения «давать» или «велеть», то есть общая сема причинения: *Пусть он придет* означает приблизительно то же, что и *Давайте он придет; Сделайте так, чтобы он пришел; Попросите его прийти*.

Глаголы *заставлять, велеть, просить, распорядиться что-либо сделать* скорее воспринимаются как каузативные, чем *давать, позволять, разрешать,* хотя *заставлять* можно перевести не только как *lassen,* но и как *zwingen, nötigen,* а *просить* как *bitten*. Который из глаголов – *zwingen, nötigen, lassen* – выбрать для перевода глагола *заставлять,* зависит в первую очередь от силы принуждения и от того, насколько осознанно и целенаправленно оно осуществляется: *Он заставил меня подписать договор. – Er ließ mich den Vertrag unterschreiben. / Er zwang mich, den Vertrag zu unterschreiben. / Er nötigte mich, den Vertrag zu unterschreiben; Он не заставил себя долго упрашивать. – Er ließ sich nicht lange überreden; Она заставила меня понервничать. – Sie ließ mich zappeln; Она заставила меня попотеть. – Sie ließ mich schuften.*

В этих примерах в глаголе *lassen* принуждение выражено довольно слабо; оно, как и в предыдущих примерах, являет-

ся лишь ипостасью некой обобщенной каузативности. Кто-то заставляет кого-то поволноваться, понервничать или попотеть, скорее всего, неосознанно или, по крайней мере, без злого умысла. При подписании договора ситуация может выглядеть по-разному: *заставлять* может здесь смыкаться с *предлагать*, *просить,* то есть выражать слабую степень принуждения – и в этой ситуации уместен глагол *lassen*. Как только степень принуждения и целенаправленность давления начинают всерьез противоречить интересам того, кого принуждают, уместно употребить глагол *zwingen* или даже *nötigen*. Глагол *lassen* слишком слаб в отношении выражения насилия над чьей-либо волей. Что же касается словосочетания *не заставил себя* (например, *долго ждать, долго упрашивать, просить дважды*), то оно носит почти идиоматический характер и всегда переводится с привлечением глагола *lassen.*

В контексте просьб решение вопроса, который глагол – *lassen, bitten* – выбрать при переводе с русского языка на немецкий, определяется той же закономерностью: *lassen* употребляется там и тогда, где и когда ситуация включает в себя каузативность. Если кто-то не только просит, но и побуждает, распоряжается, почти велит сделать что-либо, то используется именно этот глагол: *Хозяйка просит гостей войти. – Die Hausherrin lässt die Gäste eintreten; Я попросила постричь себя совсем коротко. – Ich ließ mir die Haare ganz kurz schneiden.*

В противоположность *lassen,* в глаголе *bitten* выражена просьба в чистом виде, в нем отсутствует сема повеления, принуждения или побуждения. Можно сказать и *Ich bat mir die Haare ganz kurz zu schneiden,* но в этом предложении выражена лишь просьба как таковая и ничего не сказано о том, была ли она выполнена и как именно.

Относительно легко осуществляется перевод конструкции *sich lassen* в сочетании с инфинитивом как на русский язык с немецкого, так и на немецкий с русского, поскольку эта конструкция включена во все грамматики немецкого языка и рассматривается в разделе модальности в страдательном залоге: *etw. lässt sich machen* означает *с чем-либо можно или нужно что-либо сделать: Das lässt sich diskutieren. – Это*

можно обсудить; Das Problem lässt sich leicht lösen. – Проблему легко решить; Das Buch lässt sich nur schwer lesen. – Книга читается с трудом. В силу того, что употреблению и переводу этой конструкции обычно уделяется достаточно внимания в курсах грамматик, мы здесь на ней задерживаться не будем.

Зато серьезные трудности для русского переводчика возникают при необходимости включать глагол *lassen* в немецкие словосочетания и предложения, в которых, казалось бы, нет и намека на каузативность или на модальность: *выпустить что-либо из рук – etw. fallen lassen; лечиться у врача – sich behandeln lassen; не преминуть что-либо сделать – sich etw. nicht nehmen lassen; Мне удаляют зуб. – Ich lasse mir den Zahn ziehen; не роптать, не возражать, подчиниться (обстоятельствам) – etw. gewähren lassen, etw. dabei bewenden lassen; Не стану тебе мешать. – Lass dich nicht stören; По нему ничего не было заметно. – Er ließ sich nichts anmerken; получить консультацию – sich beraten lassen; Постарайся получить удовольствие (например, от отпуска, от поездки). – Lass es dir gutgehen; Придумай что-нибудь. – Lass dir etw. einfallen; Он опустился в кресло. – Er ließ sich in den Sessel fallen; Он отпустил бороду. – Er ließ sich einen Bart wachsen; опубликовать свою статью – seinen Artikel veröffentlichen lassen; Со мной этот номер не пройдет. – Ich lasse es mir nicht gefallen; стянуть, стащить что-либо – etw. mitgehen lassen; сфотографироваться – sich fotografieren lassen; Я поеду туда на такси. – Ich lasse mich mit dem Taxi hinbringen.*

Каузативность *lassen* присутствует во всех этих примерах, но формулировки русских словосочетаний и предложений не позволяют ее «нащупать». Буквальный перевод с немецкого на русский дал бы возможность отыскать знакомую сему каузативности, но буквальный перевод изгнан из словарей и из пособий по переводу как источник всевозможных бед и недопустимых ошибок. Тем не менее, иногда полезно «вскрыть» словосочетание словно скальпелем, чтобы посмотреть, «что у него внутри». Фотографируются люди обычно не сами, а они просят или поручают себя сфотографировать. Чтобы получить консультацию, они просят себя проконсультировать. Немецкое выражение *Lass dich nicht*

stören буквально означает *Не позволяй себе мешать; einen Gegenstand mitgehen lassen – позволить какому-либо предмету уйти вместе с собой; sich einen Bart, sich Haare wachsen lassen – дать бороде, волосам отрасти; sich in den Sessel fallen lassen – позволить себе упасть в кресло.*

Такого типа подсказки требуется немедленно забыть, чтобы не дать, не позволить и не разрешить себе увлечься пословным переводом. Большинство этих немецких выражений являются устойчивыми, и требуется просто заучивать их наизусть. Если же при переводе с русского языка на немецкий нет стопроцентной уверенности в успехе, то рекомендуем стандартный выход: обращаться к хорошему подробному словарю, а если и он не дает ответа, то к знающему консультанту.

Обобщая этот раздел, можно сказать, что глагол *lassen* является иллюстрацией гегелевской триады тезис – антитезис – синтез. Он объединяет в себе противоположности *велеть – позволять, заставлять – просить* в едином комплексе «причинять», «инициировать действие».

3.13.8 Несовпадение в употреблении местоимений

В немецкой речи встречается множество местоимений, которые в русских переводах отсутствуют: *Hast du es dir gut überlegt? – Ты хорошо подумал?; Ich betrachtete mir das Bild. – Я разглядывал фотографию; Ich habe mir Zeit genommen. – Я нашел (для этого) время; Ich würde mir nie anmaßen, so etwas zu behaupten. – Я никогда не осмелюсь утверждать подобное; So etwas habe ich mir gedacht. – Так я и думал.* Перевод с русского на немецкий, выполняемый носителями русского языка, часто «хромает», поскольку не учитывается специфика употребления немецких притяжательных местоимений: там, где русский скажет *Отец подарил мне новый велосипед,* немец непременно упомянет, что это именно «мой отец» – *Mein Vater hat mir ein neues Fahrrad geschenkt*. То же можно сказать о жене, муже, детях, сестрах и братьях, других родственниках, о друзьях: *meine Frau, meine Freunde, mein Sohn*. Если по-русски кто-нибудь скажет **Он умер от своих ран,* то эта фраза произведет впечатление некорректной, в то время

как немецкое соответствие *Er starb an seinen Wunden* абсолютно правильно[185].

Казалось бы, этим рассуждениям противоречит тот факт, что в русской речи наблюдается обилие употреблений притяжательных местоимений *наш, мой*. Однако это только кажущееся противоречие, т. к. носители русского языка, в отличие от носителей немецкого, используют эти местоимения в эллипсисах: *Наш-то вчера что отмочил.* – вместо *Наш начальник, наш отец семейства ... ; Мой в рот не берет спиртного.* – вместо *Мой муж ... ; Мои уже вернулись.* – вместо *Мои родственники уже вернулись; Моя семья уже вернулась; На моих уже три* – вместо *На моих часах уже три*[186]. Притяжательное местоимение *наши* употребляется в значении «мои родные», «российские политики», «российская футбольная команда» – в зависимости от контекста. Русские говорят *У наших есть шанс выиграть* – вместо *У наших футболистов есть шанс выиграть.* Подобные эллипсисы в немецком языке непопулярны (хотя о семье немец тоже может сказать *die Meinen, die Meinigen*). О футболистах своей команды немцы, скорее всего, скажут *Die Deutschen haben gute Chancen zu gewinnen; Unsere Mannschaft hat gute Chancen zu gewinnen.*

Местоимение *наш* можно встретить и в контекстах одобрения, то есть в оценочном значении: *Это наш человек*. Оно означает «мы с ним друг друга понимаем», «у него те же взгляды (или привычки)». Немецкий перевод, скорее всего, такой: *Er ist einer von uns; Er ist wie wir; Er gehört zu uns*. Параллельное русскому немецкое выражение *Das ist unser Mann* одобрения обычно не выражает. Его можно встретить, например, в контексте целенаправленного поиска кого-либо; в такой ситуации оно означает: *Это тот, кого мы искали; Это тот, кто нам нужен*.

Чрезвычайно распространено в русском языке и личное местоимение *мы: у нас* в значении «в моей семье», «в моем городе», «у меня на работе», «у меня на родине». Там, где русский скажет *у нас,* имея в виду «у меня на родине», немец, скорее всего, скажет *in Deutschland,* а не *bei uns.* Такова традиция.

Русское *мы* используется и в большом количестве эмоционально окрашенных оценочных восклицаний, произносимых обычно для выражения презрения, снисходительного

превосходства: *Ах, какие мы наивные! Какие мы нежные! Подумайте, какие мы чувствительные! Такие вот мы честные и принципиальные.* Эффект слегка игривого иронического презрения, усиленный в устной речи интонацией, в частности как раз и объясняется псевдо-включением говорящего в группу *мы,* в то время как в реальности он дистанцируется от того или от тех, к кому обращены его слова. В немецком языке подобные восклицания не приняты, перевод такого типа фраз с привлечением местоимения *wir* будет неверным. Немцы в подобных ситуациях используют прямое обращение *du, ihr,* и стилистический эффект игривости и косвенно выражаемого презрения при переводе пропадает.

Нормой русского языка является употребление местоимения *мы* с уточнением *с ... — мы с друзьями, мы с сестрой, мы с Тамарой ходим парой.* В немецком такая конструкция невозможна: допустимо или *wir,* но без уточнения, если и так ясно, о ком идет речь, или *meine Freunde und ich, meine Schwester und ich.*

Хотя в обоих языках имеются грамматические возможности выразить неопределенно-личные отношения, в русском языке неопределенно-личные конструкции распространены больше, чем в немецком, и русская речь более «неопределенно-личная». Немецкие местоимения *man, einer* менее частотны, чем можно предположить, если исходить из буквального перевода русских неопределенно-личных предложений, особенно с модальными глаголами. Например, в контексте, когда муж и жена обсуждают в выходной день свои планы: *Можно пойти погулять, можно отправиться в кино, можно ...* — немецкий перевод не включает местоимение *man,* а явственно указывает на участников коммуникации: *wir könnten ...* . Вопрос *Можно с вами?* следует перевести не как **Kann man mitkommen?* — а в форме *Kann ich mitkommen? Kann ich mit?* — несмотря на невыраженность подлежащего в русском оригинале.

Косвенный совет или неявно выраженное пожелание (или осуждение) в форме *нет, чтобы ... (Нет, чтобы книжку почитать; Нет, чтобы хоть разок за месяц позвонить)* тоже переводятся с включением в немецкую фразу личных местоимений: *Du solltest … ; Du hättest ... sollen; Sie hätten ... können.*

При переводе неопределенно-личной конструкции в русском, включающей глагол в прошедшем времени – *(В чем же дело?) Пошел да заработал; Взял да и сделал!* – и обращенной как бы ни к кому, в пространство, а в действительности содержащей полусовет-полуосуждение собеседника или третьего лица, тоже следовало бы воспользоваться не местоимением *man,* а личным местоимением в сочетании с глаголом в конъюнктиве: *Du hättest … ; Du könntest … ; Er hätte … können.*

Даже классические неопределенно-личные конструкции с глаголом во втором лице единственного числа *(бывало, размечтаешься; ответишь резко – а потом неловко становится; стоишь и думаешь; учишь-учишь эти слова, а через неделю они забываются)* не всегда стоит переводить с помощью неопределенно-личного *man*. Многие предложения такого типа при переводе тоже рекомендуется трансформировать, включая в них личные местоимения (как правило, *ich, wir*). Кроме того, есть еще такой удобный способ перевода неопределенно-личных конструкций на немецкий язык, как пассив: *меня попросили … – ich wurde gebeten … ; ему рассказали – ihm wurde berichtet … .*

Если же в немецком все-таки требуется употребить неопределенно-личное местоимение, то рекомендуется пользоваться местоимением *man,* а не *du,* в том числе и для перевода русских конструкций с выраженным неопределенно-личным *ты – Ты приходишь, а тебе говорят … ; Ты просишь-умоляешь … ; Тебе совершенно некогда, но … .* Употребление *du* в аналогичной неопределенно-личной роли в немецкой речи в принципе не исключено *(Du kommst, und sie sagen dir … .),* но *man* предпочтительнее: *Man kommt und bekommt zu hören, dass …* etc. Различие между ними, главным образом, стилистическое: *du* подчеркнуто-разговорно и характерно скорее для молодежного общения, *man* нейтрально.

В целом при переводе неопределенно-личных предложений с русского на немецкий требуется большая концентрация внимания. Некоторые предложения переводятся в виде безличных: *Звонят (в дверь). – Es klingelt; Стучат (в дверь). – Es klopft*. А если требуется перевести предложения *Стучат за стенкой (у соседей),* то необходимо использовать неопределенно-личное местоимение *jemand,* а не *man:*

Jemand hämmert im Nebenraum; Jemand macht Lärm bei den Nachbarn. Аналогично следует переводить фразы *За дверью поют. – Jemand singt hinter der Tür; На улице кричат. – Jemand schreit draußen.*

Существует и противоположная тенденция, хотя и не столь ярко выраженная: местоимение *man,* которое является обычно для переводчика сигналом, что соответствующее предложение следует трактовать как неопределенно-личное и, следовательно, использовать при переводе глагольную форму множественного числа *(Man raucht hier nicht. – Здесь не курят.)* или второго лица единственного *(Man steht auf, geht ins Bad, putzt sich die Zähne. – Встаешь, идешь в ванную, чистишь зубы.),* в некоторых ситуациях рекомендуется переводить личным местоимением *мы,* явно или неявно включенным в предложение, которое тем самым лишается своего неопределенно-личного характера, например, при прощании со знакомыми или родственниками: *Man sieht sich an Weihnachten wieder. – Увидимся теперь на Рождество;* в повествовании о том, как протекает чей-то конкретный быт: *Man erzählt sich abends Geschichten. – Вечером мы рассказываем друг другу разные истории.* В этих ситуациях перевод неопределенно-личными конструкциями будет попросту ошибкой.

Немецкие неопределенно-личные местоимения *jemand, jeder, einer, man,* указательное местоимение *der* или личные местоимения можно в некоторых ситуациях переводить на русский язык не только местоимениями, но и словом *человек: Er ging mit bedächtigen Schritten dessen, der nichts zu verbergen hat. – Он шел спокойными шагами человека, которому нечего скрывать* (ср.: **Он шел спокойными шагами того, кому нечего скрывать*); *Lass deinen Vater in Ruhe, er muss zuerst was essen. – Оставь отца в покое, дай человеку сперва поесть.* Слово *человек* в русском часто настолько десемантизовано, что фактически употребляется в роли местоимения: *Вот не спится человеку! Ну надо же, просто не узнать человека! Ну что вы на человека набросились!* – во всех этих примерах слово *человек* следовало бы переводить на немецкий личными или неопределенно-личными местоимениями, а не с помощью слов *Mensch* или *Mann.* А в родительном падеже в предложениях типа *У него было лицо человека, который что-то*

забыл норма немецкого языка допускает употребление указательного местоимения *dessen,* хотя возможно и использование существительного *Mann: Er hatte das Gesicht dessen / eines Mannes, der etwas vergessen hatte*. Норма русского языка в такой ситуации употребить указательное местоимение *того* не разрешает: **У него было выражение лица того, кто что-то забыл*. По-немецки допустимо сказать *Ich habe da jemanden gesehen*. По-русски в таком контексте требуется слово *человек: Я видел там какого-то человека*[187]. Ни *кого-то,* ни *кое-кого* здесь для перевода не годятся.

Изучающим немецкий язык или людям, хорошо им владеющим, известно такое грамматическое явление, как замена существительного указательным местоимением во избежание повтора. В русском языке подобное средство отсутствует, поэтому повторы неизбежны: *Diese Bilder sind farbiger als die der anderen Künstler. – Эти картины ярче по цветовой гамме, чем картины других художников; Neben den Spuren der Pferdehufe konnte man jene eines Menschen ausmachen. – Рядом со следами лошадиных копыт можно было разглядеть следы человека*. Иногда русские существительные заменяются в немецком языке не только указательными местоимениями, но и отрицательными: *Ты смотришь на меня так, как будто я картина. Но я не картина. – Du siehst mich an als wäre ich ein Gemälde. Aber ich bin keins*. Эта особенность немецкой грамматики для носителей русского языка не представляет трудности при переводе на родной язык. Сложности возникают, когда они переводят с русского на немецкий: даже если хорошо помнить это правило немецкой грамматики, можно не распознать шанс изящно избежать повтора.

Сложности в переводе касаются и немецких указательных местоимений, заменяющих в некоторых контекстах местоимения притяжательные. Такие замены характерны в первую очередь для литературной письменной речи: *Klaus und dessen Frau* вместо *Klaus und seine Frau*. Подобные замены несут иногда не только стилистическую, но и функционально-смысловую нагрузку: *Karin hatte Besuch: Es kam ihre Schwiegermutter mit deren Enkelkindern*. Указательное местоимение *deren* вместо *ihren* позволяет избежать употребления притяжательного местоимения *ihr* дважды в одном и

том же предложении и облегчает адресату понимание того, кто кому кем приходится. В русском для этой цели используется местоимение *свой: Приехала ее свекровь со своими внуками*. Но встречаются случаи, когда немецкие указательные местоимения в функции замены притяжательных перевести на русский язык и вовсе невозможно или крайне затруднительно — так что, если контекст позволяет, их просто опускают: *Die französische Regierung unterstützte den Präsidenten des befreundeten Landes: Spezialisten berieten die Generäle seiner Armee und bildeten deren Soldaten aus. — Французское правительство оказало поддержку президенту дружественной страны: специалисты начали консультировать генералов его армии и обучать солдат*.

Замены же указательными местоимениями личных местоимений в немецком языке, наоборот, характеризуют речь устно-разговорного стиля. *Der* вместо *er, die* вместо *sie* воспринимаются как знаки панибратства, небрежности, иногда даже фамильярности: *Frag Karin, die wird es wissen*. В русском языке подобные замены не приняты[188], поэтому, хотя перевод таких случаев с немецкого на русский трудностей не представляет, носителям русского языка при переводе с русского на немецкий приходится специально активизировать в памяти указанное правило, если речевая ситуация располагает к разговорно-небрежному тону.

Различия между русским и немецким языками в сфере употребления отрицательных, указательных и неопределенно-личных местоимений наблюдаются и в тех ситуациях, когда в русском предложении допустимо или даже рекомендуется эллиптическое опущение существительного во избежание его повтора: *У тебя есть велосипед, а у меня нет* (вместо предложения с избыточным повтором **У тебя есть велосипед, а у меня нет велосипеда*). Немецкий аналог — *Du hast ein Fahrrad, und ich habe keins.* Соответствующая пара положительных высказываний обнаруживает подобное же различие: *У тебя есть велосипед, и у меня теперь тоже есть. — Du hast ein Fahrrad, und ich habe jetzt auch eins.*

Изрядную трудность для перевода с русского на немецкий представляет собой русское местоимение *свой,* посколь-

ку в немецком на его месте могут оказаться различные притяжательные местоимения в зависимости от рода соответствующего существительного: *Она простилась со своими родителями. – Sie nahm Abschied von ihren Eltern; Он попрощался со своими родителями. – Er nahm Abschied von seinen Eltern*. На это различие между языками обычно обращают пристальное внимание на занятиях по изучению как немецкого, так и русского языка, поэтому мы здесь на этой теме более подробно останавливаться не будем. Главная трудность для носителя немецкого языка при переводе с немецкого на русский заключается в том, чтобы различить случаи типа *Его родители живут неподалеку. – Он навестил своих родителей* как переводы фраз, включающих одно и то же притяжательное местоимение: *Seine Eltern wohnen nicht weit von hier. – Er besuchte seine Eltern*. Важно еще добавить к достаточно хорошо известному материалу замечание, что в русском языке местоимение *свой* иногда субстантивируется: *кто-либо знай твердит свое – j-d lässt nicht locker, j-d kommt immer mit der alten Leier; настаивать на своем – sich durchsetzen, seinen Kopf durchsetzen, seinen Willen haben; покупать что-либо на свои – etw. fürs eigene Geld kaufen; считать кого-либо своим – j-n für einen guten Freund halten, zur Familie zählen; Это свои. – Sie gehören zur Familie; Sie sind uns nicht fremd*. В немецком аналогичной тенденции к субстантивации местоимений не наблюдается. Дословный перевод в таких случаях может сослужить дурную службу.

Не стоит переводить один к одному и русские личные местоимения в косвенных падежах в сочетаниях с описанием душевных состояний: *его тянет к чему-либо, его так и подмывает ... , ему боязно, мне странно, тебе неприятно, нас удивило ...* . В немецком языке аналогичные конструкции встречаются значительно реже *(mir ist bange zumute; mir ist unklar)*. Обычно подобные фразы переводятся на немецкий с помощью конструкций, в которых личное местоимение оказывается в именительном падеже, по типу русских *я нахожу, я считаю, я чувствую, он боится, ты находишь что-либо неприятным – ich finde etw. merkwürdig, etw. scheint mir merkwürdig zu sein, er hat Angst, er befürchtet, du findest es befremdend, du magst es nicht, er möchte gern, wir wundern*

uns и т. п. Русские личные местоимения в родительном падеже с предлогом у – *у меня, у тебя, у них* – также переводятся чаще всего личными местоимениями в именительном: *У меня цейтнот. – Ich bin im Stress; У него такое впечатление, как будто ... . – Er hat den Eindruck ... ; У них новая собака. – Sie haben einen neuen Hund*. Возможен в немецком и дательный без предлога, в особенности при описании внутренних состояний: *У меня такое ощущение, как будто ... . – Mir ist als ob ...* – но такие конструкции можно рассматривать скорее как исключение. В общих словах можно рекомендовать не очень опытному переводчику относиться к немецкому языку в аспекте употребления местоимений как к грамматически более «активному» и более «личному».

3.14 ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА НА ГРАММАТИЧЕСКОМ УРОВНЕ: СИНТАКСИС

3.14.1 Эллипсисы

Обычно под эллипсисами понимают опущения, осознаваемые носителями языка как таковые и используемые в речи в целях языковой экономии или как особый стилистический прием. Многие эллипсисы возникают в русском языке путем отбрасывания второго слова в словосочетании, состоящем изначально из прилагательного и существительного, благодаря чему речь обретает стилистику разговорности: *книжный*, *молочный, овощной, рыбный* (опускается слово *магазин* как вторая часть словосочетания), *проходной* (вместо *проходной балл*)[189]. Некоторые разговорно окрашенные слова представляют собой одновременно эллипсис и аббревиатуру: *высотка* – вместо *высотный дом; многотиражка* – вместо *многотиражная газета; многоэтажка* – вместо *многоэтажный дом; ручник* – вместо *ручной тормоз; одиночка* – вместо *одиночная камера; щитовидка* – вместо *щитовидная железа*. Немецкий язык таких «вольностей» не допускает – вероят-

нее всего, просто потому, что в большинстве случаев эквивалентами в немецком служат не словосочетания, а сложные слова.

Однако в этом разделе рассматриваются не только такие «классические» эллипсисы, но и эллипсисы, возникающие лишь на этапе перевода. Имеется в виду необходимость добавления или опущения слов при переводе. Этот прием в теоретических пособиях по переводу иногда так и называют: опущением или добавлением – и причисляют к трансформациям[190]. Иногда переводчику приходится прибегать к эллипсисам чисто ситуативно. Например, в романе Генриха Белля «Групповой портрет с дамой» есть такая фраза: *Frau Kremer muss man sich als eine gänzlich verblasste ehemalige Blondine vorstellen*. В переводе: *Госпожа Кремер была окончательно поблекшей блондинкой, вернее, бывшей блондинкой*. В этой ситуации достаточно точным переводом была бы короткая фраза: *Госпожа Кремер когда-то была блондинкой*. По отношению к оригиналу такой перевод был бы эллипсисом, который содержал бы всю необходимую информацию. Но нас интересуют в этом разделе не примеры из конкретных текстов, а случаи регулярно повторяющиеся и в этом смысле словарные. Например: *Er hat es geschafft, dass alle ihm zuhören. – Он сумел добиться того, что все к нему прислушиваются*. В русском переводе в сравнении с немецким оригиналом приходится добавить глагол *добиться*. Или: *Мы не довезем вазу до дома. – Wir werden es nicht schaffen, die Vase unversehrt nach Hause zu bringen*. В данной паре примеров, наоборот, немецкий перевод обрастает дополнительными по сравнению с русским оригиналом словами: *schaffen, unversehrt*.

Эллипсисы часто объясняются чисто грамматически. Например, в русском языке допустимы безглагольные предложения, а в немецком их практически не бывает. По-русски можно спросить: *(Стой!) Куда?* – а по-немецки вопрос должен быть непременно двусоставным: *Wo willst du hin?* Немецкий язык в значительно большей степени, чем русский, требует использования модальных глаголов, а также глаголов *kommen, brauchen* и некоторых других: *Du sollst es nicht persönlich nehmen. – Не обижайся*. Русские предложения в этих ситуациях выступают по отношению к немецким ори-

гиналам как эллиптические конструкции: *Вы ко мне? – Kommen Sie zu mir?; Зачем я Вам? – Wozu brauchen Sie mich?*

В немецком синтаксисе приняты субстантивные обороты, не допускаемые нормой русского языка: *Eine Hand in der Tasche, schlenderte er … ; Er kommt ins Zimmer, eine schwarze Mappe unter dem Arm; Sie saß auf der Bank, mit der Nase in einem Buch*. При переводе на русский требуется восполнить эти конструкции, как правило, деепричастиями: *Сунув руку в карман, он прохаживался … ; Он входит в комнату, держа под мышкой черную папку; Она сидела на скамейке, с головой погрузившись в книгу.* В данных случаях мы сталкиваемся с эллипсисами в немецком языке по сравнению с русским.

Эллипсисы при переводе могут быть обусловлены и тем, что та или иная сема, выражаемая в языке перевода отдельным словом в рамках словосочетания, в языке перевода уже включена в значение эквивалента и не требует репрезентации в виде отдельного слова. Например, свойство *пристально (пристально уставиться на кого-либо, пристально разглядывать кого-либо)* уже включено в немецкие глаголы *starren* или *mustern*. В определенном смысле эллипсисами являются все немецкие сложные слова, служащие переводами русских словосочетаний, однако такие случаи мы в этой книге не рассматриваем, поскольку они тривиальны.

Иногда эллиптичность вызывается не принятой в языке перевода сочетаемостью. Например, по-немецки можно сказать *Er erwachte steif und verfroren*. По-русски нельзя **проснуться одеревеневшим и продрогшим*. В русском переводе придется менять синтаксис и производить лексические добавления: *Проснувшись, он почувствовал, что совсем одеревенел и сильно продрог.*

3.14.1.1 Эллипсис в исходном языке, осознаваемый как таковой носителями исходного языка

В этом разделе речь идет о «классических» эллипсисах, то есть о тех случаях, когда носители языка сознают, что пользуются эллиптической конструкцией (даже если термин «эллипсис» им неизвестен). Они выпускают то или иное

слово из словосочетания или превращают словосочетание в одно слово для экономии усилий и для переноса коммуникации в разговорный регистр.

Вот некоторые примеры:

С русского на немецкий:

англичанка – 1. *(домашняя учительница)* Englischerzieherin 2. *(учительница английского в школе)* Englischlehrerin 3. *(преподавательница английского в вузе)* Englischdozentin

Гостиный *(Двор)* – Gasthof, Gostinyj Dvor

конечная *(остановка, станция)* – Endstation, Endhaltestelle

кредитка *(кредитная карта)* – Kreditkarte

мои кровные *(денежки)* – mein eigenes Geld

отпускные *(деньги)* – Urlaubsgeld

проездной *(билет)* – Monatskarte *(oder Jahreskarte)*

«скорая» *(вместо «скорая помощь»)* – Notarzt, Nothilfe

следующая *(остановка, станция)* – nächste Station, nächste Haltestelle

участковый *(врач)* – Hausarzt *(перевод условный, т. к. в Германии нет участковых врачей)*

В русском языке в разговорной речи принято опускать слова *переулок, проспект, станция, театр, остановка, улица:* русские говорят *выйти на Съезжинской, доехать до Восстания, живет на Зеленина*. Никогда и никто в Санкт-Петербурге не скажет *на Невском проспекте, по Невскому проспекту* – только *на Невском, по Невскому*. Говорят *Я побывал вчера в Мариинском* (или, как более разговорный вариант, *в Мариинке*), а не *в Мариинском театре*. Москвичи, соответственно, ходят *в Большой* или *на Таганку*.

В немецком разговорном языке распространена метонимия, сопровождаемая эллипсисом, в таких, например, бытовых ситуациях, как указание на место работы, на магазин, где производятся покупки, на рестораны. Например:

С немецкого на русский:

Er arbeitet beim Renault. – Он работает на фирме Рено *(но по-русски допустимо и «на Рено», если говорящий уверен, что собеседник знает, что «Рено» – это фирма)*.

Ich gehe zum Metzger. *(auch: zum Asiaten, zum Türken) umg.* – Иду в мясную лавку *(в азиатский магазин, в турецкий магазин)*.

Wir aßen beim Chinesen. *(auch: beim Griechen, beim Italiener) umg.* – Мы обедали *(или ужинали)* в китайском ресторане *(в греческом ресторане, в итальянском ресторане)*.

Иногда использование эллиптических конструкций зависит от профессионального круга. Так, музыканты или люди, работающие в балете, могут сказать *Был на «Спящей»; Слушал вчера «Девятую»*. Такого рода случаи возможны в обоих языках. Эллиптические конструкции здесь – признаки некоего профессионального жаргона, языка для посвященных. В речи непрофессионалов такие выражения не встречаются.

В русском языке весьма распространенное явление – опущение глагола (разумеется, мы не рассматриваем здесь случаи типа *Он врач,* где глагол-связка *есть* в настоящем времени всегда опущен). Этот факт часто вводит в заблуждение людей, изучающих русский язык: они решают, что глагол – это в принципе не вполне обязательный элемент структуры русского предложения. На самом же деле глагол допустимо опускать, главным образом, в вопросах или при ответах на вопросы: *Ты что будешь есть? – Я – кашу.* В роли повествовательного предложения, открывающего диалог, **Я – кашу* ненормативно (ср. нормативное *Мне бы каши*). Ошибки подобного рода встречаются даже у иностранцев, хорошо владеющих русским. Хотя глагол в некоторых русских предложениях и опущен, но это не признак синтаксической необязательности глагола в целом, а характеристика именно данного конкретного предложения (точнее, его синтаксической структуры) в сочетании с данным конкретным глаголом, и требуется так же точно заучивать подобные случаи, как требует заучивания, например, лексическая и синтаксическая идиоматика. Например, в некоторых контекстах допустимо опущение глаголов *бежать, бросаться, идти, начинать, нравиться, появляться.* Немецкая синтаксическая норма опущения глагола обычно не допускает. Отсюда расхождения. В вопросе *Как тебе моя шляпа?* опущен глагол *нравится,* а в немецком переводе его эквивалент обязателен: *Wie gefällt dir mein Hut?* В вопросе *Ты домой?* опущен глагол *идешь,* а в немецком предложении его эквивалент необходим: *Gehst du nach Hause?* В русском возможна конструк-

ция *Она на меня с кочергой. Я от нее*. Немецкая норма заставляет «домыслить» глаголы: *Sie drohte mir mit dem Schüreisen. Ich flüchtete vor ihr.*

В русском допустимы опущения неполнозначных, десемантизованных глаголов, легко восстанавливаемых мысленно: *Она в слезы; Они в крик*. Но и эта вольность допустима не всегда. Например, нельзя сказать **Он в гнев; *Она в уныние*. Поэтому немцам, переводящим на русский язык, в том случае, если они не уверены на сто процентов в правильности русской безглагольной конструкции, стоит сохранять глагол, даже с риском, что их речь может показаться чуть менее разговорной, чем им бы того хотелось.

3.14.1.2 Эллипсис в исходном языке, не осознаваемый как таковой носителями исходного языка

В немецких текстах часто можно встретить указания на людей определенного возраста, включающие данные о возрасте, но не использующие слова *врач, девочка, женщина, мальчик, мужчина, спортсмен, учительница, человек* и аналогичные им: *Sieg des Fünfundzwanzigjährigen; Übergriff auf eine Fünfzehnjährige*. Норма русского языка требует включения в состав фразы указания на того, кого характеризует данный возраст: *победа двадцатипятилетнего спортсмена; нападение на пятнадцатилетнюю девочку*. Для носителей исходного языка это не эллипсис.

Некоторые эллипсисы этого же типа возникают благодаря немецкому словосложению. Например, немецкий лексикон включает такие указания дистанций, веса и времени, как *jahrelang, jahrzehntelang, kilometerweit, kilometerlang, tonnenschwer*. В русских переводах требуется дополнительное уточнение, хотя бы самое неопределенное *(несколько, много, не один): в течение нескольких десятилетий, (весом) в несколько тонн, (дистанция) в несколько километров, не в один километр, не в одну тонну, многие годы*.

Некоторые немецкие глаголы сочетаются непосредственно с существительными там, где в русском языке необходимо добавить инфинитив, который бы сочетался с соответ-

ствующим существительным. К таким глаголам принадлежат, например, *helfen, sich wagen, ermöglichen, erleichtern, erlauben: Diese Lösung ermöglicht eine einfache Implementierung. – Это решение позволяет* ***осуществить*** *ускоренное введение в эксплуатацию; Er half mir aus der Patsche. – Он помог мне* ***выбраться*** *из передряги; Sie wagte sich aus ihrem Versteck. – Она рискнула* ***покинуть*** *свое убежище.*

Вот еще некоторые примеры:

С немецкого на русский:

Das lastet schwer auf meinem Gewissen. – Это лежит у меня на совести тяжелым грузом/камнем *(в русском переводе требуется дополнительно включить в данный контекст слово «грузом» или «камнем»).*

dazu – ко всему прочему *(разумеется, dazu – это и «к тому же», но «ко всему прочему» переводится также словом „dazu")*

Er berichtete, die Regierung hat den Angriff auf ... beschlossen. – Он сообщил, что правительство приняло решение начать наступление на ... *(отглагольное существительное Angriff переводится инфинитивной группой «начать наступление» – прием, чрезвычайно распространенный при переводе с немецкого на русский).*

Er endete am Galgen. – Он кончил жизнь на виселице *(немецкое „enden" в данном контексте требует в русском добавления в виде слова «жизнь»).*

Er sah hungrig auf das Fleisch. – Он (по)смотрел на мясо голодным взором *(в русском дословный перевод «голодно смотрел» недопустим, необходимо добавить «глазами, взором, взглядом»).*

Ich erfuhr, dass sie eingewiesen war. – Я узнал, что ее отправили в больницу *(в немецком глаголе eingewiesen имплицитно содержится указание на то, куда именно «ее» отправили, в русском переводе требуется уточнение).*

Ich habe mich an diese schwere Aufgabe herangewagt. – Я отважился заняться этой задачей *(русский перевод требует добавления слова «заняться»).*

Ich liebe dich über alles. – Я люблю тебя больше всех на свете *(в немецком варианте «свет» не упомянут).*

Ich warte auf jemanden. – Я жду одного человека. *(В русском нельзя сказать «*Я жду кого-либо; *Я ожидаю кое-кого» или, соответственно, «*Мне надо кого-либо навестить; *Мне надо кое-кого навестить»; первый вариант возможен только в ситуации, когда говорящий сам не знает точно, кого именно он ждет; второй, хоть формально и правилен, звучит невежливо, в нем содержится подтекст «я вам не скажу, кого именно, потому что я не хочу, чтобы вы это знали». В корректном переводе требуется непременно доба-*

вить, кого именно я жду или навещаю: «Я жду одного человека»; «Я ожидаю одного приятеля» или «Мне надо навестить одного человека»; «Мне надо зайти к одному человеку».)

j-m in den Mantel helfen – помочь кому-либо надеть пальто, подать кому-либо пальто *(в немецком отсутствуют соответствия глаголам «подать», «надеть»)*

j-n heranwinken – подозвать, пригласить кого-либо жестом, знаком; показать кому-либо знаком, чтобы подошел *(глагол переводится развернутым словосочетанием)*

Menge: Ich muss dir eine Menge sagen. – Мне надо тебе массу всего рассказать; Es ist hier eine Menge geschehen. – Здесь масса всего произошла *(в русском добавляется слово «всего»).*

mit Verlaub *scherzh.* – с Вашего разрешения, позволения *шутл.* *(в немецком нет эксплицитно выраженного местоимения)*

„Nein!“ sagte er mit entsetztem Gesicht. – «Нет», – сказал он, и на лице его был написан ужас *(или: и в глазах его стоял ужас, и взгляд его выражал ужас) (по-русски нельзя сказать «*с ужаснувшимся лицом», приходится добавить слова «лицо, взгляд, глаза» и придать соответствующим предметам выражение ужаса).*

seufzen – *(тяжело, грустно)* вздохнуть *(ср. „aufatmen“ – «вздохнуть с облегчением»)*

sich an j-n herantrauen – отважиться подойти/приблизиться к кому-либо, отважиться заговорить, познакомиться с кем-либо *(в немецком отсутствуют соответствия глаголам «подойти, приблизиться»)*

sich benehmen – вести себя хорошо, прилично: Benimm dich! – Веди себя хорошо! *(Без специального уточнения – как именно себя вести – немецкий глагол имплицитно содержит положительную характеристику поведения. Только если требуется дать отрицательную характеристику, добавляется соответствующее наречие со значением отрицательной оценки: sich schlecht, daneben, unartig benehmen. Русское «вести себя» приближается в этом отношении к немецкому эквиваленту в таком примере, как «Он умеет себя вести» – это значит, «Он умеет хорошо себя вести». Но в немецком имплицитное «хорошо» представлено постоянно.)*

sich durch das Zimmer kämpfen – с трудом пробираться, продираться сквозь нагромождение вещей в комнате *(в немецком образ загроможденной комнаты эксплицитно не выражен)*

sich für bzw. gegen etw. oder j-n entscheiden: Sie haben sich gegen Haustiere entschieden. – Они решили не заводить домашних животных *(глагол sich entscheiden в сочетании с предлогом gegen переводится с помощью словосочетания «решили не заводить», т. е. путем включения еще одного глагола, которого нет в оригинале).*

sich ins Zimmer tasten – ощупью пробраться в комнату *(в немецком нет соответствия для «пробраться»)*

sich verändern: Jeder, der sich verändern will, kann hier Land kaufen. – Каждый, кто хочет изменить свою жизнь, может купить здесь участок земли *(в русском переводе по сравнению с немецким оригиналом требуется добавить «свою жизнь»)*.

Sie machte einen verschlafenen Eindruck. – Она производила впечатление невыспавшегося человека; У нее был невыспавшийся вид *(в русском нельзя сказать «невыспавшееся впечатление», приходится трансформировать фразу, добавляя или, наоборот, сокращая ее по сравнению с немецким оригиналом)*.

Solche Erlebnisse prägen. – Подобный опыт накладывает отпечаток *(на характер)*, влияет на характер *(немецкий глагол „prägen" в данном контексте переводится развернутым словосочетанием, включающим указание, на что именно влияет опыт)*.

Überraschung – приятная неожиданность, *(приятный)* сюрприз: Das ist ja eine Überraschung! – Вот это сюрприз! Вот так приятная неожиданность! *(Как и в слове «сюрприз», в слове Uberraschung имплицитно присутствует положительная оценка – это не просто неожиданность, а приятная неожиданность, т. е. сюрприз. Только если требуется выразить отрицательную оценку, то добавляют соответствующее определение: eine böse/üble Überraschung – неприятный сюрприз, неприятная неожиданность.)*

verabredet: Ich war mit ihm verabredet. – Мы с ним договорились о встрече, договорились повидаться *(в русском варианте нужно добавить слово-уточнение: о чем именно договорились)*.

Verfechter – ярый сторонник *(добавляется «ярый» или «пламенный», т. к. сема «воинственности, страстности» содержится в значении существительного Verfechter, ср. «просто» сторонник — Anhänger)*

verschwindend – ein verschwindender Teil von etw. – исчезающе малая доля/часть *(норма русской речи требует добавить слово «малый»)*

verzichten: Sie haben auf Kinder verzichtet. – Они решили не заводить детей *(дословный перевод «от детей они отказались» окажется попросту неверным, т. к. предполагает, что дети к тому моменту уже были; на самом деле, их еще не было, а была только идея ими обзавестись: отказались от идеи, а не от детей)*.

Wohin damit? – Что *(мне)* с этим делать? *(в русском добавлено «делать»)*

zaubern: j-n an einen anderen Ort zaubern – перенести кого-либо силой волшебства в другое место *(глагол „zaubern" – «колдовать, показывать фокусы» – в данном словосочетании, будучи переходным – «кого-либо куда-либо zaubern» – при переводе требует перефразировки, т. к. в русском языке нет соответствующего переходного глагола)*.

С русского на немецкий:

Да куда ему! – Das schafft er nie *(im Leben)! (в русском нет глагола)*

Нам было о чем поговорить. – Wir hatten genug zu besprechen *(в русском «достаточно материала для разговора» только подразумевается, в немецком требуется включить во фразу как минимум слово „genug“).*

наудачу – auf gut Glück *(в русском не содержится эквивалента „gut“)*

Он добьется своего. – Er wird sein Ziel erreichen *(в русском предложении цель подразумевается, в немецком Ziel требуется употребить в переводе).*

Она предложила мне на выбор … . – Sie bot mir zur freien Wahl ... *(в русском нет эквивалента слова „frei“).*

Погоды не будет. – Wir werden heute schlechtes Wetter haben; Das Wetter bleibt schlecht. *(В русском «погода» используется во многих словосочетаниях без определения «хорошая»; последнее подразумевается: «Хорошей погоды не будет». В немецком требуется определение.)*

У него свои представления. – Er hat seine eigenen Vorstellungen *(русский вариант не содержит слова, соответствующего прилагательному „eigen“).*

Это идея! – Das ist eine gute Idee! Это мысль! – Das ist ein guter Gedanke! *(в русском «хороший» как определение только подразумевается)*

Это не то. – Das ist nicht das, was *(ich suchte, worauf ich gehofft habe, was ich wollte, was ich meinte, was ich erwartet habe) (по-немецки нужно обязательно дополнить предложение по сравнению с русским вариантом).*

Я не маленький. – Ich bin kein kleiner Junge *(mehr) (в немецком добавлено слово „Junge“).*

3.14.1.3 Эллипсис в языке перевода, не осознаваемый как таковой носителями языка перевода

Нередко переводчик вынужден опускать, как бы вычеркивать из перевода то или иное слово, потому что этого требует речевая норма языка перевода. Огромное количество таких опущений чисто окказиональны, ситуативны и не подлежат обобщению. Но есть и такие слова или словосочетания, которые устойчиво и постоянно требуют при переводе элиминирования. Например, на русский часто не перево-

дится немецкое наречие *denkbar: das denkbar miserable Image – отрицательный имидж, скверное впечатление; denkbar schlechte Erfahrungen – отрицательный опыт*. Обычно не требуется переводить слово *Standort: Unternehmer sehen Standort Deutschland gut gerüstet für die Krise. – Предприниматели считают, что Германия к кризису хорошо подготовлена*.

В немецком языке не используется эквивалент русского слова *художественный* так часто и интенсивно, как в русском, и почти все переводы русских словосочетаний и фраз, включающих это слово, неизбежным образом оказываются эллипсисами по сравнению с оригиналом: *художественная правда – Wahrheit; художественный образ – Gestalt; художественный перевод – Übersetzung; художественное преувеличение – Übertreibung*. Изредка попадаются исключения: *художественная форма – künstlerische Form.*

Часто не переводится слово *творческий* – в таких словосочетаниях, как *творческий вечер, творческая встреча*. Это просто *Abend, Auftritt, Treffen.*

Рекомендуется не пытаться переводить и русское существительное *начало* в таких словосочетаниях, как *доброе начало (в ком-либо), поэтическое начало, эмоциональное начало.* Немецкий язык обходится в таких ситуациях субстантивацией прилагательных: *das Gute, das Poetische, das Gefühlsvolle.*

Известно, что модальные глаголы, а также глаголы *bekommen, lassen* в немецком используются намного интенсивнее, чем в русском. При переводе их часто приходится просто опускать. Возникает эллипсис.

С немецкого на русский:

Das dürfte nicht so schwer sein. – Это нетрудно.

Das wollte mir nicht gelingen. – Это мне не удалось.

Ich habe mir sagen lassen … . – Мне сказали … .

Ich kann die Aussage des vorigen Zeugen bestätigen. – Я подтверждаю показания предыдущего свидетеля.

Ich will dir was sagen. – Вот что я тебе скажу.

im Grunde genommen... – , … в сущности, … *(немецкое выражение длиннее русского)*

Kannst du bitte das Fenster zumachen? – Закрой, пожалуйста, окно.

Sag ihm, er soll mich anrufen. – Скажи ему, чтобы он мне позвонил.

Sie bekam diese Armbanduhr geschenkt. – Эти часы ей подарили.

Woher willst du das wissen? – Откуда ты знаешь? С чего ты взял?

Опущение лексем при переводе как с немецкого на русский, так и с русского на немецкий регулярно происходит и для некоторых устойчивых словосочетаний.

Вот некоторые примеры:

С немецкого на русский:

Freude steht dir ins Gesicht geschrieben. – По тебе видно, как ты рад *(в русском переводе не упоминается «лицо», хотя в принципе не исключены и варианты «У тебя на лице написано, как ты рад», «Радость у тебя на лице написана»; но русский язык не требует упоминания «лица», а в немецком без существительного „Gesicht“ не обойтись).*

Günter Grass war das moralische Gewissen der deutschen Nachkriegsgenerationen. – Гюнтер Грасс был совестью нескольких послевоенных поколений немцев *(«моральная совесть» в русском языке – это тавтология, то же, что «масло масляное»).*

(Willst Du nicht deine Frau anrufen?) Schon geschehen. – Уже *(по-русски никто не ответит в этой ситуации на подобный вопрос «уже случилось» или «это уже произошло»).*

Wozu hätte es gut sein sollen? – Зачем?

Wozu ist das gut? – Зачем это? *(в переводе формально отсутствует эквивалент слова „gut“)*

С русского на немецкий:

В доме полно народа. – Das Haus ist voll *(«народ», «люди» в переводе не упоминаются).*

Он не из пугливых. – Er ist nicht von der ängstlichen Sorte *(в русском варианте нет соответствия слову „Sorte“, в немецком слово „Sorte“ необходимо).*

Теперь уже не увидимся до самых каникул. – Jetzt sehen wir uns erst in den Ferien wieder *(в немецком нет «самых»).*

Что ты теперь собираешься делать? – Was hast du jetzt vor? *(в немецком варианте формально нет перевода слова «делать»)*

Встречаются случаи, когда эллипсис в переводе обусловлен семантическими коннотациями какого-либо слова. Так, *erheblich* переводится в большинстве контекстов как *значительный, существенный, значимый, немалый, большой, ощутимый: eine Sache von erheblicher Bedeutung – что-либо имеет*

большое значение, весьма значимо; erhebliche Kosten – значительные, немалые, большие расходы; erheblicher Aufwand значительные, немалые, большие затраты; erheblicher Vorteil – значительное, большое, ощутимое, существенное преимущество. Однако предложение *Es kamen ihr erhebliche Zweifel* можно перевести как *Ее одолели сомнения:* в значении глагола *одолеть* содержится сема *значительный, немалый, сильный,* так что эти эпитеты оказываются излишними.

3.14.2 Различия в переводе в зависимости от грамматических категорий контекста

Иногда выбор перевода зависит от конкретных чисто грамматических условий ближайшего контекста. Так, если перед нами высказывание от первого лица, мы выберем один перевод, а если глагол стоит в третьем лице, то другой – для одного и того того же слова. Ср.: *Я пропал! – Ich bin geliefert! / Такой не пропадет! – So einer geht nicht unter.* Перевод фразы *Я ругал себя за это последними словами. – Ich konnte mich dafür ohrfeigen,* а похожее предложение с подлежащим в третьем лице переводится иначе: *Он обругал меня последними словами. – Er hat mich mit unflätigsten Worten beschimpft.* Перевод может зависеть от залога, наклонения, наличия или отсутствия грамматического отрицания, интенции (в вопросительном предложении – один перевод, в повествовательном для того же слова – другой).

Некоторые различия объясняются варьированием лексических значений в зависимости от грамматических категорий лица, например, от одушевленности-неодушевленности, на уровне словосочетаний (лексикона): *уделять* ***кому-либо*** *внимание – j-m Aufmerksamkeit schenken, j-m Höflichkeit erweisen, j-n nett oder liebenswürdig behandeln / уделять* ***чему-либо*** *внимание – etw. beachten*. Несмотря на кажущийся параллелизм в русском словосочетании *уделять внимание* в одном и другом примерах, в действительности это и по-русски разные *уделять внимание:* в случае с одушевленным объектом – *быть вежливым,* в случае с неодушевленным – *внимательно рассмотреть, не забыть, учесть.*

Грамматическое отрицание тоже часто сказывается на изменении лексического значения слова по сравнению с его положительным вариантом. Перевод лишь позволяет этим расхождениям в значении проявиться. *Он всегда приходит вовремя – Er kommt immer pünktlich. / Он всегда задает свои вопросы невовремя. – Er stellt seine Fragen immer zur falschen Zeit (zum falschen Zeitpunkt, unpassend).* Перед нами не просто одно слово с одним и тем же значением (в русском языке) без отрицания или с отрицанием; здесь представлены разные значения слова *вовремя:* в первом предложении речь идет о пунктуальности, во втором – об уместности. Значение уместности имеется у слова *вовремя* и при отсутствии отрицания, например: *Ты вошел вовремя. – Du bist zum richtigen Zeitpunkt gekommen,* но не наоборот: при наличии отрицания у слова *невовремя* никогда не будет значения *пунктуальный*.

Порой различие в переводе выявляется только на уровне синтаксиса предложения, когда лексика и синтаксис вступают во взаимодействие. Например, в ситуациях прямого обращения (побуждения) или повествования. Так, фразу *Поймите меня правильно* требуется переводить как *Verstehen Sie mich nicht falsch,* а высказывание *Вы правильно меня поняли* переводится как *Sie haben mich richtig verstanden*. Здесь *правильно* не меняет лексического значения в зависимости от синтаксической конструкции: и в первом, и во втором предложении это одно и то же *правильно – richtig*. Различия между формулировками можно объяснить только традицией (узусом). По-разному требуется перевести и пару предложений с похожим лексическим составом, одно из которых содержит прямую речь, а другое косвенную. Вот пара примеров, описывающих одну и ту же ситуацию: *Lassen Sie es ihn noch einmal sagen (Der Spiegel). – Wie Zeitzeugin Rice berichtet, drängten einige Berater den Präsidendten, er solle Gorbatschow das wiederholen lassen (Der Spiegel).* В первом примере глагол *lassen* переводится как *пусть (Пусть он это повторит),* во втором – как *предложить* или *попросить (По словам очевидицы Райс, советники президента настояли, чтобы он попросил Горбачева это повторить)*.

В некоторых примерах различие в переводе объясняется этикетом, правилами хорошего тона, здравым смыслом, са-

мооценкой: то, что можно высказать о третьем лице, не принято говорить собеседнику во втором или не хочется говорить о себе самом в первом. Например, можно сказать о ком-либо *он проявляет повышенный интерес, он проявляет нездоровый интерес к чему-либо (ein zu großes Interesse, krankhaftes Interesse an den Tag legen)* и при этом вряд ли скажут *я проявляю повышенный* или *нездоровый интерес к чему-либо.*

Вот, например, как зависит перевод от грамматического лица:

С немецкого на русский:

Sie würde allen einen Gefallen tun, wenn ... . – Она всех одолжила бы, если бы ... . / **Den Gefallen werde ich ihnen nicht tun.** – Не дождутся; Не на того напали.

С русского на немецкий:

Его сегодня лучше не трогать. – Er ist heute nicht ansprechbar. / **Я не хочу его трогать. –** Ich möchte ihn nicht stören *(для первого примера можно предложить также перевод „Man sollte ihn heute lieber nicht stören“, но второй пример нельзя перевести как „Ich möchte ihn heute nicht ansprechen“).*

Ты меня превратно понял. – Du hast mich falsch verstanden. / **Не пойми меня превратно.** – Verstehe mich richtig.

У него похоронное настроение. – Er bläst Trübsal. / **У меня похоронное настроение.** – Ich bin schlecht gelaunt; Ich habe schlechte Laune; Ich bin frustriert/niedergeschlagen; Ich habe heute ein Tief; Ich bin heute schlecht drauf.

Это нам ничего не дает. – Das bringt uns nicht weiter *(т. е. это ничего не добавляет к известной нам информации).* / **Что нам это дает?** – Was haben wir davon?

Я ее терпеть не могу. – Ich kann sie nicht leiden. / **И как я ее терплю?** – Wieso dulde ich sie immer noch?

В следующих примерах перевод различен как следствие разной интенции предложений:

С немецкого на русский:

Ich muss das nicht verstehen. – Понимать это *(мне)* не обязательно; Я не обязан это понимать. / **Muss ich das verstehen?** – И как *(прикажете)* это понимать?

Was gibt es an ihr auszusetzen? – Чем она тебе не угодила? Что в ней плохого? / **Die Schwiegermutter hatte immer an allem**

etwas auszusetzen. – Свекровь (теща) вечно была всем недовольна, вечно ко всему придиралась *(также «свекрови/теще все было не так»)*.

С русского на немецкий:

О чем вы договорились? – Was habt ihr ausgemacht? / **Договорились!** – Abgemacht!

Отчаливай! – Hau ab! Verschwinde! / **Когда ты завтра отчаливаешь?** – Wann geht es morgen *(bei dir)* los? Wann musst du morgen weg?

Зависимость перевода от грамматического времени можно продемонстрировать на следующих примерах:

С немецкого на русский:

Was fehlt Ihnen? – На что Вы жалуетесь? *(вопрос, обычно задаваемый врачом; Что с Вами? Ну как Вы?)* / **Was fehlte Ihnen?** – Что с Вами было? *(но нельзя: «На что Вы жаловались?» даже если вопрос в прошедшем времени задает врач)*

С русского на немецкий:

Кошелька не было. – Ich konnte meine Geldbörse nicht finden. / **У меня нет кошелька.** – Ich habe *(oder besitze)* keine Geldbörse. *(Если требуется передать содержание «не обладать никаким кошельком вовсе» в прошедшем времени, то, скорее всего, скажут «У меня никогда не было кошелька» – Ich hatte/besaß nie eine Geldbörse. Если, наоборот, требуется передать в настоящем времени, что кошелек пропал, то, скорее всего, скажут «Кошелька нигде нет» – Ich kann meine Geldbörse nirgends finden.)*

Лишь бы погода не подвела. – Es wäre schön, wenn das Wetter mitmacht. / **К сожалению, погода нас подвела.** – Leider hat das Wetter unsere Pläne durchkreuzt.

Обойдется! – Es wird schon wieder! Es gibt sich! / **Обошлось, слава Богу!** – Es ist gut ausgegangen, Gott sei Dank!

Некоторые глаголы в конкретных словосочетаниях возможны только в определенном грамматическом времени. Так, можно сказать *шел 2007-й год,* но не говорят *идет 2007-й год.* В настоящем времени скажут *2007-й год на дворе, у нас сейчас 2007-й год. Мы опаздываем* по-немецки выразят как *Wir sind spät dran,* а *Мы опоздали – Wir haben uns verspätet; Wir kamen zu spät. Что-либо очевидно – es liegt auf der Hand,*

das ist naheliegend; что-либо было очевидно (и оправдалось) – etw. war abzusehen, etw. war klar.

Встречаются различия в переводе в зависимости от принадлежности к полу. В немецком *Gast* относится как к мужчине, так и к женщине – в русском различают *гость* и *гостья. Herr der Lage* применимо и к женщине – по-русски скажут *владеть ситуацией* (как о мужчине, так и о женщине). Немецкое слово *Geisel (заложник)* женского рода: *die Geisel*. Оно обозначает как *заложника,* так и *заложницу. Mann der Ehre* – человек чести (только о мужчине, в обоих языках). *Ein Mann – ein Wort (человек слова)* – в немецком только о мужчине, в русском применимо и к женщине: *она человек слова. Er ist noch eine Jungfrau* – в немецком *Jungfrau* применимо и к мужчине. В русском для обозначения соответствующего содержания имеется слово *девственник*. Слово *Liebhaber* переводится как *любовник*. Для обозначения женщины – *любовница* – используется *Geliebte*. Слово *Liebhaberin* означает исключительно *любительница* (второе значение и для *Liebhaber*). *Обыватель* в оценочном значении *kleinkariert, Spießbürger, Spießer* – только мужчина, о женщине с теми же качествами скажут *мещанка,* а не *обывательница.* При этом существительное *мещанин* в мужском роде – только обозначение принадлежности к определенному социальному слою *(Bürger)* без оценочных коннотаций, *мещанка* же в женском роде употребляется в переносном значении *Spießbürgerin;* обозначение же сословия является для этого слова устаревшим значением. По-немецки о женщине можно сказать *Sie ist ein feiner Kerl* – русское выражение *Она отличный парень* использовать в речи тоже можно, но только в шутку; его частотность явно уступает немецкому. По-русски можно сказать *закадычный друг,* но нельзя – **закадычная подруга* (по-видимому, потому, что еще так или иначе жива этимология слова *закадычный* – от *кадык*); поэтому о женщине или девочке в такой ситуации говорят *близкая подруга.* Бывает и так, что одна из форм слова – или в мужском, или в женском роде – является стилистически нейтральной, а другая стилистически окрашена. Так, слово *товарищ* как синоним для *приятель* в русском нейтрально (например, в качестве перевода немецкого *Kumpel*), а *товарка* – слово устаревшее или шутливое. Примечательно, что в

немецком для обозначения приятеля, то есть не слишком близкого друга, есть специальное слово *(Kumpel),* а для обозначения аналога для женщины слова нет. Поэтому слово *Freundin* не всегда стоит переводить как *подруга*. Часто имеется в виду лишь *приятельница, добрая знакомая*.

При переводе с немецкого на русский можно проследить взаимосвязь между способом передачи отношений обладания *(j-d hat etw., besitzt etw., verfügt über etw.)* и абстрактным или конкретным значением объекта обладания. При переводе фраз, включающих слова с конкретно-предметным значением, обычно используется модель «у кого-либо (есть, было) что-либо» (субъект обладания представлен существительным или местоимением в родительном падеже с предлогом *у*): *Er verfügt über eigene Mittel. – У него есть свои средства; Inge hatte einen Hund. – У Инги была собака; Sie haben ein eigenes Haus. – У них свой дом; Sie haben drei Kinder. – У них трое детей*. Иначе обстоит дело с переводом предложений, включающих в роли объекта обладания абстрактные существительные: *Ich hatte Geduld. – Терпения мне было не занимать; Я терпеливо ждал; Mut hat er, das muss man ihm lassen. – Он человек мужественный, в этом ему не откажешь; Sie hatte genug Verstand, um … . – У нее достало ума … ; Она была человеком достаточно разумным, чтобы …* . Включение в категорию обладания существительных с абстрактным значением заставляет искать для перевода конструкции, отличные от той модели, которая используется для передачи обладания чем-либо или кем-либо конкретным. Причина такого изменения состоит в том, что включение абстрактного существительного в конструкцию с глаголом *haben* в действительности превращает категорию обладания в категорию характеризации.

3.14.3 Перевод положительного модуса отрицательным и наоборот

Некоторые синтаксические конструкции русского языка, включающие частицу *не,* требуется переводить на немецкий язык предложениями в положительном модусе. Например, изъявительные придаточные с частицей *ли* (которой

соответствует немецкий союз *ob*), косвенные или прямые вопросы с глаголом в сослагательном наклонении или временные придаточные с союзом *до тех пор пока* или просто *пока* (немецкий союз *bis*): *Спроси, не надо ли ей помочь. – Frage sie, ob sie Hilfe braucht; Так мы и пытались переговариваться, пока не поняли, что этот способ коммуникации крайне неудобен. – So kommunizierten wir, bis wir eingesehen haben, dass diese Methode äußerst unbequem war; Ты не мог бы оградить меня от подобных посещений? – Könntest du mir bitte diese Besuche ersparen?*

Нельзя не упомянуть также хотя бы вкратце наличие двойных отрицаний в русских предложениях там, где в немецких соответствиях отрицание используется только один раз: *За это время здесь не было зарегистрировано ни одного случая мошенничества. – Während dieser Zeit wurde kein einziger Betrugsfall registriert; Этот вариант ничем не лучше предыдущего. – Diese Variante ist keinen Deut besser als die vorige*. На эти расхождения, как правило, указывают обучающие иностранному языку грамматики как русского, так и немецкого языков, поэтому на этих пунктах мы останавливаться не будем.

Расхождения между немецким и русским языками в сфере употребления отрицательных частиц и отрицательных местоимений при переводе синтаксических конструкций может быть обусловлено не столько грамматическими правилами, сколько причинами чисто стилистическими. Иногда грамматически положительное слово рекомендуется перевести с помощью варианта с грамматическим отрицанием и наоборот. Этот способ перевода называют также антонимическим[191], но термин «антонимический» представляется в данном контексте неточным, поскольку в лексикологии под антонимами принято понимать слова, противоположные по значению, а не противопоставление положительных и отрицательных форм часто разных по значению слов. *Молчать – schweigen;* антонимы к нему *говорить, сказать – sprechen, sagen;* перевод фразы *Niemand sagte etwas* как *Все промолчали* можно рассматривать как пример антонимического перевода; но никто не станет утверждать, что *sparen* и *углубляться* – антонимы, при этом фразу *Einzelheiten möchte ich mir sparen* можно перевести как *В детали я не хотел бы углубляться,* и это

будет пример перевода положительного модуса отрицательным, но без использования антонима.

Вот еще несколько примеров:

С немецкого на русский:

Bitte von Geschenken absehen. – Подарков не надо, не требуется.
Bleiben wir bei der Sache. – Не будем отвлекаться.
Das hast du gesagt! – Я этого не говорил.
Das ist kein Thema. – Это само собой разумеется.
Den Schritt habe ich mir gespart. – Я не стал этого делать.
Details können wir uns sparen. – В детали можно не вдаваться.
Die Entscheidung steht aus. – Решение еще не принято.
Die Lage entwickelte sich sehr zu meinem Nachteil. – Ситуация сложилась не в мою пользу.
Er konnte sich die Mühe sparen. – Мог не стараться.
Es ist nicht verkehrt. – Это *(будет)* хорошо, правильно.
Es ist wichtig, sein Ziel nicht zu verfehlen. – Важно достичь, добиться цели.
Ich kann mit ihm nicht warm werden. – Чем-то он мне не симпатичен.
Kann ich mich Ihnen anschließen? – Нельзя ли к Вам присоединиться?
Komm mir nicht zu nahe, sonst vergesse ich mich. – Не забывайся, иначе я за себя не отвечаю.
Können Sie die Musik etwas leiser anstellen? – Нельзя ли сделать музыку потише?
Mein Sohn ist normalerweise nicht wehleidig. – Мой сын обычно хорошо переносит боль, умеет терпеть боль.
Nicht schon wieder eine neue Strategie! – Опять они *(завели шарманку)* про какую-то очередную новую стратегию!
Sie gingen in die Kirche, um trocken zu bleiben. – Они зашли в церковь, чтобы не мокнуть под дождем.
Sie hasste es, kein Zuhause zu haben. – Бездомность была ей ненавистна; Она устала от своей бездомности.
Verstehen Sie mich nicht falsch. – Поймите меня правильно.
Um gefährliche Gedanken auszusperren, … . – Чтобы не допускать опасных мыслей … .

С русского на немецкий:

Двух мнений быть не может. – Das ist eindeutig.
И не говорите! – Ich stimme Ihnen voll zu!
Когда голова не будет ничем занята. – Wenn der Kopf frei ist; Sobald ich den Kopf frei habe.

Он не позволяет себе никаких вольностей. – Er ist stets korrekt.
Путь был неблизкий. – Es war ein weiter Weg.
У меня руки заняты. – Ich habe keine Hand frei.
Что же ты молчишь? – Warum sagst du nichts? *(Здесь имеется в виду не молчание как соблюдение тишины, а выражается ожидание, что человек что-либо скажет, в то время как он, вопреки ожиданию, ничего не говорит.)*
Это обстоятельство замалчивается. – Dieser Umstand wird nicht erwähnt *(oder: Darauf wird nicht eingegangen; Es wird verschwiegen.).*
Я знаю об этом не понаслышке. – Ich weiß Bescheid.
Я не вмешиваюсь *(например, в ссоры или споры между родителями)*. – Ich halte mich zurück *(можно перевести и как „Ich mische mich nicht ein“, но глагол „sich zurückhalten“ для перевода в подобных случаях весьма уместен и чрезвычайно распространен).*

Некоторые глаголы в принципе невозможно перевести иначе, чем глаголом с отрицанием – не на уровне текста, а на уровне словаря – из-за особенностей их лексического значения. Например, *буксовать перен. – nicht weiterkommen; отнекиваться – nicht zugeben (wollen); absehen* в зависимости от контекста – *не допускать, не приносить, не делать, не употреблять; aussperren* (в одном из значений) – *не допускать; ausstehen* (в одном из значений) – *что-либо еще не произошло, не наступило; entbehren – не хватать, недоставать; fehlschlagen – не получаться, не удаваться.*

3.14.4 Несовпадение по коммуникативному типу предложения

В некоторых ситуациях приходится переводить вопросительное предложение повествовательным (или восклицательным) и наоборот. В особенности это характерно для разговорной речи – обменов короткими репликами в диалогах. В целом русская языковая норма допускает большее число восклицательных предложений, чем немецкая.

Необходимость «превращения» одного коммуникативного типа предложения при переводе в другой диктуется прежде всего тем, что мы общаемся друг с другом по большей части уже сложившимися речевыми формулами, даже если они и не рассматриваются в лингвистической традиции как идиомати-

ческие. Предложения, вопросительные по форме, чисто прагматически могут содержать просьбу или рекомендацию и, наоборот, предложения повествовательные или восклицательные на языке перевода могут иметь форму вопроса, причем вопроса чисто риторического, ответа не предполагающего.

Анализ разговорных высказываний в аспекте перевода еще раз подтверждает тезис о том, что мы чрезвычайно часто пользуемся в диалогах готовыми речевыми моделями, об этом даже не догадываясь. Эти модели включают в себя в том числе и коммуникативный тип. Перевод речевой модели одного языка на модель другого нередко требует изменения коммуникативного типа как неотъемлемого элемента модели.

С немецкого на русский:

Ich habe dort nichts zu suchen. – Что я там забыл? *(русское предложение вопросительно по форме, но не по содержанию)*

Wäre das nicht etwas für dich? – Тебя это могло бы заинтересовать; Глянь, это любопытно *(немецкий вопрос, в действительности, – вежливое или неуверенное предложение, вежливый совет)*.

Was ist das schon? – Ну и что! Подумаешь!

С русского на немецкий:

Какой же я ангел? – Ich bin kein Engel *(русское предложение вопросительно по форме, но не по содержанию; на самом деле это возражение на предыдущую реплику; немецкий перевод передает суть дела точнее)*.

Стоит ли так волноваться? – Mach dir keine Sorgen *(русское вопросительное предложение – не вопрос, а совет)*.

Я что, больной? – Ich bin doch nicht von Sinnen; Ich bin doch nicht geisteskrank; Ich bin doch nicht verrückt *(русское предложение вопросительно по форме, но не по содержанию)*.

3.14.5 Несовпадение в употреблении сослагательного наклонения (Konjunktiv)

Мы не будем повторять в этом разделе правила употребления презентной и претеритальной групп немецкого конъюнктива, или, как их еще называют, конъюнктива I и II: для этого есть учебники немецкой грамматики. Передача косвенной речи в немецком языке специальными формами конъ-

юнктива и отсутствие грамматических средств для ее передачи в русском языке для изучающих русский или немецкий язык – как правило, знакомая тема. Задача этой главы состоит лишь в том, чтобы показать, что в повседневной речи в одинаковых или похожих ситуациях претеритальную группу конъюнктива в немецкой речи принято употреблять значительно чаще по сравнению с сослагательным наклонением в русской речи. Забвение этой тенденции при переводе с русского на немецкий может привести к тому, что немецкие фразы, не содержащие конъюнктива, покажутся немцам невежливыми, резкими, грубоватыми, особенно в письмах. И наоборот, русские тексты, грешащие чрезмерно частым употреблением сослагательного наклонения в результате слишком буквально выполненного перевода с немецкого, могут показаться носителям русского языка нарочито и навязчиво вежливыми, слащавыми, подобострастными.

Основная сфера применения немецкого конъюнктива – межличностная коммуникация: *Будьте добры ... – Würden Sie bitte … ; Könnten Sie bitte … ; Вам следует три дня полежать. – Sie sollten drei Tage im Bett bleiben; Если я его завтра увижу ... – Sollte ich ihn morgen treffen … ; Мне, пожалуйста, кофе. (Заказ в кафе.) – Ich hätte gern einen Kaffee; Нельзя забывать, что ... – Man sollte nicht vergessen, dass … ; Он, наверное, уже на месте. – Er müsste schon da sein; Тебе нужно было раньше мне об этом сказать. – Du hättest mich früher informieren müssen; Я прошу Вас ... – Ich würde Sie bitten … , Ich möchte Sie bitten …* . Сослагательное наклонение в русских вариантах, как правило, не исключено – оно просто не принято: русские обычно не говорят *Мне бы хотелось кофе* или *Я бы выпил кофе,* когда делают заказ в кафе или ресторане. Но бывает и так, что перевести немецкий конъюнктив на русский язык сослагательным наклонением было бы попросту неверно: *Ich hätte da noch eine Frage. – У меня еще есть вопрос*. (Ср. ненормативный вариант: **У меня еще был бы вопрос*). Немецкий конъюнктив выступает здесь единственно как сигнал вежливости. Вежливость в русском варианте можно выразить уменьшительной формой существительного: *У меня еще вопросик*. Эта уменьшительность придает фразе мягкую неназойливую ноту, поскольку в слове *вопросик,*

по сравнению с нейтральным *вопрос,* заключена, в частности сема незначительности содержания вопроса, его важность намеренно обесценивается самим же автором, – но тот же уменьшительный суффикс переводит высказывание в разговорно-фамильярный стилистический регистр, поэтому такой способ перевода допустим не в каждой ситуации.

Еще одна особенность русского сослагательного наклонения состоит в активном использовании отрицательных конструкций в косвенно выраженных дружеских советах, просьбах или вежливых, ненавязчивых предложениях что-либо совершить, предпринять: *Не стоило бы нам ... ; Не сходить ли Вам сегодня ... ; Почему бы тебе не ... .* Немецкие варианты не исключают отрицаний; например, можно дать кому-либо дружеский совет в виде фразы, начинающейся с *Wäre es nicht sinnvoll … ; Solltest du nicht … ,* но в целом отрицания употребляются в аналогичных ситуациях реже, и положительный модус в советах превалирует: *Не открыть ли нам бутылочку красного вина? – Sollten wir vielleicht eine Flasche Rotwein öffnen? Wie wäre es mit einer Flasche Rotwein?* К этому стоит добавить, что дружеские советы или просьбы, оформленные в русском языке в виде вопросов (прагматически это псевдовопросы, то есть вопросы лишь по форме, но не по коммуникативному назначению): *А не пойти ли нам погулять? Не сыграть ли тебе на гитаре? Почему бы тебе не обратиться к врачу?* – в немецком языке часто оформляются предложениями изъявительными, включающими модальные глаголы: *Wir könnten mal spazieren gehen; Du könntest vielleicht Gitarre spielen; Du solltest zum Arzt gehen.* Это не является правилом (вопросительные предложения в немецкой речи в таких случаях тоже возможны), а выражает скорее тенденцию. Активно-побудительное начало в немецких диалогах завуалировано и смягчено (наряду с использованием конъюнктива, в чем она совпадает с русской коммуникативной традицией) не столько при помощи коммуникативных типов предложений (вопрос на месте изъявительного или побудительного предложения) или отрицания (на месте положительного модуса), сколько с помощью активного привлечения модальных глаголов. Такова традиция, и ее стоило бы учитывать при переводе как с русского на немецкий, так и с немецкого на русский.

Немецкий конъюнктив пронизывает все слои разговорной речи, он употребляется не только при выражении модальности в межличностном общении, устном или письменном, – при формулировках просьбы, предположения, допущения, порицания, – но и в монологических контекстах, например, при выражении сожаления в связи с собственными действиями: *Ich hätte es nicht sagen sollen. – Зря я это сказал; Не надо было мне этого говорить; Ich hätte nicht so früh aufstehen müssen. – Мне не требовалось вставать так рано*. Распространен конъюнктив и после глаголов ментальной деятельности *denken, meinen, annehmen: Er nahm an, sie würde ihn verstehen; Ich dachte, er würde meinen Vorschlag akzeptieren*. В русских переводах сослагательное наклонение в подобных случаях не только не принято, но и, согласно правилам грамматики, недопустимо: *Я полагал, что он примет мое предложение. – *Я полагал, что он принял бы мое предложение; Он рассчитывал, что она его поймет. – *Он рассчитывал, что она бы его поняла.*

Без обилия конъюнктивных конструкций невозможно представить себе немецкую письменную речь, особенно в личных и деловых письмах: *Ich bräuchte eine Bescheinigung … . – Мне требуется справка ... ; Sollten Sie es sich anders überlegt haben … . – Если Вы приняли другое решение ... ; Sollten Sie inzwischen die Rechnung beglichen haben ... . – Если за время, которое это письмо находилось в пути, Вы уже оплатили счет ... ; Würden Sie mir bitte die Information zukommen lassen. – Пришлите мне, пожалуйста, информацию*. Сослагательное наклонение в переводах на русский употребить в данных контекстах нельзя, оно исказило бы смысл: *Если бы Вы приняли другое решение ...* – это предложение не является переводом немецкого *Sollten Sie es sich anders überlegt haben … ,* и такая формулировка была бы ошибочной. Конъюнктив в немецком предложении – это знак вежливости, а не выражение грамматической сослагательности. В сфере деловой переписки подобные ошибки в переводе чреваты серьезными последствиями.

Преподаватель, проверяющий адекватность перевода, не должен был бы в принципе снижать оценку или критиковать ученика за то, что тот перевел немецкий конъюнктив

на русский язык без использования сослагательного наклонения – за исключением тех случаев, когда перевод сослагательным же наклонением является специальной целью упражнения. Более того, иногда перевод немецкого конъюнктива русским сослагательным наклонением просто неверен, как мы постарались показать на некоторых примерах, и тогда снижать оценку надо было бы, наоборот, за использование в переводе сослагательного наклонения.

По всей вероятности, именно осознание некоторого дефицита формально выражаемой вежливости и потребность в смягчении впечатления от сказанного, в уступительности, в выражении меньшей категоричности привела к включению в современную русскую разговорную речь модальной лексемы *как бы,* превратившейся в своеобразный бич, «сорняк», вкрапляемый сплошь и рядом в речевой поток и превратившийся у некоторых носителей языка в речевую привычку, которая не только мешает восприятию сказанного, но и искажает смысл. Например, в радиопередаче об исторических событиях прошлого диктор сообщает: *Племянник короля остался как бы единственным наследником.* Говорящий забывает, что *как бы* не только снижает категоричность; эта вставка релятивирует и степень достоверности. Непонятно, являлся ли племянник короля действительно единственным наследником или это наследование оказалось под вопросом и стало оспариваться другими родственниками. Для синхронного переводчика возникла бы необходимость решать, следует ли переводить модальную лексему *как бы* на немецкий или стоило бы ее ради сохранения смысла проигнорировать.

3.14.6 Несовпадение в употреблении страдательного залога (Passiv)

Одна из рекомендаций со стороны преподавателей или научных руководителей школьникам, студентам, молодым ученым при написании ими рефератов и научных работ – по возможности избегать в письменном изложении своих мыслей личных местоимений, а также неопределенно-личных конструкций и употреблять вместо них конструкции пассив-

ные. Это общая рекомендация касается любых языков (анализ литературы показывает, что тенденция употреблять пассив вместо актива наблюдается практически во всех, по крайней мере, европейских, языках) и объясняется, вероятно, тем, что личные и неопределенно-личные активные конструкции ассоциируются с разговорным стилем, а пассив с научным. Личные местоимения *я, мы* или *ich, wir* вносят в научный текст личную ноту и отвлекают читателя от содержательной стороны, сосредоточенной в первую очередь в глаголе. Во фразах с *man* или в русских неопределенно-личных предложениях ощущается некоторая небрежность: читателя или слушателя отсылают к кому-то неизвестному, неведомому, к не названному и не поддающемуся определению существу — и в этом факте присутствует легкий, едва уловимый намек на беспечное безразличие и небрежение к точности.

Пассив строже: избегая отсылки к некоему лицу или неким лицам, автор элиминирует всякую субъективность и позволяет адресату сосредоточить внимание на собственно происходящем, то есть на процессах и их результатах: *Die Funktion wird ausgeführt; Die Kredite werden zurückgezahlt; Der Artikel ist veröffentlicht*. Пассив в определенном смысле «честнее» неопределенно-личных активных конструкций: раз не важно, кто именно что-либо делает, то этого неведомого деятеля исключают из предложения, чтобы внимание адресата не распылялось. Видимо, благодаря этому пассив как конструкция прочно закрепился за научным и официально-деловым стилями изложения и ассоциируется прежде всего с ними[192]. Употребление страдательного залога типично для технической документации, инструкций по использованию бытовых приборов, для профессиональных работ во всех научных областях. И наоборот: чем более разговорным является стиль, тем ниже вероятность обнаружить в нем пассивные конструкции. В художественной литературе страдательный залог, конечно, встречается, но частотность его употребления значительно уступает перечисленным сферам употребления.

Тем любопытнее еще одна рекомендация для составителей технической документации, распространенная, по крайней мере, на некоторых предприятиях Германии: по возможности, избегать пассивных конструкций. Противоречие с

предыдущим изложением лишь кажущееся: эксперты — составители рекомендаций советуют авторам технической документации в первую очередь не употреблять предложений с *man*, но во вторую очередь, по возможности, обходиться и без пассива, а искать и указывать собственно агенса, то есть истинного деятеля. Для читателей документации фраза в действительном залоге *Das System schlägt für die Eingabe in diesem Feld eine Selektionshilfe vor* значительно яснее, чем синонимичная ей формулировка в страдательном залоге: *Für die Eingabe in diesem Feld wird eine Selektionshilfe vorgeschlagen*. Активная конструкция более внятная, и ее восприятие не затруднено необходимостью мысленного разрешения противоречия между ролью грамматического субъекта, с одной стороны, и фактической пассивностью объекта, на который направлено действие, с другой. Но, помимо психологического, употребление активных конструкций имеет и чисто прагматический аспект. Для адресата документации важно знать, кто или что производит действие, по крайней мере для того, чтобы сделать вывод, ожидается ли от него самого в том или ином случае какая-либо активная операция, действенное вмешательство в протекающий на его глазах процесс, или та или иная функция производится системой или прибором автоматически и пользователь на данном этапе выполняемой операции может или должен оставаться пассивным наблюдателем. Поэтому различение между такими агенсами, как *Benutzer, Berater, Kunde, Systemadministrator,* с одной стороны, и *Apparat, Gerät, Programm, System, Wizard, Workflow,* с другой, и употребление активных конструкций в технической документации имеет чисто прагматическое значение, которое можно сформулировать как дихотомию инструкций «жди — действуй». Конечно, эта инструкция может прочитываться и в трехчастных пассивных конструкциях, содержащих указание на агенса в виде предложной группы в немецком языке или существительного в творительном падеже в русском *(Die Eingabe wird vom Systemadministrator betätigt; Поле заполняется пользователем),* но трехчастные пассивные конструкции громоздки и еще более затруднены для восприятия, чем двухчастные, поэтому составители технической документа-

ции избегают их в первую очередь. Эту особенность технической документации необходимо учитывать и при переводе: переводчик должен стремиться к тому, чтобы сохранять в тексте перевода эту важную для пользователя инструкцию, выраженную ясным и действенным активом, и не подменять ее по возможности страдательным залогом.

Несмотря на то, что рекомендации по использованию страдательного залога для носителей русского и немецкого языка не различаются, германисты выявили, что немецкий язык «более пассивен» — во всяком случае, в сфере научного стиля: страдательные конструкции в немецких научных текстах по сравнению с русскими более частотны[193]. Это объясняется, вероятно, тем, что русские неопределенно-личные и безличные предложения в действительном залоге не содержат местоимений *(Нужно заметить ... ; Принято говорить о ... ; Различают ... .),* поэтому действительный залог в русском языке часто сливается по функциональной нагруженности со страдательным. Даже непосредственное обращение к читателю и приглашение совместно с автором совершить какое-либо действие обходится без местоимений: *Вернемся к ... , Вспомним ... , Попробуем представить себе ... .* Немецкие предложения всегда двусоставны, и избежать в них местоимений в активных конструкциях невозможно. Это могут быть неопределенно-личное местоимение *man,* безличное *es,* личное *wir: Man unterscheidet ... ; Man spricht über ... ; Es ist ratsam ... ; Nehmen wir an ... ; Versuchen wir uns vorzustellen ...* . Потребность избавиться от местоимений, и прежде всего от местоимения *man*, по-видимому, как раз и побуждает немецких авторов научных статей как можно чаще применять пассив. Вдобавок пассивная конструкция легче выявляет тема-рематическое членение: рематичность в таких предложениях более «прозрачна».

Различие между русским и немецким языком по оси «допустимая односоставность (в русском) — обязательная двусоставность (в немецком)» необходимо учитывать и при переводе: грамматическая безличность и грамматическая пассивность немецкого научного стиля не обязательно должна находить непосредственное отражение в виде зеркальных грамматических конструкций в русском переводе.

Кроме того, русские средства выражения пассива, и прежде всего переходные глаголы с возвратным суффиксом *-ся,* в рамках языковой нормы не всегда возможно образовать, в то время как немецкий язык допускает образование пассива почти от всех переходных глаголов[194]: *In der evolutionären Ethik wird von der Biologie versucht, die Entscheidungsfreiheit des Menschen und damit moralisches Handeln abzuleiten. – *В эволюционной этике свобода воли и моральное поведение пытаются выводиться биологией …* . Такое предложение можно перевести только с помощью действительного залога: *В рамках эволюционной этики биология пытается …* (или *биологи пытаются*) … . Подобные запреты встречаются на каждом шагу: *Er wurde zum Sündenbock dafür gemacht, was die Presse an der neuen Hollywood-Produktion zu kritisieren hatte. – *Он сделался козлом отпущения за все, что …*[195] (ср.: *Его сделали козлом отпущения за все, что …*); *Hier wird darauf angespielt, dass Kaspar Hauser das Opfer einer politischen Intrige geworden ist. – *Здесь намекается на то, что …* (ср.: *Здесь содержится намек на то, что … ; Автор намекает здесь на то, что …*). Следовательно, несмотря на общую тенденцию употреблять в научной и деловой речи как можно больше пассивных конструкций, автоматический перенос этого грамматического явления из одного языка в другой (чаще из немецкого в русский, в силу указанных причин) неосуществим. Русская языковая норма допускает значительно более высокую частотность предложений с действительным залогом даже в тех стилистических сферах, где в целом рекомендуется страдательный залог.

Однако в немецкой научной речи обращает на себя внимание и значительно более частое по сравнению с русским употребление личных местоимений, особенно местоимения *ich*. В русской научной традиции не было принято использовать местоимение *я*. В том случае, если образование страдательного залога от определенного глагола невозможно, в роли указания на автора как субъекта используется местоимение *мы: В этой работе мы постарались показать, что …* . В западноевропейской и особенно в американской научной традиции личное местоимение первого лица единственного числа как указание на автора не только не искоренялось, но и зачастую намеренно использовалось в текстах, – как средство

размежевания с мнениями других ученых и подчеркивания собственной точки зрения, а также для окрашивания всего рассуждения в нарочито-доверительные тона — в первую очередь, по-видимому, с гуманной целью облегчить читателю восприятие и без того сложного материала с помощью этой доверительной интонации, как бы приглашающей его порассуждать вместе с автором и снимающей ощущение сухой наставительности от текста.

В последнее время в российских научных работах, по крайней мере, в филологических, тоже появилось местоимение *я* — скорее всего, под влиянием западной традиции как знак становления более открытого общества и стирания географических и политических границ: научная мысль, как и всякая другая, границ иметь не может, и сближение чисто стилистических традиций — одна из вех общего сближения. Однако, поскольку употребление личного местоимения первого лица единственного числа *я* в текстах российских ученых — еще довольно молодая традиция, поддерживаемая далеко не всеми авторами, то переводчику научных текстов с немецкого на русский стоит с большой осторожностью переводить местоимение *ich* как *я* и, если нет другого выхода, то решать, уместно ли в русском тексте местоимение *я* или все-таки стоит заменить его на *мы,* а там, где грамматические правила позволяют образовать страдательный залог и избежать местоимения, стоит этим способом перевода пользоваться как можно чаще.

3.14.7 Место фразового ударения в связи с порядком слов, лексической семантикой и переводом

Перевод нередко напрямую зависит от порядка слов и месторасположения фразового ударения (интонационного центра). Эта зависимость выявляется, например, в следующих случаях:

1. Инверсия в сочетании «существительное плюс прилагательное или причастие»

В русском языке прилагательное или причастие может следовать после существительного, к которому оно относится (инверсия). Такой порядок слов характерен, например, для

поэтической речи, для высокого или устаревшего стиля: *Утро туманное, утро седое, нивы бескрайние, снегом покрытые (поэт.); На ней одежды парчовые; Он поцеловал ее в уста сахарные (фольк.-поэт.)* – в последних двух примерах впечатление от инвертированного порядка слов усиливается выбором устаревших лексем (*одежды* вместо *одежда, парчовый* – материал, из которого сейчас одежду обычно не шьют, *уста* вместо *губы, сахарные* – исчезнувший из современного языка эпитет).

Тот же тип инверсии характерен и для сугубо канцелярского языка (Beamtensprache). Например, при инвентаризации в магазине можно представить себе составляемый список товаров, в котором будут значиться: *колбаса копченая, орехи грецкие, песок сахарный* и тому подобное (так же составляется обычно текст ценников). При отправлении посылок на почте требуется заполнить бланк с перечнем вложенного содержимого, и этот список может быть приблизительно таким: *игрушки детские – две штуки, конфеты шоколадные – одна коробка, шапочка и рукавички вязаные – три штуки* и т. д.

В немецком инверсия в поэтическом языке возможна лишь в ограниченной степени: *очи зеленые – die Augen, die grünen;* такие словосочетания встречаются иногда в поэтической речи. Однако *очи твои – *Augen, die deinen* – уже недопустимо. Стиль устаревшего, несовременного языка передается в первую очередь лексически. Что же касается канцелярского стиля, то здесь и отбор слов не поможет: инверсия в немецком невозможна, и при переводе с русского на немецкий сугубо канцелярский стиль, выраженный в русском с помощью порядка слов, теряется.

2. Инверсия в словосочетании «существительное плюс количественное числительное»

Постпозиция количественного числительного в русском языке передает неопределенность. Ср.: *два часа – часа два, три тарелки – тарелки три*[196]. В первом случае количество передается как точное (действительно три или два), во втором как приблизительное (говорящий снимает с себя ответственность, не гарантируя точности). Немецкий порядок слов не допускает инверсии, и в переводе на немецкий язык требуется передать неуверенность в численности объектов на лексическом уровне: *circa, etwa, um, ungefähr*[197].

3. Коммуникативная перспектива предложения (актуальное членение)

В огромном числе работ, посвященных актуальному членению, говорится, в частности, о том, что новая информация тяготеет к концу предложения: мысль (как и познание) продвигается обычно от знакомого к незнакомому, от известного к неизвестному, от менее важного к более важному, от данного к новому. Это правило действует как для русского языка, так и для немецкого. Однако немецкий язык обладает средством, позволяющим с легкостью его обходить. Артикль в немецком позволяет создавать такие предложения как *Ein Mädchen trat ins Zimmer; Ein Hund bellte*. Согласно теории актуального членения, рема (новое, коммуникативный центр, фокус) стоит в начале этих предложений. Новизна информации выражается неопределенным артиклем. Поскольку русский язык безартиклевый, новизна информации в русском должна как-то передаваться, и это может быть сделано при помощи изменения порядка слов при переводе (соответственно: *В комнату вошла девушка; Залаяла собака*.) Эта закономерность описана в большом количестве теоретических работ и практических пособий по переводу.

Однако не всегда неопределенный артикль автоматически влечет за собой смысловую и интонационную фокусировку и необходимость поместить соответствующее слово при переводе в конец предложения. Сравним два высказывания, в которых одно и то же существительное с неопределенным артиклем оказывается в безакцентной позиции или стоит под сильным фразовым ударением в зависимости от лексического окружения[198]:

> *Ich sehe eine gute Freundschaft in Gefahr. – Ich sehe eine gute Freundschaft in knappen Briefen.*

Порядок слов при переводе первого предложения следует немецкому порядку слов: *Мне представляется, что большая дружба оказалась под угрозой*.

Во втором случае требуется порядок слов изменить:

> *В кратких письмах мне видится большая дружба*.

Бывает и так, что в русском переводе порядок слов изменить невозможно, независимо от того, где стоит фразовое ударение в немецком оригинале:

Wir haben ihn zu einem Glas Wein eingeladen. – Er ist über einem Glas Wein eingenickt.

В русском переводе *бокал вина* в обоих предложениях оказывается в конце:

Мы пригласили его на бокал вина. – Он заснул над бокалом вина.

Таким образом, общее правило сформулировать можно: переводчик должен стараться более важную информацию помещать в конце предложения, даже если для этого придется изменить порядок слов в переводе по сравнению с оригиналом. Но требуется помнить о том, что это правило допускает множество исключений.

В русских текстах мы довольно часто встречаемся с ситуациями, когда наиболее важное по коммуникативной нагрузке слово (рема) стоит не в конце, а в начале предложения. Например:

Двойственное чувство вызывают подобные решения.
Маленький мальчик глядел из глаз старого человека (И. Грекова).
Гости пожаловали.
Необычный сосед вскоре появится у судей Конституционного суда, живущих на Крестовском острове («Новая газета»).
Чудо спасло двести пассажиров («Новая газета», заголовок).

Во всех этих случаях при переводе на немецкий язык потребуется снабдить соответствующие рематические или входящие в группу ремы существительные неопределенным артиклем – и лучше постараться поместить их в конце немецких предложений (если вообще переводить здесь существительные существительными):

Bei solchen Entscheidungen ergreift einen ein kompliziertes Gefühl. (Но можно обойтись и без слова *Gefühl: Bei solchen Entscheidungen ist man hin- und hergerissen; Solche Entscheidungen sind zweierlei.*)
Der alte Mann blickte sie mit den Augen eines kleinen Jungen an. (Местоимение sie восстанавливается из контекста.)

Gäste sind eingetroffen.
Richter des Verfassungsgerichts, die auf der Krestowskij-Insel wohnen, bekommen bald einen ungewöhnlichen Nachbarn.
200 Passagiere wie durch ein Wunder gerettet. (В заголовке можно обойтись без глагола.)

Конечно, и эту рекомендацию не следует применять механически во всех ситуациях. Например, перевод предложения

Тетя звонит!

не требует неопределенного артикля при слове *Tante,* по крайней мере, если речь идет не о неизвестной тете (разговорный стиль), то есть о незнакомой женщине, а о родственнице. Наоборот, при существительном *Tante* понадобится в такой ситуации притяжательное местоимение:

Deine Tante ruft an!

Тенденция к размещению наиболее актуальной информации ближе к концу предложения при переводе как на русский, так и на немецкий иногда наталкивается на препятствие в виде грамматической или стилистической нормы. Так, в немецком при его жестком порядке слов далеко не каждое актуальное и важное содержание удается поместить в конец предложения. Финитный глагол, которому полагается в главном предложении стоять на втором месте, может быть сколь угодно важен для содержания – но в конец предложения его не поместить. На втором же месте он оказывается почти неизбежно в «акцентном провале» – эту закономерность изменить невозможно. Русский порядок слов свободнее, но и его свобода не безгранична. Есть случаи, когда переводчик должен решать, что предпочтительнее: поместить наиболее важную информацию в конец предложения за счет точности перевода или нарушить актуальное членение оригинального предложения, но сохранить эквивалентность, например:

Von seiner Mitarbeit fehlte in den offiziellen Dokumenten jede Spur.

Сказать по-русски **Его участия в этой операции в официальных документах следов не обнаружено* нельзя. Есть ва-

рианты: или заменить идиому *не обнаружить следов* синонимом, который можно разместить в конце предложения, например:

> *Его участие в этой операции в официальных документах не зафиксировано.*

– или перестроить предложение так, что актуальное членение исходного высказывания будет нарушено:

> *Следов его участия в этой операции в официальных документах не обнаружено.*

В этом варианте новым будет лишь то, что чего-то не обнаружено (рема), а что именно искали – следы – окажется известным, данным (темой). Такое актуальное членение не совпадает с членением исходного предложения – зато удается сохранить эквивалентность идиомы[199].

4. Лексическое значение при многозначности или омонимии и место фразового ударения

Некоторые лексемы в силу особенностей своего значения как будто притягивают к себе фразовое ударение и одновременно попадают в фокус коммуникативного акта, оказываются носителями наиболее важной информации. Если правила языка перевода позволяют, то перевод таких лексем было бы разумно помещать в конце предложения, как наиболее привычном и естественном месте размещения наиболее сильного фразового ударения. Ср.:

> *Das Gespräch dauerte eine Stunde. – Das Gespräch verstummte nach einer Stunde.*

В русском переводе во втором предложении стоило бы поместить глагол, как носитель наиболее существенной информации, в конце предложения:

> *Разговор продолжался час. – Разговор через час смолк.*

Вот еще несколько примеров такого типа:

> *Damit war der Herzkontakt angedeutet (F. Werfel). – Это был знак духовного родства. / Damit war der Herzkontakt gesichert. – Таким образом, духовное родство было окончательно установлено.*
> *Er nickte zufrieden. – Он довольно кивнул. / Er wirkte zufrieden. – Он казался довольным.*

Mir galt dieser Blick. (L. Perutz) — Этот взгляд предназначался мне. / Mir missfiel dieser Blick. — Этот взгляд мне не понравился.

Бывает и так, что одна и та же многозначная лексема (или член омонимичной пары) то способна выступать носителем наиболее важной информации, то нет, в зависимости от своего лексического значения. Ср.:

Редкий прохожий пройдет мимо и не заметит. — Редкий прохожий пройдет мимо и не заметит.

В первом предложении *редкий* означает «вряд ли», «едва ли (хоть один прохожий)». Во втором *редкий* означает количество: прохожих было мало, они были редки. Следовательно, первое предложение нужно перевести как

Kaum einer würde vorbeigehen, ohne es zu bemerken,

а второе как

Ein seltener Passant würde vorbeigehen, ohne es zu bemerken.

В первом предложении сказано, что любой прохожий заметит, во втором, что никто из прохожих не заметит. Это различие в смысле задается только фразовым ударением. При этом письменная речь лишена формального обозначения места фразового ударения. Механизм распознавания смыслов и их различения в случаях такой отмеченной и поддерживаемой фразовым ударением многозначности или даже омонимии при восприятии письменной речи начинается с толкования семантики элементов предложения в зависимости от их соотношения друг с другом внутри высказывания, а также нередко в зависимости от предшествующего, а то и последующего контекста. Порядок слов при переводе в данной ситуации изменить будет невозможно. Когда же правила русского порядка слов допускают перестановку, непременно стоит этой свободой воспользоваться:

Sie sahen Gerechtigkeit in Gottes Fügung. — Они решили, что справедливость во власти божьей. / Sie sahen Gerechtigkeit in Gottes Fügung. — Они увидели в божьем промысле справедливость.

Место фразового ударения в сочетании с лексической семантикой оказывает значительное влияние не только на выбор слов, но и на поиск адекватных синтаксических конструкций при переводе:

Du sollst ruhig bleiben. – Сиди спокойно; Сохраняй спокойствие; Не шуми. / Du sollst ruhig bleiben. – Сиди себе; Да куда ты пойдешь; Да куда тебе спешить.

Позиционирование фразового ударения при мысленном озвучивании – это уже итоговый шаг семантического и синтаксического анализа. Распознавание читателем (в данном случае переводчиком) места фразового ударения как метки наиболее важной с семантической точки зрения информации и одновременное осмысление значения многозначного слова в зависимости от его позиции по отношению к фразовому ударению происходит в первую очередь с опорой на контекст или благодаря пониманию речевой ситуации. Вот еще примеры такого рода:

Я вообще непьющий. – Я вообще непьющий.

В первом предложении *вообще* следовало бы перевести как *übrigens,* во втором как *überhaupt.*

Он угадывал ее настроение.

В зависимости от того, означает ли глагол *угадывал* «понимал», «сознавал» или «чувствовал», «различал» – фразовое ударение приходится на *угадывал* в первом случае или на *настроение* во втором

Он угадывал ее настроение. – Он угадывал ее настроение.

и перевод будет, соответственно,

Er ahnte, wie ihr war или *Er spürte ihre Stimmung.*
Искусство на самом деле никуда не исчезнет. – Искусство на самом деле никуда не исчезнет.

Если говорящий возражает кому-то, кто утверждает, что искусство может исчезнуть, то ударение приходится на глагол в конце предложения, а *на самом деле* следовало бы перевести как *in Wirklichkeit*. Если говорящий, наоборот, соглашается с правотой собеседника, то вероятен вариант перевода для того же словосочетания в виде *tatsächlich, in der Tat.*

Хорошенькую мошенницу мы терпели два года.

В зависимости от того, идет ли речь о мошеннице, которая была хорошенькой, или о ком-то, кого мы посчитали мошенницей (при этом *хорошенький* вовсе не характеристика внешности, а средство усиления негативной оценки), фразовое ударение и мелодика будут различны, ср.:

Хорошенькую мошенницу мы терпели два года. — Хорошенькую мошенницу мы терпели два года.

На слово *хорошенькую* ударение не падает ни в первом, ни во втором предложении, но смещение ударения на соседнее слово, вызываемое изменением его семантики, попутно меняет и лексическое значение слова *хорошенькую*. В переводе оба смысла должны быть соответственно отражены по-разному: *die hübsche Schwindlerin* в первом случае или *was für eine gerissene Schwindlerin* во втором.

Для немецкого языка тоже можно отыскать примеры подобной интонационной омонимии, значимые для перевода:

Er fällt kaum auf. — Едва ли его заметят; Вряд ли на него обратят внимание. / Er fällt kaum auf. — Он едва заметен.
Er schwimmt gerade. — Он как раз плавает, он как раз отправился поплавать. / Er schwimmt gerade. — Он плывет по прямой.
Jede Geschichte muss einfach enden. — Просто каждая история когда-нибудь должна заканчиваться. / Jede Geschichte muss einfach enden. — Каждая история должна заканчиваться просто.
Sie flüchtete in Verwirrung. — В смятении она бежала. / Sie flüchtete in Verwirrung. — Ее спасло безумие.
Sie ist eine gute Samariterin. — Она прямо как добрая самарянка. / Sie ist eine gute Samariterin. — Она хорошая самарянка, добропорядочная самарянка.
Wir gehen langsam. — Мы потихоньку будем собираться на выход. / Wir gehen langsam. — Мы пойдем тихо; Мы идем тихим шагом.

Размещение при переводе слова под фразовым ударением в конце предложения для усиления его роли информа-

ционного центра, коммуникативного фокуса — рекомендуемый, но, в силу синтаксических правил конкретного языка, не всегда осуществимый прием.

Иногда перевод двух вариантов совпадает, но лишь благодаря тому, что в обоих языках одинаковым образом представлена многозначность. Ср.:

Посмотрите на меня. — Sehen Sie mich an.

Перевод на немецкий будет одинаков независимо от того, как расположено фразовое ударение и каково лексическое значение глагола: *Посмотрите на меня* означает *взгляните на меня* (в буквальном смысле), а *Посмотрите на меня* означает *берите с меня пример* (глагол *посмотреть* употреблен в переносном значении). *Ansehen* или *anschauen* в немецком имеет те же значения, что *посмотреть* в русском.

Глагол *заметить* в двух предложениях

Она заметила, что погода портится. — Она заметила, что погода портится.

— выступает в разных значениях: «сказать» и «обратить внимание». Но переводится он в обоих случаях одинаково глаголом *bemerken,* т. к. у немецкого эквивалента наличествуют те же два значения.

Вот еще один пример:

Er teilte die Zweifel seiner Frau. – Er teilte den Apfel mit seiner Frau.

Русский глагол *разделять* в принципе годится для перевода обоих предложений, поскольку его абстрактное и конкретное значения совпадают с аналогичными значениями глагола *teilen*. Однако здесь требуется употребить для перевода разные виды глагола, а также использовать различное глагольное управление:

Он разделял сомнения жены. — Он разделил яблоко с женой.

Другой вариант перевода второго предложения — с глаголом *поделиться:*

Он поделился яблоком с женой.

Для перевода первого предложения глагол *поделиться* не подходит.

В таких – на первый взгляд одинаковых – предложениях в исходном языке только контекст помогает понять, которое из значений той или иной лексемы подразумевается. Чаще всего это левый контекст, но иногда, за неимением оного, приходится уповать на правый. Например, художественные или публицистические тексты порой открываются фразами, как будто бы «вырванными из контекста» – этот художественный прием затрудняет интерпретацию смыслов в случае многозначности той или иной лексемы. В таких ситуациях помогает только правый контекст. Нередко в ситуации потенциальной двусмысленности (как в описанных выше примерах) читателю приходится мысленно вернуться к уже прочитанному предложению и проинтерпретировать его иначе, чем он понял его изначально. Скажем, начальное предложение текста

Er hing an seinem Kleiderschrank.

– может означать *Он (человек) любил свой шкаф* или *Он (она, оно – предмет, скорее всего, предмет одежды) висел на шкафу.* Читатель выстраивает свою версию, в зависимости от понятого смысла ставит здесь фразовое ударение на *hing* (в первой интерпретации – *любил*) или на *Schrank* (во второй интерпретации – *висел*) и читает дальше. Правый контекст позволит ему утвердиться в своей правоте или заставит его пересмотреть первоначальную версию.

Для использования подобных – потенциально двусмысленных – предложений в начале текста можно предложить одно из трех объяснений: или автор не заметил двусмысленности; или заметил, но не придал ей значения, решив, что она снимается правым контекстом; или заметил и намеренно захотел «сыграть» на ней (а может быть, даже специально ее придумал в целях языковой игры). Так, языковой игрой можно объяснить заголовок статьи в газете «Коммерсант» (от 24.08.2009):

Она, можно сказать, замахнулась на президента.

В зависимости от того, интерпретируется ли *замахнулась* в прямом («физически замахнулась») или переносном («самого президента посмела критиковать») значении, под наиболее сильным ударением окажется или глагол (буквальное

значение), или дополнение (переносное значение). Если учесть, что в статье идет речь о женщине, обратившейся к встретившемуся ей прямо на улице президенту во время его визита в Астрахань с гневной речью и оштрафованной милицией за нарушение порядка, а также то, что в заголовке воспроизведена цитата сотрудника УВД, можно догадаться, что автор статьи намеренно «играет» значениями глагола и вовсе не стремится к однозначности. Другими словами, данный заголовок практически невозможно озвучить (прочитать вслух): ведь автору важно, чтобы место фразового ударения осталось непроясненным. Переводчик в ситуации подобной игры оказывается в сложном положении: если язык перевода не позволяет отыскать двузначный же аналог, то приходится или отказываться от игры, или полностью менять текст. И то, и другое обычно можно расценивать как потерю по сравнению с оригиналом. Лишь в редких случаях перевод оказывается удачнее (остроумнее, точнее) оригинала. В данном конкретном случае переводчику повезет, т. к. немецкий язык предоставляет средство, которое позволяет сохранить игровой элемент через сохранение двусмысленности: *es auf j-n abgesehen haben*. Эту идиому можно истолковать как буквально (физическая атака), так и переносно (покушение на чье-либо доброе имя).

Понимание значения слова в связи с его ударностью или безударностью во фразе существенно для перевода и тогда, когда его лексическое окружение в паре примеров не совпадает. Здесь фразовое ударение является косвенным, а не прямым смыслоразличителем: оно лишь подтверждает различие в лексических значениях, выводимое из контекста. Ср.:

> *Пора менять постельное белье. — Пора менять отжившие представления.*

В первом примере для глагола *менять* мы, скорее всего, выберем перевод *wechseln,* во втором — *verzichten, abschwören*. Конечно, уже объект (что именно пора менять) содержит информацию о том, что этот глагол в двух сопоставленных фразах употребляется, скорее всего, в разных значениях и требует различного перевода. Но фразовое ударение усиливает и подтверждает эту догадку.

В паре

У меня иные представления. – Иные представления ставят в тупик.

слово *иные* придется перевести по-разному: в первом предложении – как *andere,* во втором – как *manche.*

В паре предложений

Он по-доброму засмеялся. – Он по-доброму отнесся к гостю.

лексему *по-доброму* тоже требуется перевести различными способами: *gutmütig* в первом предложении и *freundlich, herzlich* во втором.

В паре примеров

Дворяне дрались на дуэлях. – Витя Селезнев дрался на уроке.

– глагол *драться* переводится по-разному: *duellierten sich* в первом, *prügelte sich* во втором.

В предложениях

Он купался в своей славе. – Он купался в своем бассейне.

– глагол *купался* переводится соответственно как *sonnte sich* или как *badete.*

Наречие *страшно* требуется переводить по-разному в следующей паре примеров:

Страшно жить на свете маленькому человеку. – Страшно хочется мороженого.

– скорее всего как *Angst haben, sich fürchten, Angst machen* в первом и как *furchtbar gern* во втором. Ср. также:

Я имею в виду вчерашний случай. (Ich meine den gestrigen Zwischenfall.) – Я буду иметь в виду Ваше пожелание. (Ich werde Ihren Wunsch berücksichtigen.)

Аналогичные примеры имеются и на немецком материале:

Er stieg in den dritten Stock. – Er stieg in ihren Augen.

Переводить глагол *steigen* в первом предложении следует глаголом *подняться,* во втором – *вырасти.*

Ich saß da, zum Sterben bereit. (Я сидел там, готовый принять смерть.) – Ich saß da, zum Sterben müde. (Я сидел там, смертельно уставший.)

Позиция фразового ударения является в этих примерах не единственной смыслоразличительной меткой, она под-

держивается лексическим наполнением словосочетаний, но роль фразового ударения в различении лексических значений многозначных слов чрезвычайно велика.

Изредка фразовое ударение участвует в различении паронимов: это бывает в тех случаях, когда один из паронимов по семантике нейтрален, а другой оценочен. Ср.:

> *Комиссар делает логический вывод. – Комиссар делает логичный вывод.*

В первом предложении констатируется факт, во втором выражена похвала. Она содержится уже в лексическом значении слова *логичный,* но падающее на него фразовое ударение эту положительную оценку подчеркивает и усиливает.

Неверным было бы представление, что любая многозначность сопряжена с фразовым ударением и что перемена значения всегда сопровождается переменой места фразового ударения. Так, в примере

> *Кончился Иван Иваныч. – Кончилось правление Бурбонов.*

– глагол находится под сильным ударением в обоих предложениях, а значения у него разные: *«скончался» разг.* в первом примере и *«миновало, закончилось»* во втором.

Бывает и так, что значений у слова, скажем, три, а ударение отмечает только одно из них, а два прочих ударностью не различаются или, наоборот, одно из них в тексте безударно, а два других ударны. Так, в следующих трех предложениях у *neu* три различных значения, ударно же это слово в двух случаях из трех:

> *Er hat sich neu verliebt. (Он снова влюблен, он снова влюбился.) – Er hat diesen Begriff neu definiert. (Он заново определил это понятие, он изменил определение этого понятия.) – Er hat das Haus neu gekauft. (Он купил новый дом.)*

Этот раздел содержит принципиальные положения, которые можно обобщить: 1) место фразового ударения напрямую связано с интерпретацией смысла предложения; одним из наиболее важных факторов для интерпретации является лексическая семантика; 2) при многозначности или омони-

мии одно из значений слова может тяготеть к ударной выделенности, другое, наоборот, может избегать ударности; эта закономерность выдерживается не всегда, но она, несомненно, существует; 3) от выбора места фразового ударения зависит перевод – через опосредующую его трактовку лексического значения.

3.15 КОММЕНТАРИЙ К ГЛАВЕ 3

91 Немало сведений о несовпадениях и вызванных этими несовпадениями наиболее типичных ошибках русских в немецкой речи можно почерпнуть из книги *Böttger, Katharina.* Die häufigsten Fehler russischer Deutschlerner. Ein Handbuch für Lehrende. Münster, New York, München, Berlin, 2008.

92 Проблематика перевода слов, обозначающих реалии, подробно освещена в книге: *Влахов С.И., Флорин С.П.* Непереводимое в переводе. М., 2006.

93 *Федоров А.В., Кузнецова Н.Н., Морозова Е.Н., Цыганова И.А.* Немецко-русские языковые параллели. М., 1961. С. 160.

94 На многих современных российских предприятиях, однако, уделяется внимание «корпоративной культуре» и проводятся различные мероприятия, включающие экскурсии.

95 В этой связи примечательно употребление русскими иммигрантами немецких слов в бытовой речи. Анализ немецких вкраплений показывает, что русские охотно употребляют в обиходной речи те немецкие слова, значения которых в русском языке не полностью перекрываются значениями немецких при видимом совпадении переводов *(Antrag, Hebamme, Keller, Metzger, Praxis),* а также слова, на месте перевода которых в русском имеют место лакуны *(Ferienwohnung, Rasthof, Termin).* Для некоторых слов-вкраплений точный перевод есть, но немецкая лексема просто короче *(Freibad* вместо *бассейн под открытым небом).* А бывает и так, что перевести слово или словосочетание легко, но русским или немцам совершенно незнакома соответствующая реалия. Поэтому спросить хозяйку немецкого дома по-русски: «Где у вас тут желтый мешок?» теоретически можно, но *gelber Sack* для немцев – реалия (это емкость, в которую выбрасывают металлоизделия или пластик — то есть отходы, заново поступающие в промышленную переработку), а *желтый мешок* для русских – нет. Этот тот редчайший

случай, когда в речи русского вполне можно допустить немецкое вкрапление как языковую норму: «Где у вас тут gelber Sack?»

96 Переводчик Чехова – Wladimir Czumikow, Тургенева – Erich Müller-Kamp.

97 См. *Gladrow W.* (Hg.) Russisch im Spiegel des Deutschen. Eine Einführung in den russisch-deutschen und deutsch-russischen Sprachvergleich. Frankfurt (M.), 1998. S. 189.

98 Имеются и иные способы передачи обозначений специфических реалий на другой язык; они подробно освещены, например, в книгах: *Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. М., 1974; *Влахов С.И., Флорин С.П.* Непереводимое в переводе. М., 2006; *Швейцер А.Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М., 2009.

99 Пояснения не заимствованы из словарей, а являются авторскими текстами.

100 Профессии Arzthelferin, Rechtsanwaltsgehilfin, Steuerfachgehilfin, Zahnarzthelferin и т. п. для мужчин не закрыты, но не типичны.

101 Название *Fasching* распространено в южной Германии. В средней и северной частях используется слово *Karneval*.

102 Название традиционной ярмарки зависит от региона: *Kerwe* в юго-западной Германии; *Kirbe, Kirwe, Kerb* во франконском диалекте; *Kirta (Kirtag)* в баварском диалекте; *Kirmes (Kirche + Messe)* в северной Германии и т. д.

103 4711 – номер дома в Кельне, в котором изобрели знаменитую *кельнскую воду;* ее название пришло в русский язык через французский *одеколон*.

104 Назовем только несколько лингвострановедческих справочников: *Сергеева А.В.* Лексикографический аспект лингвострановедения. М., 2004; Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. Под ред. И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова. М., 2004; *Александрова Т.С., Кузавлев В.Е.* Школьный немецко-русский страноведческий словарь. М. 2001; *Мальцева Д.Г.* Германия: страна и язык. М., 1998.

105 Например, следующий пассаж в книге С.Г. Тер-Минасовой «Язык и межкультурная коммуникация» можно объяснить только тенденциозностью: «Как известно, стереотипный образ России и русского человека на Западе – это медведь, могучий, но грубый и опасный зверь. Так вот родной язык этого зверя отражает его потребность в передаче оттенков хорошего отноше-

ния к миру, любви и ласки (язык – зеркало культуры) и формирует из него тонкую и любящую личность, предоставляя в его распоряжение большое разнообразие языковых средств для выражения этого самого хорошего отношения к миру. Причем именно к миру, а не только к людям, потому что уменьшительно-ласкательные суффиксы с одинаковым энтузиазмом присоединяются русскими людьми и к одушевленным, и к неодушевленным предметам» (*Тер-Минасова С.Г.* Язык и культурная коммуникация. М., 2000. С. 152.). Не вполне ясно, какую цель преследует автор: если книга посвящена межкультурной коммуникации, то стоит ли включать в нее описание стереотипов, которые могут лишь способствовать нарушению всякой успешной межкультурной коммуникации, сеять недоверие и порождать недоразумения между носителями разных языков и представителями разных культур.

[106] Так, наряду со многими точными и меткими наблюдениями, в книге В.Д. Девкина «Немецкая лексикография» указывается, в частности, что немцы моют руки в раковине и им неведомо, что значит просьба «Полей мне», что гардеробы в театрах Германии платные, что магазины работают без перерыва, что творог немцы считают гарниром. В действительности немцы моют руки не в раковине, а под краном и вполне могут попросить друг друга полить им на руки, например, из бутылки, если поблизости нет умывальника, гардеробы в театрах как платные, так и бесплатные в зависимости от конкретного театра, магазины работают как без перерыва, так и с перерывом в зависимости от конкретного магазина и города, а творог немцы гарниром не считают.

[107] В литературе такого рода лакуны называют иногда немотивированными.

[108] Конечно, можно перевести эту фразу и как *Кофе невкусный,* но *невкусный* не является эквивалентом *ungenießbar*.

[109] Немецкому словосложению в этой книге посвящен отдельный раздел, см. 3.3.

[110] Глагол *mustern* существует, но имеет другое значение: *разглядывать, оценивать.* Прилагательное *gemustert* образовано от *Muster* – образец, рисунок (например, на обоях, на ткани).

[111] Ср. в русском языке шутливое псевдопричастие *остепененный* – «получивший научную степень» и нормативное причастие *окольцованный.*

[112] В меню кафе и ресторанов в современной России названия блюд с уменьшительно-ласкательными суффиксами очень рас-

пространены: *грибки, колбаска, огурчики*. Владельцы достигают этим сразу две цели: с одной стороны, посетитель чувствует заботу и личное отношение, с другой – возникает ощущение близости данного заведения к народу, принадлежности блюд к национальной исконно русской кухне, а значит к чему-то истинному, настоящему, неподдельному.

113 Ряд примеров такого рода можно найти в книге *Birkenmaier, Willy*. Vergleichendes Studium des deutschen und russischen Wortschatzes. Tübingen, 1987. S. 75–76.

114 Так, на занятии русского языка в университете преподаватель предложил немецким студентам, недавно начавшим изучать язык, погадать, как можно было бы перевести слово *купальник*. Реакция была почти мгновенной: тренер, который обучает людей плавать (заставляя их купаться).

115 Необходимо оговорить, что некоторые из приводимых способов словообразования до сих пор продуктивны, другие нет. В рамках настоящего справочника невозможно осветить эту тему в деталях, интересующихся отсылаем к специальной литературе по русской грамматике.

116 Иногда продуктивные наречия *herein-, hinein-, hin-, her-, herbei-, herüber-*, выступающие в качестве первых элементов сложных слов и легко соединяющиеся с огромным количеством глаголов движения, называют приставками, но это обозначение неточно и потому не вполне корректно.

117 Есть и исключения: *малосольный* – не «несоленый», а «мало соленый», *малолетний* – «тот, кому мало лет», *малодушный* – «трусливый».

118 Под семантическим гнездом понимается совокупность слов, объединенных по какому-либо семантическому признаку, например, обозначения профессий, названия животных.

119 Обилие ласкательной лексики в русском языке отмечается многими лингвистами. Не обходится и здесь без вульгаризации – а именно без непосредственного сопоставления обилия ласкательных слов с особенностями «русской души», трактуемой в традициях стереотипов: «Уменьшительно-ласкательные суффиксы русского языка не только отражают повышенную способность русскоязычного человека к выражению любви и доброты, его эмоциональность и чувствительность, но и несомненно способствуют формированию этих качеств» (*Тер-Минасова С.Г.* Язык и культурная коммуникация. М., 2000. С. 159.). Подобные пассажи напоминают мистические заклинания.

[120] Русские глаголы *ласкаться, ластиться, льнуть, прижиматься* в некоторых контекстах пересекаются со значениями глаголов *kuscheln, schmusen, knuddeln,* но далеко не всегда: как перевести, например, фразу *Kuscheln ist die perfekte Art, grenzenlose Liebe zu zeigen?* Здесь *kuscheln* стоило бы перевести, скорее всего, лишь существительным *ласка*. А в предложении *Ich habe dich zum Kuscheln gern* перевести *kuscheln* и вовсе затруднительно. Предложение *Frauen schmusen bei Kummer lieber mit ihrer Katze als mit ihrem Partner* можно было бы перевести как *Женщины в горе ищут утешения скорее у кошки, чем у своего партнера.*

[121] Имеется в виду, конечно, язык бытового общения. В специальном языке юриспруденции все насильственные действия, за которые следует наказание, имеют специальные названия. Но в бытовом диалоге вопрос *Hat deine Mutter dir je Gewalt angetan?* или фразу *Die vermisste Katze ist gefunden worden, zwei Orte weiter, schwer misshandelt* перевести затруднительно. *Misshandeln* как *жестоко обращаться* – неточный перевод, поскольку *жестоко обращаться* предполагает не обязательно физическую жестокость, но и моральную, а *misshandeln* – только физическую. В русском переводе в данном конкретном контексте можно добавить словосочетание *со следами* (получится *со следами жестокого обращения*) – благодаря такому компенсационному переводу станет очевидно, что речь идет о физической жестокости. Объяснить, почему женщина ушла от мужа – *Er war gewalttätig* – по-русски тоже не так-то просто: скорее всего, скажут *Он распускал руки,* но это выражение сугубо разговорное, в отличие от немецкого варианта.

[122] *Pflegekind* – это не то же, что *Adoptivkind; Pflegekind* – это ребенок, которого опекают, но которого при этом не усыновляют/не удочеряют.

[123] В последнее время в русском языке все чаще стало употребляться существительное *вызов*, чаще во множественном числе – *вызовы.*

[124] Любопытно, что при этом слово *царский* в его метафорическом значении чаще употребляется в языке в положительно-хвалебном контексте: *с царской роскошью, царский подарок, царские хоромы.*

[125] Английское выражение *смол ток* (или слитно — *смолток*) в современном русском языке также употребляется.

[126] Много примеров такого рода можно найти в книге *Pavlova, Anna*. Paronym-Wörterbuch. Russisch und Deutsch. Berlin, 2011.

[127] См. *Кацнельсон С.Д.* Содержание слова, значение и обозначение. М., 1965. С. 42.

[128] *Берков В.П.* Двуязычная лексикография. 2-е изд. М., 2004. С. 19.

[129] Решение этого вопроса, по всей вероятности, субъективно и предоставлено конкретным лексикографам. Так, для *Erwachsene(-r)* переводы *взрослый, старший* можно представить как синонимы через запятую, а можно – как разные значения под цифрами 1 и 2.

[130] *Бархударов Л.С.* Язык и перевод. М., 1975.

[131] PONS Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Stuttgart, 2006.

[132] *Birkenmaier, Willy.* Vergleichendes Studium des deutschen und russischen Wortschatzes. Tübingen, 1987. S. 46–48.

[133] «Многочленные синонимические ряды представлены прежде всего в тех участках лексической системы, которые связаны с обозначением ненормативных, социально осуждаемых объектов и явлений действительности (см., например, синонимические ряды с опорными членами *дурак, лентяй, бродяга* и т. п.). Сверхсинонимичность в своих истоках экстралингвистична и порождена эмоциональным началом, особой экспрессивностью». (*Черняк В.Д.* Семантические переходы в лексической системе и синонимия // Типология языка и теория грамматики. Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.Д. Кацнельсона. СПб, 2007. С. 213.)

[134] Чуковский в книге «Высокое искусство» сокрушается: «Плохие переводчики страдают своеобразным малокровием мозга, которое делает их текст худосочным. Каково Хемингуэю, или Киплингу, или Томасу Манну, или другому полнокровному автору попасть в обработку к этим анемичным больным! Похоже, что они только о том и заботятся, как бы обескровить гениальные подлинники. У таких переводчиков нищенски убогий словарь: каждое иностранное слово имеет для них одно-единственное значение. Запас синонимов у них скуден до крайности. Лошадь у них всегда только лошадь. Почему не конь, не жеребец, не рысак, не вороной, не скакун? Лодка у них всегда лодка и никогда не бот, не челнок, не ладья, не шаланда. Дворец – всегда дворец. Почему не замок, не палаты, не хоромы, не чертог? Почему многие переводчики всегда пишут о человеке – худой, а не сухопарый, не худощавый, не тщедушный, не щуплый, не тощий? Почему не стужа, а холод? Не лачуга, не хибарка, а хижина? Не каверза, не подвох, а интрига? По-

чему печаль всегда печаль, а не скорбь, не тоска, не кручина, не грусть? Плохие переводчики думают, что девушки бывают только красивые. Между тем они бывают миловидные, хорошенькие, смазливые, пригожие, недурные собой, привлекательные и мало ли еще какие! Множество у этих людей всегда только множество. Почему не прорва, не уйма, не бездна, не тьма? Препятствие – только препятствие, а не помеха, не преграда, не препона» (*Чуковский, К.* Собрание сочинений в 15 т. Т. 3: – Высокое искусство, М., 2001. Глава четвертая.).

[135] Многие из выражений, приводимых в этом разделе, представляют собой одновременно идиомы и могли бы поэтому рассматриваться также в 3.8.

[136] Повтор как средство усиления качества в русском языке необычайно распространен: *только-только, чуть-чуть, вот-вот, так-так*.

[137] Но возможен и обычный повтор: *темный-темный, вялый-вялый, много-много*. Имеются повторы и по непродуктивным моделям: *рад-радешенек*.

[138] Этот раздел смыкается по содержанию с 3.7 («Эвфемизмы»).

[139] Есть и исключения: так, *малосольные (огурцы)* – не *несоленые,* а действительно *мало соленые*.

[140] См. *Ковшова М.Л.* Семантика и прагматика эвфемизмов: Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. М., 2007.

[141] В книге «Немецкая лексикография» В.Д. Девкин пишет: «Несколько большая обязательность соблюдения литературных норм и даже некоторая чопорность немецкого языка, его меньшая степень эмоциональной распоясанности играют заметную роль в конфронтации его лексики с русской» (*Девкин В.Д.* Немецкая лексикография. М., 2005. С. 134.). С этим утверждением никак нельзя согласиться.

[142] Прилагательные *печатный, непечатный* в немецком языке даже не имеют эквивалентов.

[143] В контексте настоящей книги нас не интересует вопрос о происхождении идиом и о том, имеем ли мы дело с исконно русской или исконно немецкой идиомой или с заимствованием. Многие вопросы этимологии идиом освещены в работах В.М. Мокиенко, например, в книге «Образы русской речи» (*Мокиенко В.М.* Образы русской речи. Историко-этимологические очерки фразеологии. М., 2007.). Там же можно найти обширную библиографию по теме.

[144] О морфологическом подходе к идиоматике немецкого языка см., например, *Девкин В.Д.* Немецкая лексикография. М., 2005. С. 34–35.

[145] Идиомы со словом *Herz* часто имеют идиоматические соответствия в русском со словом *душа: ein Stein ist j-m vom Herzen gefallen – у кого-либо камень с души свалился; seinem Herzen Luft machen – изливать душу; j-m sein Herz ausschütten – раскрывать душу; das Herz auf der Zunge tragen – душа нараспашку; zu Herzen gehen – проникать в душу.*

[146] Подробнее об интонационных клише см. *Светозарова Н.Д.* Интонационная фразеология // Аспекты изучения звучащей речи. Сб. к юбилею Е.А. Брызгуновой. М., 2004. С. 175–178.

[147] Большое количество немецко-русских соответствий содержится в книге: *Городникова М.Д., Добровольский Д.О.* Немецко-русский словарь речевого общения. М., 1998.

[148] Немецкий титул *Doktor* соответствует русскому *кандидат наук*. В немецком соответствии русскому *доктор наук* присутствует дополнительное указание *habil.*

[149] Немецко-русский и русско-немецкий словарь ложных друзей Карла Готтлиба (*Gottlieb, Karl H.M.* Wörterbuch der falschen Freunde des Übersetzers. Russisch – Deutsch und Deutsch – Russisch. Moskau, 1958.) наиболее известен, хотя он, к сожалению, устарел и многие примеры из него нельзя назвать надежным источником информации о современном состоянии языка.

[150] См. раздел «Формальное совпадение как ловушка».

[151] На расхождение в семантике между похожими по составу русским и немецким фразеологизмами указывают в книге «Русская фразеология для немцев» ее авторы Х. Вальтер, Т. Малински, В. Мокиенко, Л. Степанова (СПб., 2005. С. 36.).

[152] См. раздел «Ложная подсказка по форме».

[153] НРС, помимо *беспримерный,* предлагает для перевода прилагательного *beispiellos* также вариант *неслыханный,* но последний плохо сочетается с существительными *борьба, битва, схватка* как возможными переводами слова *-schlacht* в данном конкретном примере.

[154] В немецком есть и форма *amoralisch,* но в речи она используется значительно реже.

[155] Об изменении звукового облика слов в процессе заимствования, см., например: *Светозарова Н.Д.* Фонологические системы кон-

тактирующих языков в зеркале заимствований // Проблемы и методы экспериментально-фонетических исследований. К 70-летию Л.В. Бондарко. СПб., 2002. С. 88–96.

156 Под незаимствованным следует понимать слово, которое не воспринимается как заимствование, если исходить из синхронии.

157 Сегодня бывшими ошибками перевода, которые превратились в новые слова русского языка, пестрит российская пресса; проникают они и в разговорный язык: *пубертатный* вместо *переходный, стартовать* вместо *начинаться, саунд* вместо *звуковая запись, инвайронмент* вместо *условия, тренд* вместо *тенденция, протестант* в значении «оппозиционер», *презентовать* в значении «делать презентацию».

158 Предлагаемые здесь переводы – иногда не единственно возможные.

159 В примерах левого столбца мы намеренно не приводим синонимы – соответствия, которые не являются заимствованиями, например, *tolerant* – не только *толерантный,* но и *терпимый, констатировать* – не только *konstatieren,* но и *feststellen.*

160 *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

161 Большая Советская энциклопедия. М., 1955.

162 *Бельчиков Ю.А., Панюшаева М.С.* Словарь паронимов русского языка. М., 2004.

163 *Вишнякова О.В.* Словарь паронимов русского языка. М., 1984.

164 *Pavlova, Anna.* Paronym-Wörterbuch. Russisch und Deutsch. Berlin, 2011.

165 А порой даже носителя родного языка. Например, в интернете не так давно обнаружилось рекламное объявление, которое открывается следующей фразой: *Этот праздник, такой вымученный и долгожданный, подарили нам когда-то наши бабушки и дедушки* (Речь идет о празднике 9 Мая; пример заимствован из очерка Л. Рубинштейна «Триумф ква-ква», опубликованного в интернет-газете Grani.ru 13-го мая 2010 г. Электронный адрес очерка: http://grani.ru/Culture/essay/rubinstein/m.177960.html). Автор рекламы явно перепутал прилагательные *вымученный* и *выстраданный;* причина ошибки заключается во внутренней форме слова *(мука* – синоним *страдания),* которая является в данном случае ловушкой, т. к. *вымученный* означает не «достигнутый как вознаграждение за муки и страдания», а «произведенный в результате мучительного усилия, при этом плохого качества или неубедительный».

[166] В книге В.Д. Девкина «Немецкая лексикография» приводится удачный пример с глаголами *тыкать* и *выкать:* их представляющиеся неоспоримыми эквиваленты *duzen, siezen* не имеют тех стилистических коннотаций, что есть в русском, а именно сугубо разговорной и пренебрежительной окраски. *Wir duzen uns* следует переводить как *Мы с ним на ты,* а не как *Мы друг друга тыкаем.* Однако это верно лишь отчасти; в конечном итоге все решает контекст. Так, в вопросе *Seit wann duzen Sie mich?* столько негодования, что перевод *С каких пор Вы мне тыкаете?* вполне допустим. Кроме того, при переводе с русского на немецкий и вовсе нет вариантов: фразы *Он мне почему-то начал тыкать* и *Он решил перейти со мной на ты* придется перевести в обоих случаях при помощи глагола *duzen* (*Девкин В.Д.* Немецкая лексикография. М., 2005. С. 128.).

[167] Такие произведения, как, например, басни Крылова, «Горе от ума», «Евгений Онегин», «Двенадцать стульев», «Золотой теленок», «Мастер и Маргарита», «Похождения бравого солдата Швейка», «Алиса в стране чудес» оказались неиссякаемыми источниками крылатых слов и выражений, а произведения Грибоедова, Гоголя, Чехова, Салтыкова-Щедрина снабдили язык большим числом имен собственных, ставших нарицательными. Диалоги из фильма «Бриллиантовая рука» почти целиком перешли в цитаты, ставшие элементами русского лексикона.

[168] Счет по семестрам или по курсам связан с разными системами организации обучения. В Германии можно начать учебу в университете с летнего семестра, что в России невозможно.

[169] Строго говоря, слово *рука* переводится на немецкий не только как *Hand, Arm,* но и как *Oberarm, Unterarm,* ср. также: *Sie packte den Ertrinkenden an den Oberarmen. – Она схватила утопающего за руки; Sie ließ ihre Hand auf seinem Unterarm ruhen. – Ее ладонь легла на его руку.*

[170] См. раздел, посвященный эллипсисам.

[171] В настоящее время в немецком языке встречается особенно много англицизмов. Процесс заимствования доходит даже до создания собственных псевдоанглицизмов (например, *Handy*).

[172] Этимология фразеологического выражения *Schwein haben* считается невыясненной, существует несколько различных версий его происхождения.

[173] Приведем только один пример: глагол *plätschern* характеризует шум воды и может переводиться как *журчать, струиться, звенеть, шуметь, плескаться.* Однако применительно к дождю

этот глагол приходится переводить более сложным способом: *Der Regen plätschert. – Слышно, как шумит дождь; Слышен шум дождя;* перевод фразы *Dünner Regen plätschert auf den Zürichsee („Der Spiegel"),* несмотря на ее кажущуюся простоту, требует некоторого усилия по поиску подходящей, то есть удовлетворяющей норме русского языка формулировки: **Мелкий дождь с шумом падает на Цюрихское озеро* или **Слышен шум мелкого дождя ...* сказать нельзя. Можно, вероятно, предложить перевод *Над Цюрихским озером моросит дождик* – он теряет «шумовой» образ, но выигрывает в грамотности. О волнах *(Wellen plätschern ans Ufer)* в связи с тем же глаголом можно сказать *с шумом набегают на берег, с шумом накатываются на берег,* то есть и здесь приходится как-то выходить из положения, пользуясь для перевода не одним глаголом, а группой «глагол в сочетании с существительным». Но фразу *Der See liegt ganz ruhig, nicht eine Welle plätschert ans Ufer* не удается перевести и таким способом. Нельзя сказать **Ни одна волна не набегает с шумом на берег.* Вероятно, по-русски стоило бы сказать *Поверхность озера совершенно спокойна, волны не плещутся о его берега.* Это пример различных способов перевода в зависимости от наличия или отсутствия отрицания.

[174] Теоретически можно перевести это выражение как *Береги себя,* но, прощаясь, так обычно не говорят, разве что если прощаются надолго и одному из собеседников предстоит далекий, трудный путь.

[175] *Männchen* означает еще *самец (в животном мире),* но данное значение в настоящем контексте не рассматривается.

[176] Согласно одной из версий происхождения этого слова; по другой оно происходит от блатного выражения *гоп-стоп,* что означает «уличное нападение».

[177] В отличие от сокращений, составленных из усеченных слов, на буквенные сокращения, коих и в русском языке множество, фонетических ограничений нет (ГТО, ВТО, ГАИ и т. д.).

[178] Шутливо-разговорные обозначения населения *Ossi, Wessi* быстро возникли и так же быстро ушли в прошлое. По мере стирания различий между Западной и Восточной Германией эти слова становятся архаизмами.

[179] Некоторые сокращения настолько прочно вошли не только в устный, но и в письменный язык, что соответствующие полные формы считаются уже ненормативными: никто не говорит сегодня *медицинская сестра, метрополитен* или *половина килограмма.* Выражение *заработная плата* можно встретить глав-

ным образом в бухгалтерских документах. Большинство перечисленных сокращений используются только в разговорной речи, где они стилистически нейтральны. Слово *чэпэ* вполне может быть использовано в официальной обстановке. В отличие от русского сокращения *универ,* принадлежащего к студенческому жаргону, немецкая аббревиатура *Uni* нейтрально-разговорна и широко употребляется в речи всеми слоями населения.

[180] Много примеров на расхождение в формах грамматического числа между немецким и русским языками приводятся в книге: *Birkenmaier, Willy*. Vergleichendes Studium des deutschen und russischen Wortschatzes. Tübingen, 1987. S. 24–40.

[181] Перевод А. Элиасберга.

[182] Синонимия выражений *старейший* и *самый старый* вообще сомнительна: о человеке могут сказать *это старейший член нашего клуба* и *это самый старый член нашего клуба* – и в первом случае имеется в виду срок принадлежности человека к клубу, а во втором, скорее всего, – его возраст. В немецком словосочетание *das älteste Mitglied unseres Klubs* не позволяет различить две означенные ситуации.

[183] *Фирсова Е.В.* Национально-культурная специфика речевого поведения русских и немецких авторов: синтактико-прагматический аспект. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2003.

[184] Подробнее о переводах немецких модальных глаголов на русский язык см. *Weidner, Anneliese*. Die russischen Übersetzungsäquivalente der deutschen Modalverben. München, 1986.

[185] В аэропорту Франкфурта при регистрации билетов на самолет российской авиалинии диктор с хорошим русским произношением сделал объявление о начале регистрации билетов, и добавил: *Мы благодарим вас за ваше внимание.* Это был дословный перевод немецкого предложения *Wir danken Ihnen für Ihre Aufmerksamkeit.* Естественная русская фраза в соответствующем контексте не содержит местоимений: *Благодарим за внимание.*

[186] Притяжательные местоимения третьего лица в подобных значениях не употребляются: нельзя сказать ни **Его уже вернулись,* ни **Ее уже вернулись,* ни **Их уже вернулись.* Второе лицо возможно: *Твои уже вернулись; Ваши уже вернулись; Что от Ваших слышно?*

[187] Примечательно, что перевод немецкого разговорного обращения *Mensch! Du, Mensch!* – на русский язык слово *человек* не включает. Русские скажут, в зависимости от *ситуации: Слушай! Да что ты! Ну вот что, приятель; Ну вот что, братец; Вот что, голубчик*.

[188] Здесь уместна оговорка: русский язык допускает в разговорно-сниженном стиле такие местоимения, как *этот, тот*, отчасти выполняющие аналогичную функцию: *Спроси Семена, уж этот-то все знает*. Однако перевод немецких указательных местоимений в роли заменителей личных на русский языка с помощью *этот, тот* возможен далеко не всегда.

[189] Возникновение субстантивированных прилагательных типа *парная, прихожая, снотворное,* вероятно, тоже объясняется изначальным эллиптическим опущением второго элемента словосочетания.

[190] *Рецкер Я.И.* Перевод и переводческая практика. М., 1974; *Бархударов Л.С.* Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М., 1975.

[191] См. *Алексеева И.С.* Введение в переводоведение. М., СПб., 2004. С. 167.

[192] Страдательный залог как признак официальной и научной речи является предметом изучения многих лингвистов. Приведем лишь две цитаты: «С помощью “двучленного” пассива достигаются необходимые для текста научной статьи строгость, логичность, объективность, доказательность» (*Кусков В.В.* О средствах выражения научной гипотезы в немецком языке и их переводе на русский язык // Особенности стиля научного изложения. М., 1976. С. 261.). «Пассивные конструкции уместны тогда, когда фактический производитель действия ясен из контекста и нет необходимости его повторять; когда требуется направить все внимание принимающего информацию на само действие, а не на его производителя; когда фактический производитель действия неизвестен или мыслится неопределенно (или он намеренно не указывается, или его не принято указывать); когда описывается действие, не зависящее от воли производителя, или событие с точки зрения потерпевшего. Но все эти случаи употребления объединяются тем, что действие описывается без указания его производителя» (*Митрофанова О.Д.* Язык научно-технической литературы. М., 1973. С. 127.).

[193] См., например, *Кусков В.В.* О средствах выражения научной гипотезы в немецком языке и их переводе на русский язык //

Особенности стиля научного изложения. М., 1976. С. 261; *Кабанова О.Я.* Обучение студентов немецкому языку на основе теории поэтапного формирования умственных действий. К проблеме управления обучением и воспитанием. М., 1970; *Пахомова Е.А.* Функционально-семантический анализ способов передачи немецкой пассивной конструкции на русский язык // Сопоставительный функционально-семантический анализ языковых единиц: межвуз. сб. науч. тр. Куйбышев, 1987. С. 82–87.

[194] В практических грамматиках немецкого языка обычно не упоминаются переходные глаголы, от которых нельзя образовать пассив: учащихся стараются не обременять дополнительными сведениями, поскольку им и так приходится нелегко. Пассив нельзя образовать от очень немногих переходных глаголов: **wird gehabt, *wird gewusst, *wird gekannt, *wird bekommen* (ср.: *wird erhalten* – корректно), **wird betroffen* (в значении «касаться»), **wird bedeutet* (в значении «означать»), **wird gekostet, *wird gewollt, *wird besessen*. Подробнее о таких глаголах-исключениях см. *Behagel, Otto.* Deutsche Syntax. Bd. II. Die Wortklassen und Wortformen. Heidelberg, 1924. S. 213. Речь идет, разумеется, только о «подлинном» пассиве, то есть таком, где прямой объект действия является грамматическим субъектом предложения.

[195] Возвратный глагол *сделаться* входит в состав русского лексикона, но он не является переводом пассивного инфинитива *gemacht werden*. Этот русский глагол не принадлежит к страдательному залогу, а означает то же, что *превратиться, стать* или, в другом значении, *случаться, происходить: Что с ним сделалось? – Was ist aus ihm geworden? Что ему сделается? – Ihm wird schon nichts passieren*. Аналогичная картина наблюдается и для множества других русских переходных глаголов на *-ся,* не имеющих в силу развития их лексического значения никакого отношения к пассиву.

[196] В подобных словосочетаниях имеет место ограничение на выбор числительного: нельзя сказать *человек один* (так же как и нельзя *примерно один человек*) и лишь с натяжкой можно сказать *человека два, тарелки две*. Обычно в таких случаях говорят *один-два человека* (без инверсии) и *человека два-три* (уже с инверсией). Начиная с трех неопределенность, выраженная постпозицией числительного, воспринимается как нормативная.

[197] См. об этом более подробно в книге *Birkenmaier, Willy*. Artikelfunktionen in einer artikellosen Sprache. München, 1979.

[198] Слова, стоящие под наиболее сильным фразовым ударением, на протяжении дальнейшего текста отмечены подчеркиванием.

[199] В книге «Советы переводчику» К.Г. Крушельницкой и М.Н. Попова подробно разбирается тематика порядка слов при переводе. Авторы справедливо указывают на такой существенный для принятия решения о порядке слов аспект, как экспрессия: в устной эмоционально окрашенной речи можно поместить рему в начало предложения *(Большое несчастье постигло моего друга),* в отличие от письменного, спокойно-повествовательного варианта *(Моего друга постигло большое несчастье)* (*Крушельницкая К.Г., Попов М.Н.* Советы переводчику. М., 2006. С. 30.). Вообще это одна из немногих работ по переводоведению и практическому переводу, которая содержит большой раздел, посвященный интонации.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Вместо традиционного заключения приведем два текста, каждый из которых снабжен соответственно двумя переводами. Тексты подобраны так, чтобы показать как современный слой языка, склоняющийся скорее к разговорному стилю (Ю. Трифонов), так и слегка архаичный и «высокий» стиль повествования (Э.Т.А. Гофман). Оба перевода грамматически и лексически корректны. Но в первом из них, выполненном непрофессионалом, используются способы перевода, «лежащие на поверхности», традиционные. Во втором профессиональный переводчик обращается к менее принятым, менее распространенным способам передачи смыслов – идиоматике, устойчивым словосочетаниям, разговорной лексике. Перевод профессионала показывает работу над текстом, шлифовку, отделку. Если перевод непрофессионала совпадает с переводом профессионала, мы оставляем только один вариант. Варианты перевода отделены знаком /.

Ю. Трифонов «Голубиная гибель»*

В субботу вечером Сергей Иванович посадил голубей в корзинку, накрыл тряпкой и поехал на Ленинградский вокзал. *Samstag Abend steckte Sergej Iwanowitsch die Tauben in einen Korb, deckte sie mit einem Tuch und fuhr zum Leningrader Bahnhof.*

---

* *Trifonow, Ju.* Das Ende der Tauben. Übersetzung von Margret Fieseler. In: Свет в окне. Licht im Fenster. Moderne russische Erzählungen. München, 2004. S. 48–83.

Он решил отвезти голубей своей сестре, которая жила за Клином, в ста пяти километрах от Москвы. *Er beschloss, die Tauben zu seiner Schwester zu bringen, die hinter Klin lebte, hundertfünf Kilometer von Moskau entfernt.*

Клавдия Никифоровна очень тревожилась за своего старика, особенно огорчилась тем, что не заставила Сергея Ивановича надеть вязаную телогрею и взять зонтик. *Klawdia Nikiforowna machte sich um ihren Alten große Sorgen, besonders weil sie Sergej Iwanowitsch nicht dazu überredet hat, seine Strickweste anzuziehen und einen Schirm mitzunehmen. / Klawdia Nikiforowna war sehr in Sorge um ihren Alten, besonders bekümmert war sie darüber, dass sie Sergej Iwanowitsch nicht dazu hatte bringen können, seine Strickweste anzuziehen und einen Schirm mitzunehmen.*

Последнюю неделю зачастили грозовые дожди, в воскресенье тоже была гроза. *In der letzten Woche hat es häufig Gewitter gegeben, auch am Sonntag war eins. / In der letzten Woche waren etliche gewittrige Schauer niedergekommen, auch am Sonntag hat es ein Gewitter gegeben.*

Клавдия Никифоровна проклинала голубей, соседей, Брыкина, ей мерещились всякие напасти. *Klawdia Nikiforowna verfluchte die Tauben, die Nachbarn, Brykin, vor ihrem geistigen Auge sah sie die verschiedensten Gefahren. / Klawdia Nikiforowna verfluchte die Tauben, die Nachbarn, Brykin und malte sich die schlimmsten Schicksalsschläge aus.*

Сергей Иванович вернулся за полночь – продрогший, измученный, но довольный и с букетом сирени. *Sergej Iwanowitsch kam nach Mitternacht zurück; er war durchgefroren, erschöpft, jedoch zufrieden und mit einem Fliederstrauß.*

Он рассказал, что голуби устроены прекрасно, лучшего и желать нельзя. *Er berichtete, dass die Tauben bestens untergebracht sind, man kann sich nichts Besseres wünschen. / Er erzählte, die Tauben seien wunderbar untergebracht, besser könnte es gar nicht sein.*

Обе племянницы, девочки, счастливы до невозможности. *Beide Nichten, junge Mädchen, waren glücklich bis zum geht nicht mehr. / Die beiden kleinen Nichten seien überglücklich.*

Голубям отвели квартиру на чердаке, со всеми удобствами, с окном в сад – не то что ржавый отлив, где даже сесть некуда. *Die Tauben hätten eine Wohnung im Dachboden bekommen, mit allem Nötigen, mit einem Fenster zum Garten – sie stand in keinem Vergleich zum rostigen Fenstersims, wo sie nicht einmal Platz zum Sitzen hatten. / Die Tauben hätten eine Wohnung in dem Dachboden bekommen, mit allem Komfort und Blick in den Garten – kein Vergleich zu dem rostigen Ablauf, auf dem sie nicht einmal sitzen konnten.*

А там-то помещение богатое, простор, воздух, сирень цветет, воркуй на здоровье хоть сто лет. *Und da ist viel Raum, frische Luft, Flieder blüht, man kann gurren soviel man will. / Dort dagegen war reichlich Platz, Licht und Luft, blühender Flieder – da konnten sie noch hundert Jahre nach Herzenslust gurren.*

– Так что попали наши птахи как в дом родной, – закончил свой рассказ Сергей Иванович, усмехнулся устало. – Теперь уж не воротятся... *„Also sind unsere Vögel wie bei sich im eigenen Heim“, beendete Sergej Iwanowitsch seine Erzählung und lächelte müde. „Jetzt kommen sie nicht mehr zurück ...“ / „Also, da sitzen unsere Vögelchen wie in Abrahams Schoß“, beendete Sergej Iwanowitsch seine Erzählung und lächelte müde. „Jetzt kommen sie nicht mehr wieder ...“*

Воротились голуби во вторник. *Die Tauben kamen zurück am Dienstag. / Sie kamen am folgenden Dienstag wieder.*

Клавдия Никифоровна плакала, встречая мужа в дверях. *Klawdia Nikiforowna weinte, als sie ihren Mann in der Tür empfing. / Klawdia Nikiforowna weinte, als sie ihrem Mann die Tür öffnete.*

Она сказала, что голуби прилетели днем, незадолго перед обедом, и мальчишка уже стрелял в них из рогатки. *Sie berichtete, dass die Tauben am Vormittag zurückkamen und dass der Junge auf sie schon wieder mit seiner Schleuder schoss.*

Сергей Иванович на цыпочках, боком, подходил к окну, охваченный странным чувством, смесью восторга и испуга. *Sergej Iwanowitsch näherte sich dem Fenster auf Zehenspitzen, leise und vorsichtig, von einem seltsamen Gefühl ergriffen, einer Mischung aus Freude und Angst. / Sergej Iwanowitsch schlich auf Zehenspitzen, von der Seite, ans Fenster, durchdrungen von einem seltsamen Gefühl – einer Mischung aus Frohlocken und Erschrecken.*

Голуби висели в своей излюбленной позе, опрокинутые навзничь, зацепившись за ржавый отлив. *Die Tauben hingen herunter in ihrer Lieblingshaltung, sich ans rostige Fenstersims klammernd. / Die Tauben hingen in ihrer Lieblingsstellung, kopfüber nach unten, und krallten sich an dem rostigen Blech fest.*

Их крохотные бисерные глаза метали на Сергея Ивановича любовные взгляды. *Ihre kleinen Glasperlenaugen blickten auf Sergej Iwanowitsch mit Liebe. / Aus ihren winzigen Perlenäuglein warfen sie Sergej Iwanowitsch liebevolle Blicke zu.*

В третий свой приход Брыкин принес повестку в товарищеский суд: на субботу, на семнадцать часов, в помещении красного уголка. *Bei seinem dritten Besuch brachte Brykin eine Vorladung zum Gericht der Nachbarn, für den Samstag, um siebzehn Uhr, im Gemeinschaftsraum. / Bei seinem dritten Besuch brachte Brykin die Ladung zum Genossenschaftsgericht mit: Samstag, siebzehn Uhr, im Klubraum.*

E. T. A. Hoffmann „Klein Zaches, genannt Zinnober“*

Unfern eines anmutigen Dorfes, hart am Wege, lag auf dem von der Sonnenglut erhitzten Boden hingestreckt ein armes zerlumptes Bauernweib. *Неподалеку от славной деревушки, на раскаленной солнцем земле, у самой дороги, лежала нищая, оборванная крестьянка. / Неподалеку от приветливой деревушки, у самой дороги, на раскаленной солнечным зноем земле, лежала бедная, оборванная крестьянка.*

Vom Hunger gequält, vor Durst lechzend, ganz verschmachtet, war die Unglückliche unter der Last des im Korbe hoch aufgetürmten dürren Holzes, das sie im Walde unter den Bäumen und Sträuchern mühsam aufgelesen, niedergesunken, und da sie kaum zu atmen vermochte, glaubte sie nicht anders, als daß sie nun wohl sterben, so sich aber ihr trostloses Elend auf einmal enden werde. *Изголодавшуюся, изнемогающую от жажды, совершенно обессиленную, ее сломила тяжкая ноша короба с хворостом, собранным ею с великим трудом в лесу под кустами и деревьями. Едва переводя дух, она решила, что умирает и смерть избавит ее от бесконечных бедствий. / Мучимая голодом, томимая жаждой, совсем изнемогшая, несчастная упала под тяжестью корзины, набитой доверху хворостом, который она с трудом насобирала в лесу, и так как она едва могла перевести дух, то и вздумалось ей, что пришла смерть и настал конец ее неутешному горю.*

Doch gewann sie bald so viel Kraft, die Stricke, womit sie den Holzkorb auf ihrem Rücken befestigt, loszunesteln und sich langsam heraufzuschieben auf einen Grasfleck, der gerade in der Nähe stand. *Все же вскоре ей удалось распутать бечевку, крепившую короб с хворостом к ее спине, и медленно отползти на лужайку. / Все же вскоре она собралась с силами, распустила веревки, которыми была привязана к ее спине корзина, и медленно перетащилась на случившуюся вблизи лужайку.*

---

* Перевод А. Морозова. В кн.: *Hoffmann, E.T.A.* Klein Zaches genannt Zinnober. На немецком и русском языке. М., 2002.

Da brach sie nun aus in laute Klagen: *И тут она разразилась громкими рыданиями: / Тут принялась она громко сетовать:*

„Muß," jammerte sie, „muß mich und meinen armen Mann allein denn alle Not und alles Elend treffen? *– Ну почему, – стенала она, – почему нужда и нищета выбрали себе в жертвы именно меня и моего бедного муженька? / – Неужто, – жаловалась она, – неужто только я да бедняга муж мой должны сносить все беды и напасти?*

Sind wir denn nicht im ganzen Dorfe die einzigen, die aller Arbeit, alles sauer vergossenen Schweißes ungeachtet in steter Armut bleiben und kaum so viel erwerben, um unsern Hunger zu stillen? *Уж не мы ли единственные во всей деревне, кто, работая в поте лица, пропадает в такой бедности, что едва может утолить голод? / Разве не одни мы во всей деревне живем в непрестанной нищете, хотя и трудимся до седьмого пота, а добываем едва-едва, чтобы утолить голод?*

– Vor drei Jahren, als mein Mann beim Umgraben unseres Gartens die Goldstücke in der Erde fand, ja, da glaubten wir, das Glück sei endlich eingekehrt bei uns und nun kämen die guten Tage; aber was geschah! *Когда три года назад мой муж, вскапывая землю в саду, нашел золотые монеты, да, тогда мы поверили в удачу, поверили, что пришли и для нас добрые времена – да как бы не так! / Года три назад, когда муж, перекапывая сад, нашел в земле золотые монеты, мы и впрямь возомнили, что наконец-то счастье завернуло к нам и пойдут беспечные дни. А что вышло?*

– Diebe stahlen das Geld, Haus und Scheune brannten uns über dem Kopfe weg, das Getreide auf dem Acker zerschlug der Hagel, und um das Maß unseres Herzeleids vollzumachen bis über den Rand, strafte uns der Himmel noch mit diesem kleinen Wechselbalg, den ich zu Schand' und Spott des ganzen Dorfs gebar. *Деньги украли воры, дом и сеновал сгорели на наших глазах, всходы побило градом и, чтобы переполнить наши сердца горем, небо послало нам ублюдка,*

которого я родила на стыд и срам всей деревне. / Деньги украли воры, дом и овин сгорели дотла, хлеба в поле градом побило и, – дабы мера нашего горя была исполнена – бог наказал нас этим маленьким оборотнем, что родила я на стыд и посмешище всей деревне.

– Zu St.-Laurenztag ist nun der Junge drittehalb Jahre gewesen und kann auf seinen Spinnenbeinchen nicht stehen, nicht gehen und knurrt und miaut, statt zu reden, wie eine Katze. *На Святого Лаврентия мальчишке исполнилось два с половиной годика, а он все не встанет на свои паучьи ножки, не ходит, все урчит да мяучит, как кошка, не говорит. / Ко дню святого Лаврентия малому минуло два с половиной года, а он все еще не владеет своими паучьими ножонками и, вместо того чтобы говорить, только мурлыкает и мяучит, словно кошка.*

Und dabei frißt die unselige Mißgeburt wie der stärkste Knabe von wenigstens acht Jahren, ohne daß es ihm im mindesten was anschlägt. *Зато жрет этот убогий уродец, как хороший восьмилетний крепыш, только что не в коня корм. / А жрет окаянный уродец, словно восьмилетний здоровяк, да только все это ему впрок нейдет.*

Gott erbarme sich über ihn und über uns, daß wir den Jungen großfüttern müssen uns selbst zur Qual und größerer Not; denn essen und trinken immer mehr und mehr wird der kleine Däumling wohl, aber arbeiten sein Lebetage nicht! *Помилуй нас, Господи, уж каково растить этого карлика при нашей нужде и нищете, есть-то он будет с аппетитом, да только работать не станет до скончания лет. / Боже, смилостивись ты над ним и над нами! Неужто принуждены мы кормить и растить мальчонку себе на муку и на нужду еще горшую; день ото дня малыш будет есть и пить все больше, а работать вовсе не станет.*

Nein, nein, das ist mehr als ein Mensch aushalten kann auf dieser Erde! *Нет, нет, нестерпимо такое для живого человека! / Нет, нет, снести это не в силах ни один человек!*

– Ach könnt’ ich nur sterben – nur sterben! *Ох, уж лучше бы мне умереть! / Ах, когда б мне только умереть!*

Und damit fing die Arme an zu weinen und zu schluchzen, bis sie endlich, vom Schmerz übermannt, ganz entkräftet einschlief. *Бедняжка голосила и всхлипывала до тех пор, пока, сломленная горем, не заснула, совершенно обессилев. / И тут несчастная принялась плакать и стенать до тех пор, пока горе не одолело ее совсем и она, обессилев, заснула.*

СПИСОК СЛОВ И СЛОВОСОЧЕТАНИЙ, ИЛЛЮСТРИРУЮЩИХ ОТДЕЛЬНЫЕ ТИПЫ ТРУДНОСТЕЙ ПЕРЕВОДА

(цифры указывают на соответствующий раздел книги)

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СЛОВАРИ

Александрова Т.С., Кузавлев В.Е. Школьный немецко-русский страноведческий словарь. М., 2001.

Алексеева М.Л. Русские реалии в разновременных немецких переводах романов Ф.М. Достоевского. Словарь-справочник. Екатеринбург, 2007.

Архангельская К.В. Трудности немецкого языка. Немецко-русский учебный словарь. М., 2001.

Бельчиков Ю.А., Панюшаева М.С. Словарь паронимов русского языка. М., 2004.

Вишнякова О.В. Словарь паронимов русского языка. М., 1984.

Городникова М.Д., Добровольский Д.О. Немецко-русский словарь речевого общения. М., 1998.

Гусейнов Г.Ч. Д. С. П. Материалы к русскому словарю общественно-политического языка XX века. М., 2003.

Добровольский Д.О. Немецко-русский словарь живых идиом. М., 1997.

Красных В.И. Толковый словарь паронимов русского языка. М., 2009.

Немецко-русский словарь. Под ред. А.А. Лепинга, Н.П. Страховой. 5-е изд. М., 1968.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

Павловский И.Я. Русско-немецкий словарь (в двух томах). М., 2006.

Портянников В.А. Немецко-русский и русско-немецкий словарь христианской лексики. Н. Новгород, 2001.

Фадеев С.В. Тематический словарь сокращений современного русского языка. М., 1998.

Цвиллинг М.Я. Русско-немецкий словарь. М., 1997.

Большой академический толковый словарь русского языка. Т. 1 – 14. СПб, 2004 – 2011.

Большой немецко-русский словарь в трех томах. Под ред. О.И. Москальской. 9-е изд. М., 2004.

Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти томах. М., Л., 1948 – 1965 гг.

Eitz, Thorsten, Stötzel, Georg. Wörterbuch der Vergangenheitsbewältigung. Hildesheim, 2007.

Gottlieb, Karl Heinrich. Sprachfallen im Russischen. Wörterbuch der „falschen Freunde". Russisch-Deutsch, Deutsch-Russisch. München, 1985.

Graf, Adolf E. Russische und deutsche idiomatische Redewendungen. Leipzig, 1966.

Griesbach, Heinz, Schulz, Dora. 1000 deutsche Redensarten. Mit Erklärungen und Anwendungsbeispielen. Berlin, 1981.

Pavlova, Anna. Paronym-Wörterbuch. Russisch und Deutsch. Berlin, 2011.

Petermann, Jürgen, Hansen-Kokorus, Renate, Bill, Tamara. Russisch-deutsches phraseologisches Wörterbuch. 5. Aufl. Leipzig, Berlin, München, Wien, Zürich, New York, 1999.

Wahrig-Burfeind, Renate. Wahrig Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Berlin, 2008.

Duden. Wörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Mannheim, 2003.

Idiomatische Redewendungen von A bis Z. Ein Übungsbuch für Anfänger und Fortgeschrittene. Berlin, 1993.

PONS Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Stuttgart 2006.

Wahrig Deutsches Wörterbuch. Gütersloh, München, 1991.

СОДЕРЖАНИЕ

Справочное издание

Павлова Анна Владимировна
Светозарова Наталия Дмитриевна

Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода

Художественный редактор *А. А. Неклюдова*
Технический редактор *А. Б. Ткаченко*
Корректор *Н. А. Фонтанье*
Компьютерная верстка *Д. В. Лемеш*

Подписано в печать 20.02.2012.
Формат 84x108/32.
Гарнитура NewtonC.
Печать офсетная. Объем 15 п.л.
Тираж 1000 экз. Заказ .

Издательство «Антология»
199053, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 4
тел.: (812) 328-14-41
www.anthologybooks.ru

Отпечатано по технологии CtP
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
обособленное подразделение «Печатный двор»
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15